

НОВЫЙ

фантастический роман
из цикла **ТЕАТР ТЕНЕЙ**

Кир Булычев

СТАРЫЙ ГОД

Кир Булычев

Кир Булычев

СТАРЫЙ ГОД

Второй роман
фантастического цикла
ТЕАТР ТЕНЕЙ

 МОСКВА, 1998
АРМАДА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-445я5
Б 90

Художник
И. Е. Воронин

ISBN 5-7632-0782-3

© Булычев Кир, 1998
© Художественное оформление,
АРМАДА, 1998

Часть первая

ЕГОР ЧЕХОНИН

Почти закон: под Новый год в Москве оттепель.

Две недели природа засыпает город снегом, машет простынями метелей, украшает окна и витрины белыми узорами — и вот за несколько часов все это великолепие размокает.

С неба сыплется мокрая крупа, сугробы съеживаются и темнеют, из подворотен выползают лужи, насморк и кашель набрасываются на жителей столицы — но новогоднему настроению эти неприятности почти не мешают. Ведь люди — мастера обманывать себя надеждами и уверены, что наступивший год в два счета покончит с бедами, болезнями и разочарованиями. Утром проснулся, и все уже улажено. Даже умирать в Новом году никто не собирается.

Способность человека к самообману просто фантастическая. Казалось бы, за миллион лет эволюции пора повзрослеть, набраться печального опыта и понять — каждый последующий год хуже предыдущего. И самое лучшее, если бы можно было остаться в прошлом году и никуда не спешить...

Примерно так размышлял Егор Чехонин, поджидая автобус в Ясеневе и наблюдая, как скользит, торопится к остановке толстячок в дубленке, волоча сетку, полную апельсинов, а под мышкой у него бумажный пакет, из которого торчит хвост горбуши.

Рассуждения о человеческой наивности не были данью минутному капризу. Если кто в Москве и имел право осуждать предновогоднюю суету, этим человеком был Егор Чехонин, шестнадцати лет, ученик девятого класса.

Подошел автобус. Он казался набитым, потому что женщины предпочитали стоять в проходе, оберегая праздничные платья. Некоторые мужчины стояли за компанию, а сиденья оставались свободными. Толстячок уселся перед Егором, сетку водрузил на мокрые колени, а горбушу держал на весу — хвост к потолку.

В автобусе пахло духами. Озабоченно смеялись женщины. Кто-то ахнул: «Неужели забыли?» Что они еще забыли?

Егор глядел в мокрую тьму за окном и заново переживал разговор с Жорой, причем теперь-то находил нужные, ядовитые слова и неотразимые аргументы. Но что за радость махать шашкой вслед ускользавшему врагу?

...Целый час Егор прождал Жору на площадке шестого этажа.

Уже давно стемнело, в подъезде хлопали двери, отовсюду к Егору сползались вкусные запахи. А ведь Егор с утра ничего не ел. Полдня добывал адрес этого Жоры, потом разыскивал его дом среди одинаковых корпусов и мысленно репетировал будущий разговор. Он думал, что скажет Жоре и что ответит ему Жора, как Жора будет лгать и изворачиваться и как он прижмет Жору в угол и тот, отчаянно сопротивляясь, будет вынужден отдать магнитофон.

Жоры все не было, и жуткий терзающий голод постепенно овладевал Егором, лишая его способности трезво думать. Может быть, именно голод отнял у его аргументов

силу и убедительность. Потому что когда Жора наконец явился — выплыл из лифта, распахнул кожаное, чуть ли не до земли черное пальто, достал из карманов джинсов ключ, увидел вскочившего с подоконника Егора, сразу узнал, помахал игриво могучей лапой, пригласил заходить, спросил нежливо, давно ли Егор ждет его... И тут Егор начисто забыл, как намеревался говорить с Жорой.

Они стояли посреди большой, почти пустой комнаты — в углу тахта, рок-звезды из журналов, прикрепленные к обоям, проигрыватель с разнесенными по углам колонками, куча кассет на журнальном столике и рядом пустая бутылка из-под джина «Бифитер». Они стояли посреди комнаты, и Жора скучал, потому что заранее знал, чем закончится их беседа, а Егор никак не мог пробиться сквозь это одеяло скуки и тоже догадывался, что разговор кончится его поражением.

— Но ты же брал! Брал же? — Егор запомнил лишь свои слова, а ответы Жоры начисто вылетели из головы. — Ведь ты обещал отдать? Забыл, что ли? Так я напомним. Я тебе отдал в починку отцовский магнитофон, «Грюндиг» двухкассетник, стерео, Смирнитский из десятого «А» мне твой телефон дал. Ты обещал за три дня сделать, позавчера вернуть. Я тебе две кассеты «Сони» за это отдал. Отдал ведь?

Жоре было скучно. Ведь он никогда не видел магнитофона, не знает Егора, и вообще ему пора уходить, а может быть, наоборот, к нему вот-вот должны приехать гости. Он не скрывал сочувствия к Егору, он говорил высоким голосом — такой голос не соответствовал массивному телу тяжелоатлета.

— Ты бы расписку взял, — говорил Жора. — Какой-нибудь документ у нотариуса. Знаешь ведь, какие у нас дикие времена наступили! Разве можно так легкомысленно чужим людям доверять? Да ты у нас Дон Кихот какой-то.

Слова про Дон Кихота Егор запомнил. Они показались особенно обидными. Он рванулся было к Жоре, чтобы

убить его, но тот даже не стал отступать. Сказал, глядя на Егора маленькими, мышиными глазками:

— Не рискуй, парень. Мы же с тобой в разных весовых категориях. Меня меньше чем гранатометом не достанешь. Да стой же, тебе говорят!

Он перехватил руку Егора в движении, завернул ему за спину, заставил его сгорбиться в глубоком поклоне.

— Тебя же предупреждали. Ты что, хочешь Новый год с дулей под глазом встречать? Можем тебе обеспечить.

Егор сдался, обещал больше не рыпаться.

Но не ушел. Разговор как-то продолжался. Почему-то Жора пошел на кухню, поставил чайник, открыл холодильник, начал вслух считать в нем бутылки. Егор пошел за ним следом, остановился в дверях кухни и просил, хотя ему было стыдно просить. Жора все сделал не так, как можно было ожидать. Он не шумел, не бил себя в грудь, не выталкивал Егора из квартиры. Он терпел его и скучал.

— У тебя совесть есть?

— Жалкие остатки, — искренне ответил Жора. — В ближайшее время собираюсь избавиться.

Он был на голову выше Егора. Ах, как жаль, что у Егора нет пистолета! Он готов всадить в этого гиганта с писклявым голоском всю обойму — а потом пускай сажают в тюрьму! А может, просто вытащить из кармана пистолет и увидеть страх на этом розовом лице...

Как Егор ушел от Жоры, он не помнил.

Он не сразу поехал домой. Наверное, целый час бродил по улицам, скользил по мокрому снегу и мысленно повторял прошедший разговор, внося в него поправки, находя убедительные слова, которые должны были подействовать на бессовестного Жору, но в то же время Егор понимал, что возвращаться домой поздно и возвращение ничего не изменит.

А потом Егор случайно увидел на столбе часы. Без пяти десять. До Нового года осталось два часа. А он тут стоит посреди Свиблова на окраине Москвы.

И тогда Егор побежал к остановке автобуса...

Он ехал к метро и ощущал, как между ним и пассажирами автобуса возникает стеклянная перегородка, словно он оказался под колпаком. Звуки доходили неясно, кружилась голова, снова начал мучить голод. Он даже представил, как вытаскивает из пакета толстячка горбушу и шпивается в нее зубами.

На конечной остановке, у метро, Егор вышел из автобуса и остановился, глядя на ярко освещенный вход. Многие уже спешили — видно, им далеко ехать, боялись опоздать.

Именно в тот момент Егор понял, что спешить ему некуда.

Вот он придет домой. Мать спросит: «Хлеб купил? Мы что же, по твоей милости должны Новый год без хлеба встречать?»

Это будет первый акт трагедии.

Во втором акте на сцену выйдет отец и загремит красивым баритоном: «Ты принес магнитофон?»

Двухкассетник был новой, дорогой, любимой игрушкой отца. А тут уж ни возраст, ни солидность в расчет не идут. Может быть, когда-то и Егор побывал в роли новой любимой игрушки. Вернее всего, когда-то мать числилась в новых дорогих игрушках. Но сегодня самая любимая игрушка — двухкассетник. А его нет. Егор еще утром надеялся, что пронесет, что отец не хватится.

Хватился.

Произошла шекспировская сцена, которую невозможно описать.

Как в настоящей трагедии, актеры говорили с придыханием, жестикулировали, только что не раскланивались перед зрителями. Варианты лжи, придуманные Егором, были неубедительны, фальшивы и противны ему самому. Все эти «поверь мне, папа», «я обязательно его принесу, папа», «даю слово, папа» были лишь жалкими попытками отсрочить время и убедить самого себя, что он отыщет этого Жору и все хорошо кончится...

Все кончилось плохо.

...В метро было как в автобусе — та же стеклянная перегородка. Он один, они все вместе. Они шутят, смеются, несутся в поезде к следующей станции — к границе жизни. Граница не вымышлена, она реальна для всех этих людей. Это событие. Не будь Нового года, отец мог бы смилостивиться, снизить, он ведь незлой. И наверное, не сказал бы: «Без магнитофона домой можешь не возвращаться».

Вагон неся в будущее, к границе года, и все в нем, как любопытные туристы, крутили головами и щебетали: «Ах, как интересно! Мы этого еще не видели».

А почему Егор должен нестись вместе с этой толпой? Ему не с кем поделиться радостью... Ему вдруг показалось, что если подождать, пока все выйдут, а самому остаться, то можно вырваться из этого проклятого движения к следующему году — можно остаться, как отцепленный и забытый на запасных путях вагон.

Он помедлил — все уже выкатились на платформу, унося нетерпение, ожидание, ложные надежды. Егор медлил. И тут механический голос произнес: «Поезд дальше не пойдет. Просьба освободить вагоны», — в окно заглянула дежурная в красной каскетке и помахала Егору свернутым флажком — чего же ты, юноша, все спешат...

Егор покорно вышел из вагона и побрел к эскалатору.

В нем родилась глупая надежда, что сейчас в метро прорвется подземная река и голубой холодный поток рванет к туннелю, сметая вниз всех, в первую очередь самого Егора — и тогда можно будет утонуть и не возвращаться домой.

Даже если не погибнешь, а окажешься в больнице, отцу, который прибежит тебя навестить, можно сказать, что магнитофон унесло потоком под землю, и тогда отец скажет: «Бог с ним, с магнитофоном, новый купим. Главное, ты остался жив!»

Но подземная река в тот день не прорвалась. И ничего не помешало Егору подняться наверх.

В вестибюле, у стены, облицованной желтой веселенькой плиткой, у телефонов-автоматов, стояла худенькая де-

ючка лет двенадцати. На ней было потертое, сиротское клетчатое пальто. Из-под повязанного по-взрослому платка выбивались темные волосы, тонкие брови были высоко подняты.

Девочка стояла прямо, напряженно, готовая сорваться, побежать кому-то навстречу. И в то же время она не верила собственным надеждам. Вокруг спешили люди, время поджимало, некому было заметить и разделить ее одиночество и тщетное ожидание. Егор понял, что девочка единственный здесь человек, который, как и он, не привязан к празднику и не стремится пересечь границу в будущий год. Егор был готов подойти к девочке и сказать, что он ее понимает. Но что скажешь ребенку? Только испугаешь.

Было двадцать минут двенадцатого.

До дома — шесть минут ходьбы. Тысячи раз путь пройден, отмерен, отсчитан — шестнадцать лет жизни.

Шесть минут Егор растянул в двенадцать.

Еще пять минут простоял во дворе, глядя на мелькание теней в окнах своей квартиры — гости уже съехались, собирают на стол, мама беспокоится, но не за Егора, а потому, что он не несет хлеб. Ну как ты скажешь гостям, что нет хлеба? Не пойдешь же к соседям в новогоднюю ночь занимать три батона? А отец уже в который раз спрашивает маму, словно та спрятала Егора под кроватью: «Интересно, как ты намерена провести праздник? Вообще без музыки?» Словно музыка — это документ, пропуск, по которому пускают за ту границу. В глубине души Егор допускал, что мать все же беспокоится, не попал ли он под машину. Даже поглядывает с тревогой на часы. А если он не придет к Новому году, то и вправду начнет звонить в милицию.

Права на беспокойство Егор родителям давать не желал. Будет еще хуже, если они переполошатся. Тогда, стоит ему войти в дом, к негодованию хлебному и магнитофонному присоединится негодование за опоздание. Это будет третий, самый непростительный из грехов: «Ты нас всех заставил волноваться!»

И тогда Егору стало так жалко себя, что он решил домой не возвращаться. Никогда. Лучше он останется здесь или будет бродить по улицам. А потом пойдет на вокзал, сядет на электричку и доедет до Калуги. Он как-то слышал, что один мужик местными электричками добрался от Москвы до Сочи. В крайнем случае попадешь в тюрьму. В тюрьме тоже люди. А если и зарежут его, даже лучше.

Но исчезнуть — значит загубить праздник родителям и гостям. Если всю ночь будут обзванивать морги и гонять по больницам, он потеряет право на жалость. Надо получить отсрочку...

Егор отыскал в кармане жетон и вышел на проспект к автомату.

К счастью, Серега сам подошел к телефону.

— Серега, это я, Егор. У меня к тебе просьба.

— Ты из дома? Перезвони мне через три минуты. В дверь звонят. Гости пришли.

— Открой им и возвращайся. Я не из дома. Я из автомата.

— Беда какая-то?

— Скорей!

Мимо автомата быстро шагали Семиреченские. Когда-то они были тетей Ниной и дядей Борей. Теперь превратились в Нину и Борю — стирается разница в возрасте. Одно дело, когда им по двадцать три, а тебе — три. Другое, когда тебе шестнадцать, а им и сорока нет.

В телефонной трубке попискивали отдельные голоса. Возбужденные и веселые. Видно, гости объясняли Сергею, почему они припозднились. Сергея не было очень долго. Егор в сердцах чуть не бросил трубку.

— Я слушаю, — сказал Сергей.

— Позвони моим и скажи, что я буду встречать Новый год у тебя.

— Ты с ума сошел! У меня же тарелок не хватит.

— Не бойся, я к тебе не приду. Мне нужно только, чтобы они не волновались.

— Не валяй дурака. Они тут же потребуют тебя к телефону, чтобы ты сам все объяснил. А откуда я тебя возьму?

— Ну, тогда скажи, что я только что от тебя вышел. Поехал домой.

— От меня к тебе почти час ехать. Все пропустишь. Ты что, хочешь Новый год на улице встретить?

В голосе Сергея звучала тревога. Он такой же, как все. Он не может отказаться от общего веселья.

— Позвони, пожалуйста, чтобы им Новый год не сорвать.

— Вот сам и позвони. Не буду врать.

— Я не могу, у меня больше жетона нет.

— Что? Сорвалось? С магнитофоном.

— Сорвалось.

— Ну, вот видишь! Я же предлагал поехать вместе.

— Пустой номер. Его без гранатомета не проймешь.

— Послушай, иди домой. Под Новый год все доброе.

Бить же не будут!

— Меня никто никогда пальцем не тронул.

— Вот видишь.

В трубке послышалась возня, словно туда залез большой жук, потом девичий голос закричал:

— А это кто? Кто говорит? Приходи к нам, незнакомец.

— Я незнакомка, — ответил Егор и повесил трубку.

Так он и не понял, позвонит Серега или стучится.

Без четверти двенадцать.

Окна отсюда не видны, надо вернуться во двор. Но зачем? Затея с Калугой и Сочи была мальчишеством, тебя снимут с поезда милиционеры и как малолетнего хулигана вернут папе с мамой.

Может, и в самом деле возвратиться, надеясь на то, что Новый год склоняет людей к доброте? Склоняет, но только до третьего тоста. А потом начнется! И все это оттого, что родители Егора не любят. И давно уже не любят. Наигрались, а теперь не ведают, как избавиться. Помнишь, как в ноябре отец сказал: «Жалею, что не отдал тебя в Суворовское училище!» Если Егора не станет, им только легче —

отец давно мечтает о кабинете. Теперь займет его комнату. И с чего Егор решил, что они кинутся искать по моргам? Они выполняют свой долг, не найдут и будут жить в ореоле мучеников: «Знаете, они потеряли сына. Пропал без вести! Несчастные родители! Правда, мальчик был трудный...»

Стало холодно. Под утро, наверное, ударит мороз. Так что ночевка в сугробе нас не устраивает.

И тут Егор вспомнил — есть место, куда ребята бегают покурить, а те, кто повзрослее, — целоваться.

Площадка перед чердаком! Вряд ли кому придет в голову забираться туда в новогоднюю ночь.

Егор перебежал через газон, заваленный слежавшимся снегом, переждал за машинами, пока в подъезд вваливалась целая семья, причем папаша тащил длинную худосочную елку. Что они, ее ночью наряжать будут?.. Ну вот, вроде путь свободен.

Егор вошел в подъезд. Лифт долго возвращался сверху. Егору все казалось, что сейчас за спиной стукнет дверь подъезда и кто-нибудь из гостей или соседей спросит: «А ты что здесь делаешь?»

Наконец двери лифта разъехались. Егор шагнул внутрь, и рука, не подчиняясь мозгу, нажала на кнопку пятого этажа.

Только доехав, Егор спохватился, что ему надо выше.

На девятом, последнем, этаже Егор вышел из лифта. Четыре квартиры и ажурная железная лестница наверх. К чердаку.

Егор задержался у лифта, стараясь среди торопливых — ведь последние минуты — звуков угадать те, что доносились с пятого этажа. Да что услышишь, если дверь в квартиру закрыта!

Егор не пошел на чердачную площадку, а начал спускаться по лестнице — как во сне. Не хотел, а спускался. Восьмой этаж, седьмой... этажом ниже остановился лифт, застучали шаги, звонок в дверь — нервный, отрывистый, — и следом раздался взрыв голосов:

— Успели! Какое счастье! Что случилось? А мы уж думали...

Они-то успели. Теперь вместе со всеми поедут на поезде «Новый год». Кому-то это кажется счастьем...

Егор подождал, пока дверь захлопнется и отрежет звуки. Затем пошел дальше. Нет, он не собирался к себе — только дойдет до двери, а там... Егором овладела тупость.

Ноги сами принесли его к двери. Он постоял, рассеянно юзя пальцем по медным шляпкам гвоздей, рассекавшим ромбами черный дерматин, которым была обшита дверь. Ничего не разберешь. Только гул голосов.

Рука сама достала ключ, сунула его в скважину и повернула. Дверь беззвучно отворилась. В прихожей было много шуб и пальто — они перегрузили вешалку и лежали грудой на стуле. А рядом, как в магазине, стояли строем женские сапоги.

Из большой комнаты доносились голоса. Если говорят о нем — он шагнет дальше.

Голос Бори Семиреченского:

— Ну, у всех налито? Артур, телевизор включил?

— Включаю.

Голос отца:

— Садитесь, а то упустим.

Нина:

— Ну, кто же откроет шампанское? Где настоящие мужчины?

Но мать? Она-то думает о Егоре?

Вот ее голос:

— Боря, положи себе рыбки, ты имеешь гадкую манеру не закусывать.

— Это я только нечетные не закусываю. А четные запиваю!

Все засмеялись. Сквозь смех неся ровный гул — Егор представил, что на экране телевизора видна Спасская башня.

Звон бокалов, смех, шум телевизора, кашель... А где же Егор? Его забыли? Оставили на платформе?

Пальцы все еще сжимали ключ.

Никто не почувствовал, что несчастный, потерянный человек стоит от них в трех метрах. Да при чем тут чувства? Все люди несутся к границе года. Сейчас поднимут бокалы, содвинут их разом... В новом году они отлично обойдутся без него.

И в этот момент Егор понял, что надо сделать.

Егор отступил из прихожей, захлопнул за собой дверь и кинулся вниз по лестнице. Начали бить куранты.

Он точно знал, что, когда он выбежит из подъезда, диктор торжественно произнесет: «С Новым годом, дорогие друзья!»

Он не услышит последнего удара часов и возгласа диктора.

Дверь подъезда сама приоткрылась, пропуская его.

Вокзал опустел. Поезд ушел и унес с собой не только веселых туристов, но и весь мир, к которому они принадлежали.

Егор не слышал, как за спиной закрылась дверь подъезда.

Он пошел вперед и через двадцать шагов остановился.

За те минуты, пока он был в доме, снег на дворе стоял.

Двор выглядел серым, грязным, осенним, и небо над головой было затянуто сизыми тучами, которые быстро неслись над крышами.

Ночь кончилась, но день не наступил.

Это был мир сна, но Егор знал, что не спит. Он мог бы ушипнуть себя, но в том не было нужды.

Еще одна странность бросилась в глаза: ни в одном из окон не горел свет. Окна казались слепыми, и даже стекла не блестели. Совершенно очевидно — в этом доме никто не жил. Как и в доме напротив.

Впрочем, все это пустяки! Главное — удалось! Он ушел от них, он покинул праздничный поезд и нашел то место

на земле, куда можно спрятаться никому не нужному человеку.

Егор стоял посреди двора и привыкал к новому миру. Или к старому миру?

Он, разумеется, никогда не задумывался, каково оказаться одному, по ту сторону границы, но внутренне он сразу согласился с тем, что в прошлом году должны остаться дома, асфальт, небо. А как же иначе? Ведь дома не движутся сквозь время вместе с людьми — они есть в прошлом, они остаются и в будущем. А животные? А растения?

На второй вопрос ответ нашелся сразу. Деревья, чахлые саженцы, посаженные два года назад посреди двора, исчезли. Лишь одно из них, что засохло еще прошлым летом, осталось прутиком над покосившейся скамейкой.

Мгновенно вспыхнуло любопытство: а что же произошло дома? Подняться наверх и посмотреть?

Нет, страшно. Даже не страшно, а не хочется. Улица — ни к чему не обязывающее место. А дома, даже если там никого нет, ты встретишься с чем-то, что принадлежало тебе или маме.

Егор вышел из ворот.

Улица была пуста, как бывает пусто в рассветный осенний час, в непогоду. Троллейбусы еще не вышли на линию, а запоздавшие пешеходы разошлись по домам и спят.

Нет, не спят, поправил себя Егор. Они смотрят телевизоры. В будущем году.

Егор остановился посреди улицы и с облегчением вздохнул. С облегчением, как человек, нашедший выход из черного, дремучего леса.

Его чувство было схоже с тихой радостью графа Монте-Кристо, выбравшегося на свободу. Пока ему все равно, какая из себя эта свобода. Главное, что ты больше никому ничего не должен и никто больше не скажет тебе, что надо делать.

Я вам не нужен? Я ушел.

Вместо сквера по ту сторону улицы был серый пустырь, через него в два ряда тянулись скамейки. Егор подошел к

ближайшей скамейке и пощупал пальцами холодную, чуть влажную спинку. Вдруг и скамейка лишь привиделась ему? Но скамейка была реальной. Можно даже сесть на нее и подумать.

Егор сел. И понял, что за последние несколько минут он устал так, словно таскал мешки на овощной базе.

Почему же?

А потому, что ты живешь шестнадцать лет в обычном мире. Ты точно знаешь, что чудес не бывает и если летающие тарелочки появляются, то уж конечно не на твоём дворе. Это в книгах brave капитаны сражаются с пиратами и летают на Луну, а в жизни ты получаешь очередную «пару» за сочинение по Некрасову и отец решает, что это прекрасный предлог, чтобы отказаться от обещания подарить тебе велосипед. В твоём мире была «холодная война», Берлинская стена и перестройка. А здесь?

Представь себе: кто-то рассказывает историю молодого человека Е., который отказался идти со всем человечеством в следующий год, потому что у него не сложились отношения с родителями, и которого никто не любит. В этом рассказе фигурировал бы Жора, заигрывающий чужие магнитофоны...

И ты, Егор, отложил бы этот рассказ в сторону, потому что даже фантастика должна иметь разумные пределы.

Можно полететь на Марс или на Новую Гвинею, можно спуститься в пещеру или в морскую впадину, можно даже, говорят, отправиться куда-то на машине времени.

Но ведь ты, Егор, без всякой машины выпал из потока времени.

Время несется мимо, а ты сидишь не берегу и смотришь на эту холодную черную реку. А может быть, ты переместился в иной мир, параллельный с нами, во всем похожий на наш, но мертвый, в котором существуют только неживые вещи?

Значит ли это, что я здесь совсем один?

Казалось бы, даже одной такой мысли достаточно, чтобы смертельно испугаться. Но страха не было.

Как и голода. Ведь только что Егор был страшно голоден, слюна текла, как у павловского пса. Сейчас он вспомнил о чувстве голода, но не испытал его.

Егору было интересно. Его не беспокоило, как вернуться домой, — ему вовсе этого не хотелось. Ему хотелось поглядеть на этот новый мир. И понять, что это все значит. Ведь этот мир не может быть сказочным хотя бы потому, что Егор, вполне нормальный и трезвый человек конца XX века, по нему разгуливает.

Надо проверить.

Егор зажмурился, потер глаза. Потом, дернув головой, резко открыл их...

Вокруг была та же самая серая пустота, беззвучная и оттого густая и даже вязкая.

В конце пустыря возле выхода на улицу Егор увидел строения, которых раньше здесь не было.

Видно было недалеко, словно над землей тянулся легкий и почти прозрачный туман. Лишь подойдя к строениям шагов на пятьдесят, Егор сообразил, что видит избушки. Самые обыкновенные деревенские избушки, которым не место на проспекте Вернадского.

Избушки тянулись, образуя улицу, и крайняя из них прижалась к двенадцатиэтажному дому. Стекол в окнах не было.

Егор заглянул в окошко. Внутри было темно и пахло сыростью.

Он потянул за дверь, дверь заскрипела, и этот звук понесся над улицей, скоро заглухнув между домами.

Егор сделал шаг внутрь дома, и тут же дряхлые доски взвизгнули под ногой и половица подломилась. Хорошо еще, что Егор — легковес и у него хорошая реакция. Он выскочил из избы, чуть не грохнулся на асфальт, из которого высывались под углом обломанные доски. Он с трудом удержался на ногах и выпрямился. Оглянулся, испугавшись, не видел ли кто его приключения.

Но город был пуст.

Или я сошел с ума? Такая мысль возникла, как будто звякнул отдаленный звоночек.

А может быть, это все мне только кажется?

Хоть мысль пропала, она успела нарушить внутреннее спокойствие Егора.

Разношенный короткий сапог Егора был испачкан древесной трухой. Он наклонился и размял пальцами щепку. Все было настоящим. И щепка, и эти избушки, которых быть здесь не может.

Но ведь сумасшедшие не знают, что они сумасшедшие, подумал Егор. Им кажется, что все вокруг нормально. Значит, не исключено, что я сейчас очнусь... проснусь дома.

Или чудеса все же бывают? Чудеса с точки зрения обыкновенного человека, потому что мир вовсе не такой простой, как на уроке естествознания. Я потерплю, и все вернется на свои места — как спадает вода после наводнения, если ты сумел отсидеться на крыше.

Неужели я начал бояться?

Послышался глухой удар, словно в отдалении выстрелила пушка. Егор вздрогнул. Поглядел в ту сторону, ничего особенного не увидел, если не считать, что за избой стояла большая, в два метра высотой, тумба для афиш.

Егор подошел к тумбе. Поверх прочих листов была наклеена афиша о выступлении джаз-оркестра Олега Лундстрема во Дворце культуры имени Лихачева. Но кто такой Лундстрем и что это за Дворец культуры, Егор не знал. Он попытался оторвать край афиши, и под ней обнаружилась знакомая ему картинка: женщина, подняв руку, призывает к защите Родины. Сквозь дыру на груди воинственной женщины видны были старинные, тесно стоящие буквы. «Казино «Чардаш» с твердым знаком на конце. Там были и другие бумажки. Почему-то от руки большими кривыми буквами на желтом листе — к сожалению, от него остался лишь верхний край — было начертано: «Голосуйте за четвертый список — партию Народной свободы!» Но почему и когда голосовать, осталось непонятным.

Он постарался осторожно оторвать репертуар Молодежного театра, чтобы узнать, что же обещает человечеству партия Народной свободы. Но тумба от такого несильного толчка стала заваливаться и падать... Егор испугался, хотел удержать ее, но его руки вошли внутрь тумбы, и она рассыпалась, превратившись в кучу ржавого железа, бумаг и грухи... Неожиданный порыв ветра поднял эти бумажки...

По улице быстро ехал человек на велосипеде, переднее колесо которого было больше маленького, заднего. На человеке были высокие сапоги, перетянутый поясом блестящий резиновый плащ и каска, наподобие пожарной, наклоненная так низко, что из-под нее был виден лишь кончик носа и короткая черная борода.

Надо было окликнуть его, спросить... но о чем?

Человек оглянулся, словно уловил мысль Егора. Оказалось, что у него на носу черные очки и он похож на муравья. Гигантского блестящего муравья.

Человек нажал на педали, и велосипед, тяжело крутя колесами, покатил дальше.

Нельзя было его окликать. Человек был *чужим*.

Если в мире, который окружал Егора, были свои точки отсчета — обернись и увидишь свой дом в ряду таких же, — то человек на велосипеде, подобно старым избушкам, ничего общего с нормальным прошлым не имел. И глядеть на него было страшно.

Надо кого-то найти. Любого обыкновенного человека.

Это желание означало, что страх приближался к Егору. Чувство освобождения улетучивалось. Еще немного, и он попросится обратно.

Егор взглянул на часы. Стрелки стояли на двенадцати.

Они не сдвинулись ни на секунду с того момента, как он вышел из подъезда. Егор потряс рукой, шелкнул по стеклу — часы стояли. Секундная стрелка не двигалась.

Значит, там, куда попал Егор, нет времени. А так не бывает. Старик Эйнштейн лопнул бы от зависти. Эйнштейн, где ты? Но шутить не хотелось.

Страх напелзал, как высокая волна — от нее убегаешь, увязая босыми ногами в песке, а она поднимается, закрывая солнце зеленым занавесом, и вот-вот поглотит тебя, как маленькую букашку.

Вдруг Егору показалось, что кто-то ползет за скамейкой. Он замер. Оказывается, ветер пошевелил тряпкой.

Егор побежал. Он бежал, как по темному лесу, боясь оглянуться. Наверное, страх перед лесом и есть самое древнее из человеческих чувств, сохранившееся с тех пор, когда по лесу бродили волки и тигры, а человек был беззащитен.

Но лес кончается. Из него можно убежать. И за краем леса есть дом...

Скамейки отлетали назад, как столбы за окнами поезда. Егор метнулся было к дому, но потом свернул в сторону, к метро, словно там было безопаснее. Оттого, что в городе не осталось звуков: ни щебетания птиц, ни звона трамвая, ни далекого гудка, ни голосов, — стук шагов Егора заполнял истосковавшийся по шуму воздух, который пережевывал звуки, смаковал, наслаждался ими, выпускал как голубей летать над крышами, дробил на части и рассыпал по мостовой.

Деревья и кусты между метро и кварталом массивных позднесталинских домов тоже исчезли, и круглая банка наземного вестибюля выглядела одиноко и нелепо, как голый толстяк посреди улицы. Часть коммерческих киосков, что еще вчера вечером окружали метро, пропали, другие стояли, как прежде, но были закрыты железными ставнями, и непонятно, остались там товары или нет. Мир без времени подчинялся своим нелогичным законам. Например, вывеска магазина «Рыба», составленная из стеклянных букв, свалилась на землю, и похожие на аквариум буквы разбились. На месте ее висела другая вывеска, тоже «Рыба», но не стеклянная, а нарисованная на металле. Рядом с ней из открытого окна свисало выцветшее красное знамя. Киоск «Мороженое» был открыт, но мороженого в нем не оказалось. Только картонные коробки.

Еще одна неожиданность: в вестибюле метро горел свет слабый, желтый, живой свет. Словно изнутри кто-то звал Егора.

Егор толкнул дверь в метро, она послушно отворилась. В ряд у стены висели телефоны-автоматы, напротив стоял центральный киоск с приклеенными изнутри к стеклу афишами и непроданными билетами на хоккей. За проемом был круглый зал, из которого вниз шли эскалаторы. Над круглым залом горел светильник.

Сначала Егору показалось, что зал пуст, но тут за металлическим барьером он заметил краешек клетчатого пальто. Он сделал несколько шагов и увидел замеченную им ночью девочку в поношенном пальто и туго повязанном сером платке. Девочка сидела, сложившись калачиком. Она спала.

Егор не знал, как разбудить ее, чтобы не испугать. Но девочка даже во сне почувствовала его взгляд и подняла голову. Она смотрела на Егора без страха и любопытства. Потом легко поднялась и взглянула на замерший эскалатор. Эскалатор уходил вниз, в темноту и оттого казался бесконечным. Егору показалось, что девочка ждет, когда же эскалатор поедет вновь.

Между Егором и девочкой был невысокий металлический барьер. Егор перепрыгнул через него.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Егор.

Девочка не ответила.

— Я тебя еще вечером видел, — сказал Егор. — Я на тебя обратил внимание.

Девочка молчала и смотрела на эскалатор. Будто терпеливо ждала, когда же этот парень уйдет и оставит ее в покое.

— Честное слово, я рад тебя видеть, — сказал Егор. — Все-таки теперь я здесь не один.

Девочка пожала плечами. Клетчатое пальто было ей коротко, из-под него торчали ноги — прямые и тонкие как палки. Лампа над головами начала тускнеть, словно кто-то включил реостат.

— Больше никто не придет,— сказал Егор.— Пошли отсюда.

— Я не пойду,— сказала девочка. Голос у нее был хриплый, низкий. Наверное, она простудилась.

— Но почему?

— Он обещал приехать. Он сказал, что приедет.

— Метро не работает.— Егор старался не сердиться на упрямство этого ребенка.— Поезда не ходят. Ты же видишь, что никто не поднимается.

— Я подожду, пока оно снова заработает.

Лампа над головами замигала и погасла. Лишь слабый свет проникал снаружи сквозь проем. Девочка вдруг пошла к эскалатору, словно хотела убедиться в том, что он и на самом деле не движется. Егор не стал ей мешать. Девочка остановилась перед непроницаемой темнотой и вдруг спросила:

— Ты где?

— Я жду,— сказал Егор,— пошли.

Они вышли в серый воздух. Девочка схватилась за рукав куртки Егора, будто испугалась, неожиданно проснувшись. И Егору сразу стало спокойнее — как будто девочка забрала у него страх, а ему оставила заботу о слабом существе.

Они стояли под навесом у метро.

— Светает уже,— сказала девочка.

— Здесь всегда так,— сказал Егор. Хотя, конечно, не был в этом уверен. Но он был старожилом этого мира, а девочка только в него входила.

— Светает,— прямо повторила девочка.

— Посмотри! — громко сказал Егор и осекся — слишком уж далеко разнесся голос.— Снега-то нет.

— Снега нет,— в тон ему произнесла девочка.

От входа был виден вагон трамвая. Вагон был старый, стекла разбиты, как будто его привезли со съемок про войну сорок первого года.

— Как тебя зовут? — спросил Егор.

— Люся,— ответила девочка.— Люська Тихонова.

Она обернулась к Егору и впервые поглядела на него, словно признала его существование. Глаза у Люськи были серые с черным ободком, а брови оказались тонкими и будто проведенными циркулем, прядь темных волос выбилась сбоку из-под платка. Когда Люська говорила, брови двигались, уезжали вверх, выражая удивление. Люська часто удивлялась.

— Ну, я пошла,— сказала Люська.

— Куда же ты пойдешь? — спросил Егор.

— Домой? — получилось не утверждение, а вопрос. Словно она и сама в этом не была уверена.

Егор решил было, что Люська сообразила, что она попала в другой мир, но оказалось — причина куда более простая.

— Ты хочешь домой? — спросил Егор.

— А куда же мне теперь? Константин не приехал.

— Кто такой Константин?

— Отец мой,— ответила девочка.— Обещал, а не пришел. А домой я не хотела. И сейчас не хочу.

— Я думаю, что дома у тебя никого нет,— сказал Егор.

Брови опять убежали вверх. Люська молчала — брови спрашивали.

— Ты ведь не хотела Нового года?

— А на что он мне? — спросила Люська.— Только бить будут.

— Кто?

— А все — и мать и отчим. Они напьются и будут бить меня. В четыре руки.

— Я думаю,— сказал Егор,— что случилась страшная штука. Мы с тобой остались на платформе, а поезд ушел.

— Ты чего говоришь?

— Может, я неправильно понимаю, а может быть, я, к сожалению, прав,— сказал Егор.— Но если очень не хочешь переходить в новый год со всеми людьми, то можно остаться.

— Где?

— Наверное, в старом году.

— А это старый год? — Люська обвела рукой вокруг. Рука высунулась из короткого рукава пальто.

— Ты же видишь — людей нет, даже деревьев нет.

— Ну уж! — вдруг ожила Люська. — Так не бывает.

— Я тоже знаю, что не бывает, — согласился Егор. — Но вот случилось.

— А я не хочу домой идти, — сказала Люська. — Я же убежала, потому что Константин обещал ко мне приехать. А теперь уж, наверное, не придет. Но мне все равно некуда идти. Придется домой.

— А ты далеко живешь? — Егору надоело втолковывать этой тупой девочке простые вещи.

— Вон там, за углом.

— Ну хорошо, — сказал Егор, — пошли, ты сама посмотришь, что там никого нет.

— А ты иди по своим делам, — сказала Люська. — Я без тебя дом найду.

— Как хочешь, — согласился Егор. — Я здесь подожду. Если никого не найдешь, возвращайся. Но думаю, мы с тобой здесь вдвоем остались.

— Я пошла, — сказала Люська, но не двинулась с места. Егор стоял, ждал.

— А куда они в самом деле делись?

— Опять двадцать пять!

Тогда Люська побежала прочь. Это было так неожиданно, что Егор кинулся было вслед, потом взял себя в руки. Он был уверен, что никого она дома не найдет.

Правда, ему было страшновато, потому что он понимал, что какие-то люди здесь все же есть и девочку могут обидеть. Поэтому Егор медленно пошел следом за Люськой.

Но тут его внимание отвлек звук разбитого стекла. Звук донесся сверху. Егор поглядел туда. Блестя на фоне бегущих облаков, с высокого шестого или седьмого этажа падали осколки стекол. А в самом окне был виден человек, совсем голый, с длинными волосами, но не разберешь — мужчина или женщина: далеко и освещение не очень хорошее.

Осколки разбитого окна зазвенели, рассыпаясь на кусочки, о мостовую.

Тот человек, наверху, смотрел на них, словно удивлялся. Потом неловко перевалился через подоконник — Егор даже крикнуть ему не успел, чтобы был поосторожнее, — и медленно, а главное, совершенно беззвучно полетел к земле, будто испытывал себя, может ли он летать. Он плавно переворачивался в полете, и казалось, что ему лететь нравится.

Но полет оборвался тупым и влажным ударом.

Человек лежал на асфальте.

Егор кинулся было к нему — может, нужна помощь. Ведь в таких случаях не думаешь... Егор пробежал несколько шагов по направлению к лежащему телу. И замер.

Потому что из-за угла быстро, как таракан, выскочил лавешный велосипедист. Или другой, но на него похожий. Он словно поджидал там, за углом, и подъехал буквально через минуту после смерти самоубийцы.

Велосипедиста Егор боялся — с первой встречи. Велосипедист был деловит и бесстрастен. Как робот.

Он подъехал к стене, прикоснулся к ней рукой и повернул большое колесо так, чтобы удобнее ступить на землю. Оставив велосипед прислоненным к дому, он сделал два шага и наклонился над распростертым телом самоубийцы. И хотя Егору было до него метров сто, он довольно четко видел, что происходит.

Как бы стремясь ожить, самоубийца двинул рукой — Егор видел, как его пальцы сжимались и разжимались. Затем дернулась голова.

Велосипедист внимательно рассматривал лежащего на асфальте человека. Затем откинул назад черную блестящую полу плаща и, сделав резкое движение рукой, вытащил из ножен короткий меч. Или длинный нож. Меч блеснул в руке. Велосипедист тщательно прицелился и занес меч. Самоубийца робким движением поднял руку, будто стараясь защититься от удара. Но было поздно. Меч опустился на шею самоубийцы, и его голова покатилась в сторону.

Велосипедист шагнул следом за головой, нагнулся и быстрым движением поднял ее за волосы. Темная кровь лилась из шеи, как из опрокинутого кувшина.

Движения велосипедиста были деловитыми, экономными. Под другой полрой плаща обнаружился мешок. Велосипедист сунул голову в мешок и затянул его.

Затем свистнул. Переливчато, долго — Егору было видно, как вытянулись трубочкой его губы.

Ничего не случилось. Велосипедист отошел к стене, взялся за руль велосипеда и ловким движением взобрался на седло. Велосипед совершил полукруг, прежде чем человек сумел направить его по проспекту.

Егор смотрел вслед велосипедисту.

Он не мог бы сказать себе, испуган ли тем, что увидел, или нет. Он смотрел на эту сцену без интереса, внутренне сжавшись, но не более как на отвратительную сцену в фильме. Его это как будто не касалось.

Егор кинул взгляд в ту сторону, куда убежала Люська. Вот ей этого видеть не следует. Но Люська не возвращалась.

Надо бы отыскать ее. Но какое-то неясное, даже стыдное любопытство заставило Егора вместо этого медленно направиться к обезглавленному труп. Ему самому непонятно было, что же он собирается там увидеть. Да и не хотелось видеть.

Но он шел.

Не доходя шагов десяти, Егор заметил какое-то движение возле тела, как будто покойник снова намеревался ожить.

Егор замер. Потом все же проклятое любопытство заставило его двинуться дальше.

Но не до конца.

Он остановился в пяти метрах от тела и тогда понял, что же движется. Это были большие светло-коричневые муразы, размером с пчелу, — они выбегали вереницей из открытого подвального окна и стремились к телу. Они окружили лужу крови на асфальте, облепили шею и руки. Их

становилось все больше, и уже казалось, что весь человек шевелится.

Егор решил, что именно велосипедист свистком вызывал муравьев, которые здесь служат как бы санитарами. Иначе откуда взяться муравьям во вчерашнем мире?

И тут до него донесся высокий крик.

Кричал ребенок.

Егор сообразил, что это Люська.

И сразу забыл о страшном велосипедисте, муравьях и самоубийце — главным в этом мире была Люська. Она возвращала Егора к разумным действиям и чувствам. Пока она есть, с ума не сойдешь, хотя бы потому, что надо шботиться о ребенке.

Егор побежал через площадку у метро к домам, что толпились за круглым вестибюлем. Крик оборвался. Стало совсем тихо.

Егор бежал и мысленно уговаривал Люську не кричать, потому что ее может услышать велосипедист.

Егор вбежал во двор дома, в котором был магазин «Рыба».

И сразу увидел Люську. Люська неслась по пустынному двору, но не к нему, не к метро, а к арке, ведущей на проспект.

— Люся! — позвал Егор. — Ты куда?

Люся остановилась как вкопанная. Повернула голову. С надеждой и страхом — не показалось ли ей. И тут увидела Егора.

— Ну где же ты! — закричала она с укором. — Почему тебя нет?

— Ты заблудилась? — спросил Егор.

Он был несказанно рад тому, что ничего плохого не случилось.

— Я пошла к нам, — сказала Люська. Она протянула руку и взяла его за пальцы. Ее рука была невесомой, и пальцы такими тонкими, что страшно было ей сделать больно. — Дверь открыта, а дома никого. И вещи унесли. Кто унес вещи?

— Не знаю,— сказал Егор.— Какие-то вещи здесь остаются, другие исчезают. Разве нам с тобой понять?

— А что случилось? — На этот раз Люська спрашивала без упрямства, просто с интересом.

— Я тебе объяснял.

— Да, ты объяснял,— согласилась печально Люська.— Только я с самого начала не поняла, а теперь тем более не понимаю. Я бы обратно вернулась.

— А ты хочешь?

— Здесь так плохо.

— Здесь плохо,— согласился Егор.

— Куда мы пойдем?

— Ты устала?

— Нет, только хочу спрятаться. Может, в метро спрячемся и ты мне все расскажешь?

— Не надо в метро,— сказал Егор.

Если есть муравьи, подумал он, то могут быть и крысы. И всякие гады. Вернее всего, они таятся в темных местах. Так что лучше оставаться на свету.

Они вышли под аркой на проспект. Лишенный деревьев и снега, лишенный машин и людей, проспект стал невероятно широким и тоскливым. Казалось, что до домов на той стороне не добежишь.

— Скорей бы люди возвращались,— сказала Люська. Если бы была золотая рыбка, я бы ее попросила, чтобы люди возвратились.

У закрытого железными ставнями коммерческого киоска возилась какая-то фигура. В руке у этого человека был лом. Человек был странно одет — в черное длинное пальто без одного рукава, вместо него был виден оранжевый рукав рубашки.

Волосы у человека были серыми, они окружали тусклым венчиком блестящую лысину.

— Пойдем отсюда,— сказал Егор.

— погоди,— возразила Люська.— Давай посмотрим, что он делать будет.

Человек ковырял ломом в замке ставни, поддел ее и с натугой рванул. Ставня страшно заскрипела, замок отлетел и со звоном упал на тротуар.

Ставня открылась, и оказалось, что за стеклом палатки осталось немало бутылок.

Человек с размаху ударил ломом в стекло. Несколько бутылок вывалилось наружу. Человек подхватывал падающие бутылки. Одну сунул в карман пальто, вторую за пазуху. Третью держал в руке. Лом мешал ему, но человек с ним не расставался.

Теперь, когда он обернулся, можно было увидеть его лицо, мягкое, серое, как и волосы. Все в нем было обвислым — нижняя губа, нос, щеки.

Егор попытался закрыть собой Люську, но она вырвалась.

— Пыркин! — крикнула Люська. — Ты что здесь делаешь?

— Люська! — Пыркин обрадовался. — Ты меня помнишь, скворец?

Пыркин с трудом закинул лом на плечо. Егор заметил, что он бос, но ноги у него такие грязные, что не сразу сообразишь, ботинки это или пальцы наружу.

— Пыркин, — спросила Люська, — ты зачем хулиганишь?

— А я не хулиганю, — с достоинством ответил Пыркин. — Я делаю тщетную попытку. А кто с тобой?

— Это Егор, — сказала Люська. — Он меня в метро нашел. А что случилось?

— В каком смысле, скворец?

— Где все люди?

— Нету людей, — грустно произнес Пыркин, покачнулся, лом вырвался у него из руки, скользнул по спине и грохнулся об асфальт. — Мы с тобой, Люська, оказались на том свете. Хотя есть и другие теории, с которыми ты имеешь возможность познакомиться.

— Пыркин раньше учителем был, — сообщила Люська, пропустившая мимо ушей сентенцию о том свете. — А потом спился.

— А собачку мою не видели? — спросил Пыркин. — Черная такая собачка Жулик. Может, сманили? Нелюди его не любят.

— Нет, не видели, — сказала Люська. — Не было у тебя никогда собачки.

— Это в той жизни не было, — сказал Пыркин.

— А он у нас во дворе жил, — сообщила Люська Егору. — В прошлом году пропал.

— В позапрошлом, — поправил ее Пыркин. — Под Новый год. Сегодня справляем вторую годовщину моего пребывания на том свете.

Егор понимал, что никакой это не тот свет. На том свете трубят ангелы и так далее. Это для религиозных людей. А Егор не был религиозным человеком.

— Точно, под Новый год, — согласилась Люська. — Его с милицией искали. Овчарку приводили, честное слово. Сама черная, а брюхо серое. Не веришь?

— А Жулик весь черный, — сказал Пыркин.

— Не нашли? — спросил Егор. Вопрос казался странным. Если он здесь, то конечно же не нашли. Но Егор спрашивал не зря. Ему интересно было узнать, не останется ли что-нибудь от человека в том, настоящем мире? А вдруг это и в самом деле царство мертвых? Тогда должны были найти труп Пыркина. А перед ними сейчас — его душа.

— Не нашли, — сказала Люська. — Мать говорила, что и хорошо, что пропал. Он как напьется, дикий становился, безумный.

— Вот это лишнее, скворец. Пыркин теперь — другой человек. И вы, молодой человек, не обращайте внимания на детский лепет. Людмила светлая, но замученная жизнью девочка. Не исключено, что мы имеем дело с генетическим дефектом, — заявил Пыркин.

— Какой еще дефект! — обиделась Люська.

— Ну что, вспомним старое? — спросил Пыркин и, поднеся к зубам бутылку водки «Русская», сорвал крышечку. Затем коротко и энергично взболтал водку и воткнул гор-

лышко себе в рот, как будто кормил младенца детским питанием.

Голова Пыркина запрокинулась, кадык ходил по горлу, вот-вот разорвет кожу! Егор и Люська смотрели как завороченные. Водка в бутылке колыхалась, втягиваясь, как в юрону, в горлышко, и пропадала в Пыркине. Когда оставалось около половины, Пыркин вдруг оторвал горлышко от губ и, неловко замахнувшись, кинул бутылку. Она разбилась об асфальт, брызги стекла и жидкости разлетелись букетом, напомнив Егору, как прыгал из окна самоубийца.

— Чепуха, чепуха и всяческая чепуха! — закричал Пыркин, закашлялся и стал отплевываться. Это было неприятное зрелище. Люська сказала:

— Пойдем отсюда, Бог с ним. Алкоголик.

— Не уходите! — откашлялся Пыркин. — Я не пью вовсе. Это так, для памяти.

— Ничего себе память! А еще учителем был, — сказала Люська.

— Ничего ты не понимаешь, — ответил с чувством Пыркин. — Скорбь моя происходит оттого, что здесь нельзя насытить желудок и напоить мою голову. Здесь нельзя напиться, отключить мозги и забыть об ужасной своей судьбе. Понятно?

— Понятно, — сказала Люська, хотя не поняла.

— Эх, одно утешение, что вкус остался.

— Вы только из-за вкуса пьете? — спросил Егор.

— А ты попробуй, давай я тебе другую бутылку открою. Ты попробуй, внутрь проходит, а реакции никакой. Хоть ведро выпей. Дать попробовать?

— Егор, не смей и думать! — приказала Люська, опытная в обращении с пьяницами. — Это так начинают с глоточка, с рюмки. А потом вся жизнь будет поломанная.

— Не буду я пить. Видите, — сказал Егор, улынувшись, потому что его вдруг тронула забота Люськи.

— И правильно, — сказал Пыркин. — Мне больше останется.

Он громко засмеялся, хотя смеяться ему не хотелось.

Потом оборвал смех, и сразу стало тихо. Тишина напомнила, что они здесь одни.

— Ну пошли, что ли,— сказал Пыркин.

— Куда? — спросил Егор.

— Вам здесь оставаться нельзя. Сожрут, убьют, издеваться будут. Пошли к нам. На передовой пост империи.

— А вы там не пьянствуете? — спросила Люська.

— Объяснили же тебе! Рады бы пьянствовать, но водка на мозги не действует. Ну, пошли, пошли, а то кто-нибудь придет.

— Пошли,— сказала Люська и, взяв Егора за руку, потянула за собой.

Пыркин пошел впереди.

— Тут недалеко,— сказал он.— У речки живем. На Воробьевых горах, у речки.

— На Ленинских горах? — догадался Егор.

— Называй как знаешь. Может, они и Ленинские, если он с Огаревым тут клятву давал на верность народу.

— Нет,— попался на удочку Егор.— С Огаревым тут клятву давал Герцен.

— Точно,— хмыкнул Пыркин.— Ленин давал клятву с Троцким.

И громко засмеялся. Пыркин не умел иначе смеяться. Он смеялся, широко открыв рот, зубы наружу, щеки трясутся, нос болтается — ну как будто индюк смеется. Только очень отошавший индюк.

Пыркин наступил на стекло, подпрыгнул, задрал ногу и стоял на одной, выковыривая стекло из черной подошвы.

Они прошли мимо круглой громады Нового цирка, некоторые стекла его были еще целы. Слева поднимался из пустыря университет, справа пошли причудливые здания Детского музыкального театра. Когда переходили улицу, Егор непроизвольно посмотрел налево.

— Нет здесь троллейбусов,— сказал Пыркин.

За бензозаправкой у Дома пионеров стояли несколько избушек. Еще одна деревня. Пыркин немного прихрамывал, горлышко бутылки высовывалось из кармана пальто. Люська семенила рядом с ним. Егор чуть отстал и попытался прогнать это бредовое видение. Он зажмурился и сосчитал до десяти. Дальше считать не решился, чтобы не упасть. Открыл глаза, но ничего не пропало: на фоне серого неба шагали две фигуры. Впереди сутулый Пыркин в черном пальто, один рукав оранжевый, за ним в клетчатом пальтишке девочка Люська.

— Ты в каком классе учишься? — спросил Пыркин не оборачиваясь.

— В девятом.

— Может быть, я тебе буду курс истории читать, — сказал Пыркин, — чтобы ты не отставал от программы. Мы тебе и физика найдем. Есть у нас один.

Егор пожал плечами — предложение звучало глупо.

— Меня называй Вениамином Сергеевичем, — сказал Пыркин. — Я не люблю, когда по фамилии называют старших. Слово алкоголика какого-то.

— А здесь много людей? — спросил Егор.

— Есть люди, — ответил Пыркин.

— А вас с милицией искали, — почему-то повторила Люська. — Овчарку приводили.

— Слышал, слышал! — сказал Пыркин. По мере приближения к реке он становился трезвее и собранней. — К сожалению, у меня сманили Жулика. Это была очень нужная собачка. Я в экспедиции никогда без Жулика не ходил. Жулик нелюдей чует.

— Кого?

— Увидишь, — сказал Пыркин. — Без них не обойдешься. Из-за них, скажу тебе, кроме меня, никто из наших в экспедицию не ходит.

Дорога нырнула вниз, прорезая обрыв к реке, но они пошли стороной, по голому крутому склону.

— Они поджидают у бывшего эскалатора, — сказал Пыркин. — Там и сидят.

— Объясните нам, кто такие и почему сидят,— попросил Егор.

— Некогда. Постараемся их обойти.

Он вынул из кармана бутылку, держа ее за горлышко как гранату.

— А нам что делать? — спросила Люська.

— Вам меня слушаться. Когда скажу бежать — бегите. Главное — прорваться к Москве-реке. Но если мы пройдем на цыпочках, может, обойдется.

Они спустились ниже, и тут как назло Люська раскашлялась.

— Молчи! — зашипел Пыркин.— Ты нас всех погубишь.

По закону подлости Люська просто заходила в кашле.

— И зачем только я вас с собой взял! — воскликнул Пыркин.

За сухим одиноким деревом пробежала тень. Замерла, исчезла. Но Егор почувствовал, как тень смотрела на него.

— Все,— сказал Пыркин обреченно.— Нас обнаружили.

— Это фашисты? — спросила Люська, переведя дух.

— Это нелюди,— ответил Пыркин.— Хуже сионистов проклятых.

Такие слова в устах учителя, даже спившегося учителя, звучали необычно.

— Эх, Жулика нет.— Пыркин пошел вниз, размахивая бутылкой.— Держитесь ко мне ближе. Сейчас будем совершать бросок.

Они перевалили через незаметный пригорок, и перед ними открылась река. Слева она широкой серой лентой обходила стадион в Лужниках, справа был Метромост. У первой опоры Метромоста стояла голубая бытовка, оставленная рабочими.

— Хижину «Последний приют земледельца» видите? — Пыркин показал на бытовку.— Вот до нее нам и надо добежать. Это только кажется, что до нее недалеко,— бросок может растянуться на всю оставшуюся жизнь.

Пыркин кинулся вниз к реке, размахивая оранжевой рукой, мелькая черными пятками и подвывая как обиженный щенок.

Это было похоже на детскую игру в войну.

Егор несясь следом, думая только о том, чтобы удержаться, не потерять равновесия и не покатиться кубарем под откос. Рядом бежала Люська... И вдруг этот полет прервался. Егор врезался в Люську, крепко схватил ее, чтобы обоим не свалиться дальше. Пыркин сидел на земле, поджав босые ноги и размахивая бутылкой.

— Долой! — кричал он. — Уничтожу, исчадия ада!

Призраки подкарауливали людей здесь, посреди спуска, когда некуда было деться. Наверх — сто метров, вниз — сто метров склона. А здесь площадка, по краям которой стоят три тухлявых пня.

Призраки были не настоящими и не театральными. Это были какие-то наброски, воспоминания о людях, клочки гумана, ошметки студня... Они стояли полукругом, и, хотя лиц у них не было, казалось, что призраки улыбаются.

Разглядев их, Люська уткнулась лицом в плечо Егора, чтобы их больше не видеть. Егор и сам был бы рад так сделать. Призраки вызывали первобытный животный ужас.

— На прорыв! — завопил Пыркин, метнул бутылку вперед, она раскололась на части и земля вокруг сразу потемнела.

Призраки отшатнулись или отодвинулись на шаг, наярное от неожиданности. И тут же опять шагнули к людям, еще ближе, чем раньше. От них шло электричество — уже кололо кончики пальцев.

Егор обнял Люську, которая старалась вжаться в него. Он искал разрыв между призраками, но путь назад был отрезан. Там уже скопились другие, они покачивались, слились и делились, как амёбы.

— Прощайте, товарищи! — крикнул нелепый Пыркин.

И тут сверху раздался звонкий, залихватский лай. Так лают только беспородные дворняжки — существа глупые и даже истеричные.

Комком черной шерсти сверху неся маленький лохматый пес.

Призраки раздались, рассыпали строй и стали превращаться в воздух, таять, как ночные льдинки в весенней воде.

Пыркин быстро пришел в себя.

— А я что говорил? — произнес он назидательно. — Подкрепления приходят в последний момент, когда на шею героя уже наброшена петля. Где тебя, сукин сын, носило?

Пес прыгал, крутился, умудрился сделать сальто, обнюхивал Люську. Поднялся на задние лапы и, бешено молотя хвостом, пытался дотянуться до руки Егора. Егор погладил пса, и тот пришел в полный восторг — завалился на спину, все четыре лапы в стороны.

— Жулик, забываешь, кто здесь твой хозяин и повелитель! — строго сказал Пыркин. Но Жулик не обременял себя такими проблемами. — По какой-то загадочной причине эти нелюди не выносят собачьего запаха, — пояснил Пыркин. — Почему, скажи мне?

— А кто они такие? — спросил Егор.

— Бог их знает. Неизвестное природное явление. А вернее всего — остатки людей, которые жили здесь, да все вышли.

— Куда вышли? — спросила Люська. Она так и не отпускала пальцев Егора.

Пыркин нагнулся, поднял комок земли, пропитанной водкой, размял в пальцах и понюхал.

— Что удивительно, — сказал он, — крайне удивительно... Запах остается. И вкус тоже. А насыщения организма не наблюдается.

Они стояли, не шли дальше, как будто набирались сил, чтобы продолжить путешествие.

— Здесь, — сказал Пыркин, продолжая нюхать комочек земли, — никто не умирает. Но люди постепенно изнашиваются. Говорят, что можно прожить тысячу лет. Есть тут один фараон, только его давно не видели. Так постепенно

можно превратиться ни во что, но остаться молодым, что и ждет вас, мои дорогие друзья.

— А почему надо бояться нелюдей? — Люська не прислушивалась к рассуждениям.

— Они парализуют жертву электрическим зарядом, — сказал Пыркин. — А затем, по слухам, высасывают ее. Нуждаются в энергии. А так как энергия относительная, то насыщения не происходит... Ой, как выпить хочется. И захмелеть. Половину жизни отдал бы, чтобы захмелеть.

Пыркин пошел вниз. Егор с Люськой спускались следом, держась за руки. Люська все оглядывалась, словно опасалась, не догонят ли их призраки. Жулик носился кругами, иногда начинал лаять, и его лай был приятен. Это был настоящий живой собачий голос.

Они вышли на асфальтовую дорожку, которая тянулась вдоль воды, отделенная от реки ажурной чугунной загородкой. Но там, где стояла бытовка, загородки не было — оттуда можно было спуститься к воде.

Пыркин прибавил шагу, как бродячий рыцарь при виде своего замка.

Жулик сбегал к времянке, вернулся, проверил, все ли на месте, и убежал снова. Он был здесь свой и ничего не боялся.

Через две минуты они оказались на бетонной площадке. Перед ними стояла голубая бытовка, за ней — скелетом шуки изгибался Метромост, который так и не успели отремонтировать.

— Эй! — крикнул Пыркин. Голос его вновь звучал уверенно. — Принимайте гостей.

Из времянки вышла грузная женщина на слоновьих ногах.

В ней было столько жира и мяса, что свекольные щеки выпирали наружу, прижимая темные глазки. Плотные, туго шитые волосы покачивались над головой, словно девственный лес Амазонки, губы были накрашены ярким красным цветом. Одета была женщина в некую бесформенную хламиду из синего бархата, но главной ее особенностью

было обилие золотых украшений. Егору показалось, что она вот-вот рухнет под тяжестью золотых и жемчужных ожерелий и браслетов, а колец на ее толстых пальцах было столько, что самих пальцев не было видно — лишь их кончики с красными ногтями высовывались из золотых футляров.

Из-под платья виднелись синие шаровары, какие любят носить в домах отдыха пенсионеры — Егор как-то навещал дедушку в Барвихе. Туфли были тоже золотыми, с загнутыми носками, как у красавицы из мусульманского гарема.

— Гляди-ка,— произнесла женщина басом.— Молодежь явилась не запылилась.

Из-за спины женщины выглянуло низкое и широкое в плечах существо ростом с Люську, но пожилое.

— Давно пора,— сказала существо.— Нам нужна свежая кровь.

Существо было облачено в черные брюки и черный фрак — наверное, так одевались могильщики и гробовщики.

Оно вынуло руку из-за спины. В руке был черный, блестящий, правда погнутый, цилиндр. Существо надело цилиндр, видно рассчитывая, что станет выше ростом.

— Подходите, не стесняйтесь,— сказала толстуха.— Чего уж, мы с вами одна семья.

— Это Люська Тихонова,— сообщил Пыркин, не скрывая радости.— Представляешь, соседка по дому. Надо же, такое совпадение.

— У тебя все время совпадения,— проворчало существо в цилиндре.— Мне приятно встретиться с новыми добровольцами. Как тебя зовут, корнет?

Человек глядел на Егора стеклянными бешеными глазами. И хоть был на голову ниже его, показался Егору высоким и имеющим право приказывать.

— Егор!

— Фамилия, спрашиваю!

— Чехонин.

— Неправильно! Еще раз!

— Егор Чехонин. Георгий Артурович Чехонин.

— Из дворян?

— Кончай, Партизан, дети проголодались с дороги.— Толстая женщина отодвинула его, зазвенели браслеты.— Сейчас чай будем пить. Вениамин,— обернулась она к Пыркину.— Вы не возьмете на себя эту задачу?

— С удовольствием, Марфута,— ответил Пыркин. И уничижительное имя прозвучало в его устах уважительно, почти подобострастно.

— А ты выпить принес? — спросила Марфута.

— В некотором смысле одна сохранилась.

Пыркин вытащил из-за пазухи последнюю бутылку водки.

— Пришлось от нелюдей отбиваться. Жулик спас.

— Да,— произнес Партизан. Непонятно было — с маленькой буквы его произносить или с большой.— Теряем людей. Ты за Жуликом получше смотри, сведут его у тебя.

— Ты точно знаешь? — спросил Пыркин.

— Сейчас только что проезжал самокатчик из дворца,— сказала Марфута.— Узнавал, не держим ли мы животных. Я спросила, каких животных он имеет в виду. Есть указание, говорит, привезти на Киевский собаку. Очень они ее там хотят испытать. Сюда, говорят, только люди попадают. А животные не попадают.

Жулик словно почувствовал, что речь идет о нем, подбежал к Пыркину и улегся у него в ногах.

— Не попадают, не попадают,— проворчал Пыркин.— Неужели хуже людей? Неужели у него тоже не бывает чувства полной безысходности, когда тебя никто не любит и все хотят на живодерню отдать?

Пыркин пошел в дом, а Жулик затрусил за ним, что вызвало реплику Партизана:

— Собакам не место в доме.

— Помолчал бы! — огрызнулся Пыркин.

— Пока что я руковожу нашим небольшим коллективом,— сказал Партизан.

Егор спросил Люську:

— Ты есть хочешь?

Спросил, потому что вспомнил, как сам он был голоден совсем недавно, новогодней ночью.

— Не знаю,— ответила Люська.— Погляди.

Между бытовкой и рекой на площадке грудой лежали цилиндры, шляпы, фуражки, каски и кепки.

Марфута перехватила взгляд Люськи и ответила за Егора:

— Это Партизан собирает. Ему все носят. Он по размеру ищет и по форме. У него голова как груша.

И Марфута засмеялась, оставив Егора в недоумении, шутит она или нет.

— А почему он Партизан? — спросила Люська.

— Пускай сам скажет.

— Пожалуйста, я готов,— ответил Партизан. Он уселся на стул с рваным мягким сиденьем, что стоял, прислоненный спинкой к голубой стенке бытовки.

Изнутри зазвенело.

— Пыркин опять чашку разбил. На него не напасешься,— сказала Марфута.— У него руки дрожат от алкоголизма. Алкоголизма не осталось, а руки дрожат.

— А ты бутылку в холодильник поставила? — спросил Партизан.

— Поставила, поставила, рассказывай, дети ждут.

У Егора возникали все новые и новые вопросы. Страх не было — попал в незнакомую взрослую компанию, как в гости. Страх рождается от одиночества или непонятной угрозы. А здесь все было мирно, даже безмятежно.

Конечно, эта безмятежность была ненастоящей, но лучше она, чем велосипедисты.

— Моя биография укладывается в пять строк,— сказал Партизан.— Я был поручиком Ингерманландского полка. Слыхали о таком? Не слыхали, не важно. Теперь мало кто помнит. А у нашего полка была славная история. Во время первой мировой войны...

— Партизан, не надо подробностей. Подробности, дай Бог, потом расскажешь. Ты суть дела.

— Марфута. Я могу и замолчать. Если ты все знаешь лучше меня.

Личико Партизана густо покраснело. И это было особенно странно, потому что у всех здесь, то ли от малокровия, то ли от освещения, лица казались серовато-тусклыми. А глаза блестели, как у больных.

— Говори, говори.— Марфута пошла, тяжело ступая, в бытовку, и от ее шагов домик задрожал.

— Во время гражданской войны,— произнес Партизан,— мое подразделение действовало в тылу у красных частей. Меня боялся сам Троцкий. Белые партизаны поручика Веснина! Мы пленных не брали! Славное время, клетная песнь! А потом меня схватили. Повязали. Затащили в подвал. И я попал в лапы к совдеповскому профессору, который научился уменьшать людей. Вы поверите, что до плена во мне было две сажени роста? Я ведь Гейдельберг кончал! Этот Фридрих Иванович Мольтке производил опыты над пленными. За три недели он уменьшил меня вдвое.

— Но зачем? — удивился Егор.

— Троцкий приказал сделать специальную команду разведчиков, шпионов, которые не занимают много места и могут быть переправлены за границу в дамских ридикюлях. Разведчиков, которые могут протиснуться в щель под дверь! Они хотели заполнить Европу неуловимыми шпионами. И я стал лабораторной мышкой...

— Чай готов! — закричала изнутри Марфута.

— Идем! — откликнулся Партизан.

Он замер и стал присматриваться к дальнему берегу реки, где, словно гигантская банка из-под шпрот, возвышался стадион. Что-то блеснуло у самой воды.

— Марфута,— позвал Партизан.— Высматривают. От стадиона.

— Этого следовало ожидать,— откликнулась изнутри бытовки Марфута.

Но вышла не она, а Пыркин. Он тоже посмотрел на тот берег. Если приглядеться, можно было различить махонькие человеческие фигурки, сидящие у воды.

— И как они только узнают! — воскликнул партизан Веснин, приложив ладонь козырьком ко лбу. — Неужели правда, что нелюди им докладывают?

— Как они доложат? — крикнула из домика Марфута. — Если у них ртов нема.

Марфута говорила мягко, как говорят на юге, порой неправильно ставила ударения.

— Бог с ними, спрячем детишек, — сказал Пыркин.

— А что случилось? Кто они? — спросил Егор.

— Много будешь знать, скоро состаришься, — ответила Марфута.

— Не все сразу, — поддержал ее Партизан, поднимаясь. Он взял стул с собой, прижал к груди и понес в бытовку. Стул был с него размером. Несчастный человек, если он говорит правду. Он был в две сажени ростом, а стал почти карликом.

Внутри был стол, покрытый клеенкой. На нем стояло четыре чашки и стакан с отбитым краем. Посреди стола возвышался сверкающий начищенный чайник, на блюдечках лежали сухарики и печенье.

Марфута уселась во главе стола.

Партизан поставил свой стул, прыгнул на него с ногами и сел на корточки. Привычно, видно, каждый день так садился.

— Сначала по маленькой? — спросил Пыркин. — С приездом.

— Мне в чашку, — сказала Марфута, будто был какой-то выбор.

— Я сегодня не пью, — сказал Партизан.

Пыркин налил себе и Марфуте. Егор вспомнил, как Пыркин пил водку там, возле метро. И жаловался, что водка на него не действует.

Марфута стала разливать из чайников воду по чашкам. Вода была совершенно чистая, бесцветная. Вода из-под крана, и все тут.

— У нас плохо с огнем,— сказала Марфута гостям.— Огонь здесь горит плохо, да и мало горючих материалов. Так что чай пьем негорячий. Вы уж не обижайтесь. Вода што у нас хорошая, родниковая, из Москвы-реки. Промышленности нет, загрязнения никакого. Пейте, не бойтесь.

Егор отхлебнул из чашки. В ней была холодная вода.

— Берите печенье, дети,— сказала Марфута.— Печенье хорошее, фабрики «Большевичка». Сама из фирменного киоска брала.

— Это не чай,— сказала Люська.— А чаю нет?

— Другого для тебя не приготовили,— проворчал Пыркин.— Что сами пьем, то и тебе предлагаем. А если водки хочешь, прошу пожалуйста, присоединяйся.

— Я не пью и тебе не советую,— сказала Люська.— Известно, чем это кончается.

— Пей, не пей — конец один,— ответил Пыркин и поднес стакан к губам. Затем запрокинул голову и плеснул в открытый рот.

— Ну, с Богом,— сказала Марфута. И тоже стала пить. Но маленькими глоточками, морщась, фыркая и наслаждаясь вкусом водки.

— Не бойся,— сказал Партизан.— Опьянения не наступит. Проверено.

— Знаю,— сказал Егор.

— А зачем пить тогда? — спросила Люська.

— А затем, чтобы вкус ощутить,— сказал Партизан.— Можно, я вам свою историю доскажу?

— Конечно,— сказал Егор.

— Мне удалось убежать от Фридриха Мольтке. И случилось это под новый, 1920 год. Я мчался как зверушка. Ведь я привык большим быть, а меня уже вдвое успели уменьшить. И стали меня настигать! И деваться некуда. Но лучше смерть, чем судьба в руках большевиков. «Нет! —

закричал я себе,— я хочу умереть!» Но пробило двенадцать часов, и я оказался здесь. И было это более семидесяти лет назад.

Партизан отхлебнул воды из чашки, стал хрустеть сухариком, потом кинул сухарик на пол, спрыгнул со стула и, рыдая, пошел наружу.

— Что с ним? — спросила Люська.

— Трагедия у него,— ответил Пыркин серьезно.— Он там полюбил одну девушку. Великую княжну Евдокию.

— Семнадцати лет,— вставила Марфута.

— Семнадцати лет. Она тоже была в лапах этого Фридриха. Но ею занимались раньше. И когда он увидел ее в день побега, пробравшись с риском для жизни в женское отделение, он увидел существо ростом с кошку. Это была его возлюбленная. До сих пор он не может пережить.

— Любовь,— объяснила Марфута,— не терпит компромиссов.

Поверить в эту историю было нелегко, но окружающие говорили об экспериментах зловещего Фридриха как о само собой разумеющемся. И, уловив сомнения Егора, Марфута подтвердила:

— Здесь много необъяснимого. Я сама иногда теряюсь.

— Но это же было у нас! — возразил Егор.— Давно, у нас, а он все равно такой же.

— Глупости, присмотрись,— велела Марфута.

Егор присмотрелся. Партизан, как бы желая ему помочь, снял цилиндр. Волосы у него были длинные, седые, редкие. Лицо молодое, почти юношеское. Глаза оловянные. Все остальное досталось Партизану от древнего старика.

— Вы с какого года? — спросил Егор.

— Я на десять лет старше века,— ответил Партизан.

— Вам сто лет?

— Чуть больше. Но я неплохо сохранился.— И Партизан засмеялся легко и беззаботно.— И пока не сойду с ума или не попадусь к бандитам, буду так же хорош, весел и рассудителен.

— Милый мальчик, ты пей воду, пей,— сказала Марфута.— Здесь организму не требуется пища. Ты можешь, конечно, поесть, и желудок у тебя сработает, но еды не требуется. А вода нужна. Наши с тобой организмы беспрерывно выделяют пар и пот. Вода очень нужна. И не важно, какой это чай, от воды не отказывайся.

Марфута была ласковая, заботливая, как родная тетя, к которой ты приехал на дачу. Люська послушно отпила из чашки. Но ей пока пить не хотелось. Егор поблагодарил Марфуту, но тоже пить не стал.

— Кто не пьет, быстрее стареет,— сказала Марфута.

— А здесь стареют по-разному? — Этот вопрос давно крутился в голове Егора. Ответ на него был не так уж и важен — Егор решил для себя, что он отсюда выберется. Не останется в этом глупом мире. Но для того, чтобы уйти, важно было понять. Ведь Егор многого не понимал до сих пор. Даже куда попал — не понимал, что это за мир людей, которые в новогодний час, в новогоднюю минуту мысленно отказались идти в Новый год с остальными людьми. Мир беглецов? Это, очевидно, будет лишь самый первый, поверхностный ответ. А суть-то, наверное, глубже. И нужно задать правильный вопрос.

— Здесь никто не стареет,— ответил Партизан.— Безусловно.

Пыркин слил в стакан оставшуюся водку. Спросил:

— Никто мне компанию не составит?

Когда никто не ответил, он выпил стакан и сказал:

— Люди стареют, как стулья. Стул бывает новый, а потом разваливается. Он неодушевленный. Так и мы — стулья.

— Стулья! — засмеялся Партизан.— Из красного дерева.

«А сколько вам лет?» — хотел спросить Марфуту Егор. Но у женщины спрашивать об этом неприлично.

Вдруг он увидел себя со стороны: в бытовке, тускло освещенной светом из двух маленьких окошек, сидят за шатучим столом несколько человек и пьют холодную воду из чайника.

— Сухарика еще хочешь? — спросила Марфута.

— Не хочу! — вырвалось у Егора. — Ничего не хочу! Я домой хочу.

— А вот домой, к папе и мамочке, у нас дороги нет, — сказала Марфута. — Многие бы желали, но не получается.

— Ты не права, Марфута, — сказал Партизан. — Говорят, что были отдельные попытки.

— Удачные? — спросил Егор.

— Молодой человек, вы попали сюда по своей воле. И притом по сильной воле. У вас просто не было другого выхода. Только отчаяние. Да, именно отчаяние вы оставили за своей спиной. Вы спаслись от отчаяния, приехали к нам, мы довольны, что вы нам свежие московские новости будете рассказывать, но вам вдруг захотелось обратно. Да если б это было возможно, люди начали бы шастать между нашими действительностями. И к чему бы это привело?

— К полному разрушению обоих миров, — ответил Пыркин. — Исторически это нам известно. Слияние двух цивилизаций всегда приводит к гибели одной из них. Дружбы народов, как и дружбы галактических цивилизаций, пока не отмечено. Но, скажу я вам, мне досталась плохая, ядовитая и, может, даже отравленная водка.

— Что любопытно, — заметил Партизан, — здесь отравиться нельзя. Как я понимаю, происходит нарушение связей в организме. Но вырвать может.

— Только не меня! — сказал бывший учитель.

— А здесь много людей? — спросил Егор.

Он задавал вопросы вроде бы и правильные, но, как сам понимал, не главные. Но не знал, где же главные вопросы и знает ли кто-нибудь ответы на них. В голове постепенно воцарялась экзаменационная тупость, когда нет ни одной мысли и совершенно все равно, что поставит тебе учитель.

— У нас раньше людей больше было. Но многих нелюди затравили. Это же ужас какой-то, живем словно на границе, — сказала Марфута.

— А за рекой Афганистан, — сказал Пыркин.

— При чем тут Афганистан! — отмахнулась Марфута.

— Ты не знаешь по возрасту,— ответил Пыркин.— Афганистан сложился уже после твоего отбытия сюда.

— Вот когда они нам не нужны,— сказал Партизан,— то они тут как тут. Крутятся, требуют отдать собачку. А когда нас уничтожают как котят, то их не дозовешься.

— А если я сейчас захочу умереть? — громко спросил Егор.— Если сейчас захочу, чтобы не ждать, как гнилой стул? Что мне надо сделать?

— Можно,— сказал Пыркин.— Это именуется самоубийством и не поощряется. Грех это.

Егор вспомнил самоубийцу у метро. Но что-то заставило его промолчать о нем. Может, самому было страшно вспоминать.

— Человеку это несвойственно,— сказала Марфута.— Мы же все большие жизнелюбы.

— А как отсюда уйти?

— Егорушка,— сказал Партизан,— ты об этом спрашивал. Ты думаешь, что уйдешь и все станет на свои места? Ничего подобного! Тебе там места нет.

— Почему?

— Знающие люди говорят,— ответил Партизан,— что наши места в первом мире тут же занимают наши двойники. То есть, другими словами, мы сюда и не переходим, а переходит лишь...

— Лишь субстанция,— сказал Пыркин.— Как бы духовная эманация личности. Этот вопрос интересен, потому что тогда возникает закономерный вопрос: а не в раю ли мы с тобой? И скорее всего, я допускаю, что именно генистическое воспоминание о существовании нашего мира, о дублировании миров и послужило основанием для легенды об аде и рае.

— И тогда у нас рай,— сказал Партизан.

Сказал ядовито, с издевкой. Конечно же он так не думал.

— Тем не менее,— сказала Марфута,— у нас с вами большой праздник. Сегодня — Новый год. И это большой юбилей для каждого из нас. Именно в эту ночь мы пришли

сюда, чтобы навеки поселиться в мире, где нет зависти, оскорблений, унижений и гонений. Да здравствует свобода! Как жаль, Пыркин, что ты не взял с собой шампанского.

— Только деньги тратить,— презрительно ответил Пыркин.

Никто не засмеялся.

— А когда ночь будет? — вдруг спросила Люська.

— Ночи, моя красавица, здесь не бывает,— сказала Марфута.— Здесь всегда так.

— А когда же спать? — спросила Люська.

Марфута переглянулась с Партизаном. Ответил Пыркин:

— Ты, конечно, можешь подумать, что мы уроды и даже привидения. В таком случае отвечу: от такой же и слышу. Но самое печальное в том, что здесь можно не спать. Правда, можно себя уговорить, особенно если устанешь или перенервничаешь. Но проспишь немножко — и вскочил. Проснулся, и ничего, блин, не изменилось. Партизан фуражки меняет, а Марфута пасьянс раскладывает. Тьфу ты!

— Вениамин прав,— сказала Марфута.— Как вы уже догадались, времени у нас нету. Попался бы преподаватель хороший, я бы за пятьдесят лет сто языков выучила. Пошла бы по всему миру, из страны в страну, всюду бы людей встречала, беседовала с ними. Давно собираюсь на Эйфелеву башню поглядеть. Ты не видал?

— Нет, не видал,— признался Егор.

— И мы с генералом в Отечественную не дошли. Немного не дошли. Берлин взяли, а мой генерал говорит — теперь, говорит, Сталин даст приказ, и будем мы брать Париж малой кровью. Но, к сожалению, наступил праздник Победы, и не побывала я в Париже. Думала я тогда: выйду замуж за генерала, поедem с ним в Париж как почетные гости...

— Марфута была боевой подругой,— пояснил Партизан.— Мы таких, как она, понимали, но не уважали.

— Всю войну,— подтвердила Марфута,— не отходила. Раны перевязывала, самогоном отпаивала, на руках от поля боя до «виллиса» носила. На Новый, 1946 победный год стояли мы тогда в стратегическом резерве главнокомандующего в Польше на случай обострения. Пошла я в парикмахерскую, чтобы маникюр сделать, краковская была там парикмахерская, но маникюр хорошо делали. Платье на мне гражданское было, трофейное из крепдешина, пальто на заказ, а он ждал меня на торжественный ужин. Я прихожу без пятнадцати двенадцать, как сейчас помню, меня его денщик Эдик встречает, с такой гадкой улыбкой. К генералу, говорит, нельзя. У них сурприз. Какой еще сурприз? А такой, что приехала к нему его супруга Мария Тихоновна с их сыном Матвеем... Так что генерал Василий Федорович делает вид, что праздник готовил к приезду жены, а мои шмотки, какие дома были, покидал в заднее окно, а офицерские жены их разобрали. Ах! Если бы вы знали, как гадко он смотрел на меня! Это за то, что я раньше отвергла все его притязания. Я вышла. Путь один — кидайся в реку Вислу, но даже смерти не хотелось. Главное, не хотелось жить на одной земле вместе с ним. Он же обещал мне жениться, говорил, что как только первая возможность — развод. Понимаешь?

Она взмахнула толстыми руками, и зазвенели браслеты. Егор увидел ее иначе, чем до рассказа. Это была пышная, курчавая, чернокудрая, страстная женщина. Егор мысленно употребил эти слова, хотя они были книжными и в жизни Егор их никогда не употреблял.

— Со Старым годом! — воскликнула Марфута, поднимая свою недопитую чашку с водкой.— За Родину! За Сталина! За победу!

— Совсем рехнулась старая,— сказал Пыркин.— Пойду погляжу, как на том берегу, продолжают наблюдение?

Он взял с полки бинокль, Егор тоже поднялся.

— Я с вами,— произнес он.

Он услышал, как за спиной Марфута сказала:

— Вот тебе, Людмила, новогодний подарок. Сережки из чистого золота с малахитом. Носи от моего имени.

— У меня уши непроколотые,— ответила Люська.

Пыркин стал смотреть в бинокль на тот берег, не обращая внимания на гостей, которые появились на набережной.

Плотная сутулая девушка с длинными черными волосами, в бесформенном сером платье с накладными карманами и в шлепанцах толкала перед собой инвалидное кресло, в котором обвисло сидел толстый юноша со спутанными длинными жирными космами.

— Кто это? — спросил Егор.

— Не обращай внимания,— сказал Пыркин.— Психи разного рода. Здесь кого только нет. Это скоро кончится.

— Кончится? Как стулья?

— Да. Как стулья. Соня Рабинова, я с ней знаком, хорошая была девушка, ее хотели на вокзал взять, но она объяснила, что попала сюда из-за сифилиса. Представляешь, ее завкафедрой заразил. Здесь она этого нашла... идиот, идиот, а ведь тоже сюда захотел. Тоже ему дома, видите ли, плохо было. Вот она его и возит. Искушает свои грехи.

Марфута услышала этот разговор, вышла из бытовки и крикнула длинноволосой девушке:

— Сонька, заходи к нам, мы Новый год провожаем.

— Нет, спасибо,— ответила девушка.— Это развлечение не для нас.

— Откуда тебе знать? — сказал Пыркин.— Может, твой идиот желает с нами выпить водки?

— Нет, я знаю, он не пьет,— ответила девушка.— Он думает.

Здесь есть вокзал, подумал Егор. И есть Париж. Значит, здесь не кусочек Земли, а целая планета. Наверное, здесь много людей.

Он встретился взглядом с идиотом. Глаза смотрели сосредоточенно и остро. Шевельнулись толстые мокрые губы, шепча что-то. Егор испугался, потому что понял притворство юноши. И тут же его взгляд погас.

Сердце Егора сжалось. По набережной не спеша ехал велосипедист. Может быть, здесь один велосипедист, а может быть, их много, но они одинаково одеты.

— Смотри! — сказал он Пыркину. Пыркин быстро обернулся. Велосипедист уже подъезжал к ним.

Тот же велосипедист. В черном блестящем плаще, в пожарной каске, надвинутой на уши, и в черных очках, отчего его лицо казалось маленьким.

— Эй, Марфута! — крикнул он. — Подержи велосипед.

— Я сам, сам, — отозвался Пыркин.

Он сбежал по ступенькам и затрусил к велосипеду.

— Марфута, — сказал велосипедист. — Я тобой недоволен. Неужели все еще генералу верность хранишь?

— Храню, — ответила Марфута.

— А ведь я тебя в Париж отвезти могу, — сказал велосипедист.

— Кишка тонка, — сказала Марфута.

Велосипедист сошел с велосипеда. Пыркин держал машину как боевого коня, за сиденье. Переднее колесо было с него ростом.

— Показывай, какого полку у вас прибыло, — спросил велосипедист.

— Малолетки, — сказала Марфута.

Из бытовки вышел и Партизан.

— Я бы завтра с докладом пришел, — сказал он.

— Велели сегодня. Есть мнение, что вы заманили к себе чужих людей.

— Это еще почему? — обиделся Партизан. — Они же добровольно.

— Не скажи, — возразил велосипедист. — Я этого парнишку наверху видел у метро. Видел я тебя?

— Не знаю, — сказал Егор. — Вас же угадать нельзя.

— Дурак, меня угадать надо обязательно. Я же исполнитель.

Велосипедист обернулся к Партизану:

— Документы должны быть в порядке.

— Послушай, Грымза, глаза твои пустые,— сказала Марфута.— У прокаженных не спрашивают билетов на бал.

— Ты не намекай,— ответил велосипедист.— Все должно быть путем. Их должны в книгу занести. А где вторая персона?

— Люська, выходи,— сказал Пыркин.— Власти желают сделать с тебя фотографию.

— Значит, ты...— Велосипедист откинул полу плаща. Мешка с головой под плащом не было.— Ты будешь у нас Георгий Артурович Чехонин, возраст шестнадцать лет...

Странно было это слышать. Значит, о нем все известно? Вышла Люська. Она явно боялась велосипедиста.

Велосипедист записал данные Егора, кое о чем спросив его для уточнения. Потом обратился к ней:

— Тихонова, Людмила Георгиевна. Двенадцать лет. Порядок должен быть во всем.

Записав, он спросил у Партизана:

— Значит, оставляете их при себе?

— Конечно,— сказал Партизан.— У меня совсем людей не осталось.

— Да, ты прав,— согласился велосипедист.— Нельзя форпосты оголять. Может, тебе еще людей подошлют. Но если подошлют, считай, что молодежь отберут. Сам понимаешь, молодежь к нам редко попадает, молодежь на вокзале требуется. Император невесту ищет. А так чего нового?

— Там вон, за рекой,— сказал Пыркин.— Наблюдают.

— Чего ж ты сразу не сказал! — рассердился велосипедист.— Это же главное, чем ваш Новый год. Сколько их там?

— Двое с биноклем,— сказал Пыркин.

— Вот это я доложу.

Он взобрался на велосипед и медленно поехал по набережной, глядя на тот берег, видно, надеялся увидеть наблюдателей.

— А на том берегу кто был? — спросил Егор.

— Плохие люди,— сказала Марфута.

— Плохие люди,— повторила Люська.— Это же надо — всюду плохие люди.

— От этого никуда не денешься,— добавила Марфута.— Куда ни кинь, всюду встречаются фашисты. Не добились их.

— Я не знаю о фашистах,— возразил Партизан.— Не было в мое время фашистов. Но для меня есть большевики, порождение темных сил. Ох, сколько я их пострелял!

— А потом пошел на службу фашистам! — сказала Марфута.

— Я сюда пошел на службу.

— А если бы не сюда, наверняка бы ушел к фашистам, как генерал Власов!

— Вот так они каждый день,— сказал Егору Пыркин.— Не понимают, что все это — история, материал для изучения. Но, к сожалению, человечество совершенно не умеет излекать уроков из прошлого. Через десять лет сюда зайдут новенький и удивится, кто такой президент Буш.

— А кто это такой? — спросила Люська.

— Вот видишь!

Война между Партизаном и Марфутой между тем утихла. Марфута вспоминала о Сталинграде, а Партизан обвинял Троцкого в расстрелах и зверствах. Марфута торжественно объявила, что Троцкого убрали. Потому что он был фашистским шпионом...

Егору и на самом деле было неинтересно, о чем собачатся привидения. Он думал о том, что, наверное, на настоящей земле появился второй Егор, пришел домой и сейчас спит, не вспоминая о магнитофоне. А если это и не так — все равно мы привидения. Они старые привидения, а мы с Люской новые привидения. Глупо. Вот Егор всегда хотел стать археологом, находить забытые цивилизации, спасти их от забвения. Серега, который еще не решил, кем станет, смеялся над Егором за то, что тот хочет копаться в старых могилах — это не занятие для человека XXI века. Ничего Серега не понимал — археология самая оптимистическая из наук. Она спасает память человечества.

Егор много читал исторических книг и записок археологов. Знаете ли вы, какое счастье — заглянуть в гробницу Тутанхамона, которую пощадили древние грабители? Понимаете ли, что значит развернуть берестяную грамоту и увидеть слова, написанные тысячу лет назад — детские каракули или приглашение на свидание. «Ничего ты, Серега, не понимаешь». А тот отвечает: «Ты, Егор, готовишься в охотники за привидениями». Вот почему Егор вспомнил Серегу. Ведь история не может остановиться.

— Что Марфута имеет в виду под плохими людьми? — спросил Егор.

— Каждое общество, даже общество призраков, — рука Пыркина дернулась в направлении откоса, где на них напали призраки, — даже общество призраков стремится к организации. Таким образом оно защищает себя. Понимаешь?

— Понимаю, проходили, — сказал Егор.

— Некоторые проходили, а другие самый нужный урок проспали. Продолжаю: каждое общество за пределами первобытной стаи делится на вождей, воинов и землепашцев. Одни командуют, другие защищают или нападают, третьи обеспечивают прибавочный продукт. Так и здесь. Это еще до меня случилось. Может, тысячу лет назад...

— А давно этот мир существует?

— Не перебивай преподавателя. Мир этот существует неведомо с каких пор. Здесь нет часов и даже солнца и небесных тел, которые помогают понять время. Вижу в твоих глазенках очередной вопрос и спешу удовлетворить твоё любопытство. Здесь времени нет. Нет минут, часов и даже самой жизни. Но ты можешь договориться со мной, что песок высыпается вниз, допустим, за десять минут. Мы и пользуемся таким счетом. Можешь услышать: «Приду через один песок», или: «Приду через три песка». У нас тоже есть, я из аптеки унес — страшный дефицит.

— Значит, никто не знает, сколько он прожил?

— Есть другой способ мерить время. Не догадываешься какой?

— Догадываюсь,— сказал Егор.— По нам.

— Правильно. Вот прибыл сюда Партизан. А мы с тобой знаем, что события, которые его погубили, произошли больше семидесяти лет назад. Вот тебе и точка отсчета.

— А как ваше общество организовано?

— Хватит! Это напряжение невыносимо для моей головы. Поживешь здесь, узнаешь.

— Я не хочу здесь жить.

— Все мы прошли этот этап,— сказала Марфута.

Люська уверенно заявила:

— Мы с Егором уйдем.

— Ну ладно, чего маленьких обижать,— вздохнула Марфута.— Пускай поищут.

— Чего поищем? — не понял Егор.

— Выхода отсюда поищите. А выхода нет!

— Как вошли, так и выйдем! — крикнула Люська.— Нам с вами не нравится.

— Вот в этом и заключается твоя методологическая ошибка,— произнес Пыркин.— Откуда ты ушла в ночь под Новый год? Момент прорыва сюда — это момент во времени, а не в пространстве. Ты следишь за моей мыслью?

— Слежу,— растерянно сказала Люська.

Пыркин повернулся к Егору. Он больше надеялся на его понимание.

— Ты уходишь сюда в определенное мгновение и попадаешь в мир, в котором нет мгновений.

— Вот именно! — сказал Партизан.— Мгновение, ты прекрасно!

«Они ненастоящие,— подумал Егор.— Беззаботные, как микробы».

— А раз здесь нет мгновений, то здесь и не может быть Нового года. Скажи, пожалуйста, где же то мгновение, в которое ты собираешься вернуться?

— Я его найду,— сказал Егор.

— Тогда мой тебе совет,— сказал Пыркин.— Ищи не мгновение, а точку в пространстве. Мысли философски. Понимаешь, что это такое?

— Спасибо, постараюсь,— сказал Егор.

Марфута потянулась, зазвенели золотые браслеты и ожерелья. Гигантская грудь издала глубокий звук, словно пустая бочка.

— И охота вам, хлопчики, время впустую тратить,— сказала она.— Ой, доля моя бабья! Где ты, мой генерал, запропастился! Верно, от старости помер. Поехал бы сюда со мной, до сих пор был бы живой. Знаешь что, Партизан? Вот откроют когда-нибудь сообщение между нашими мирами. И будут сюда путевки продавать. Для достойных людей. Как мой генерал.

— Ох и набегит сюда жулья! — вздохнул Пыркин.

— Не скажи! Сюда путевки ВЦСПС будет распространять. Передовикам труда и классовых битв,— возразила Марфута.

— А знаешь ли ты, что на вокзале сама Крупская живет!

— Помолчи, дурень!

— А кто такая Крупская? — спросил Партизан.

— Это вдова,— сказал Пыркин.— А чья — не скажем. Не дорос ты еще.

— Если не скажете, значит, вдова Троцкого,— догадался Партизан.

И хоть Егору не очень приятно было слышать, как говорят о жене товарища Ленина, в глубине души он понимал, насколько все во времени относительно. И кто вспомнит о нас через пятьсот лет? И кто мог знать о нас всего пятьдесят лет назад?

— Внимание! — сказал Пыркин.— Смотрите на тот берег.

— Вижу,— сказала Марфута.

— Принимаем меры! — Партизан кинулся внутрь бытовки.

Егор посмотрел на реку и увидел, как от дальнего берега отчаливает лодка. В ней сидит несколько человек.

Из бытовки доносился шум. Егор заглянул внутрь через окно. Партизан, сменив цилиндр на военную фуражку,

дергал за гирю, висевшую у дальней стены. Провод, к которому была прикреплена гиря, выходил наружу над головой Егора. Провод дергался. Егор проследил, куда он идет. Провисая, провод тянулся к кривому столбу и уходил дальше вдоль берега.

«Странно,— почему-то подумал Егор.— В этом мире есть миллион пустых квартир и даже дворцов. Занимай — не хочу. Но люди сбиваются в кучки в каких-то жалких бытовках. То ли потому, что им ничего не нужно, то ли потому, что в большом городе страшно и одиноко. Скорее, им ничего не нужно. Ведь если человек чего-то добивается, он спешит или считает минуты, он смотрит, как растут дети и как умирают старики. А здесь — какой смысл во дворце, если ты можешь занять десять дворцов? И все пыльные. И будешь изнашиваться вместе с дворцом, как старый стул».

Партизан вышел из бытовки.

— Я подал сигнал,— сказал он.— Будем сопротивляться или как?

— Я бы убежал,— сказал Пыркин.— Да Марфута плохо бегают.

— Я вообще не бегаю,— сказала женщина.— Мне стыдно бегать.

— Тогда оставайся,— сказал Партизан.— А мы спрячемся.

— Меня нельзя бросать, мальчики! — испугалась Марфута.— А если бросите, я им сразу скажу, где вы спрятались.

— Тогда беги! — велел Партизан.

Странно — они боялись. Они очень боялись лодки, которая медленно двигалась через реку. Значит, на самом-то деле они держатся за это подобие жизни, как человек в гюрьме или в яме все равно старается выжить.

— А что они нам сделают? — спросил Егор.

— Тебе хорошо,— огрызнулась Марфута,— тебя они не догонят. А меня догонят.

— Это изверги,— сказал Пыркин.— Побежали, что ли? Марфута возилась в бытовке, собирая вещи.

— Ну что ты возишься! — крикнул Партизан.

Пыркин пошел первым. Его черное пальто с оранжевым рукавом развевалось, как бурка героя гражданской войны. Он не оборачивался, но крикнул на ходу:

— Молодежь, не отставать, если жизнь дорога!

— Мальчики! — закричала с порога бытовки Марфута. — Прикройте меня. Задержите их!

— Я уже вызвал помощь, — сказал Партизан. Он бегом догонял Пыркина.

— Когда она еще придет! — отозвалась Марфута.

Она пошла следом. Но толстые, распухшие ноги с трудом держали ее, она переваливалась как гусыня. В руке, унизанной браслетами, она тащила мешок.

— Дура, — окликнул ее Пыркин. — Ты чего с собой золотишко взяла? Оно тебе не пригодится.

— Я лучше знаю, что пригодится, а что нет.

Жулик бежал рядом, ему нравилось новое приключение, он прыгал и бегал вокруг.

— Если он там будет лаять, придется ликвидировать.

— Ты у меня доликвидируешься! — пригрозил Пыркин. Жулик как будто понял, замолчал.

— Давай мы поможем Марфуте... — неуверенно произнес Егор.

— И не мечтай. Ее не спасем, сами погибнем.

Они бежали к устоям Метромоста. Егор краем глаза увидел нелюдей. Несколько призраков появились в стороне у высохшего дерева.

— Ату их! — крикнул Пыркин.

Жулик послушался и понесся к призракам.

Егор оглянулся. Лодка была уже близко от берега. Марфута сильно отстала. Даже отсюда было слышно, как тяжело она дышит.

Партизан снял фуражку, нагнулся и исчез за крайней опорой моста.

Пыркин последовал за ним.

Когда Егор с Люськой оказались в тени нависшего над ними моста, они услышали голос Пыркина:

— Иди ко мне, нагнись только.

Они оказались в пещере, образованной бетонными плитами моста и склоном. Пещера была кем-то углублена, свет и все попадал со стороны реки сквозь щель, как раз над головами.

— Егор, выйди на разведку, — приказал Партизан. — Осмотрительно ползи вперед, не высовывайся. Если что — прячься незамеченно! Главное, доложи, как там Марфута!

Егор подчинился. Он подполз на животе ко входу в пещеру и выглянул наружу.

Марфута так и не достигла укрытия — до нее еще метров сто. Затем он увидел людей из лодки, их было четверо, они были одеты разнообразно и неряшливо, словно играли в разбойников.

Все четверо шустро бежали вверх по склону, весело крича на ходу, чтобы Марфута остановилась и их подождала. Они казались совсем неопасными.

Марфута бежала из последних сил. Наконец ее пальцы сими разжались, и она уронила свой мешок. Ей бы побежать быстрее, но она остановилась, расплылась грудой мяса и стала собирать в мешок высыпавшиеся оттуда драгоценности. Партизан просунул голову рядом с Егором.

— Дура, — прошептал он. — Как Тарас Бульба.

Егор вспомнил, что Тарас Бульба попал в плен к ляхам, потому что вернулся за своей трубкой. Оказывается, Партизан тоже читал Гоголя. А что в том удивительного? Ведь Гоголь жил еще раньше.

Марфута не сумела собрать добро в мешок, веселые разбойники догнали ее.

— Вот и славно, — сказал первый из них.

Неожиданно он ударил Марфуту в бок так, что она упала на землю.

— Ой, миленькие хлопчики! — завопила Марфута. — Да и что ж вы на бабу старую навалились! Отпустите меня, вы ж меня знаете, я всегда здесь живу.

Второй молодец поднял мешок.

— Тяжелый, — сказал он. — Наверное, с полпуда.

— И все ворованное,— сказал третий.— Безобразие.
Они засмеялись.

— Это мы конфискуем,— сказал первый, и, видно, главный. У него была черная борода клинышком, как у Мефистофеля, и небольшие торчащие усы.

— Конфискуйте, конфискуйте,— согласилась Марфута.

— И все бранзулетки, которые ты на себя навешала, тоже конфискуем.

— Это правильно.— Марфута начала сдирать с себя браслеты и ожерелья.

Она очень торопилась, руки тряслись, она старалась стать маленькой, незаметной, послушной как ребенок, чтобы злые дяди не обижали ее. Егор понял, что не может больше смотреть на страдания Марфуты,— он рванулся, чтобы вылезти из пещеры, но Партизан, видно, догадался об этом и прижал Егора к земле — рука у него оказалась сильной.

— Ты с ума сошел,— прошептал Партизан.— Ты же всех погубишь и себя тоже... А ей только Бог поможет.

— Егор,— пискнула сзади Люська,— не ходи, пожалуйста.

— Где другие? — спросил бородатый в камуфляже.— Новенькие где?

— Я не знаю,— завывала Марфута.— Не знаю.

Она закричала, и ее вой поднялся до визга, потому что бородатый завернул ей за спину толстую руку и Марфута, стоя на коленях, склонилась головой к его сапогам.

— Та-ам...— забулькала Марфута,— под мостом.

— Показывай!

— Так я и знал,— прошептал Партизан.

Он сделал паузу, прислушиваясь, затем заговорил

— Побежали дальше. Есть запасной вариант. Ползком направо, а как крыша кончится, сразу вниз, за мной.

Никто не задавал вопросов. Даже Люська понимала, что разговаривать некогда. Но удивительнее всех вел себя Жулик. Он первым выполз из убежища и на полусогнутых лапах побежал именно туда, куда велел бежать Партизан.

Партизан пополз следом за ним. Егору показалось, что место настолько открытое, что их сразу заметят.

Но заметили их не сразу. Крики послышались тогда, когда последний из них, Пыркин, покинул убежище и, пригибаясь, помчался за остальными.

— Вот они! Держи!

Партизан скатился вниз по склону, как куль с картошкой. Егор тоже потерял равновесие и старался удержаться на какие-то палки и железки, которые торчали из земли. Люська бежала легко, она была невесомая и ловкая.

Уже внизу, схватившись за вылезающий из асфальта кусок рельса, Егор смог посмотреть наверх, откуда доносились крики, неслышные, пока бежишь, и громкие, стоит тебе остановиться.

И он увидел, как Пыркин стоит на пути противников, размахивая толстым дрыном.

— Не подходи! — кричит он. — Убью. Всех перестреляю.

Мефистофель сделал шаг вперед и вытащил из-за пояса саблю.

Пыркин крутил палкой так отчаянно, что Мефистофель не смел приблизиться к нему.

— Заходи сбоку, Мартын! — закричал Мефистофель своему помощнику.

Тот начал обходить Пыркина, но сделать это было нелегко, потому что слева от Пыркина была стена, справа — крутой откос. Мартын старался пробраться по крутизне, но сорвался вниз и хлопнулся на живот, чтобы не скатиться в воду.

Третий бандит никак не мог придумать, как подобраться к Пыркину, и метался за спиной Мефистофеля.

— Убери его! — кричал Мефистофель.

Партизан толкнул Егора в сторону, где оказалась дыра, прикрытая стоявшей под острым углом гигантской плитой.

Люська прыгнула внутрь первой, за ней — Партизан, который тянул за собой Егора, но Егор смотрел, как Пыркин сражался с бандитами.

И успел увидеть, как бандит по имени Мартын, поднявшись на ноги и с трудом балансируя на крутом склоне, вытащил из-за пазухи пистолет.

— Давай же! — крикнул Мефистофель.

Мартын прицелился, и больше Егор ничего не увидел и даже не услышал выстрела, потому что Партизан утащил его внутрь, в черную нору.

— Ползи! — приказал он.

Егор послушно пробирался в полной темноте, осыпалась земля, что-то холодное и скользкое упруго дернулось под рукой, Егор сжался от ужаса, а Партизан все торопил и торопил его:

— Ползи, ползи!

— Все, — глухо ахнула спереди Люська. — Здесь стена.

— Тогда сиди и молчи, — проговорил Партизан.

Наступила тишина.

Все слушали, что происходит снаружи, но нора, в которую они забрались, была достаточно глубокой, и не было слышно ни звука.

— Боюсь, — вдруг произнес Партизан, — что Жулик к нам побежит. Он их наверняка на нас выведет.

— Там что-то было, — сказал Егор. Он вытер влажные ладони.

— Не бойся, — сказал Партизан. — Здесь улитки бывают. Крупные улитки. Давно завелись. Они не кусаются. И слизь у них не опасная. Но если будут Марфуту пытаться, она наверняка на нас покажет. Она это убежище знает. Лучше бы ее сразу убили.

— Ой, что вы говорите! — ахнула Люська.

— Фуражку потерял, вот что говорю, — ответил Партизан.

Было душно. Долго не просидишь.

— Нам долго здесь сидеть? — Люська как будто угадала мысль Егора.

— Пока не уйдут, — ответил Партизан. — Ты не бойся, не задохнемся. Мы как-то здесь вчетвером сидели. Часа два. Но живые остались.

— Что им от нас нужно? — спросил Егор.

— Вы им нужны, — сказал Партизан. — Они выследили, что у нас молодежь.

— А почему молодежь?

— Глупый, молодежи здесь нехватка. Молодежь всем нужна. И новенькие тоже. А если молодежь и новенькие, то тут цены нет.

— На что я им?

— Продать, — сказал Партизан. — Или использовать.

— Как?

— Как, как! Рано тебе еще знать как! — рассердился Партизан. — Твое дело сидеть.

— Уйду я от вас, — сказала Люська. — Нельзя мне с вами жить. Лучше уж дома.

— Надоело, — сказал Партизан. От него пахло немытым телом и дешевым одеколоном. Задохнуться можно от такого одеколона. — Никто отсюда не уходит.

— А кто нам скажет, когда выходить? — спросил Егор.

— Птичка пропоет, — ответил Партизан. — Помолчи.

Они молчали. Чтобы не было грустно, Егор стал думать. Он уже немного привык к своему положению и даже полюбил в то, что стал как бы привидением. Ведь невероятно то, что происходит с другими. С тобой невероятно не бывает. Дядя Боря когда-то любил повторять: «Будем решать проблемы по мере их возникновения».

Вот мы сейчас сидим в черной дыре. Я, один пожилой человек, которого не успели уменьшить до нужного ничтожества, девочка Люська, не очень образованная, по-своему симпатичная, и ее жалко. И надо отсюда выбираться. Как с необитаемого острова. Как из тюрьмы. Не может быть, чтобы отсюда нельзя было выбраться. Нет тюрем, из которых не убежали бы графы Монте-Кристо.

Совсем близко, как будто в ухо, залаял Жулик. Ну просто лиливался отчаянно, будто хотел сказать что-то важное.

— Молчи! — зашипел Партизан.

Жулик замолчал, будто удивился.

Снаружи зашуршало.

— Ох и выдаст он нас! — прошептал Партизан.

Холодный нос Жулика ткнулся в щеку Егору.

— Ты чего? — спросил Егор.

Жулик попытался схватить Егора зубами за рукав.

— Он нас зовет вылезать, — сказал Егор.

— Он здесь? Гони его! Нет, не гони. Держи его! Не выпускай!

Жулик скулил, и Егору показалось, что он понимает его. Выходи, умолял Жулик. Чего ты сидишь в норе словно червяк!

— Я выгляну, — сказал Егор.

— И не мечтай. Они рядом. Я чувствую, что они рядом.

— Нет, я пойду!

Жулик, услышав Егора, взвыл от восторга. Он пытался вылезти наружу, как будто был уверен, что Егор его не оставит.

— Егорушка, — умолял Партизан. — Если вас уведут, с кем я останусь! Они же Марфуту наверняка уничтожили, а Пыркина застрелили. Я без населения пост свой потеряю.

— Какой пост?

— Но я же начальник аванпоста, — пояснил Партизан. — У меня привилегии, положение. Неужели не понимаешь?

— Нет, не понимаю, — сказал Егор. — Ничего не понимаю.

Он пополз к выходу за Жуликом.

Жулик уже выскочил наружу и бегал вокруг, деловито таякая.

— Стой! — Партизан схватил Егора за ногу, но Люська стала бить Партизана. Егор слышал частые удары и ее слова:

— Пусти, пусти же! Мы уйдем, зачем в дыре сидеть?

Егор вырвал ногу и выбрался на белый свет.

Правда, свет был не очень белым, скорее серым, но после черной норы он показался ослепительным.

Жулик прыгал вокруг, звал обратно.

Ни одной живой души вокруг не было. Тишина стояла отвратительная, потому что такой тишины не должно быть. У древних греков мертвые жили под землей, там была река,

через которую перевозил специальный старик. Правда, Егор шибыл, как старика звали.

Где же остальные жители бытовки? Егор прислушивался к безнадежной тишине, и ему хотелось, чтобы хоть какой-нибудь живой звук прорвался сюда.

— Что там? — глухо послышалось из-под земли.

— Ничего, — ответил Егор. Он поймал себя на том, что отвечает вполголоса.

Жулик тявкнул, вежливо приглашая идти. Громко лаять он тоже не решился.

— А ты пройди по мосту, — посоветовал Партизан. — Выгляни. Если все в порядке, позови нас. Только негромко. Мы услышим.

Ничего себе партизан, подумал Егор. Кто с таким ходил в разведку? Поэтому, наверное, белые и проиграли войну.

Егор пошел вверх по склону. На голой земле, усеянной железками, палками, кусками бетона — чудом никто из них ног не поломал, — видны были борозды — следы их бегства. Чуть выше, возле первого убежища, лежал на земле Пыркин. Пальто у него было черным, рубашка оранжевой — следов крови издали не видать.

Егор кинулся к пьянице.

— Пыркин, вы чего! Очнитесь, Вениамин Сергеевич!

Егор склонился было над Пыркиным, но вспомнил, что поблизости могут оказаться враги. Он сначала осмотрел склон дальше, в сторону бытовки. И подумал, что там должна быть Марфута.

Но Марфуты не было.

Правда, и бандитов тоже не было.

Обернувшись назад, Егор позвал. Как и обещал — негромко:

— Партизан, выходите! Тут Пыркин лежит.

Пыркин лежал как-то неловко, подогнув под себя ногу, и откинутой руке была все еще зажата палка, которой он пытался защищаться.

Вблизи было видно, что пальто Пыркина расстегнуто и рубашка залита кровью.

Егор понимал, что надо пощупать пульс, но побоялся это сделать.

К счастью, подбежал Партизан.

— Ты хорошо смотрел? — спросил он. Партизан не глядел на Пыркина, а оглядывал окрестности. — Они могут таиться. Они же дьявольски хитрые.

Но голос его был бодрее, и вообще Партизан казался более уверенным в себе, чем пять минут назад.

— Он мертвый? — спросил Егор.

Подошла Люська. Она стояла поодаль, не осмеливаясь приблизиться к Пыркину. Жулик тоже стоял рядом и молчал, видно, переживал за хозяина.

— Сейчас поглядим, — сказал Партизан. — Он у нас живучий. Здесь все живучие. Отойди-ка.

Партизан присел на корточки. Он был таким маленьким, что Егор подумал, а может, и не наврал белый партизан. Может, и в самом деле в Красной Армии был такой ученый Фридрих Мольтке, который уменьшал пленных.

Хоть Егор не очень интересовался политикой, слово «демократ» он не считал ругательством, как дядя Боря, но, когда смотрел кино или фильм по телевизору, привычно болел за красных. Других фильмов по телевизору не бывало. Красные всегда были нашими, белые — чужими. Вот и сейчас ему трудно было осуждать Фридриха, если тот делал опыты над белыми пленниками. Вот когда вырезают красные звезды на груди наших бойцов — это изуверство.

Партизан поднял веко Пыркина, заглянул в открывшийся белый глаз. Потом поднял его безжизненную кисть и стал щупать пульс.

— Есть, — сказал он, — слабый, но есть. Теперь его надо в бытовку перенести и перевязать, чтобы кровью совсем не изошел. Но нам с тобой его не дотащить.

— Я помогу, — сказала Люська.

Партизан поглядел на нее в сомнении и, тут же почуяв неладное — он все время был настороже, — присел, будто хотел спрятаться за тело Пыркина. Жулик зарычал, глядя на мост.

Егор посмотрел в ту сторону.

Нервной, трудно различимой цепочкой их ожидали призраки.

Они не двигались, не показывали враждебных намерений, но стояли спокойно, бесстрастно, и оттого от них исходила угроза.

— Кровь почуюли,— прошептал Партизан.— Когда кровь почуют, их трудно удержать.

— А кто они? — спросил Егор. Он уже задавал этот вопрос, он многие вопросы задавал по два-три раза и либо не получал ответа вообще, либо каждый раз получал иной ответ.

— Придется бросить Пыркина,— сказал Партизан,— побежали с другой стороны, по самой воде пройдем.

Жулик буквально взвыл. Он понял.

И в следующее мгновение он кинулся на призраков. Они отпрянули, но не так испуганно, как в прошлый раз. Только расступились, пропуская песика. Жулик помчался обратно.

— Ему все равно,— сказал Партизан.— Они кровь высосут из Пыркина, а ему все равно.

— Но вы же сказали, что он живой.

— Что живой, что мертвый — все равно не жилец. Нам сто до бытовки не дотащить.

— Нет, так нельзя,— сказала Люська.— Он же мой сосед. Пыркин. Я его давно знаю.

Ее аргументы только рассмешили Партизана.

— Если хочешь жить, барышня,— заявил он,— привыкай терять друзей и близких. А уж чужих теряй не моргнув глазом. Иначе погибнешь сама. К сожалению, третьего пути нет.

Привидения надвигались на них, Жулик носился между призраками, лаял, но не смел подойти совсем близко. Егор уже почувствовал присутствие электричества в воздухе, словно находился под линией очень высокого напряжения.

Он старался понять: где же скрывается разум или злоба в этих намеках на плоть, в прозрачной протоплазме, кото-

рая, может, и не существует, а лишь является сгустком какой-то энергии?

Странно, но сейчас он видел, что привидения различаются размером, формой и некоторые из них вовсе не похожи на людей. Из воздуха возникали какие-то полупрозрачные предметы, вспыхивали звездочки, образовывались черные провалы. У одного из призраков вдруг появилось лицо, знакомое неприятное лицо...

— Ты куда к ним пошел? — воскликнула Люська. — Убьют же!

— погоди. Ты же видишь, что у него в лапах?

— Нет, не вижу. Я и лап не вижу. Ну, Егорушка, ну уйдем, пожалуйста.

Так жена уговаривает мужа, пьяного задиру, чтобы не лез в драку.

— Ты видишь черное?

— Вижу, вижу, только уйди.

А Егор понял, что лицо призрака напоминает Жору. Нет, это Егору кажется. Откуда у призрака лицо Жоры? Но почему у него в руках черная овальная, почти непрозрачная штука, так похожая на двухкассетник?

— Ну что ты? — Люська не отставала.

— Кажется, это отцовский магнитофон, — сказал Егор.

— Ты с ума сошел, да?

— Я теперь ничего не понимаю. И ничему не удивляюсь.

Привидение-Жора отделилось от толпы прочих и поплыло к Егору. Жулик бросился к нему наперерез. Егор отступил, потому что его начало дергать током.

— Не смотри, — приказала Люська. — Это не он, не тот человек. Это его совесть. Или стыд, или страх... он оставил его с нами, а сам ушел.

— погоди, — сказал Егор, — а может, они такие злые, потому что это не просто призраки, а призраки людей, связанных с нами, — это мы их утащили за собой?

— Да беги же! — снова крикнул Партизан. И побежал прочь.

— Я не побегу, — сказал Егор.

— И я не побегу,— сказала Люська. Но голос ее дрогнул. Жулик, слишком приблизившийся к привидениям, с низгом отскочил, обожженный. Привидения упрямо стремились к крови Пыркина.

Егор подхватил Пыркина под мышки и потащил его в сторону от призраков. Это было глупое решение, потому что он двигался медленнее, чем призраки. Люська бросилась помогать. Пыркин застонал. Голова его свешивалась набок.

К счастью, привидения задержались. Они замерли, слышась воедино, куском студня, розовеющим у земли,— они пили кровь, вытягивая ее из земли.

И неизвестно, чем бы кончилась вся эта история, если бы они не услышали голос Партизана:

— Сюда, скорее! На помощь!

По дорожке у реки ехали два велосипедиста в черных плащах и касках.

— Мы людей теряем! — звал Партизан.

Один из велосипедистов остался держать машины, второй стал карабкаться по склону следом за Партизаном.

В руке у него было нечто напоминающее фен, которым мама сушила волосы. Внутри фена светилась красная прожюлочка.

Привидения начали дергаться, словно им было больно, и, как парус под напором ветра, их масса стала изгибаться прочь от велосипедиста.

Егор опустил плечи Пыркина на землю.

Велосипедист присел возле него на корточки.

— Огнестрельное ранение? — спросил он.

— Да. В него стреляли из пистолета,— сказал Егор.

Сейчас он не боялся велосипедиста. Велосипедист прератился в местного милиционера, хоть и странно одетого. Вель он не виноват, что здесь нет автомобилей. Почему нет, лучше не спрашивать, все равно они ничего не скажут. Но про призраки спросить можно.

— Кто на нас нападал? Кто эти призраки?

— Откуда мне знать? Они, скорее, как тараканы. Только ядовитые. Хорошо еще, что наших пушек боятся. А то бы все заполонили.

Велосипедист достал из внутреннего кармана баночку, открыл ее — острый запах, похожий на запах вьетнамского бальзама, ударил в нос. Велосипедист набрал мази на палец и стал растирать лоб и переносицу Пыркина.

— Ты иди, мальчик, иди,— сказал велосипедист.— Мы без тебя справимся.

Второй велосипедист подошел к ним, оставив машины под охраной Люськи.

— Понесем? — спросил он.— Или пшик?

— Понесем.

Они ловко подхватили Пыркина — один под мышки, второй за ноги — и понесли к бытовке.

Егор пошел за ними.

Он увидел впереди, недалеко от бытовки, Партизана, стоящего над грудой тряпок. Когда подошли поближе, Егор сообразил, что это то, что осталось от боевой подруги Марфуты. Перед смертью Марфута скорчилась, подтянула ноги к животу — видно, последняя боль была невыносимой... У Марфуты не было головы.

Егор понял, что его сейчас вырвет. Он побежал к реке.

И, не добежав десяти шагов, остановился.

Посередине Москвы-реки, удаляясь к дальнему берегу, медленно плыла лодка. Два разбойника гребли, третий держал в середине лодки шест высотой чуть больше его самого. На вершину шеста, как картофеля на палочку, была насажена голова Марфуты, совсем живая, черные курчавые волосы растрепались, на намазанных помадой губах странная лягушачья улыбка.

И тут Егору стало совсем плохо.

Когда он пришел в себя, лодка уже отплыла далеко. К Егору подошел велосипедист — оказывается, они уже отнесли Пыркина в бытовку. Велосипедист смотрел на лодку.

— Мы до них доберемся,— сказал он.— Ну зачем было женщину убивать? Что им от этого за выгода?

— Они у нее золото отнимали,— сказал Егор.— У нее много золота было.

— А ты подумай, парень, кому здесь золото нужно? Хочешь, я пойду с тобой в ювелирный магазин, там наберешь себе драгоценностей, как египетский фараон.

— А зачем же они ее убили?

— Они хотели вас с девчонкой захватить,— сказал велосипедист.— Им вы нужны. Не получилось — озлобились.

Велосипедист снял темные очки, вздохнул, лицо у него оказалось пожилым, морщинистым, белым от здешнего климата. Он был похож на человека, который приходит домой, снимает пиджак и тесные ботинки. И становится добрым.

— Зачем мы им?

«Странно,— успел подумать Егор, пока ждал ответа велосипедиста.— Я страдал, переживал оттого, что никому не нужен».

— Тебе разве не сказали?

— Сказали, но я хочу поскорее отсюда уйти, а для этого надо понять, как тут все устроено.

— Боюсь, что и тысячи лет тебе не хватит. У нас тут рассказывают истории про людей, которые старались уйти. Все плохо кончало. Так что постарайся найти себе место потеплее, отдыхай, не спеши.

— И оставайся мальчиком? — спросил Егор.

— А чем плохо?

— Взрослый мальчик, пожилой мальчик, старенький мальчик.

— Это незаметно,— вздохнул велосипедист.— Как там, дома,— времени нету, а оно летит как оглашенное.

Велосипедист улыбнулся.

— А потом уже не захочешь ничего. Я тебе честно говорю, все здесь эту стадию проходят. Сначала суетятся — и убегу, я уйду, вы меня не задержите. А кто тебя задерживает? Ну нету дырки обратно.

— Вы это точно знаете? — спросил Егор.

— Если не считать сказок и легенд,— сказал велосипедист.— Но когда людям нечего делать, они начинают придумывать сказки.

— Я хочу услышать сказки.

— А ты у нас упрямый!

— Я уйду.

— Такие плохо кончают.

— А почему голову отрезают? — спросил Егор.

— Мы здесь живучие, убить человека трудно. Ты же видел, как Пыркин ожил. Наверное, это следствие того, что времени здесь нет и внутри метаболизм понижается. Ты меня понимаешь?

— Понимаю. Вы имеете в виду обмен веществ?

— Приблизительно. Я раньше доктором был. Можешь себе представить?

— Поэтому вы голову у самоубийцы отрезали?

— Это был не я. Это другой. Но такой порядок.

— Какой порядок?

— В каждом обществе есть порядок. Если человек покончил с собой, пути обратно нет. Мы не хотим здесь плодить психов.

— А почему отрезали голову Марфуте?

— Потому что они бандиты. Не добрались до вас с девчонкой, вот и вымещали зло на тетке. Нет, они скучают. Со скуки и хулиганят. Ничего, скоро мы экспедицию организуем, карательную.

Они пошли наверх, к бытовке.

В бытовке Пыркин лежал на старом диване, он был потный и тяжело дышал. Возле него сидела Люська.

— Мне велели,— сказала она,— лекарство ему давать. Знаешь, у них здесь удивительные лекарства. Надо будет с собой домой взять.

— Их лекарство у нас может не подействовать. Наверняка не подействует. Мы с тобой пока еще верхние,— возразил Егор.

— Верхние?

— Я условно говорю — кровь у нас горячая. А они все стали рыбами.

Люська посмотрела на Егора, чуть сощурившись. Она размышляла. Потом сказала:

— Рыбы бывают очень быстрые и опасные. Акулы.

— Но они другие!

— Когда ты отсюда бежать будешь, меня не забудь взять, — попросила Люська. — Я тебе верная буду.

— Я еще не знаю, как это сделать!

— Узнаешь, ты умный.

За тонкой стенкой снаружи гремел незнакомый авторитетный голос:

— Обоих, и немедленно!

— Но вы же видите, что я один остаюсь. И у меня раненый на руках. Завтра же нас нелюди съедят или бандиты расстреляют.

— Один сторож здесь останется, пока нового тебе не подвезем, ты не беспокойся, на вокзале о тебе помнят.

— Только обязательно должна быть женщина. Желательно молодая. Мне жениться пора.

— Смешно, — ответил незнакомый голос. — Ну давай, показывай нам детский контингент.

— Люська, Егор, на выход! — закричал Партизан.

Пыркин застонал. Он силился что-то сказать.

— Осторожнее, Люська, — произнес он наконец.

— Как ты, Пыркин? — обрадовалась Люська.

— Я потом к тебе приду, — сказал он. — Ты не бойся.

Он закрыл глаза. Говорить ему было трудно.

В бытовку ворвался Партизан.

— Ну куда вы запропастились! — закричал он. — Вас же ждут!

— А кто ждет? — спросил Егор.

— Пошли, пошли, ждут вас.

Он готов был вытолкать их из бытовки.

— А Пыркин заговорил, — сказала Люська. — Вы ему напиться дайте.

— При чем тут Пыркин?

Егор вышел первым из бытовки. Спрыгнув с лесенки в две ступеньки, он остановился, разглядывая новых гостей.

На этот раз вместо велосипедистов приехал целый экипаж. Вернее, гибрид телеги и велосипеда. Открытая повозка оглоблями была прикреплена к двум большим велосипедам. На облучке сидел строгого вида мужчина в милицейском мундире и генеральской фуражке.

Мужчина был бородат. Концы длинных светлых прядей доставали до плеч. Движения у мужчины были закругленными, ленивыми, словно он играл роль какого-то восточного паши.

— Ах, какой сюрприз,— произнес он.— Мы вам рады.

— Здравствуйте,— сказал Егор.

Странно, но в этом прохладном мире вельможе было жарко. Он даже снял фуражку, чтобы вытереть рукавом блестящее лицо.

Егор с Люськой молчали. Вельможа их не спрашивал. Он разговаривал сам с собой.

— Добро пожаловать в государство Солнца! — сказал вельможа.

Люди на велосипедах обернулись к Егору с Люськой и рассматривали их равнодушно, как рассматривают людей лошади. Они были в плащах, в касках, как настоящие велосипедисты. Егор улыбнулся собственным мыслям — он уже рассуждает как старожил.

— Прошу садиться,— сказал вельможа.— Обо мне вы могли не слышать, если плохо учились в школе. Моя фамилия Дантес. В свое время мне удалось убить известного русского поэта Пушкина и избавить мир от этого якобинца. Эдмонд Дантес. Впоследствии писатель Дюма написал обо мне роман. Но мы с вами живем в демократическом обществе, и потому можете называть меня попросту: Эдмонд Давыдович.

Велосипедисты уселись в седла и были готовы тронуться в путь. Партизан стоял в дверях бытовки. Он поднял руку и приложил ее к новой фуражке.

Егор послушно влез в телегу. У заднего бортика была доска как раз на двоих. Люська села рядом.

— Я боюсь,— прошептала она.

— Мы должны все узнать,— сказал Егор.— Не сидеть же здесь.

— Правильно! — Вельможа Дантес услышал слова Егора. Он повернулся на кресле и крикнул велосипедистам: — Ну, мои любезные, не подведите! Покажите нашим гостям, как мы умеем ездить.

Велосипедисты согласно нажали на педали, и повозка, покачивнувшись на откосе, покатила вниз, к широкой асфальтовой дорожке возле самой воды.

Вельможа развернулся к пассажирам.

— Полагаю,— сказал он,— что у вас есть множество вопросов. Но отвечать на них у меня нет настроения. Вопросы буду задавать я.

Никто с ним не спорил. Велосипедисты мерно жали на педали, велосипеды скрипели. Телега тоже скрипела.

— А машин у вас нету? — спросил Егор.

— Мальчик, я же сказал, что не намерен отвечать на вопросы,— капризно сказал Дантес. Он накрутил на палец длинный светлый локон и дернул за него. Сморщился как от лимона.

— Здесь бензина нет,— сказал один из велосипедистов.

Было странно услышать его, потому что лошади не должны разговаривать.

— Он куда-то деваается,— сказала вторая «лошадь».

— Помолчите! — оборвал его Дантес. Теперь он запустил тонкие пальцы в бородку.

«Лошади» замолчали. Повозка скатилась на дорожку возле воды. И тут Егор увидел, что лодка, в которой приплывали к ним три бандита, стоит полузатопленная у самого берега. В лодке никого не было. Ее мачта наклонилась. Голова Марфуты, насаженная на мачту, чуть приоткрыла глаза, глядя на Егора.

— Ой!

Это был голос Люськи.

— Их уже примерно наказали,— сказал Дантес.

Велосипедисты прибавили оборотов, и повозка быстро покатилась по набережной.

— Ты учишься в школе? — спросил Дантес у Егора.

— В девятом классе,— ответил тот.

— Молодец. Еще год, и окончишь школу. Куда намерен поступать?

— На исторический.

— Решил стать архивной крысой? — Дантес дернул себя за бороду.

Его пальцы не знали покоя — они должны были все время за что-то дергать, куда-то залезать.

— Археологом,— ответил Егор.

Дантес задавал вопросы так, словно был гостем на родительской даче. Будто не сомневался, что Егору предстоит учиться в институте. Может быть, отпустят, подумал Егор. Как будто сидел в тюрьме.

— Ну а ты что нам скажешь? — спросил Дантес у Люськи.

— А вы в самом деле Пушкина убили? — спросила Люська.

— Убил.

— Тогда я с вами разговаривать не буду,— твердо заявила Люська.

Егор подумал: как странно, а я ведь его не воспринял как настоящего Дантеса. Если он убил Пушкина, значит, наказание для Дантеса было страшнее, чем смерть для Пушкина.

— Вы тоже наказаны,— сказал Егор.— Полтора века сидите в тюрьме.

— Не думаю, что это — тема для разговора,— сказал Дантес.— Тем более что я занимаю достойное положение.

Навстречу им по набережной шла девушка и катила перед собой кресло с идиотом. Голова того свешивалась набок, и из угла рта тянулась слюна. Видно, нагулялись и возвращались обратно.

— Софья, почему без охраны? — вдруг спросил Дантес.— Не выношу непослушания.

Девушка чуть замедлила шаг и сказала тихо, но так, что слышно было издалека:

— Я не намерена давать вам отчет. Мне не требуется охрана. Лучше охраняйте себя.

— Ха-ха-ха! — громко закричал Дантес.

Девушка покатила кресло дальше. Дантес расстроился, что-то зло пробормотал под нос.

Возле ажурного железнодорожного моста Окружной дороги велосипедисты вытащили повозку на мостовую, и дальше они поехали по широкой набережной. Слева стояли пустые кирпичные дома, справа за чугунной решеткой была видна серая река.

— Этого еще не хватало! — Дантес совсем расстроился.

Он смотрел вверх. Над ними медленно летел воздушный шар. Он летел поперек их движения, перелетел через реку. Из корзины шара свесился человечек и что-то кричал. Дантес погрозил ему кулаком.

— Типичный бардак, — сказал Дантес Егору. — Никому нельзя верить. Сказано же — летать запрещено. Слава Богу, живем сотни лет и не летаем. И неизвестно, откуда летит, с каким заданием.

Велосипедисты энергично работали педалями, повозка поскрипывала.

— Нам далеко ехать? — спросил Егор.

— В принципе тебя это не должно волновать.

— Еще как волнует, — вмешалась Люська. — Мы хотим отсюда поскорее уехать.

— Кто же внушил тебе такую глупую мысль? — удивился Дантес. — Неужели твой юный спутник?

У Дорогомиловского завода стоял сторож в каске и черном плаще.

Больше им никто не встретился до самого Киевского вокзала. Ехали они долго — все же велосипеды с телегой не самый быстрый вид транспорта. Но больше не разговаривали. Дантес был погружен в свои мысли и на все вопросы отвечал невнятным бурчанием. Да и сам больше ничего не спрашивал.

Егор смотрел на небо, на другой берег реки, на пустые дома, ему казалось, что пустынно́сть этой Москвы — какой-то яд. Он вползает в сердце и превращает тебя в человека-лошадь. Ты готов покорно крутить педали. А раз нет времени, нет часов и нет измерений, то трудно понять, год прошел или десять минут.

— Смотри,— сказала Люська,— это Новодевичий монастырь, правда?

Монастырь изменился. Стены его были некрашенные, в луковке колокольни была большая дыра, парк, отделявший монастырь от реки, исчез. Остался лишь длинный пруд.

Скрип-скрип — колеса повозки, скрип-скрип — педали.

Вот и Киевский вокзал стеклянным ангаром поднимается за площадью, на которой остались — наконец-то Егор увидел их — машины. Забытые на стоянке.

— Это неправильно,— сказал он.

— Что неправильно? — спросила Люська.

Ей стало тепло, она расстегнула пальтишко и откинула на спину серый платок. Волосы ее, зачесанные на прямой пробор, были туго стянуты резинкой. От этой прически голова становилась меньше, а сама Люська казалась старше, чем была в платке.

— Машины не должны здесь оставаться,— сказал Егор.— Машины потом уезжают.

— Мы не знаем,— сказал вдруг Дантес,— что из вещей переходит сюда, а что остается, мы даже не знаем, у чего появляются дубли, а у чего нет. Я тут видел табун лошадей на Садовом кольце. Ты видел, Петренко?

— Мы вместе были, господин Дантес,— откликнулся правый велосипедист.

— Представляешь, табун лошадей! Откуда? Почему? Мы сначала думали, что это видимость.

— Но они прошли, и мы видим — навоз! Честное слово,— вмешался в рассказ другой велосипедист.

Неожиданно Дантес вытащил откуда-то, возможно из-под себя, длинный хлыст и с размаху огрел велосипедиста.

— Больно! — охнул тот.

— Я и хотел, чтобы было больно, — ответил Дантес. — Когда я рассказываю, не влезай.

Петренко и не подумал вступить за своего товарища.

Повозка въехала на площадь, миновала стоянку машин и остановилась у громадного входа в вокзал под башней с остановившимися часами.

Дантес первым прыгнул с повозки и пошел наверх по широкой лестнице.

Там стояли два велосипедиста в пожарных касках.

Один из велосипедистов, которые привезли повозку, слез со своей машины и сказал Егору:

— Пошли, чего расселся!

Зал Киевского вокзала был высоким, гулким. Звук шагов раздавался так, словно его подхватывал микрофон и, многократно усилив, бросал вниз.

Прямо был выход на платформы, но велосипедист повернул налево.

И сразу — словно поднялся занавес — они очутились в ином мире. В мире людей, вещей и движения. Главное — здесь было движение. Движение — это и есть жизнь материи, сказал себе Егор. Неизвестно, он читал это где-то или сам придумал.

Зал переходил в длинное, не столь высокое, но просторное помещение, в котором сохранились длинные ряды жестких кресел для ожидающих пассажиров. В креслах сидели или лежали люди. В дальнем углу у стены несколько рядов были сдвинуты, и там собралась тесная компания с гитарой. Эти люди пели песню про барабанщика.

На свободном пространстве люди разгуливали поодиночке, парами или небольшими группами, останавливались, снова шли. Среди них были и велосипедисты, а также юсные в мундирах и фуражках. Женщин было меньше, чем мужчин, но, глядя на них, можно было скорее сообщить, что они принадлежат разным эпохам. Мужской наряд за последние двести лет не так уж сильно менялся, что женские платья претерпели большие перемены. И было

странно и непривычно видеть даму в длинном до земли платье со шлейфом, а рядом с ней женщину в короткой, выше колен юбке, женщин с высокими замысловатыми прическами и вообще без причесок — коротко и просто остриженных. Значит, здесь, понял Егор, есть свои парикмахеры и портные, и этот мир, оказывается, устроен куда сложнее, чем показалось там, возле Метромоста, где все человечество ограничивалось маленькой кучкой нищих.

Люди вокруг Егора были разного возраста, чаще старые, чем молодые. Независимо от возраста некоторые из них были более-менее новыми, живыми, а другие были изношены, как скрипучие стулья, поедены древоточцами и готовы вот-вот рассыпаться.

Но если там, в бытовке у Москвы-реки, только Марфута красила себе лицо, причем делала это не очень умело — видно, на фронте не успела научиться, — то здесь все, и мужчины и женщины, были размалеваны, как дикари.

Люська сказала:

— Полное безобразие, как в цирке.

Да, как в цирке, а вернее, как клоуны в пантомиме. Издали это не смешно, а вблизи и смешно и страшно.

Все они вели себя как очень занятые и важные люди, на Егора с Люськой никто не обращал внимания, если не считать женщины непонятных лет, прическа которой напоминала луковицу, лицо было густо намазано мелом, на щеках нарисованы красные помидоры, а вокруг желтых белков глаз черная кайма чуть ли не в спичку толщиной.

Женщина обернулась к ним, когда они проходили мимо следом за велосипедистом, и сказала своему спутнику, голубоватое лицо которого было прикрыто слишком большими темными очками:

— Обрати внимание, какая милая девчушка. Чудесный цвет лица.

— Обломают, — ответил ее спутник, наряженный почему-то в длинный шелковый таджикский халат. — Насмотрелся я на них. Многих обламывали.

Говорил он так спокойно и равнодушно, что у Егора кольнуло в сердце. Люське грозила какая-то опасность.

— Да,— сказала им в спину дама-луковица,— как пролетает жизнь! И я ведь была такой. В пансионе для благородных девиц.

— Врешь,— ответил мужчина.

Перед дверью, над которой сохранилась табличка «Комната милиции», было теснее. Здесь люди скапливались, как муравьи у входа в муравейник. Велосипедист остановился.

Дверь растворилась, и выглянувший оттуда высокий, смертельно бледный старик в черном костюме произнес:

— Прием временно прекращается.

Затем увидел Егора с Люськой и добавил:

— А вы, молодые люди, проходите, пожалуйста, внутрь.

В толпе, скопившейся у дверей и источавшей запах сухой гнили и туалетного мыла, зародился несмелый ропот.

— Погуляйте, господа, погуляйте пока,— сказал старик в черном костюме и резко отступил на шаг, пропуская в дверь Егора с Люськой. Редкие черные волосы были начесаны на лоб, глаза скрывались в глубоких глазницах.

— Казалось бы,— добавил он, прикрывая дверь,— спешить здесь некуда, но мы хотим, чтобы все было как у людей.

Старик засмеялся высоким голосом.

Они стояли в просторной комнате, мутно освещенной от окон. Пол комнаты был устлан коврами, десятками, может, сотнями ковров всех размеров и узоров, которые поднимались в центре пола довольно высоким холмом, как получается холм из блинов на блюде, когда на масленицу хозяйка вносит их из кухни. Ступать по комнате было опасно — недолго потерять равновесие. Стены тоже были в коврах и увешаны скрещенными саблями, кинжалами, пистолетами, круглыми щитами и персидскими шлемами. Там же Егор узнал полотно Айвазовского с тонущим кораблем. Боковую стену справа занимала гигантская картина

«Иван Грозный убивает своего сына», видно похищенная из Третьяковской галереи.

— Иван убивает Ивана. Это забавно,— произнес высокий, почти женский голос.— Я приказал повесить ее здесь, чтобы все помнили — с императором шутки плохи. Даже если ты ему близок как собственный сын. Вам понятна аналогия?

— Это в Третьяковке висит,— неожиданно сказала Люська.— Я там была.

— Из Третьяковки картина давно исчезла, в чем заключается один из парадоксов нашего существования. Копия сделана по репродукции великим трагическим талантом Карлом Брюлловым и значительно превосходит оригинал. Вы как думаете?

Обладатель тонкого голоса таился в черном кожаном кресле за холмом ковров.

— Но ведь Карл Брюллов раньше Репина жил,— сказал Егор.

— Еще один парадокс нашей странной жизни. Подойди поближе. Присмотрись ко мне, юноша. А я тем временем получше разгляжу твою юную спутницу. Она еще не распустилась, нет! Она еще бутон. Но опытный и мудрый садовник изолирует такой бутон в своей оранжерее и будет ждать того момента, когда тычинки задрожат от предвкушения похоти! Мне кажется, что я вижу мой идеал, мою будущую императрицу.

Люська вцепилась Егору в локоть ногтями. Было больно.

— Не бойся,— сказал Егор.

— Я присоединяюсь к твоим словам,— сказал император.— Не бойся. Ничего, кроме счастья, тебя не ждет.

Наконец Егор разглядел императора.

В старинном черном кожаном кресле, какому положено стоять в кабинете академика, с трудом умещался очень толстый человек. Он был лыс, ни волоска, ни пушинки на голове, нос пуговкой, щеки мягко лежали на складках шеи,

складки шеи лежали на груди и на плечах, а обнаженные руки, словно ручки младенца, были перетянуты ниточками. Пыжки, очень маленькие по сравнению с сардельками пальцев, были покрашены в красный цвет. На человеке был надет бронежилет, похожий на детский передничек, который не сходил с боков, и шорты. Ноги, напоминающие ножки рояля, оставались босыми.

Рядом стоял Дантес, он держал фуражку на согнутой в локте руке и молча кивал на каждое слово толстяка.

— Я люблю искусство,— сказал толстяк.— Но еще больше я люблю молодых людей. От них я получаю мою энергию. Ах нет, не бойся, я ничего плохого детям не делаю, нурукой тому честное слово моих соратников.

— Честное слово! — сказал старик в черном.

— Честное слово,— повторил Дантес.

— Вы садитесь, садитесь на ковры, на них тепло и мягко. И не удивляйтесь моему телосложению, оно — плод трезвого расчета. Когда, много лет назад, я попал в этот мир... тогда не было еще ни этого здания, ни других колоссальных строений Москвы.

Подчиняясь движению руки толстяка, Егор и Люська усадились на ковры. Пришлось подложить под себя ноги, но сидеть было все равно неудобно.

— Я провел здесь много лет, я видел, как приходят и уходят люди, я взвалил на себя бремя власти в этом мире для того, чтобы люди познали порядок, а не были племенем убийц и разбойников, всегда существующим на грани гибели. Я добился порядка. Правда и порядок — вот мой левиз.

— Правда и порядок! — завопил Дантес.

Из-за двери донеслись отдаленные разрозненные голоса:

— Правда и порядок! Поряд... о...

— Будучи человеком необыкновенной силы воли,— продолжал толстяк,— я решил заставить себя питаться. И знаете почему?

— Нет,— сказал Егор, потому что сообразил, что от него ждали этого ответа.

— Разумеется, нет,— согласился толстяк.— Вы здесь новички. Я же, будучи человеком великого ума и значительной силы воли...

Дверь чуть приоткрылась — в щель смотрели десятки глаз.

— Я понял, что бороться с разрушением и тленом можно, лишь заставляя свой организм трудиться, не поддаваться тлену. И я стал заставлять себя есть не меньше, чем в предыдущей жизни, заставлять себя спать, любить женщин, фехтовать, бороться, поднимать тяжести, черт побери! Вокруг меня бродят жалкие привидения. Я же, господин всего этого мира, здоров, молод и упитан.

На этот раз никто не ждал от Егора восклицаний, и восклицания восторга донеслись от полуоткрытой двери.

— Как меня зовут? — спросил вдруг толстяк.

— Гаргантюа,— быстро ответила Люська.— Я читала. Я знаю.

Толстяк рассмеялся. Он просто заливался, тела его вздрагивали, колыхались, язык трепетал в распахнутом рту. Его придворные вторили толстяку, и веселье постепенно охватило весь вокзал, хохот его обитателей раскатился по обширному вокзальному пространству.

Толстяк оборвал смех и вытащил из-за спины сверкающую корону, похожую на разрубленное сверху яблоко. Из разруба поднимался усыпанный алмазами крест. Толстяк водрузил корону на голову и строго спросил Егора:

— А теперь узнаешь?

— Нет,— признался Егор.— Не знаю. Я сначала думал, что вы скажете — Геринг.

И Егор виновато улыбнулся.

— Ты в России,— сказал толстяк.— Здесь Герингов нет. И Наполеонов тоже не держим. Здесь все наше, родное. Дантес, скажи, кто я такой!

— Вы — его императорское величество господин император Павел Петрович.

— Вот именно,— сказал толстяк.— Я должен был выбирать — красоту или здоровье. И я выбрал здоровье и молодость.

— Но почему такой толстый? — спросила Люська.

— А потому, что в этой среде,— добродушно ответил император,— пища организмом не усваивается. Некоторые умудряются прожить по двести лет без крошки хлеба. И не умирают. Зато изнашиваются со сказочной быстротой. Вот ты, девочка, скажи мне, насколько ты голодна?

— Я вовсе не голодна,— ответила Люська.

— Вот видишь. Значит, скоро рассыплешься. А у меня посреди столетия!

— Но вас же убили,— сказал Егор.— Вас задушили подушкой заговорщики во главе с вашим сыном Александром. Я знаю, я читал.

— О заговорщиках я читал, тоже грамотный. Но участие юдного моего сына Александра в этом категорически отрицаю. Историческая правда заключается в том, что в моей постели спал мой двойник. Я давно уже подозревал заговор среди моих подданных. И принял меры. Мой двойник погиб и был погребен. Однако я не посмел открыть правду... Мне так хотелось жить! Я прожил до Нового года, скрываясь от всех, даже от близких людей. Меня скрывала в своем загородном имении моя жена Мария Федоровна... К концу года я понял, что попал в безвыходное положение. Что я никому не нужен, что я всем мешаю...

Неожиданно толстяк вытер побежавшую по щеке слезу.

— И вот я здесь... Одинок. Императрица на той неделе покончила с собой!..

За дверью послышались стенания.

— Придворные — всегда придворные,— произнес император совсем другим, трезвым, спокойным голосом.— Ликеи — всегда лакеи. И хоть они ни в чем от меня не зависят,— последние слова император сказал шепотом,— все равно они готовы вылизывать следы моих ног.

Император пошевелил пальцами голой ноги и уставился на них, словно увидел впервые.

— Но мы, надеюсь, еще поговорим с тобой,— сказал император.— Ты мне кажешься неглупым ребенком. Об одном прошу — ешь, и много ешь. Это относится и к девочке. Как тебя зовут, барышня?

— Люська.

— Людмила. Красивое имя. Ты обещаешь превратиться в настоящую красавицу. Я разбираюсь в женщинах. Только для этого ты должна хорошо и много питаться. Готовьте выход к обеду,— закончил император.

Старик зазвонил в колокольчик. Два могучих велосипедиста в сверкающих шлемах вышли из маленькой двери сбоку и подхватили поднявшегося императора с обоих боков. Император положил пухлые ручки на плечи молодых, и они поволокли его к двери наружу.

Дверь распахнулась — от нее в обе стороны брызнули подслушивающие придворные.

Егор подумал, что постепенно теряет связь со здравым смыслом. Даже обычные здесь сочетания утрачивали смысл, как только ты произносил их вслух: император Павел и Дантес, убивший Пушкина, собираются обедать в зале ожидания Киевского вокзала...

Император с трудом переставлял ноги. Гвардейцам было нелегко, но они терпеливо тащили тушу через зал, где был накрыт стол.

Стол был страшно длинным, как перрон. Вдоль него, не садясь, стояли десятки придворных. Ждали императора.

Велосипедисты протащили императора к торцу стола.

Император опустился в красное высокое кресло.

Не говоря ни слова, он оглядел стол. Как поле битвы. Было слышно, как вразнобой дышат старческие глотки.

Император обозревал блюда и миски, стоявшие перед ним. Егор удивился. На блюдах, в тарелках и мисках лежали продукты, которых здесь, казалось бы, и лежать не должно. Почему, высунув из петрушки рыло, лежит на блюде небольшой осетр? Откуда взялся расколотый пополам, алый внутри арбуз? А грозди бананов? А тонко порезанный батон?

Все эти яства громоздились перед императором, а дальше по столу блюд и тарелок становилось все меньше, и пища на них была все скуднее. В дальнем конце стояли лишь стаканы с пустой водой.

После того как император уселся и сделал знак садиться остальным, Дантес провел Егора и Люську в голову стола. Люську посадили рядом с императором по правую руку, а Егору досталось место подальше, но далеко не самое последнее — на блюде перед ним лежали кучкой шпроты, а дальше из плетеной хлебницы торчали сухари.

Люська попыталась было рвануться за Егором, но император придержал ее за руку и сказал:

— Садись, садись, не пропадет твой Егорушка. Ты там удобно устроился, молодой человек?

— Спасибо,— ответил Егор.

— Надо говорить: спасибо, ваше величество.

— Спасибо, ваше величество.

— Молодец. Ты, конечно, не возражаешь против того, что я намерен влюбиться в твою подружку?

— Не знаю, ваше величество.

— Для начала будем ее откармливать. Благо у меня есть возможности.

— Не возражаю,— ответил Егор. Что он мог еще ответить?

— Не торопитесь с выводами,— произнес старик в черном пиджаке, который руководил приемом у императора. Он сидел рядом с Егором.— Я мог бы тоже затаить оскорбление в душе, потому что лишился своего привычного места, рядом с его величеством. Он нашел себе новое размещение. Но сколько пройдет времени, пока он превратит лисючку в послушную тупую свинку,— один Бог знает.

— А зачем он хочет ее откармливать? — спросил Егор, боясь услышать что-то страшное.

— Нет, не думайте,— криво усмехнулся старик,— его величество не кушает младенцев. Он вполне цивилизованный монарх. Но его величество полагает, что может продлить этот благородное существование еще лет на пятьсот, если

у него будут молодые любовницы. А молодых любовниц остро не хватает. Просто катастрофа какая-то.

— Но она же еще совсем девочка!

— Вот поэтому ее и будут откармливать,— сказал старик, и они замолчали, глядя, как император накладывает куски семги на тарелку Люське. И что-то воркует. Люська за-
травленно поглядывала на блюдо и послушно совала в рот куски рыбы.

— А откуда здесь рыба? — неожиданно для себя спросил Егор.

— В некоторых реках обнаруживается рыба,— рассеянно соврал старик, не отрывая взгляда от императора.— И раки. И улитки. А крупные муравьи — сущее бедствие. Мы также едим крыс — они тоже ничем не питаются, хотя грызут все, что попадает им в зубы... Если бы не крысы, наш мир бы не обновлялся.

— Я не понимаю.

— Конечно же не понимаешь. Но они уничтожают следы старых домов, чтобы освободить место новым.

— А вы кто были раньше? — спросил Егор. Он спрашивал, разговаривал, но не мог оторвать глаз от Люськи. Та чувствовала взгляд Егора и украдкой поглядывала на него.

— Вы обо мне могли не слышать,— произнес старик.— Я был генералом, командовал дивизией под Бородином. За это получил орден Красного Знамени. Моя фамилия Кюхельбекер.

— Как же я могу вас не знать! — Егор обрадовался вдруг Кюхельбекеру, как старому знакомому.— Я про вас в школе проходил. Вы же были другом Пушкина, вы вместе с ним в Лицее учились.

— Неужели меня кто-нибудь помнит? — спросил старик.— Я же чуть не сгинул в просторах Сибири.

— Ну уж не надо! — возразил горячо Егор.— Вы — наш любимый прогрессивный герой.

Егор, конечно, преувеличивал, но хотелось сделать приятное старому человеку, даже если он тронулся от старости.

— О чем вы там шепчетесь? — загремел император.— Не успел приехать и уже плетешь заговоры?

— Нет, ваше величество, я только представился молодому человеку.

— И что же он рассказал? Вас помнят? Вам ставят памятники?

— К сожалению, нет, ваше величество,— ответил старик.

У старика было приятное усталое сухое лицо со спря-
жинными в глубоких глазницах скорбными глазами. Он был
похож на исхудавшего отшельника.

— Поднимем бокалы,— призвал император,— за нашу
новую подругу, за милую барышню Люси! Маркизу Люси!

Император захохотал. Старик поморщился.

— Еще этого не хватало,— тихо сказал Егор.

— Мне это тоже отвратительно,— согласился с ним Кю-
хельбекер.— Но мы с вами не можем остановить потопа.

— Надо бежать,— сказал Егор.

Вокруг придворные вставляли и протягивали в сторону
императора стаканы и рюмки, наполненные чистой водой.
Грязная рука мелькнула рядом, подцепила шпротину и ис-
чезла.

— Никуда вам не убежать,— возразил бывший декаб-
рист.

— Но ведь Земля круглая,— стоял на своем Егор.

— Вы смешной мальчик,— ответил Кюхельбекер.—
Наш мир не так прост, как вам может показаться. А им-
ператор — не просто надувная кукла.

Император снова заставил всех за столом подняться и
выпить воды, теперь за здоровье покойной императрицы.

Егор обратил внимание, что много народу стоит за спи-
нами пирующих — это были те, кому не хватило места за
столом. «Наверное, они мне завидуют,— подумал Егор,— им
кажется, что мне повезло, раз я приближен к императору».

— После обеда не уходи,— сказал Кюхельбекер.— Мне
надо с тобой поговорить.

— Хорошо. А что будет с Люськой?

— Она пойдет переваривать пищу,— объяснил старик.— Я думаю, что ей подберут неплохую комнату с мягкой постелью и придадут двух сторожей, чтобы берегли от всяких волнений.

— Но она хочет быть со мной.

— Она сама не знает, чего ей хочется. Не забудь, что ты у нее — только замена счастья и безопасности. А ведь она — оторванный листок, и, если отыщется другой сук, к которому можно приклеиться, она тебя бросит.

— Я ей не навязываюсь.— Егор был покороблен этими словами Кюхельбекера. И еще декабрист, борец за свободу! Не может понять, что ребенка надо оберегать.

— Только не говорите мне,— поморщился старик,— что Люси нежное создание и ее нужно оберегать. Она самая обычная маленькая женщина и вскоре с наслаждением будет тиранить мужчин.

— Ей только двенадцать лет!

— Жены фараонов и турецких султанов в двенадцать лет хозяйничали при дворе.

— Пускай она сама скажет,— возразил Егор.

— Эй, Егор! — крикнул император.— У тебя найдется после обеда полчаса поговорить со старым царем?

Егор бросил взгляд на Кюхельбекера. Тот кивнул.

— Разумеется,— сказал Егор.— Разумеется, ваше величество.

Тут поднялся Дантес и произнес тост за здоровье императора.

— Вы были раньше знакомы? Там? — неожиданно для себя спросил Егор у Кюхельбекера.

— Нет, я был арестован до того, как этот мерзавец появился в Петербурге. Я бы грудью заслонил Александра Сашу Пушкина... Я звал его Сашей. Он меня — Кюхлей.

— Чудо,— сказал Егор,— что я с вами за одним столом сижу.

— К сожалению — трезвая реальность. С сумасшедшим тираном, бесправными низами и безнадежно слабой интеллигенцией.

— Но надо что-то делать!

— Вот именно! Я тут нашел несколько любопытных людей. Но не уверен, не являются ли они самозванцами. Один называет себя Кантемиром. Есть у нас граф Аракчеев. Вон там сидит.

Граф Аракчеев оказался высоким сухим джентльменом в милицейском мундире, увешанном множеством ветеранских значков.

— А Чапаева у вас нет? — спросил Егор.

— Ах, молодой человек, — сказал Кюхельбекер. — Вы еще не вжились в наш мир. У нас свои законы, свои обычаи, свои развлечения. Борьба с тиранами входит в их число. Есть Чапаев. Но сюда он не придет. Он с ветеранами.

Врет, вдруг понял Егор. Неизвестно как, но понял наизусть. И про Кюхельбекера врет, и про заговор, и конечно же, про графа Аракчеева. Зачем только — непонятно.

— Может, вам было бы лучше вернуться? — спросил Егор. — Вернуться домой?

Старик засмеялся, и в смехе было слышно, какой он старый.

— Вряд ли кто-нибудь здесь захочет расстаться с бессмертием.

— С таким вот бессмертием?

Они встали, потому что кто-то сказал еще один тост и надо было подняться, чтобы чокнуться бокалами с водой.

— Я готова убить эту девчонку! — прошипела сидевшая напротив женщина в бархатном платье, которое было ей очень велико, и потому женщина казалась сбегавшей из шкафа вешалкой. Тем более что лицо у нее было размытое, с мелкими чертами, которые невозможно запомнить.

— Потерпи, — ответил граф Аракчеев, — и не надо шуметь. Здесь всюду уши.

— Пища — редкость, — объяснил Кюхельбекер. — Получение пищи — мощный стимул к заговорам. Равенства не бывает, молодой человек. Всегда кто-то пьет воду, а кто-то кушает пачули.

— Что кушает?

— Ты этого не знаешь, в твоё время пачули вывелись. А в моей молодости в каждой речке плавали.

Император поднялся и громко сказал старику:

— Вилли, отведешь девчонку в покои номер два. Будешь выводить ее на кормежки и прогулки. Ежедневные проверки, контроль. Затем решу, как поступить.

Император показал толстой лапой на громадные песочные часы, стоявшие на полке над его головой. Раньше их Егор не заметил.

— Слушаюсь, Павел Петрович,— ответил Кюхельбекер.— Моя служба времени не подведет

— Я тоже с ней пойду,— сказал Егор.

— Нет,— возразил император.— Сначала мы с тобой немного поговорим. Мне нужен свежий ум, мне нужно побеседовать с человеком, который только что прибыл с нашей исторической родины.

Император наклонился — наклоняться ему было трудно — и поцеловал Люську в щеку. Она даже не успела отстраниться, с опозданием отпрыгнула в сторону, опрокинув бокал. Бокал — вдребезги. Раздались аплодисменты.

Женщина с причёской, похожей на луковицу, завопила от дальнего конца стола:

— Изменник! Ты же мне клялся!

Прихрамывая, она побежала к императору. В руке у нее не страшно поблескивал столовый ножик.

Император хохотал. Гости за столом тоже смеялись. Никто не старался остановить женщину.

Добежав до императора, она принялась тыкать в него ножом, нож ударялся в бронежилет.

— Щекотно! — хохотал император.

Остальные покатывались от смеха.

Неожиданно женщина повернулась — сколько силы в такой развалине! — и полоснула ножом по Люське. Та взвизгнула от боли. К счастью, Люська была в своем клетчатом пальто — никто не сказал, что перед обедом положено снимать верхнюю одежду.

Но и на пальто сбоку показалась кровь. Велосипедист, стоявший за императором, врезался клином между Павлом и Люськой и, обхватив женщину рукой за горло, рванул ее назад.

Император крикнул:

— Маркизу Люси спасти! Всех перебью, если с ней что-то случится. Ее кровь — драгоценность, я хочу насладиться каждой ее каплей!

Люська стояла, пошатываясь. Она прижимала руку к боку, и меж пальцев текла кровь. Вырвавшись из рук старика Кюхельбекера, который старался его поймать, Егор кинулся к Люське.

— Егорушка,— заплакала Люська.— Егорушка, за что меня?

— Все будет хорошо, Люська, ничего страшного не случилось.

— Я умру, да?

Дантес оказался перед Егором.

— Сюда! — приказал он.— Скорее.

Он шустро побегал по залу. Толпа любопытных раздалась в стороны.

Егор подхватил легкую Люську на руки и побегал следом за Дантесом. Он успел заметить табличку «Медпункт». Дантес толкнул дверь. Они оказались в небольшой комнате, где за занавеской стояла кушетка, покрытая белой простыней, стол с наваленными на нем бумагами, стеклянный шкаф с медицинскими приспособлениями. На полу была разложена детская железная дорога, когда-то такая была и у Егора. Человек в белом халате и белой шапочке с красным крестом стоял на коленях и подталкивал последний вагон поезда. Поезд подъезжал к вокзалу, и человек в халате начал гудеть, чтобы предупредить народ в игрушечном домике, что поезд прибыл по назначению.

Люська тихо плакала.

— Ты что здесь разыгрался, Фрейд! — завопил от двери Дантес.— А ну срочно за дело! Покушение!

— Подождет,— сказал человек в халате, не поднимая головы.— Ничего с ней не случится.

— Идиот! — кричал Дантес.— Она — новая избранница императора.

— Не первая и не последняя. У-у-у-у-у! — загудел снова доктор.

— Доктор, пожалуйста,— взмолился Егор.— Ей же плохо!

Доктор наконец-то поднял голову.

Он был маленький, из мятого лица торчала седая борода, а над ней блестели голубые глаза.

Дантес в бешенстве ударил ногой по вагончику, тот взлетел и развалился.

— Вот этого я вам никогда не прощу,— сказал доктор, отпрыгнув в сторону,— вы изверг!

Егор положил Люську на кушетку.

— Уберите ее! — Доктор метался между остатками железной дороги и кушеткой.— У меня же простыня чистая. Где я другую найду!

— Я тебе сотню принесу,— сказал Дантес.

— А вы молчите! Вы не жилец на свете. Я вас уничтожу!

Дантес не испугался:

— Император срежет вам голову прежде, чем вы меня отравите.

Доктор потянул за край простыни, стараясь вытащить ее из-под Люськи.

— Не надо,— попросила Люська,— больно же!

— Странно,— сказал доктор. Он словно проснулся от звука Люськиного голоса.— Такое обильное кровотечение. Девочка, разденься, я тебя посмотрю.

Люська уже заняла все его внимание.

— Я не могу,— захныкала Люська,— мне больно.

— Ну так помогите ей!

Егор приподнял Люську и стащил с нее пальто. Люська помогала ему. Под пальто было голубое платье, мокрое на боку от крови.

— Больше не надо,— сказала Люська,— лучше я сама.

- Ты не стесняйся,— сказал Егор.
- Я все равно стесняюсь.— Брови Люськи поднялись чуть ли не к волосам. Ей было больно и неловко.
- У вас сестры, что ли, нету? — спросил Егор у доктора.
- Сестра нам не нужна. Мы же все бессмертные,— сообщил доктор.— А вы давно к нам прибыли?
- Сегодня первое января,— напомнил Дантес доктору.
- Ах, Боже мой, совсем забыл. Значит, вы свеженькие и наша кровь еще не успела смениться той влагой, которая течет в наших жилах. Тогда дело серьезнее, чем я предполагал. Твоя кровь требуется его величеству для поддержания себя в форме. Ну что ж, постараемся остановить кровотечение. Пускай ему будет чем напиться.
- Прекратите глупые шутки, доктор! — рассердился Дантес.— Есть вещи, о которых в приличном обществе не шутят.
- А есть вещи, которые в приличном обществе не делают,— ответил доктор.
- Тем временем он задернул занавеску у кушетки и продолжил, уже не видный Егору и Дантесу:
- Терпи, девица, мы тебя еще замуж выдадим. Не мешай мне! Я доктор! Ты когда-нибудь в своей жизни доктора видела?
- Ну ничего, опомнися,— сказал с облегчением Дантес.— А то совсем психованный.
- Оставьте свое мнение при себе,— огрызнулся доктор из-за занавески.— И лучше будет, если вы покинете кабинет. Нечего вам тут делать. Рана у девочки поверхностная, кожу порезало, пустяковые сосудики задело. Будет жить, так и скажите своему кровососу.
- Пошли, пошли.— Дантес потянул Егора к двери. Егор подчинился.
- Они вышли в зал ожидания. Егор ожидал увидеть толпу, но вокруг было пусто — густело народом там, где стоял обложенный стол, словно обед продолжался.
- Мрачный велосипедист шагнул к ним. Он отдал Дантесу честь и спросил:

— Его величество интересуется, будет ли жить его избранница?

— Будет жить! — бодро ответил Дантес. — Обязательно будет жить и радовать его величество.

Велосипедист развернулся и тяжело затопал прочь.

Дантес задумчиво погладил волнистую прядь волос, падавшую на плечо. Затем сильно дернул себя за волосы, сморщился и криво усмехнулся:

— Порой полезно причинить себе боль, чтобы убедиться в том, что ты еще жив.

— Скажи мне, — взмолился Егор, — только честно. Чего он на самом деле хочет от Люськи?

— Это секрет.

— Я никому не скажу, честное слово.

— Я и без того знаю, что ты никому не скажешь, — согласился Дантес. — Кто тебя будет слушать? И секрет... это секрет Полишинеля. Вряд ли кто-то здесь не знает его.

— Тогда скажите.

— Есть такая оса там, на Земле, я забыл ее название, она парализует свои жертвы, а потом откладывает в них яйца. Получаются живые консервы. Из яиц выводятся осы и начинают пожирать спящую жертву изнутри, пока от нее не останется сухая оболочка. Страшно?

— Я об этом знаю.

— А я, когда услышал об этом впервые, ночь плакал. Современная молодежь бесчувственна.

Дантес замолчал и ждал, что ответит Егор. Егору не хотелось спорить, потому что он думал о Люське — на что намекает этот Дантес?

— Не бледнейте, юноша, не понимайте меня буквально. Наш император верит в то, что его долголетие, бодрость, даже мужские возможности зависят от пищи и любви. Слышите, от пищи и любви. Он жрет изысканные кушанья, и, поверьте мне, нам нелегко их раздобыть здесь, где не растут бананы... Не надо, не задавайте лишних вопросов. Все равно я отвечу только на те из них, на которые хочу ответить. Но главная его забота — соединиться с невинными, непо-

ручными, живыми девушками, которых в наших краях, как вы сами понимаете, не водится... И тут вот такое везение — твоя Люська.

— Он хочет изнасиловать ее?

— Ни в коем случае! Чтобы Павел Петрович решился на это? Нет, он романтик!

— Так чего же ему нужно от Люськи? Кровь ее сосать?

— Прекратите говорить гадости, Егор! Немедленно прекратите! Наш дорогой Павел Петрович ищет истинной любви. Любви, понимаете, мальчишка? Будь его воля, завел бы себе гарем! Его агенты первого января объезжают всю страну, глядят, не выкинуло ли бурей на наш пустынный берег еще одну девицу.

— Ну скажите же, что ему нужно?

— Ты нетерпелив. А император влюбился. Раз император влюбился, то он намерен заполучить твою Людмилу. Но он не может этого сделать, потому что она еще девочка, — он должен ждать, когда ей исполнится шестнадцать, семнадцать... не знаю уж сколько лет! И тогда он женится на ней! У нас все как у людей.

— А до этого? — У Егора отлегло от сердца, но внутреннее напряжение оставалось. Здесь не бывает сказок с хорошим концом.

— А до этого мы будем пасти эту овечку.

— Четыре года? Пять лет?

— Сколько понадобится. Император влюблен.

— Нам нужно отсюда уехать, — сказал Егор.

Вельможа пожал плечами:

— Все в свое время и по воле императора.

Но Егор уже ничему здесь не верил.

— Если вы Дантес, — спросил он, — то почему не умерли во Франции?

— Я приехал к родственникам в Россию, — сказал вельможа. — У меня здесь остались родственники. В семействе Гончаровых. Впрочем, это уже не играет никакой роли.

Послышался шум. Егор оглянулся. К ним приближался император. Два велосипедиста поддерживали его под локти.

Сзади толклись придворные и просто зеваки. Император добродушно заговорил:

— Вижу моего доброго приятеля. Как ты, Егор, хорошо ли себя чувствуешь? Помнишь ли, что мы собирались с тобой побеседовать после обеда? Ты уж, пожалуйста, меня не подводи. Где девочка?

Дантес, согнувшись в поклоне, толкнул дверь. Дверь отворилась.

— Сюда нельзя! — послышался голос врача.

— Ах ты, мой Фрейд, ах ты, мой эскапист! — весело воскликнул император. — Опять за свои бредни взялся?

Император втиснулся в дверь, охрана осталась снаружи. Спина императора закрывала дверной проем, но Егору было слышно, о чем идет разговор.

— Пусти меня к ней, — сказал император.

— Она раздета. Она лежит. Я ее перевязываю.

— О, как это нежно! Дай мне поглядеть на ее тельце!

— Император, здесь я хозяин, — сказал доктор. — И раз уж мы распределили роли таким образом, ты мне будешь подчиняться в этой маленькой комнатке, а я буду подчиняться тебе на всей остальной земле.

— Ой, ты рискуешь!

— Нет, я знаю многое, чего остальным знать не дано. И жизнь многих в моих руках.

— Ах, оставь, Фрейд. Я только погляжу на нее.

Спина императора двинулась вперед. За ним втиснулись в медпункт велосипедисты. Егор слышал, как трещали куски погибшей железной дороги.

— Уйдите! — сказала Люська.

— Ты — царица этого мира, — сказал негромко император. — И я сам положу его к твоим ногам.

— Вы хотите мою кровь пить, — сказала Люська.

— Ну кто сказал тебе такую чушь! Я вижу линию твоих прекрасных бровей и линию твоих будущих бедер, я вижу, как скоро наполнятся упругой плотью твои перси...

— Император, больной вредно волноваться, — сказал доктор скрипучим голосом.

— Ухожу, ухожу, но мне хотелось бы, чтобы маркиза Люси присутствовала на аутодафе.

— Я запрещаю ей.

— Ну ладно, ладно, тебе лучше знать, старая клизма. Мы повеселимся без вас. Я ухожу. Отдыхай, набирайся сил, береги свою алую кровь, моя прелестница. Для тебя и запущу все часы, и время покатится вновь.

— Идите, идите и пришлите мне новую железную дорогу вместо той, которую сломал этот идиот Дантес,— проворчал доктор.

— Распорядитесь,— рявкнул император, кладя руки на плечи велосипедистов.

— Разумеется,— сказал Дантес,— сам сейчас пойду по магазинам и отыщу железную дорогу лучше прежнего. Пустой тараканы катаются.

— Тараканов здесь нет! — завопил из кабинета доктор.— И ничего от Дантеса я не приму. Он Пушкина убил.

— На хрен мне нужен твой Пушкин! — закричал в ответ Дантес.— Я убил Марата!

Или они все сумасшедшие, или притворяются. А в самом деле они что-то таят... Бананы!

— На площадь, на площадь,— закричал издали император.— Все на площадь, у нас праздник! Аутодафе!

— Побегали? — спросил Дантес, как мальчишка.— А то же хорошие места займут.

— Но это же инквизиция...

Дантес убежал, топая каблуками. Егор попытался вернуться в медпункт, но дверь была заперта.

— Откройте! — Он постучал в дверь.— Это я, Егор. Я один.

— Мне плевать на то, что ты один! — послышался голос доктора.

— Пустите Егора,— попросила Люська.

Доктор открыл дверь. Выглянул в шелку, убедился, что Егор и в самом деле один. Тогда впустил.

Бородка у доктора была седая, кривая, от этого он был похож на сказочного гнома.

Люська лежала на койке за занавеской. Она прикрылась простынкой до подбородка.

— Молодая кровь,— сказал доктор,— настоящая живая кровь. Сколько времени понадобится, чтобы она стала раствором ненужных химикалиев?

— Больно? — спросил Егор.

— Нет, совсем не больно. Только я испугалась.

— Конечно. Она так неожиданно на тебя кинулась.

— Я не ее испугалась,— сказала Люська.— Я этого толстого испугалась. Ты не представляешь, как он на меня смотрит. Он — ужасный человек!

Брови Люськи поднялись, губы дрогнули.

— Ну-ну,— сказал доктор.— Не разнюниваться. Павел Петрович ничего плохого тебе не сделает.

— Егор, возьми меня к себе,— попросила Люська.

Егор понимал, что взять ее некуда. Бежать? И скрываться в голом лесу с привидениями? Тупик... Важнее узнать, как можно выбраться из этого мира.

— Скажите, доктор,— спросил Егор,— а можно, чтобы она здесь подольше полежала? Она же раненая.

— Не бойся,— улыбнулся сказочной гримасой доктор.— Я тебя понимаю. Она еще полежит здесь. Ей нельзя вставать.

— Я могу встать,— возразила Люська.

— Ты что, не понимаешь доктора, что ли? — спросил Егор строго.— Сказано тебе — лежи! А когда будет можно, я тебя возьму.

— Ты меня не оставишь? А то он мою кровь выпьет.

— Нет, не оставляю.

— Побожись!

— Ну, честное слово. А теперь молчи и отдыхай.

Егор обернулся к доктору, который смирно стоял рядом, сложив руки на груди.

— Я не хочу здесь оставаться,— сказал он.

— Я тебе сочувствую,— ответил доктор.

— И нет возможности уйти отсюда?

— Необратима только смерть,— ответил доктор.— Но помочь тебе не могу.

Егор хотел доказать доктору, что ему обязательно надо уйти. Хотя бы ради Люськи, которую они конечно же погубят.

Дверь распахнулась.

— Вот вы где! — рявкнул Дантес. — А ну быстро, быстро, сам император спрашивал. Аутодафе начинается. Желательно присутствие маркизы Люси.

— И не мечтай, — сказал доктор. — Больная ослабела от потери крови. Ей прописан постельный режим.

— Ха-ха, постельный! — воскликнул Дантес. — С кем постельный?

— Иди, мальчик, иди, — сказал доктор Егору. — Он же не отвяжется.

Они быстро прошли пустым гулким залом. Все ушли на аутодафе.

— Все ушли на фронт, — сказал Дантес и рассмеялся. У него был неприятный смех.

Егор не задавал вопросов. Не может быть, чтобы такой человек был когда-то кавалергардом. Если он и убил Пушкина, то не на дуэли, а из-за угла. Или из гранатомета.

Все обитатели вокзала собрались на площади.

Но если в здании вокзала они были толпой, то на площади люди потерялись в сером пространстве, лишенном теней, и казались кучкой экскурсантов, ожидающих автобуса.

Рядом с автомобильной стоянкой торчал столб — бревно от какой-то избы, вокруг была навалена куча деревяшек — большей частью сиденьев и ножек от стульев, палок и досок. Возле столба спинкой к нему стоял целый стул. На стуле сидела женщина-развалюха, которая хотела убить императора и чуть не убила Люську. Руки женщины были шведены назад и примотаны проволокой к столбу.

Прическа-луковица рассыпалась и превратилась в неопрятное воронье гнездо. Женщина чихала, шмыгала носом и не могла его утереть.

Неподалеку стоял рояль, которого Егор раньше не заметил. На крышке рояля было укреплено кресло — в кресле сидел император. За спиной торчали велосипедисты.

Когда Егор появился на площади, длинный сутулый мужчина в черном байковом халате и рыжем клоунском парике кончал читать приговор:

— И потому маркиза де Помпадур приговаривается к сожжению на костре живьем до исчезновения признаков жизни. Пепел ее будет развеян по ветру, а имя вычеркнуто из всех справочников и учебников истории. Госпожа маркиза де Помпадур, есть ли у вас что сказать уважаемому собранию перед началом публичной казни?

Казалось, что женщина страшно устала, голова ее немощно свисала, из гнезда-прически высывались тряпки и концы проводов.

— Говорите, маркиза! — потребовал судья.

Маркиза подняла голову. Страшное намазанное лицо с потекшей тушью вокруг глаз оглядело маленькую толпу. Маркиза постаралась что-то сказать, не получилось, и она плюнула на мостовую.

— А загорится? — громко спросил император.

— Должно загореться, — сказал чернобородый лысый человек в красном пиджаке. Егор догадался, что это палач.

— Тогда начинай.

— А причастие?

— Покойная была неверующей, — сказал император. — Я был с ней близок, я гарантирую.

Он снял корону и кружевным платком вытер лоб.

Палач поднял с земли палку, на конце которой была намотана темная тряпка. Дантес, который уже оказался у костра, вытащил из кармана зажигалку и чиркнул ею. Зажигалка загорелась. Огонек был бесцветным и маленьким. Егор заподозрил, что его обманули, — ведь говорили, что бензина здесь нет и оттого машины не могут ездить.

Дантес поднес зажигалку к тряпке, и факел вспыхнул.

По толпе прокатился шум или, скорее, вздох многих людей.

— Ну-ну! — прикрикнул на зевак император. — Я не потерплю здесь жалости. Она ведь нас не пожалела. Или кто-то готов занять ее место и освободить маркизу от наказания?

Никто не откликнулся.

— Начинай! — приказал император.

Палач поднес факел к костру. Он совал его в разные места под дрова, под стул, на котором сидела женщина, огонь занимался, сначала робко и нехотя, а потом поднимался выше, почти без дыма.

В отвращении отвернувшись, Егор увидел старичка.

Старичок был древним как мир. Он был ветхим музейным стулом, который существует только потому, что на нем висит табличка «Не садиться!».

Старичок был бесплотен. Плоть его улетучилась — то ли за долгую жизнь в настоящем мире, то ли за бесконечность, проведенную вне времени.

Хрупким, как скорлупа гусиного яйца, был круглый желтый череп. Под его куполом прятались выцветшие глаза, и между ними торчал нос, настолько туго обтянутый кожей, что казалось — она вот-вот лопнет.

Двигаясь, старичок легко припадал на правую ногу, и видно было, что тело его ровным счетом ничего не весит, иначе торчащие худые кривые ноги не выдержали бы тяжести тела, даже малой.

Увидев старичка, Егор подумал, что не следовало бы такому дряхлому созданию приползать на аутодафе. Но, может быть, он был дружен с мадам де Помпадур и теперь переживает за нее?

А старичок между тем пробирался меж зрителей, стараясь оказаться поближе к костру, и зеваки сразу расходились при его приближении, то ли жалея его, то ли испытывая брезгливость. Ведь стаи животных не любят дряхлых самцов, их загрызают. А может быть, старичка побаивались. Конечно, не его самого, а коренастого громилу в белой куртке, на которой был нашит красный крест. Громила

шагал почти вплотную за старичком, опекая его и не давая упасть под порывом ветра.

Подобравшись ближе к сцене, на которой должно было разыгаться действие, старичок обернулся, громила быстро опустился на четвереньки, а старичок уселся ему на спину. Никто не удивился, только Егору это было в диковинку.

Маркиза де Помпадур спокойно и даже с вялым интересом наблюдала за действиями палача. И вдруг закричала:

— Ну больно, больно же! Ты с ума сошел!

Женщина стала биться, стараясь освободиться от пут.

Сучья и палки начали потрескивать, люди на площади тоже зашумели, неясно было только, радуются ли они крикам женщины или возмущаются.

— О-о-ой! — пронзительно завизжала женщина.

— Нельзя же так! — закричал Егор. Еще минуту назад он думал, что жизнь этого мира не касается его — как будто смотришь кино. И вдруг закричал и побежал к костру.

Огонь быстро поднимался, его языки нежно и ласково трогали женщину, которая продолжала биться и кричать.

Дантес кинулся за Егором.

Внимание зрителей на несколько секунд переключилось на эту погоню. Дантес не успевал догнать Егора, император закричал:

— Ату его, ату мерзавца!

В сцену вмешался палач в красном пиджаке, который перед тем стоял с факелом в руке, высматривая, куда бы еще ткнуть, чтобы лучше горело.

Услышав крики, он резко развернулся и успел выставить факел как шпагу на пути Егора.

Егор не почувствовал ожога, но тут на него навалился Дантес и принялся молотить кулаками.

Егор еле отбивался — Дантес был вдвое больше и сильнее. Женщина уже не кричала, а звала маму, плакала, и треск дров перекрывал ее прерывающийся плач.

И больше Егор ничего не помнил...

Он никогда раньше не терял сознания и думал, что сознание теряют лишь романтические барышни. А тут по-

терял его сам. И не понял, как это случилось. Только когда пришел в себя, понял, что опозорился на глазах у всех этих чужих людей.

Он лежал на асфальте, под голову ему кто-то подложил скатанную в ком тряпку. Над ним склонилась белая борода доктора. Пахло нашатырем, внутри свербило. Егор никак не мог сообразить, что же случилось.

— Спокойно,— сказал ему доктор.— Все в порядке, ты очень переутомился и перенервничал. Все же первый день... у тебя был тяжелый день.

Егор попытался встать, но, когда сел, сразу закружилась голова.

— Полежи,— сказал доктор.

Только тут Егор вспомнил, почему оказался на площади. Лежа, он повернул голову.

В нескольких шагах от него стоял обгорелый черный столб. К столбу было что-то привязано. Но это не было человеком, а так, черной тряпкой...

И Егор ощутил отвратительный запах костра, смешанный с запахом горелого мяса.

— Тошнит,— сказал он.— Я хочу уйти.

Доктор помог ему подняться.

Чуть в стороне на совершенно пустой площади стоял прямой как палка Кюхельбекер.

Он не делал попытки приблизиться к Егору. Просто смотрел — то ли на него, то ли на кострище.

Егор с трудом тащился за доктором.

Когда они проходили мимо Кюхельбекера, тот сказал — скорее доктору, чем Егору:

— Я ведь любил ее.

— Ах, чепуха! — сказал доктор.— Вы никогда не любили. Вы не способны любить.

— Ты ошибаешься, Леонид,— сказал Кюхельбекер с горечью.— Но мне не везло. К тому же она всегда помнила, что она — маркиза.

— Она была такая же маркиза, как я китайский император.

Егор всем весом опирался на маленького доктора. Тому было тяжело, он даже клонился под этой ношей.

Егор не хотел оборачиваться к кострищу, но обернулся.

— Чего ты хочешь, мальчик? — спросил Кюхельбекер.

Он был высокий, сухой и, наверное, ломкий, как богомол. Если нажмешь как следует, рука треснет и отломится, как сухая ветка.

— Вы же знаете, — сказал Егор. — Я хочу уйти отсюда.

— Это очень трудно сделать, — сказал Кюхельбекер.

От неожиданности Егор даже остановился, чуть не свалив доктора.

— Значит, можно? Все-таки можно? — Егор даже оторвался от доктора и сделал шаг к Кюхельбекеру.

— Не место и не время для разговора, — сказал Кюхельбекер.

Они не успели дойти до медпункта. У входа в вокзал их ждал велосипедист.

— Молодого человека ожидают у императора, — сказал он.

— Нет, нет, нет! — воскликнул доктор. — Он болен, ему требуется отдых.

— Приказано доставить!

— Пускай идет, — произнес Кюхельбекер. — Я там буду тоже.

— Как только освободитесь, — сказал доктор Егору, — сразу ко мне.

— А куда же еще, — ответил Егор. — У вас Люська.

Император встретил его жирным хохотом.

Он сидел на своем троне в комнате милиции, вокруг горбились холмы ковров. В углах комнаты горели керосиновые лампы.

— В обморок упал! — смеялся император. — Ты что же, не видал раньше, как баб на кострах жгут?

Егор не ответил. Вопрос был издевательский. Император знал, что Егор не мог этого видеть.

— Хочу поговорить с тобой об интересных вещах, — сказал император. — Сегодня я свободен.

Егор плохо себя чувствовал, словно заболел гриппом,— голова гудела, и в горле першило.

— Пускай он сядет,— сказал старик Кюхельбекер.— Мальчик устал.

— Пора быть мужчиной,— возразил император. Но тут же смилостивился и велел садиться на ковер.

Егор уселся на мягкую вершину коврового холма.

Когда император двигал головой, на лысине вспыхивало множество зайчиков от керосиновых ламп.

— А ты уйди,— велел император Дантесу, который сунулся было в дверь.

Наступила пауза. Она длилась с минуту. Император разглядывал Егора. Потом спросил:

— Каким видом спорта занимаешься?

— Легкой атлетикой,— сказал Егор.— Но нерегулярно. А еще в детстве меня отдавали в теннисную школу, но я не показал себя.

— Себя надо показывать,— сказал император.— А как вообще в Москве обстановка?

— Какая обстановка?

— Политическая.

— Много интересного,— сказал Егор.— Магазины открываются...

— Преступность растет?

— Преступность растет. Рэкет. Мафиозные разборки. Император сочувственно покачал головой.

— А у нас этого нет,— сказал он.— У нас порядок.

— У вас порядок — жечь людей! — вырвалось у Егора.

Император усмехнулся:

— Иногда приходится прибегать к жестким мерам. Что делать, если люди возомнили себя бессмертными? Хотя бессмертия, как такового, не бывает. Продление жизни, как правило, объясняется падением других функций.

Почему-то император показал на Кюхельбекера. Он положил, пока Егор очистит банан, и спросил:

— А что еще? Ты рассказывай, рассказывай. Например, о своей семье.

— Семья как семья.

— Отец есть?

— Есть.

— А что же ты не захотел с ними оставаться?

— У меня был конфликт.

— Ну ладно, не рассказывай. В сущности, мне и не очень интересно, что у тебя за конфликт. А как у Людмилы семья? Неблагополучная?

— Не знаю. Я там не был.

— Но она, безусловно, рассказывала.

Егор понял, что император притворяется Павлом. И неумело. Говорит как современный человек. Они тут играют в игры, ленивые игры, потому что боятся потерять власть. Хотя зачем человеку власть в этом холодном болоте?

— Ты слышал мой вопрос, Егор?

— Она живет с матерью,— сказал Егор.— Отец их бросил. Мать со своим новым мужем, или кто он там ей, пьет. Они бьют Людмилу. Она от них убежала.

— Ясно. Неблагополучная семья,— сказал император.— С этим что-то надо делать?

— Она уже хочет вернуться,— сказал Егор.

— Разумеется,— согласился император.— Что ей сейчас делать? Рано.

Он достал длинную тонкую руку, выпиленную из кости. Пальцы руки были загнуты. Этой рукой он принялся чесать себе спину под бронежилетом.

— Никогда не снимаю бронежилет,— сообщил он Егору.— Потому что никому не доверяю.

— А вы бросьте все это,— сказал Егор.

Император нехотя засмеялся. Побулькала в горле. И сказал серьезно:

— У нас беда. Никто не стареет. Ты скажешь — это счастье. Но ребенок не может стать взрослым, бутон цветка не может распуститься и расцвести. Ты меня понимаешь?

— Понимаю.

— Я должен тебе признаться,— продолжал император.— Я полюбил твою спутницу Людмилу. Я полюбил ее искренне

и нежно. Но мое стремление к ней противоречит моей порядочности. Это... как бы найти нужное слово? Подскажите, канцлер...— Император повернул голову к Кюхельбекеру.

— Это неприлично,— отыскал нужное слово Кюхельбекер.

— Вот именно. Бутон должен раскрыться, чтобы цветок соединился со мной, с пчелой, которая прилетит выпить его нектар. Но я нетерпелив. Живу вне времени. Для тебя пройдет пять лет, для меня — один бесконечный день.

— Но как же...

— А вот вопросов не надо,— оборвал его император.— Могут быть пожелания.

— Нам с Люсей пора домой,— сказал Егор, словно предыдущего разговора не было.

— А он у нас упрямый,— усмехнулся император.

— Вы же сами сказали, что бутоны здесь не раскрываются,— сказал Егор.

— Вот именно,— согласился император.— А ты в Воронеже бывал?

— Нет, а что?

— Там, наверное, сейчас сугробы, метель завывает, а окошки такие желтые, теплые, заглянешь внутрь — стоят слки наряженные, игрушки висят, на столах выпивка и закуска...

— На окнах узоры,— сказал Кюхельбекер.— Внутрь не очень-то заглянешь.

— Опять испортил песню! — обиделся император.— Идите прочь! Надоели!

— Иду, иду,— ворчливо ответил Кюхельбекер,— ты не очень-то с нами ссорься. Как вознесли тебя, так можем и низвергнуть.

— Долой!

Егор поднялся и пошел к двери.

Сзади Кюхельбекер спросил обыкновенным голосом:

— Скоро очередная доставка. Дыню заказывать?

— Хватит! Незрелые они. Закажи побольше винограда,— распорядился император.

Егор вышел из ковровой комнаты. Перед дверью сидел на корточках велосипедист.

Он дремал и не заметил Егора.

Егор прошел в медпункт.

Доктор ползал по полу и пытался починить железную дорогу.

— Как там Люся? — спросил Егор.

— Отдыхает,— сказал доктор.— А ты, если плохо себя чувствуешь, ложись на пол, расслабься.

Егор заглянул за занавеску. Люська лежала, закрыв глаза. Она была очень красивой девочкой. Как же Егор раньше не замечал этого? Наверное, потому, что она была еще маленькая. Егор подумал, что нет никакой гарантии, что император в самом деле будет ждать, пока Люська вырастет. Он лжец, у него на лице это написано.

— Простите, я не знаю вашего имени-отчества,— обратился Егор к доктору.

— Леонид Моисеевич,— ответил доктор сразу.

Ну вот, никакой он не Фрейд.

— Леонид Моисеевич, у меня есть подозрение, только никому не говорите...

— Не скажу.

— Ваш император — он случайно не вампир?

— Вампир,— спокойно ответил доктор.— Но не от стремления к человеческой крови, я полагаю, он ее не очень жалуется, а от убеждения в том, что только таким способом он может сохранить силу и энергию.

— Но ведь это чепуха!

— Поживи у нас и с наше,— усмехнулся доктор,— и тогда тоже будешь верить черт знает во что.

— Значит, на самом деле он не любит Люську?

— А он сказал, что любит?

— Он сказал, что хотел бы, чтобы ей стало семнадцать лет и чтобы тогда она поняла, какой он драгоценный.

— Забавно,— заметил доктор.— А вы не разбираетесь в детских железных дорогах?

— Нет, уже семь лет, как мою выкинули.

— Жаль.

— Значит, он хочет высосать ее кровь? — Егор внутренне содрогнулся от отвращения.

— Не придумывай ужасов,— сказал доктор.— Мы здесь цивилизованные персоны.

— Даже когда сжигаете женщину на костре?

— Она не женщина, а уголовная преступница.

Доктор ткнул пальцем в занавеску, наступила тишина. Люська во сне забормотала.

— А вы давно здесь? — спросил Егор.

— Давно,— ответил доктор.— Я сюда попал еще до войны.

— Значит, железную дорогу только здесь увидели?

Леонид Моисеевич поправил сбившуюся набок бороду, разложил ее по груди редким веером, поднялся с колен и ответил обстоятельно, показав, что сумел заглянуть в мысли Егора:

— Да, я попал сюда в тридцать седьмом. Когда никто и не мечтал о таких игрушках. Но потом я увидел одну — когда у вас появился магазин «Детский мир». Мне принесли пациенты. Кто вагончик, кто — домик. Я собрал этот мирок, мой собственный. Но в последние годы вагончики пропали. Видно, их не осталось в «Детском мире». За ними надо ехать в Лейпциг.

— Куда?

— В Германию, в город Лейпциг. Там их изготавливают, и, говорят, там есть специальный магазин не то на улице Карла Маркса, не то на площади Димитрова.

— А разве у вас тут есть Германия?

— Земля круглая. У нас есть и Австралия, только я не уверен, живут ли в Австралии люди. Хотя почему бы и не жить им — ведь несчастных и загнанных людей достаточно во всем мире. К сожалению, связей с другими странами у нас почти нет. Из-за шуток природы. Природа не разрешает

нашему миру иметь автомобили или самолеты. Пробовали туда отправиться на воздушном шаре... Но беда в том, что люди, пожившие здесь несколько лет, становятся иными. Кровь в их жилах сменяется питательной смесью и становится холоднее на шесть градусов. Мы ведь не теплокровные млекопитающие, как можно предположить по внешнему виду. Попробуйте мою руку — чувствуете, какая холодная? Нет, это не возраст. Просто черепахи и крокодилы долго живут. Мы тоже бесконечно живем, потому что окружающая температура здесь постоянна. Ты понял?

— И это будет со мной?

— Обязательно будет. И даже вся кровь младенцев тебе не поможет.

При том Леонид Моисеевич недобро усмехнулся.

— Я не хотел бы сам стать таким,— голосом воспитанного мальчика ответил Егор.

— Кошмар,— сказал доктор.— Но еще хуже было испытать страх, овладевший в новогоднюю ночь доктором медицины, профессором Рубинштейном, когда за мной пришли. Я был согласен на все...

Доктор смущенно поморщился и пошел за занавеску посмотреть, как себя чувствует Люська.

Вернулся он через минуту.

— Все в порядке,— сказал он и улыбнулся. Щеки у доктора были в голубых жилках сосудов.— Все в порядке, вы можете соорудить воздушный шар и лететь на нем в Лейпциг, если город Лейпциг существует. Наша беда в том, что за Минском начинается болотный пустырь. Оттуда не возвращаются. Говорят, в тех болотах живут страшные твари, которые пожирают путников.

— Ерунда,— сказал Егор.— Я полечу на воздушном шаре, я пойду в те болота. Честное слово, я много чего смогу, потому что еще хуже для меня остаться здесь.

— У каждого своя судьба. И вашей подруге здесь не место.

— Я все слышу,— сказала из-за занавески Люська.— Откройте занавеску, я видеть хочу.

— Отдыхай, отдыхай,— сказал доктор.

Худая Люськина рука отодвинула занавеску в сторону.

Люська сидела на кушетке. На плечи она плащом накинула простыню, но видно было, что грудь и живот ее перевязаны поперек бинтами, чтобы кровь не текла из бока.

— Ой,— воскликнул Леонид Моисеевич,— вы меня доведете до могилы! Разве можно, девочка моя, в таком состоянии прыгать по кровати? Еще сантиметр в сторону, и мы бы погибли окончательно.

Люську он жалел, боялся за нее, а вот к Егору относился равнодушно. Это было немного обидно, с другой стороны, любовь доктора ему была не нужна. Егору почему-то казалось, и, как выяснилось, ошибочно, что он один здесь одержим желанием убежать, а остальные просто существуют. Ради этого можно пойти на хитрость, потому что этим людям верить нельзя. Отсюда должен быть выход. Потому что любая комната, в которой есть вход, имеет и выход.

Об этом он и сказал доктору, когда тот наконец уложил Люську на кушетку, но оставил занавеску открытой.

— Глупости,— ответил доктор.— Существует смерть. В нее есть вход, а обратно никто не возвращался. Допустим, что ты умер.

— А где же тогда мой дедушка? Где наш сосед по даче полковник Семенов? — спросил Егор. Вопрос был наивным, но он зато задал его сразу, не задумываясь.— Если бы это был тот свет... Тогда здесь слишком мало людей.

— Ну а если это лишь малая часть того света?

— Нет! — вмешалась в разговор Люська.— Вы ошибаетесь, Леонид Моисеевич. Не может быть, чтобы люди умирали только в ночь под Новый год.

— Вот это аргумент! — согласился доктор.— В тысячу раз лучший аргумент, чем гипотеза Егора. Но я могу возразить: это потусторонний мир для тех, кто умер в ночь под Новый год! А все, кто умер второго января, живут в соседнем потустороннем мире? Нет, нет, я шучу, я сдаюсь перед логикой нашей маленькой пациентки.

— А если вы сдаетесь перед логикой...— осторожно спросил Егор,— то, может быть, вы знаете правду?

— Правду? Правду здесь знают... несколько человек.

«Так,— с удовлетворением подумал Егор.— Мы победили. Он признался».

Голова Егора работала четко и быстро, как на удачном экзамене; он, не теряя ни секунды, сказал:

— Здесь даже детей нет. Вы хотите, чтобы мы остались одинокими детьми?

— Дети мои,— вздохнул доктор, откинул полу белого халата и достал из кармана брюк носовой платок.— Я отдыхаю с вами сердцем, и в то же время мое сердце обливается кровью.

Доктор высморкался, пригладил редкие белые волосы и некоторое время продолжал держать платок наготове, словно ожидал, что из глаз покатятся слезы. Слез не было. Доктор с сожалением положил платок в карман.

— Так, значит, нам и гнить здесь? — спросила Люська.

— Ах нет,— сказал доктор.— Здесь вы не одиноки. Насколько я знаю, на некоторых постах есть молодежь, даже дети. Мало детей, совсем мало, как-то наш Макаренко, вы о таком не слышали, хотел даже организовать школу, чтобы дети не оставались вне системы образования. Он обил все пороги, даже императора чуть было не склонил к этому. В конце концов оказалось, что никто не возражает, но никто и не поддерживает этого учителя.

— Я знаю,— сказал Егор.— Макаренко написал книгу о беспризорниках.

— Вот именно, в мои годы он был очень популярен. Руководил колонией имени Дзержинского. Чекисты всегда любили детей. Папу с мамой убьют, а детей начинают любить. А может, детей уже нет. Вы же знаете, насколько на дальних постах трудная и рискованная жизнь. Бандитизм, призраки, насекомые, черви...— Доктор закручинился.

— Леонид Моисеевич,— взмолился Егор.— Ну скажете вы, наконец, к кому нам пойти? Кто знает правду?

Вдруг Люська заплакала. Наверное, она заплакала не нарочно, но этот тихий плач стал как бы последней каплей... Доктор давно хотел сказать то, что знает, но боялся. И причины страха стали очевидны, когда он вдруг мелкими шажками побежал к двери, приоткрыл ее и выглянул.

— Здесь и стены имеют уши,— сообщил он, вернувшись. И продолжал шепотом: — Я очень надеюсь на то, что вы уже достаточно взрослые и не будете болтать о том, что я скажу.

Егор и Люська затаили дыхание. Только бы не спугнуть его.

— Путь в обыкновенный мир есть,— продолжал доктор.— Я в этом уверен. Вы видели продукты, которые попадают сюда от... от вас?

— Бананы,— сказал Егор.

— И бананы тоже,— вздохнул маленький доктор.— А для этого, чтобы они угодили на стол к императору, кто-то должен протянуть руку в ваш мир и даже что-то держать в этой руке. Я полагаю, что ведает этой секретной операцией мой старый друг Вилли Кюхельбекер.

— Что же он — знает и молчит? — спросила Люська.— А другие должны воду пить?

— Сила вождей заключается в том,— сказал Леонид Моисеевич,— что они знают нечто, неизвестное простому народу. Если бы дырка, ворота, соединительный туннель существовали, многие бы кинулись туда. С самыми плачевными результатами.

— Он вернется,— объяснила Люська Егору, показав на доктора,— а у него все уже от старости померли.

— К сожалению, вы правы,— сказал доктор.— По крайней мере, моей дочке сейчас больше лет, чем мне. Я часто считаю... вот на Земле год прошел, вот еще год. А мне все так же — шестьдесят четыре.

— А как вы считаете годы? — спросила Люська.

— По Новым годам,— ответил Леонид Моисеевич.— В Новый год всегда какие-нибудь новенькие появляются. Вот и сейчас — вы появились, и я знаю — моей Оленьке там, на Земле, стукнуло восемьдесят. Вы представляете!

Егор помотал головой, чтобы сбросить с себя гнет чепухи.

— Вы лучше рассказывайте про Кюхельбекера,— попросил он.

Доктор поднял руку, возражая.

— Но главная причина, по которой мы не можем вернуться обратно, заключается в том, что если твоя кровь превратилась в теплую жижу, то ты уже не сможешь жить на Земле. Ты обречен...

— А откуда вы это знаете? — спросил Егор, ловя доктора на слове.

— Это всем известно.

— А что, если это очередная выдумка какого-нибудь императора, чтобы вы не совались? Сидите и не рыпайтесь.

— К сожалению, это было известно до императора и помимо императора. Да я сам ставил некоторые опыты... Состав крови иной.

— И что? — спросила Люська.

— Организм лишен иммунитета. Там, наверху, вы скоро умрете.

— А у нас какая кровь? — вдруг перепугалась Люська.

— Вы всего один день здесь живете,— засмеялся доктор.— Рано еще переродиться.

— Все равно нам надо спешить,— сказал Егор.— Мы должны уйти как можно скорее. Я поговорю с Кюхельбекером. Он революционер; декабрист, он должен меня понять.

— Возьми меня с собой,— попросила Люська.

— Невозможно,— сказал Егор.— Ты у нас раненая.

— Я почти выздоровела.

— Нет, нет! — почти закричал Леонид Моисеевич.— Вы загубите ребенка! Мало вам, что ей и без того грозят!

— Где я его найду?

— Кюхельбекера? Возможно, он с императором. У них много общих дел. Или он у себя. Найди кабинет начальника вокзала. А впрочем, ты можешь спросить. Спроси, не видели ли господина Кюхельбекера. Или Вилли. Он любит, когда его так называют...

— Я скоро вернусь,— сказал Егор Люське.— Сиди и жди меня. И не бойся.

— Я не дам ее в обиду,— сказал доктор.— Даже если это будет сам император.

Егор закрыл за собой дверь и подумал, что все-таки какая-то угроза от жирного императора исходит. Но сейчас лучше о нем не думать. Лучше думать о том, как он убедит Кюхельбекера отпустить их с Люськой обратно. Егор не знал, какие слова он отыщет для такого разговора, главное, чтобы Кюхельбекер понял, что произошла ошибка, что они с Люськой принадлежат совсем другому миру и ошибку надо исправить.

Егор вышел в большой зал, где так же, как и раньше, разгуливали бездельники, ожидавшие выхода императора, а может быть, нового обеда или казни. И так день за днем, вернее, весь день без перерыва, а день этот длится тысячу лет. Наверное, лучше броситься из окна, как тот самоубийца на Университетской, если тебе скажут окончательно, что ты вечный узник в стране бессмертных.

Буквально через несколько шагов Егор натолкнулся на Дантеса, который торчал посреди зала, задумчиво накручивая на указательный палец светлый локон.

— Ты где пропадал? — строго спросил Дантес, обрадованный тем, что ему подвернулось занятие.

— Меня доктор послал Кюхельбекера найти,— соврал Егор, решив, что так сказать лучше, чем признаться.

— А зачем? — спросил любопытный Дантес.

Егор не успел ответить, как их прервали. Подошла полная рыхлая девица лет двадцати, в очках с одним стеклышком, за ней шел бородатый мужчина с гитарой на ремне через плечо.

— Мальчик, ты поешь Окуджаву? — спросила девица.

— А что? — ответил вопросом Егор.

— Мы расширяем группу,— сообщила девица.

— Оставь его в покое! — прикрикнул на девицу Дантес.— Видишь, что я с ним разговариваю!

— Ах, только не думайте, что я вас испугалась! — сказали девица, но отошла.

— Так зачем тебе понадобился наш канцлер? — спросил Дантес, глядя вслед девице.

— Доктор хочет, чтобы он поговорил с Люсей.

— Ах, как это интересно! О чем же?

— Вы лучше сами спросите, — сказал Егор.

— Ну ладно, — миролюбиво сказал Дантес. — Он мне все равно расскажет. Так ты его ищешь?

— Ищу.

— А он на площадь пошел, — сказал Дантес. — Там драка получилась.

Дантес рассмеялся. Он продолжал:

— Народ кинулся пепел собирать. Как остыло, кинулся собирать.

— Какой пепел?

— Ну как же — если набрать пепла от сожженного, то в карты везет и еще много полезного. А у нас давно никого не сжигали... Иди, иди, он там, наводит порядок.

Егор вышел на площадь.

В отдалении, возле обгоревшего столба, суежилась кучка людей.

«Это же средневековые, — подумал Егор. — Неужели в такое возможно верить?» Он понимал, что возможно. Мало ли во что верят дураки на нашей Земле; посмотри любую газету — то белая магия, то колдун, то экстрасенс. Стыдно за человечество.

Егор перешел через площадь. Над его головой все так же бежали сизые облака. Но должны же они когда-нибудь кончиться!

Возле костра никакой драки не было. Люди, в основном совсем старые, возились в пепле, собирали обгорелые палки, угольки — видно, пепел мадам Помпадур и в самом деле представлял для них ценность. Кюхельбекера не было видно.

— Егор! — окликнула его древняя женщина, которая некогда была, наверное, даже красивой. Но это было очень давно.

Откуда она его знает?

— Вы меня? — спросил Егор.

— Как я рада, что вас нашла,— сказала женщина низким, хриплым, прокуренным голосом.— Вас ждут.

— Кто меня ждет?

— Вас ждут мои друзья. Нам необходимо поговорить.

— Но я же тут никого не знаю. Я ищу Кюхельбекера.

— Кюхельбекер никуда не денется,— строго сказала женщина.— Есть несравнимые ценности. Я представляю ценности моральные. Кюхля — всеобщую продажность. Вы меня понимаете?

— Нет, не понимаю.

— Именно мои друзья могут вам помочь. Вам же нужна помощь?

— Но недолго, ладно? — сказал Егор.

Женщина хрипло засмеялась.

— Здесь не бывает таких понятий.

— Такие понятия везде бывают,— возразил Егор.— У меня пульс бьется, значит, время идет.

— Он перестанет биться. Так пойдем, мой мальчик? Мой утренний барабанщик?

Она направилась через площадь к зданию гостиницы. Но не к ней, а к дому рядом, старому, кирпичному, явно пореволюционному.

Со стороны вокзала в стене была небольшая ободранная коричневая дверь.

Женщина стукнула в нее три раза.

— Кто идет? — спросили изнутри.

— Заря свободы.

Дверь открылась. За ней стоял амбал в белом халате, которого Егор раньше видел на площади.

По темному коридору они спустились в подвал. Женщина вела его за руку. Впереди горел свет. Неожиданно Егор оказался на сцене.

Сама сцена была размером со среднюю комнату, какие бывают в жэках, небольших учреждениях или странных полуподвалах, отданных штабам гражданской обороны. Тут и устраиваются собрания — от союзных до ветеранских. Егор сразу вспомнил, когда он был в подобном зале: приходил с бабушкой, когда его не с кем было оставить дома.

На сцене был длинный стол под суконной красной скатертью, на нем в ряд, как на спектакле самодеятельного театра, как бы обозначая обстановку и время, стояли керосиновая лампа, граненый графин для воды и рядом с ним два стакана. Графин и стаканы были пусты. Они были ритуальными символами.

За столом сидел президиум — басовитая женщина, что привела Егора сюда, изможденный мужчина с очень длинной черной бородой и проваленными светлыми глазами и другой, скучный, в очках, схожий с манекеном своей полной неподвижностью.

Сидящих в зале разглядеть было трудно — туда почти не достигал свет лампы. Но можно было понять, что сидит там человек десять — пятнадцать, сидят как куклы и никуда не торопятся.

И еще Егору удалось разглядеть на стенах лозунги. Несмотря на темноту, их можно было прочесть, потому что буквы лозунгов были велики. «ДАЕШЬ ПЯТИЛЕТКУ В ЧЕТЫРЕ ГОДА!» — было написано слева белыми буквами на красной ткани. Лозунг этот, видно, висел здесь много лет. Так же стар был лозунг «ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ЭКОНОМНОЙ», удививший Егора бессмыслицей, но бессмыслицей знакомой, как будто увиденной в детстве и забытой. На другой стене находились предметы иного толка, и даже непонятно было, кто им разрешил соседствовать с красными лозунгами и переходящим Красным знаменем, прислоненным к сцене в углу.

Там можно было различить большой замызганный портрет человека с массивной широкой бородой, но не Маркса — Маркса Егор помнил. И тут же Егор различил этого

человека, только куда более изношенного, чем на портрете. Он дремал, скособочившись на стуле. А его сосед — взгляд Егора произвольно скользнул туда — был человеком согбенным, худым, обнаженным до пояса, и на шее у него висела петля из толстой веревки, словно он недавно сорвался с виселицы. Но никого это не удивляло.

Рядом с портретом бородача Егор увидел черный флаг с черепом, а также черный кнут и ржавый меч.

— Ты проходи, товарищ Егор,— сказала старуха, которая привела его сюда. Несмотря на дряхлость, она красила юлосы в красно-рыжий цвет.— Прходи на кафедру, будешь отчет держать перед товарищами.

Егор покорно пошел по сцене вдоль стола и зашел за фанерную трибуну.

И тут из зала, откуда на него глядели серые, плохо различимые лица, послышались сухие негромкие аплодисменты, словно сейчас он начнет доклад о международном положении.

Женщина постучала острием карандаша по скатерти.

— Спокойствие, товарищи. Среди нас сегодня наш новый товарищ Егор. Пора омолаживать нашу организацию.

— Биографию, кратенько,— послышалось из зала.

Егор взглянул на женщину. Она распоряжалась его странным приключением.

— Кратенько,— сказала она.— Мы понимаем, в гражданской не участвовал... в отличие от нас.

Когда тебе шестнадцать лет и ты стоишь на кафедре, то молчать невозможно. Егор покорился.

— Я заканчиваю среднюю школу,— сказал он.— Живу в Москве, на проспекте Вернадского.

— Ну и прибыл к нам на этот Новый год,— дополнила женщина.— По семейным обстоятельствам.

— Ясное дело, товарищ Коллонтай,— отозвались из зала.— Но жаль, что не из идейных соображений.

Фамилия была знакома. Не то по кино, не то по газете.

— В Бога веруешь? — спросил длиннобородый старик, сидевший за столом президиума.

Об этом Егор не знал, не задумывался. Некоторые из взрослых, особенно те, кто с положением, в последнее время стали ходить в церковь, но отец с матерью посмеивались над новыми православными.

— А вот об этом, как договаривались, будем молчать, — задребезжал надтреснутым голосом скучный мужчина в очках, тоже сидевший за столом. — Нас слишком мало, чтобы делиться на фракции.

— А ты сейчас про комсомол спросишь, — сказал длиннобородый старик. — Как нам быть тогда? Молчать?

— Нас здесь большинство, — сказала женщина с карандашом, — значительное большинство. Вы включены в группу сохранения в силу совпадения наших точек зрения на дальнейшую судьбу общества и страны. Но если мы опять примемся за выяснение отношений... ну вы же знаете, до чего это дошло недавно... а впрочем, не сейчас, не сейчас!

— Нет, сейчас! — крикнули из зала.

— Хотя я могу сказать, чьих это рук дело! — заявила женщина, и откуда-то в ее руке появился небольшой колокольчик, такие раньше бывали на собраниях, да все перевелись. — Ты, Егор, имеешь право добровольно ответить на наш вопрос: состоял ли ты в пионерах и комсомоле и каково твое отношение к идеям марксизма-ленинизма.

— Либо ты ограничиваешься идеями национального сознания, либо я уйду и уйду с собой моих людей, — сказал человек с веревкой на шее.

— Я скажу, — произнес Егор. — Я был в пионерах, все были, и в комсомоле был. Только в прошлом году его у нас распустили.

— И тогда вы организовали подпольную ячейку! — скучный человек в очках ткнул палец в бок Егора.

— Товарищ Вышинский, я лишаю вас слова, — сказала женщина с колокольчиком. — Товарищ Егор, ты можешь

не отвечать на этот вопрос, а обсудить его после митинга с товарищем Вышинским.

— Да чего парень стоит, глазами хлопает,— сказал старик, чей портрет висел на стене.— Надо ему глаза приоткрыть. Ты будешь говорить, Коллонтай, или я сам скажу?

— Я скажу,— сказала Коллонтай.— У нас все должно быть открыто.

Егор был рад, что не стал с самого начала настаивать на поисках Кюхельбекера,— это была другая компания, и странно, что он не предугадал, что в мире ином тоже есть свои группы, партии, союзы, своя вражда и война — у нас иначе не бывает.

— Как ты знаешь, Егор,— сказала старуха Коллонтай,— попав сюда, ты должен выбрать себе жизнь в зависимости от убеждений. Условно говоря, наше небольшое население делится на три категории. Большой части — все равно. Они просто существуют. Вторая, наиболее могущественная группа захватила власть обманом — она стремится к личному обогащению. Это группка людей, лишенная стыда и совести, она строит свое благополучие на нищете и голоде трудящихся...

И тут Егор чуть все не погубил. А может, и погубил — и этом ему предстоит разобраться позже.

— Но здесь же нет голода и нищеты,— сказал он.— Даже кушать не требуется.

Наступила неприятная пауза.

Потом из зала донеслось:

— Слова были сказаны в переносном значении.

Коллонтай сделала над собой усилие. Улыбнулась и сказала:

— Ты еще о многом не успел подумать. И не знаешь самого главного. Пока есть мы — этот мир будет существовать по законам справедливости и революционного духа.

Егор почувствовал, что он устал — устал, потому что не понимал своего места в этих объединениях и не знал, что им нужно на самом деле. Власти?

— Он не понимает,— сказал мужчина с очень длинной бородой.— Я ему скажу, а вы послушайте. Даже если не соглашаетесь.

Он обвел взглядом зал, и никто не возразил ему.

— Ты, наверное, хочешь домой,— сказал он.— Честно, хочешь?

Егор ответил после долгой паузы. Наверное, с минуту молчал, потому что понимал — правдивый ответ ему невыгоден, а если соврет, ему не поверят и может быть еще хуже.

— Я хочу обратно,— сказал он наконец.

— Ну и молодец,— совсем не рассердился длиннородый.— Я тоже обратно хотел, несмотря на то, что меня там смерть подо льдом ждала. Естество тянет. Но когда понял, что я здесь навсегда, то возрадовался. Возрадовался я тому, что попал в страну Беловодию, в царство Божие на Земле, и сподобился великого счастья.

— Григорий, говори проще,— крикнул из зала женоподобный мужчина с крупным мягким носом.— Главное — суть дела.

— И я узнал,— продолжал Григорий,— что я тут не один такой. И хоть люди, с которыми я сошелся, большей частью пришли сюда через десять, двадцать лет, а то и полвека после меня, и принадлежат к большевикам или другим социал-демократам, мысль у них одна — сохранить этот мир нетронутым, не допустить в него скверну, которая все более овладевает верхней Землей. И потому мы соединили наши усилия — благо перед нами вечность.

Григорий протянул руку к графину, словно хотел налить из него, потом стукнул графином об стол, раздраженно поставив на место.

— Сколько раз говорили — чтобы вода для ораторов была! — рявкнул он.

— Будет, будет, сегодня это аутодафе проклятое все планы сбило,— сказала Коллонтай.

— Вот именно,— сказал Григорий и замолк.

Егор стоял на краю сцены, было не то чтобы страшно, но как-то неладно. Что будет дальше? Чего они хотят?

— Юноша не все понял,— сказал скучный человек в очках по фамилии Вышинский.— Разрешите, я поясню?

— Разумеется, Андрей Януарьевич,— ответила Коллонтай.

Егор подумал, что когда-то слышал такое странное отчество.

— Нас немного,— заявил Андрей Януарьевич,— но истинных вождей, истинных правителей мира должно быть немного. Это тесная группа пламенных революционеров.

— Мы же договаривались, Андрей! — закричал из зала женоподобный толстяк.— Никаких пламенных революционеров. Или мы тут же уходим из зала.

— Ну ладно, ладно,— поморщился Андрей Януарьевич.— Мы — хранители. Независимо от наших взглядов в прошлом, от нашей партийной принадлежности мы соединились, чтобы оградить этот мир от скверны.

— Зачем? — не понял Егор.— Вы же и так ограждены.

— Все в природе оправданно, все целесообразно, как учил Карл Маркс,— сказал Андрей Януарьевич.— Мир, откуда ты пришел, обречен на гибель. Он заражен, он полон оппортунизма и неверия. Для того чтобы спасти человечество, скажем, его избранную часть, природа...

— Скажи — Господь, язык не отвалится,— сказал длиннопородый Григорий.

— Нет, раз мы договорились, то давайте уважать убеждения союзников,— возразил Андрей Януарьевич.— Я повторяю: мы здесь оказались для того, чтобы преобразить этот мир в царство справедливости. И мы этого добьемся.

Старики стали хлопать в ладоши.

— Каждый из нас попал сюда не случайно,— заговорила Коллонтай, когда Андрей Януарьевич замолк.— Почему-то именно я, он, ты пришли сюда. Мы несем ответственность

за создание идеального мира! И теперь ты, Егор Чехонин, один из нас! Ты тоже выполняешь свой долг.

Егору эти люди не нравились. Ему хотелось одного — скорее уйти отсюда. И он понял, что должен показать: ему с ними не по пути.

— Я здесь временно,— сказал он.— Я хочу вернуться. И девочку с собой заберу.

— Ты ушел оттуда,— возразила Коллонтай,— потому что там тебе жить было невозможно! Иначе сюда не попадают.

— Я тоже так думал, а теперь понял, что хочу обратно.

— Он хочет уйти,— донеслось из темноты зала.— Он хочет рассказать о нас! Он хочет напустить на нас опасность! Он хуже императора, который получает оттуда бананы.

Стало шумно, все кричали, потрясали кулаками, даже свистели.

— Боюсь, что мы ошиблись в тебе,— произнес Андрей Януарьевич. Он говорил негромко, но его пронзительный голос перекрывал шум зала.— Мы рассчитывали, что в наше движение вольется новая молодая кровь. Мы нуждаемся в молодой гвардии. Но если в нашем стаде оказалась дурная овца, то придется принять меры.

— Ну чего вы грозитесь! — обозлился Егор.— Я к вам не напрашивался, вы меня сами сюда притащили. Отпустите меня, и я о вас и не вспомню. Уйду к себе...

— Отсюда уйти невозможно! — крикнула Коллонтай.

— Не в этом дело,— сказал Григорий.— Если кто-то ушел, то и он может уйти...

Егор внутренне сжался — они признаются, что есть надежда!

— Но мы не можем допустить, чтобы он ушел и предупредил там, что мы готовим удар!

Зал откликнулся дружным гулом.

— Не надо так,— возразил Андрей Януарьевич.— Мы не сторонники насильственных методов, подобно старцу Распутину. Мы не царские сатрапы. Если молодой человек

считает, что ему с нами не по пути, он волен уйти на все четыре стороны.

Голоса в подвале разделились между теми, кто был согласен отпустить Егора, и теми, кто требовал его смерти. Шум стоял такой, словно Егор оказался в Кремлевском Дворце съездов.

Андрей Януарьевич снял очки, вытащил из кармана серого костюма желтую тряпочку и принялся протирать стекла.

— Я возражаю! — кричал Григорий Распутин.

— Иди, — сказала Коллонтай и подтолкнула Егора к задней двери, ведущей на сцену. — Иди, иди.

— Иди, — вторил ей Вышинский.

И весь подвал подхватил это слово как заклинание:

— Иди, иди, иди, иди...

Егор оказался в совершенно темном коридоре, он сделал несколько шагов. Коллонтай перестала толкать его в спину.

Он хотел попросить лампу.

Но тут его толкнули так сильно и неожиданно, что Егор потерял равновесие и мелко побежал вперед, чтобы не упасть.

Коридор оборвался ступеньками, которые вели вниз.

Падая по ступенькам, Егор не сразу сообразил, что же с ним произошло.

Та же темнота, то же безмолвие, лишенное даже сладко повторяющихся слов: «Иди, иди, иди...»

Егор сел, водя руками вокруг, — гладкий бетонный пол.

Сколько прошло времени? Терял ли он сознание или же произошло только что?

— Эй, — крикнул Егор, — выпустите меня!

Но он уже понимал, что те, кто его сюда кинул, решили не просто попугать его и отпустить. Однако за что?

Надо найти стену и вдоль нее нащупать дверь. Но оказалось, что в кромешной тьме трудно удержать равновесие. Егора повело, и он вновь уселся на пол.

— Раз, два, три, четыре... — Он считал вслух, уговаривая себя, что ничего страшного пока не произошло. Он не в джунглях, здесь же и его друзья — Люська, доктор...

На второй раз ему удалось подняться. Он вытянул вперед руки и пошел, ошупывая сапогом пол — а вдруг у них тут устроена яма?

Вдруг — на втором или третьем шаге — нога наткнулась на что-то мягкое.

Егор отпрянул, в два прыжка достиг стены и ударился об нее спиной.

— Я же просил, — произнес капризный голос, хриплый и неровный. — Я же велел им не подсаживать ко мне уток и наседок. Я все равно ничего больше не расскажу. И лучше ко мне не приближайся — у меня есть кирпич. Я его нашел. Я его специально для таких, как ты, берегу.

— Вы кто? — спросил Егор.

Все-таки это человек. Человек жалуется, человек недоволен, человек разговаривает, значит, он не вцепится Егору в глотку.

— Я — узник совести, — ответил голос. — Впрочем, можешь называть меня отшельником, аскетом.

— А почему вы... почему вас сюда бросили?

— Потому, что и тебя, — ответил голос. — Потому, что был опасен, но неизвестно, опаснее ли ты живой или мертвый. Значит, ты безопасен в кутузке.

— Они могут убить?

— Они бы отрезали тебе голову в черном коридоре. А раз ты жив, значит, когда-нибудь ты выйдешь наружу.

— А когда? Мне нужно сегодня.

— А что такое сегодня? — спросил голос. — Можно подумать, что ты лишь недавно к нам оттуда. Скажи, какое сегодня число?

— Я думаю, что первое января. А может, уже второе. Здесь нет ночи, — пояснил Егор.

Голос отсмеялся.

— Он учит меня, отщепенца: Агасфера, бродягу и бунтаря! Я знаю, что здесь не бывает чисел, дней, часов и

минут. Поэтому вопрос о тюремном заключении теряет смысл.

— Почему?

— Потому что никто никогда не догадается, сколько времени ты провел в тюрьме и сколько времени тебе осталось. Если человеку здесь не требуется пища и почти не нужна вода, если здесь нет никаких точек отсчета, если здесь нельзя замерзнуть и перегреться на солнце, попасть под сквозняк или промокнуть под дождем, если весь этот мир — тюрьма, то чем хуже эта яма?

— Но здесь темно и нельзя никуда выйти.

— Во-первых, со временем ты научишься разбирать тени. Те микрочастицы света, что попадают сюда, достаточны для моих глаз, чтобы видеть твой силуэт. Во-вторых, если ты захочешь уйти, ты можешь вырыть подземный ход или воспользоваться ходом, который кто-то сделал до меня.

— А вы почему не воспользовались?

— Потому что мне хорошо в тюрьме, — ответил голос. — Наконец-то я могу думать. И если бы мне не подбрасывали время от времени напарников, я был бы счастлив. По крайней мере, счастливее, чем в раю этажом выше. Я — вечный диссидент. Любая власть кидает меня в тюрьму. И это правильно. Я — сама свобода!

И тут Егор услышал мычание.

Мычание несло из дальнего угла и исходило от еще одного узника.

— А это кто? — Егор улбвил в мычании муку и злость.

— Это мой напарник по заточению. Я пожалел его, не стал убивать. Я связал его, сделал кляп, и он молчит.

— Но почему?

— Он мне мешает думать о свободе. Не удивляйтесь, жизнь полна парадоксов. Ради свободы приходится затыкать рты тем, кто этого не понимает.

Голос изменился — видно, человек, которому он принадлежал, приподнялся, и теперь голос несся сверху. Человек был куда выше Егора.

— Если ты не замолчишь, я и тебе заткну глотку.

— Погодите, погодите,— сказал Егор.— Я не хочу оставаться здесь и разговаривать с вами. Я хочу уйти. Покажите мне подземный ход, и я сразу уйду.

— Клянешься, что уйдешь?

— Клянусь.

— Тогда иди вдоль стены направо, касаясь ее рукой.

— Я иду...— Егор медленно шел вдоль стены. Дошел до угла, повернул. Что-то пробежало по руке. С отвращением Егор сбросил насекомое.— Что тут у вас? — спросил он.— На стене?

— Тараканы,— догадался оппозиционер.— Их ничем не выведешь. Я с ними мысленно беседую. Мне кажется, что они поклоняются мне как богу. Я — бог тараканов! Забавно.

Стена была холодной и чуть влажной.

— Ниже,— сказал бог тараканов.— Вход у самой земли. Когда-то этим ходом убежали двенадцать разбойников. Они рыли его полтора года ногтями и зубами.

Заклученный тихо рассмеялся.

Рука провалилась в углубление, и Егор нащупал небольшую дверь.

— Открывай ее,— сказал узник.— За ней — подземный ход.

— До свидания,— сказал Егор.

— Я жалею,— ответил узник,— что познакомился с тобой. Из-за твоего нежелательного присутствия я потерял день работы. Это тебе зачтется на Страшном Суде.

Егор толкнул дверь. Она не поддавалась.

— Там шеколда,— предупредил бог тараканов.— А то кто не попадая сюда залезет.

Мыслитель был прав. Егор откинул шеколду.

Дверь с железным скрипом открылась. За ней была такая же темнота.

— Закрывать или оставить? — спросил Егор.

— За собой надо закрывать,— ответил голос из тьмы.— Мне не нужна так называемая свобода, которая лишь порождает настоящего оппозиционера.

Егор оказался в низком коридоре. Ход шел прямо, метров через десять Егор уткнулся еще в одну дверь. Дверь была заперта. Егор старался не поддаваться отчаянию. В дверь стучать он не смел — в доме полно стариков, они могут его поймать. Он ошупал дверь и тут понял, что никакого запора в ней нет. Но почему же она не поддается?

Дверь должна была открываться наружу — косяк выдавался с этой стороны. Егор отошел на два шага и, кинувшись вперед, ударил в дверь плечом. Дверь не поддавалась. Она тоже была обшита железом, как и первая.

Егор почувствовал себя в западне — как зверь. Страшнее всего и отвратительнее было возвращаться в яму.

Егор отошел чуть подальше и ударил в дверь сильнее. Так, что заболело плечо. Дверь пошатнулась. Значит, ее можно вышибить.

Егор ударил третий раз. Дверь задрожала, но не открылась. Плечо болело безумно. Видно, он отбил какую-то мышцу.

Егор потерял плечо. Найти бы какую-нибудь железку, чтобы отжать дверь. Вдруг за дверью что-то звякнуло.

Егор замер. Может быть, там его ждут велосипедисты?

Он простоял неподвижно, пока не досчитал до ста. Потом нажал на дверь. Сопrotивляясь, она все же приоткрылась, впустив внутрь чуть-чуть серого света.

Егор поднатужился и отворил дверь настолько, что можно было выбраться наружу.

Он пролез в щель. Нога ударилась о что-то тяжелое. Егор поднял с земли большой амбарный замок с дужками — к счастью, замок был ржавым и дверь тоже проржавела. От удара вылетели гвозди, и замок упал вниз.

Вверх вели ступеньки. Егор насчитал их восемнадцать — на две меньше, чем на входе.

Он осторожно выглянул наружу. Дверь из подвала вела на задний двор. Там было намусорено, кверху колесами налялся автомобиль двадцатых годов, из кирпичей была выложена башня в метр высотой. На ней стояла небольшая

бронзовая пушка на деревянном лафете, рядом возвышалось чучело лося. На подставке была табличка: «Лось лесной — могучий исполин нашей Родины». Связанными тюками лежали подшивки журналов «Огонек» и «Здоровье», будто кто-то намеревался сдать их в макулатуру, но не успел. Через двор медленно шел человек с петлей на шее — из тех, кто был на собрании. Егор подождал, затаившись, пока мужик выберет себе из кипы журнал. Тот полистал его и сказал:

— Все то же самое, то же самое, одни успехи! Когда же начались поражения?

Егор побежал в другую сторону. Он выскочил на площадь со стороны реки, где стояла гостиница с выбитыми стеклами. Площадь была пуста, только посередине торчал обгорелый столб.

Стало чуть темнее, как будто собирался дождь. Егор подумал, что даже не знает, бывают здесь дожди или нет.

Он побежал к вокзалу, чувствуя себя беззащитным и маленьким на обширной площади. Он все время ждал оклика: «Ты куда!» — или велосипедиста, который будет догонять его, виляя между автомобилями.

Но никто не встретился, и никто не догонял Егора.

Он вбежал в вокзал и постоял некоторое время за дверью, выглядывая сквозь пыльное стекло. Площадь была по-прежнему пуста.

Он вошел в зал ожидания.

Ни одного человека. Куда-то делись все придворные и бездельники, что ошивались здесь совсем недавно.

В остальном на вокзале было все по-прежнему. Хотя нет — Егор увидел странную надпись, белую табличку на палке, установленную в конце зала. На табличке было написано одно слово: «НОЧЬ».

Егор толкнулся в комнату милиции. Дверь была заперта. Он пошел в медпункт.

Медпункт тоже был заперт. Но ключ кто-то оставил в замке.

Егор повернул ключ и заглянул внутрь. Остатки железной дороги были сметены в угол, к другой стене отодвинуты груды старых газет и журналов. Справочники и словари стояли на полках. Будто кто-то, уходя, знал, что вернется не скоро, и хотел оставить после себя видимость порядка.

Егор кинулся за занавеску. Но можно было не спешить. Занавеска была отодвинута, кушетка застелена кое-как, следов Люськи не было.

Егор выскочил обратно в гулкие просторы вокзала. Ему вдруг почудилось, что все жители вокзала уехали на поезде. Он так живо представил себе, как все они входят в вагоны, старинные, как в фильме про Анну Каренину, проводники в форме и высоких фуражках открывают двери и поддерживают под локоть старух. Паровоз издает гудок или свистит, пуская белый густой пар длинными облаками вдоль перрона, начальник вокзала в красной фуражке поднимает флажок, разрешая поезду отправляться... но здесь же нет поездов!

Егор все же обежал вокзал. Он нашел трех бомжей, которые лежали на тряпках в комнате матери и ребенка, окруженные валом разбитых и целых бутылок. Бомжи не хотели разговаривать с Егором, они были на последнем издыхании, но совершенно непонятно, чем же они занимаются в мире, где спирт на человека не действует.

Потом услышал быстрые шаги и кинулся было на встречу, но в последний момент осторожность проснулась в нем, и он спрятался за угол. И правильно сделал — амбал в белой накидке с красным крестом осматривал вокзал, кого-то искал — вернее всего, Егора.

Минут через пять санитар ушел. В полной растерянности Егор вернулся в медпункт, как бы в единственное родное место на вокзале.

И оказалось, что не зря, — на столике доктора он увидел листок бумаги, поднял его. И точно — записка.

Почерк был незнаком. Да и откуда Егору знать почерк доктора?

«Следуй за нами к Метромосту. Если нас там нет, поднимись к Музыкальному театру. Опасайся призраков, они в самом деле опасны. Никому никогда не говори об этой записке. Спеши, все может измениться неисправимо. Л.М.».

И внизу большими буквами — писала Люська:

«Жду — приходи. Маркиза Люси. Куда ты делся?»

Она писала — Егор представил себе это, — склонив голову, улыбаясь лукаво и высунув меж зубов кончик языка. Значит, она себя лучше чувствует и не боится.

Давно ли они уехали? Вот проклятое место — даже непонятно, сколько ты отсутствовал! Егор вспомнил новеллу Вашингтона Ирвинга про Рип Ван Винкля, который ушел из дома, где-то переночевал, а вернулся через двадцать лет. А вдруг этим запискам уже по два года? И все куда-то сбегали, а теперь ищи их на просторах Китая или Африки.

Ну ладно, лучше не думать о плохих вещах. Есть записка, есть куда идти, значит, есть цель в жизни.

Егор подумал, что до Музыкального театра и даже до Метромоста идти больше чем полчаса, если не целый час. И мало ли что встретишь на пути! Надо найти транспорт. Конечно, лучше всего бы отыскать воздушный шар...

Должно же хоть раз повезти! И если бы Егор не вертел глазами, не искал средство передвижения, он бы никогда не заметил обыкновенного велосипеда, прислоненного к стене вокзала возле главного входа. Не такого старомодного, как у велосипедистов, а самого обычного.

Будто кто-то нарочно оставил его для Егора.

Но как только Егор уселся в седло, обнаружилось, что добрый человек, оставивший велосипед, совсем и не думал о благе Егора. У велосипеда была спущена задняя шина и руль болтался так, словно норовил выскочить из крепления. От этого Егора нещадно подбрасывало в седле, и через полкилометра он признал свое поражение, положил про-

клятую машину на асфальт и попытался побежать вдоль реки. Метров через сто Егор начал задыхаться, и пришлось перейти на шаг.

Что же это получается? Неужели его кровь уже начала перерождаться и его легкие требуют покоя и безделья?

Егор заставил себя побежать снова. Он все ждал второго дыхания, но оно не приходило.

А бежать еще было далеко — мост Окружной железной дороги казался сложенным из спичек, дорога ныряла под арку моста и уходила вверх, в гору. От моста Егору надо было бежать левее, вдоль реки.

Егор все чаще переходил на шаг, ноги болели, и он заставлял себя торопиться только потому, что всей шкурой чувствовал, если он не придет вовремя, с Люськой случится что-то нехорошее.

У железнодорожного моста стояло здание архива. К стене был припилен лист картона. На листе картона было написано фломастером: «Не беспокоить. У нас ночь!»

Егор решил потерять минутку, чтобы понять, чей же сон оберегала надпись.

Он заглянул в дверь архива. В глубине небольшого холла стояли три кушетки. На кушетках лежали люди с закрытыми глазами.

Странно, подумал Егор. Мне же все говорили, что здесь люди не спят. Да и мне не хочется, хотя наверняка я здесь уже не меньше суток. Так подсказывают мне внутренние часы.

— Вы спите? — спросил Егор.

Никто не открыл глаз. Но ближний к нему человек сказал:

— Конечно, мы спим.

— Извините.

— А почему вы не спите? — спросил человек на кушетке, не открывая глаз.

— Мне не хочется, — сказал Егор.

— Уходи отсюда, — сказал второй спящий. — Еще не хватало, чтобы нас сторож подслушал. Жить-то всем хочется.

Егор пошел прочь.

Бежать уже не было сил.

К счастью, встреча со сторожем-велосипедистом случилась только перед мостом — Егору было куда бежать.

Велосипедист, видно, не знал о том, что Егор новенький.

Он нагнал его и медленно поехал рядом, виляя большим передним колесом так, чтобы не терять равновесия.

— Ты куда идешь? — спросил он. — Порядка не знаешь?

— Знаю, — уверенно сказал Егор.

— Сейчас у нас что?

— Первое января! — сказал Егор.

— Плевал я на январь! — рассердился велосипедист. —

Ты почему не спишь?

— Не хочется.

— Я тебе покажу — не хочется! Все спят, а ему, видите ли, не хочется! Где проживаешь?

— У Метромоста, — признался Егор.

— И так далеко ходишь? Зачем ходишь? С кем дружишь?

— Я гуляю, — сказал Егор. Он чувствовал угрозу, исходившую от велосипедиста. Видно, грех, совершенный Егором, был значителен и непростителен в глазах велосипедиста.

— Иди передо мной! — приказал велосипедист.

— Куда?

— Сам знаешь куда!

И тогда Егор решил не испытывать судьбу — он кинулся бежать по откосу вдоль железнодорожной насыпи, забирая все выше.

— Стой, стреляю!

Егор мчался — откуда только силы взялись! Он забрался на крутизну, перемахнул через рельсы и лег, прижавшись к земле. Затем чуть-чуть приподнял голову, пытаясь разглядеть, чем занимается велосипедист.

Тот покати под мост, чтобы встретить нарушителя по ту сторону. Затем остановил машину посреди мостовой и старался сообразить, где же нарушитель. Продолжалось это минуты три, затем велосипедист плюнул и громко крикнул:

— Я до тебя доберусь!

Погрозил кулаком и, нажимая на педали, направился вверх по Мосфильмовской.

До бытовки Егор добрался меньше чем через полчаса. Как он и опасался, возле бытовки никого не было видно.

И все же Егора охватило странное чувство возвращения домой.

Он подошел совсем близко, когда дверь отворилась и на верхней ступеньке показался Партизан. Он был в милицейской фуражке и в распахнутом кителе, который был ему велик, в трусах и сапогах на босу ногу.

Партизан потянулся, зевнул, похлопал ладошкой по зеваящему рту, сказал:

— Не скрывайся, я же тебя вижу, за сухим деревом стоишь, выглядываешь, нет ли опасности. Выходи, чай пить будем.

Егор с облегчением вышел на открытое место. Карлик был ему симпатичен.

— Как Пыркин? — спросил он, хотя собирался сразу задать вопрос о Люське.

— Пыркин выздоравливает и велит тебе кланяться, — раздался голос из бытовки.

— А скажите...

— Не видели, не знаем, — быстро ответил Партизан.

— Ладно, скажи! — крикнул изнутри Пыркин.

— Ты же знаешь — не велели. Только знаю, что никто не проезжал.

— Люську в Музыкальный театр повезли, — сообщил Пыркин.

Он вылез к дверям, пальто накинуто на плечи, оранжевая рубашка в рыжих пятнах от высохшей крови. Пыркин был еще слаб.

— Ты куда? — прикрикнул на него Партизан.

— Они Соньку с идиотом взяли, — сказал Пыркин. — Значит, на связь.

— А тебе, мальчик, там опасно, — сказал Партизан.

— Жулик! — крикнул Пыркин.— Жулик, дружок, проводи Егорку.

Жулик выскочил из дома, радостно махая хвостом. Узнал Егора.

— Они сейчас, может, спят,— сказал вдруг Партизан, смилившийся с мыслью, что Егор пойдет, куда не положено.— Ублюдки эти, призраки, тоже спят. Только я не проверял.

— Тогда скорей,— велел Пыркин Егору.— А то опоздаешь.

Егор не стал расспрашивать их о том, что им известно. Неокогда.

— Побежали, Жулик,— сказал он.

Призраков они с Жуликом увидели уже наверху, когда выбежали на асфальт, на открытое место у туннеля.

Призраки заспешили к ним, засуетились, но опоздали.

Егор бежал к Музыкальному театру, такому скучному без зелени, без деревьев вокруг.

Жулик несся рядом, подпрыгивал, ему было весело.

Перед театром стояла телега, запряженная велосипедистами в касках. Егор заметил их издали и взял в сторону, чтобы подобраться сзади.

Там он отыскал разбитое окно и вошел в него.

Жулик прыгнул следом.

В театре было пусто, но Егор знал, что пустота эта кажущаяся. Иначе зачем велосипедистам дежурить у входа.

Егор медленно шел по театру, в котором оказалось бесконечно много комнат, залов, коридоров и прочих помещений, порой заваленных бараклом, порой пустых.

И в какой-то, может сотой по счету, комнате услышал, как невнятно талдычат голоса.

Еще через пять минут Егор оказался у двери в коридор, слабо освещенный из небольших окошек. По коридору двигалась странная для непривычного глаза процессия.

Впереди ехала инвалидная коляска. В ней сидел, свесив набок большую голову, больной юноша. Коляску толкала перед собой девушка Соня, встреченная Егором на набережной. Рядом шагали Вильгельм Кюхельбекер и убийца Пушкина Дантес. Дантес вел за руку Люську и, видно, держал ее крепко, чтобы не убежала.

Девушка толкала коляску неуверенно, порой останавливалась, прислушивалась. Идиот что-то бормотал, дергал головой, поднимал руку, ронял ее снова.

Зачем эта парочка?

Жулик кинулся было вперед, но Егор так строго прошептал, чтобы песик молчал, что тот испугался и поджал хвост.

Остановившись ненадолго, будто вслушиваясь в неслышные прочим звуки, девушка решительно повернула направо. Остальные поспешили следом.

Егор увидел, что они уперлись в невысокую лестницу — несколько ступенек. Кюхельбекер помог девушке поднять коляску. Это было нелегко. Дантес совершал движения руками, но без пользы.

Наконец они оказались за кулисами. Сверху рядами спускались пыльные занавесы и задники, декорации были спалены между ними. Коляска двигалась зигзагами...

— Скоро, — сказала вдруг девушка сонным голосом. Она была в трансе. — Скоро придем.

Идиот начал кивать головой и вдруг испустил визгливый шум, будто заверещал свисток.

— Здесь! — сказала Соня.

— Где? — спросил Кюхельбекер. — Покажи.

Девушка оставила коляску на месте, а сама стала раздирать ногтями серый занавес с изображенным на нем гигантским пылающим камином.

Она продрала занавес — послышался глухой треск.

— Иди! — крикнула она. — Иди!

Дантес толкнул Люську.

— Иди! — приказал он.

— Нет! — закричала Люська. — Я не пойду. Вы обещали, что Егор тоже здесь будет.

— Девочка, — мягко произнес Кюхельбекер. — Я же сказал — Егор обязательно присоединится к тебе. Как только мы его отыщем. А мы его обязательно отыщем. Но ждать нельзя, нельзя ждать. Отверстие появляется редко. Может быть, в следующий раз это случится через месяц.

Она скорее почувствовала его присутствие, хоть и не увидела.

Егор выбежал из тени. Он задел какую-то декорацию, облаком поднялась едкая пыль. Кюхельбекер зашелся в кашле.

Первым опомнился Дантес.

— Нельзя! — рявкнул он. — Опасно! Не положено!

— Я никуда без него не пойду! — кричала Люська.

Кюхельбекер кашлял и махал рукой, пытаясь добиться внимания. Но никто на него даже не глядел.

Идиот начал плакать.

Девушка хотела увезти его, но откуда-то выскочил доктор Леонид Моисеевич. Почему Егор раньше не видел его? Доктор преградил путь инвалидной коляске.

— Подождите! — закричал он. — Мальчик тоже полетит!

Егор не знал в тот момент, куда должна полететь Люська. Почему-то он решил, что ее отправляют в другое место того же мира без времени.

Егор стоял, время бежало, доктор Леонид Моисеевич кричал, чтобы Егор шел к занавесу.

— Стойте! — закричал Кюхельбекер.

Он возвышался неподвижно как статуя Командора. Он имел право приказывать.

— Людмила, — спросил он. — Ты помнишь, какую клятву ты дала?

— Да, но только если Егор будет со мною. — Люська стояла, расставив тонкие ноги, выпятив маленький круглый подбородок.

— Егор, — объявил Кюхельбекер. — Мы выполняем волю императора. Люсю отправляют в прежний мир для

того, чтобы она там выросла и стала императорской невестой. Тебя мы не нашли и потому были вынуждены отправить ее без тебя.

— Значит, дорога домой есть? И вы всегда это знали! — шкричал Егор.

— Не перебивай. Люся уходит в ваш мир на шесть лет. Потом она вернется. Ты тоже можешь вернуться.

Ненормальный юноша завершал.

— Сеанс заканчивается, — сказала Соня. — Сеанс заканчивается...

— Егор, — приказал Кюхельбекер. — Обними Людмилу. Быстро!

— Быстро! — повторил доктор. — Я не могу больше его удерживать...

Егор успел бросить взгляд в ту сторону и заметил, как Леонид Моисеевич отступает перед надвигающейся на него коляской с идиотом.

Егор схватил Люську. Люська была горячая и вся дрожала.

Черное пятно на занавесе вибрировало. Вот оно начало уменьшаться...

— Шагай! Прыгай! — кричали сразу доктор и Кюхельбекер.

Егор понял, что надо подчиниться.

Держа на руках Люську, которая обхватила руками его шею, Егор шагнул вперед.

И ничего не изменилось.

Он стоял перед занавесом в плохо освещенных кулисах.

Но вокруг не было никого из жителей мира без времени.

Егор опустил Люську на пол.

Люська первой догадалась, что все получилось как надо.

— Послушай, — сказала она.

— Я ничего не слышу.

— Тогда пошли, раз ты такой несообразительный.

Она потащила Егора за руку прочь из-за кулис, мимо рабочих, которые несли фанерную речку, мимо электрика,

который копался в распределительном щите. Они дошли до девушки, которая стояла лицом к зеркалу в коридоре и старательно пела гамму.

— Простите,— спросила Люська,— какое сегодня число?

— Сегодня? Второе января. А может, третье. Я всегда числа путаю. Это так несущественно!

— Ой,— сообразил Егор.— Мы вернулись.

— Вот теперь все и начинается,— вздохнула Люська.

Часть вторая

ГАРИК ГАГАРИН

Последний сеанс закончился около шести.

Мы все проголодались и устали. Егору пришлось хуже всех, но он храбрился. Когда тебе двадцать два и ты кончаешь университет, простительно храбриться в компании людей, ненамного старше тебя, но облеченных правом тебя допрашивать. Больше Егору идти было некуда. Так что для своего спасения Егор избрал позицию участника эксперимента. Не кролика, не свидетеля, а участника. Сотрудника. Для него важнее было место в нашей стае, чем своя роль в событии. Кажется, все мы, кроме Добряка, это понимали и по мере сил Егору подыгрывали. Саша был нетактичен, и Егору ничего не оставалось, как мысленно перевести его на положение прислуги. Тогда можно Добряка игнорировать. Что Егор и делал.

— Все? — спросила Тамара, стараясь услышать от Калерии Петровны, нашего завлаба, отрицательный ответ.

— На сегодня все, — ответила Калерия. — Егор, ты свободен. Я тебе позвоню завтра во второй половине дня. А мы с Гариком останемся поговорим, хорошо?

Я побаивался, что Калерия вызовет для консультации Максима Мирского или еще кого-то из институтских ге-

ниев. Мне польстило, что Калерия готова обойтись моей помощью.

Егор попрощался, стоя у кресла, в котором он провел столько часов. Он был и без того тощим, костлявым, а сегодня еще и выглядел изможденным.

— Постригся бы,— в десятый раз напомнила ему Тамара.— Мужик, а с косичкой. И серьга в ухе.

— Я постригусь,— сказал Егор покорно.

Не пострижется он. Из принципа. Может быть, он сам ненавидит свой лошадиный хвост, но не может отступить, отказаться от бравადы.

Егор задержался в дверях — его узкая спина замерла в раме. По законам кинематографа он должен был обернуться и произнести самые важные слова. Но Егор не обернулся. Дверь закрылась. И в то же мгновение, словно не в силах терпеть, Добряк сказал:

— Я побегал. У меня на сегодня билеты в Большой театр. На «Жизель».

Добряк ожидал радостных или завистливых воплей толпы, но толпа безмолвствовала. Лишь Калерия произнесла, раскладывая бумажки на столе:

— Иди, Саша, иди.

Добряк неуверенно пошел к двери, а Тамара вслед ему выпустила пулеметную очередь:

— Есть у него билеты. В Большой. Только на завтра. И еще неизвестно, согласится ли она с ним пойти.

— Много знаешь! — рявкнул Добряк и исчез.

— Ты в самом деле знала или придумала? — спросил я.

— Я слышала, как наша новенькая в бухгалтерии рассказывала,— ответила Тамара.

Я не знал ни о новенькой, ни о ее отношениях с Добряком.

— Тамара, сделай кофе,— попросила Калерия.— Если тебе срочно надо домой или в Большой театр, можешь идти.

— Мне никуда не нужно,— обиделась Тамара.— Неужели я не понимаю, что у нас эпохалка?

Ее не разубеждали, Тамара позволила себе углубиться в философию.

— Меня иногда смущает,— проговорила она, глядя компьютер по головке,— насколько мы стали бесчувственными. Ведь на этот раз мы приблизились к раскрытию главной тайны человечества. Две тысячи лет человек размышлял, есть тот свет или это выдумка?

— Тамара, не говори красиво,— взмолилась Калерия.

— Вы, Калерия Петровна, пытаетесь закрыть глаза,— ответила Тамара.— Потому что сами еще не все представляете. Мне самой бывает жалко, что я недостаточно верующая, потому что росла в атеистической семье и в пионерской организации. Но мне дурно делается от последствий!

Не дождавшись реакции начальства, Тамара взяла чайник и пошла в туалет за водой. Мы с Калерией остались вдвоем. Мы молчали.

А в самом деле Тамара была права. Вот так живешь-живешь, считаешь себя неглупым человеком, работаешь в институте, где отношение к чуду как отношение к подопытной лягушке. Ты не обращаешь внимание на цвет ее изумрудных глаз, а вспарываешь животик и глядишь, как сокращаются мышцы ног. Тебя волнует, хорош ли скальпель, и плевать на то, что в мозгу умирающей лягушки стираются зачатки восхищения красотами вселенной. А рядом стоит Тamarочка, бездумный серафимчик, и вдруг оказывается, что именно ей приходят в голову идеи, которые должны были бы отяготить тебя.

— Отвлекся? — спросила Калерия Петровна.— Тамарочка натолкнула тебя на размышления о вечном?

У Калерии есть отвратительное свойство угадывать твои мысли в тот момент, когда тебе этого не хочется.

— Куда денешься от мыслей? — признался я.

— А мне приходится думать о завтрашнем докладе на лирекции, где кое-кто начнет доказывать, что я идиотка с бóльшим воображением.

Не кое-кто, а Александр Борисович, понял я. И будет он это делать из черной зависти, что нашей лаборатории досталась такая тема.

— Хотите, я вместо вас схожу и приму удар? — спросил я.

— Чином не вышел,— улыбнулась Калерия, вовсе не желая меня обидеть.

— Тогда я одолжу вам дедушкину саблю,— сказал я.

— А поможет?

— Я в жизни не видел своего дедушки. И вообще никого из родственников.

— Я думаю, он у тебя кантонист,— заметила Калерия.— Сабля ему не положена.

Она включила запись: первое появление Егора в нашей лаборатории. Вот он стоит в дверях, худой, чуть сутулый, открытое приятное лицо городского акселерата. «Здравствуйте, мне сказали, что Калерия Петровна... что я должен все рассказать Калерии Петровне».

— Сейчас я должна ответить себе,— обернулась ко мне Калерия,— на самый главный вопрос. Мне его зададут завтра, как только я войду в зал ученого совета.

— Что за вопрос?

— Ты знаешь, Гарик. Правду ли нам рассказывал молодой человек или соврал.

— И врал три дня без перерыва? Врал в ответ на все наши вопросы?

— Не возмущайся, Гарик. Но ты еще не знаешь, какие на свете водятся лжецы. И некоторые из них побывали в нашей комнате.

— Но зачем ему врать?

— Я не хочу ловить его за руку. Но если Егор не врал, то институт должен начинать новый проект. Возможно, дорогой, а сейчас конец квартала...

— Что вы говорите, Калерия Петровна?

— Я говорю о том, что чудо, даже могущее изменить судьбу всей нашей Земли, после прохождения через бухгалтерию, дирекцию и плановый отделы превращается в

тому номер такой-то или проект номер такой-то-бис. И наверное, в этом есть некий высокий смысл. Для того чтобы достичь максимальной объективности в исследовании, мы должны относиться к чуду как к подопытной лягушке.

Как моей лягушке удалось перескочить в речь Калерии, относится к разряду чудес... или обычных совпадений в беседе коллег.

— Нам в любом случае придется еще встречаться с Егором. Так что давай поедемся по его показаниям и поглядим, нет ли тут нестыковок.

Тамара возвратилась с чайником, включила его в сеть и сообщила, что кофе кончается.

Тамара очаровательна нежной, изысканной красотой британской баронессы. По части нежности и изысканности облика она может дать сто очков вперед Калерии Петровне. Но очарование длится ровно до того мгновения, когда наша лаборантка, дитя харьковских окраин, открывает нежный ротик. Тамарочка стремится к знаниям и даже третий раз подряд пыталась поступить на вечерний биологический в университет. И мы все знаем, что года через два-три она обязательно туда поступит, если ее не утянет замуж какой-нибудь молодец в «мерседесе». Ведь среди них тоже есть посланцы провинциальных окраин, так и не поступившие в университет. Впрочем, возможно, Тамарочка дождется своего доктора наук — как ни странно, она предана биологии, искренне любит наш институт и всех нас. У нее был неудачный, к счастью, краткий и почти забытый роман с циничным Добряком, зато она до сих пор немного влюблена в меня. Она — неотъемлемая часть лаборатории, и пускай молодец в «мерседесе» не спешит приезжать за ней к воротам нашего особняка, без нее нам будет скучно.

— Начали,— сказала Калерия.

На экране Егор уселся на стул, удобный, потертый, мягкий, с подлокотниками. Не такими ли были пресловутые

гамбсовские полукресла? Этот стул предназначался для гостей. Как у знаменитого сыщика Ниро Вульфа. В нем пересидело несметное число жуликов, гениев, проходимцев, провидцев и идиотов.

После этого Егор покорно сообщил нам все формальные сведения о себе: Георгий Артурович Чехонин, 22 года от роду, студент пятого курса истфака университета, холост, родители живы-здоровы, проживает в Москве на проспекте Вернадского, абсолютно нормален, что подтверждается результатами медэкспертизы, которой Чехонин подвергся добровольно. Ничем катастрофическим не болел, шесть лет назад побывал в существующем параллельно с нами мире, где не действуют законы физики, а именно — не существует времени. Население этого мира, в той небольшой его части, которую удалось увидеть Егору, состоит из людей, которые пережили в момент Нового года душевную травму, настолько сильную, что всеми фибрами души не желали идти в новый год со всем человечеством, а предпочли отделиться от него и остаться в старом году.

— Ах, как это все ненаучно! — воскликнула тут Тамара. — На ученом совете решат, что мы все с ума посходили. Ведь Новый год — это условность.

— Скорее всего, и мир, в котором побывал Егор, тоже условность, — заметила Калерия.

— Но он так не думает!

— Тамарочка, помолчи, — попросила Калерия. Она продолжала наговаривать текст своего выступления на ученом совете: — «По воле случая Егор, переживший личную драму, оказался в прошлом вместе с девочкой Людмилой Тихоновой двенадцати лет. Подробный рассказ устами Егора Чехонина прилагается на дискете, и члены ученого совета могут с ним ознакомиться. Должна заметить, что по ходу сеансов искренность Егора Чехонина все время контролировалась и не вызывает сомнений».

Калерия на минуту выключила запись и заметила для внутреннего потребления:

— Интересно, он влюблен в эту девушку?

— Не похоже,— авторитетно ответила Тамара, главный эксперт в проблемах любви.— Так не любят.

Калерия кивнула, будто согласилась. И продолжала:

— «В стройной картине, представленной нам Егором Чехониным, меня настораживает способ, которым молодые люди возвратились обратно, к нам. Если ему верить, то существует переход, непостоянный, возникновение которого чувствует юноша в кресле. Не знаю почему, но мне такая версия не нравится».

Я согласился с Калерией. Мне тоже возвращение ребят из мира без времени казалось заимствованным из какой-то сказки. Будто автор ее не смог придумать ничего убедительнее. Тогда он махнул рукой и сказал: «Пусть будет театр!»

— Давайте же примем на веру все, что нам рассказали,— продолжала Калерия.— И постараемся представить себе этот мир таким, каким его увидел Егор. Мы знаем, что населен он слабо...

Мне хотелось спросить, не трудно ли Калерии выражаться так скучно и бесцветно. Но не надо ее перебивать. Ведь и без меня ее сейчас перебьет Тамара. Она уже принялась нервно двигать по столу чашки с горячим кофе и притопывать. Высокая грудь Тамары нервно вздымалась.

— Разумеется! — воскликнула Тамара.— Если бы туда попадал любой, у кого плохое настроение, Земля бы давно пустой была. Вы, Калерия Петровна, даже не представляете, сколько раз мне хотелось решительно бросить все и кануть! Наверное, случайность, что я сейчас с вами в одной комнате нахожусь.

Калерия терпеливо выслушала Тамару, кивнула ей и продолжила:

— Допустим, что свойство человека переходить из мира в мир — рудимент, память о далеком прошлом.

— А может, наоборот? — спросила Тамара.— Может, это от плохой экологии?

— Тамара! — не выдержал я. — Экология — это наука! Она не бывает плохой. Плохой бывает окружающая среда, доведенная до безобразия людьми.

— Вот именно! Довели до отчаяния и теперь сами бежим!

Она запустила длинные когти в терновый куст крашенных и завитых волос и нервно стала их дергать. Тамара была уверена, что именно она делает науку.

— Не получается, — сказала Калерия. — Егор видел там людей, которым, возможно, двести, триста лет. В то время никто не подозревал об экологии и окружающей среде. Но позвольте повторить вопрос: если бегство исконно присуще человеку, почему тот мир не переполнен беглецами?

— Потому что они изнашиваются, — напомнила Тамара.

— Люди не только изнашиваются, у людей меняются свойства крови, человека там можно убить, сжечь на костре, утопить, задушить. И этим способом контролировать количество жителей там отлично пользуются... Там...

Калерия оборвала монолог и обернулась ко мне:

— Я в отчаянии, Гарик. Я не знаю, как его назвать. Я язык сломала, придумывая эвфемизмы. Другой мир, параллельный мир, тот мир...

У Тамары уже был готов ответ.

— Планета самоубийц! — заявила она. — Так и назовем. Там же живут одни самоубийцы. Только те, у которых духи не хватило по-настоящему с собой покончить.

— Вряд ли, — вздохнула Калерия. — Слишком красиво.

— Тогда пейте кофе. Я вам не кухарка, — сказала Тамара. — Остынет, мне опять в туалет за водой бежать, кипяtilьник включать, а в любой момент может прийти пожарник. И конфискует чайник. Вы же знаете, что случилось в секторе ТИ.

Мы с Калерией скорбно склонили головы, потому что знали: в секторе Тайн Истории (ТИ) пожарник застал коллектив в момент преступления — кипяtilьник был в чайнике, а чайник кипел. Пожарник конфисковал чайник и накатал такую телегу директору, что тот был вынужден издать грозный приказ. А что прикажете делать, если ■

старом особняке нет места для буфета, а бегать в кафе к метро и дорого и некогда?

Мы стали пить кофе. К счастью, Тамара не жалела растворимки.

Калерия Петровна сидела, закинув ногу на ногу. У нее были узкие, сухие колени и шиколотки, как у породистой лошади. Но ведь не скажешь доктору наук, что у нее ноги как у породистой лошади?

— Тогда пускай будет «тот мир», — сказал я.

— Тот мир... в том мире, о том мире... — попробуем.

— А я буду их называть «самоубийцами», — сказала упрямо Тамара.

— Я продолжу? — спросила Калерия, будто перед ней сидели не мы с Тамарой, а весь завтрашний ученый совет. — Живут они как придется, но по привычке предпочитают спать в комнатах. Животных там почти нет.

— А Жулик? — спросила Тамара. И сама ответила: — Наверное, он так тосковал по своему хозяину.

— По какому хозяину?

— Который трагически погиб. И тогда под Новый год Жулик решил остаться в прошлом.

— Тамарочка, помолчи, — взмолилась Калерия.

— Как скажете.

Калерии очень хотелось выгнать Тамару из комнаты, но это было бы негуманно.

И мы продолжали брести по рассказу Егора, словно по широкому осокой болоту, раздвигая стебли и порой проваливаясь в ямы. Информации не хватало, Егор конечно же не занимался детективной работой. Он жил в том мире и старался вырваться оттуда.

Добрались до системы правления.

— Обратите внимание, — сказала Калерия, — раз Егор не выходил за пределы небольшой части Москвы, мы не можем говорить не только обо всем том мире, но даже обо всей Москве. И раз там сложности с транспортом, то, вернее всего, тот мир разделен на множество маленьких ячеек.

— Мы этого не знаем,— сказал я.— Может быть, тот мир ограничивается половиной Москвы? А за его пределами его эффект перемещения не чувствуется?

— Гарик, не говори красиво,— улыбнулась Калерия.

— Продолжайте, доктор,— парировал я.

— Формально тем миром правит император. Какая-то видимость порядка поддерживается с помощью так называемых велосипедистов. Но власть императора не абсолютна и вообще довольно условна — как ты будешь править страной, в которой нет голода и смерти, не говоря уж об элементарном перенаселении?

— Надоело — ушел,— сказала Тамара.

— Есть там какие-то дикие группы, вряд ли они представляют для нас большой интерес. Они совершают набеги на поселения... Но главное — это ветераны. Что ты нам о них расскажешь, Гарик?

— По рассказу Егора я сначала решил, что это недовымершая коммунистическая ячейка,— сказал я.— А потом сообразил, что это любопытная смесь людей, придерживающихся тоталитарных устремлений. Но главное для них — сохранить в чистоте тот мир. Кто-то вбил им в голову, что их мир — островок в мире разврата, град Китеж, опустившийся в озеро. Правильно?

— Я согласна с тобой,— сказала Калерия.

— А там были знакомые лица. Все знакомые там лица! — радостно вмешалась Тамара.

— А вот тут не стоит поддаваться первому впечатлению,— сказала Калерия.

И я был с ней согласен.

— Я полагаю, что в том мире, где нет времени, но каждый человек попадает туда со своими слабостями, своим тщеславием и своим гонором, число самозванцев превышает все нормы. Давайте для начала допустим, что ни один из них не носит своего имени заслуженно,— сказала Калерия.— Нам же эта условность удобна, потому что так они раскрываются. Если человек назвал себя Гитлером, значит, он предпочел бы быть Гитлером в первой жизни.

— А вот тут вы ошиблись, Калерия Петровна,— сказала Тамара.— К вашему сведению, Гитлер по-русски ни бум-бум.

— Дантес тоже ни бум-бум,— подмигнул я Тамаре.

— Опять за шуточки? — рассердилась лаборантка.

— Я не шучу.

— А как же он с Пушкиным на дуэли разговаривал? По-китайски? — подсекла меня Тамара, и я униженно замолк. Хотя Дантес с Пушкиным на дуэли разговаривал немного.

— Мне очень интересны люди в подвале. В отличие от прочих, у них есть цель. Я думаю, что в их интересах вообще закрыть переход между мирами, который им представляется источником опасности,— сказала Калерия.

— А мне кажется, что для нас, для нашей работы самое главное, постоянен ли этот переход или совершенно случаен? — заметил я.

— По крайней мере, он возникает часто,— сказала Калерия уверенно.

— Почему?

— Они спокойно и естественно относятся к благам, которые приносит переход. Обрати внимание — добычу они ставят на стол на глазах у придворных. И никто не падает в обморок.

Я кивнул. Наверное, она была права.

— Еще одна проблема — невероятной важности. Правда ли то, что человек, проживший там некоторое время, уже не сможет вернуться сюда? Правда ли, что меняется состав его крови? Егору говорили об этом разные люди, но это не исключает всеобщего заблуждения.

— Или кому-то нужной ложной информации,— подождал я.

Надо сказать, что за последние три дня Егора прокрутили на приборах, словно отправляли в космос. Никаких отклонений не нашли. Но с другой стороны — он там был всего сутки и ничего не ел, не пил...

— Во всяком случае,— сказала Тамара,— я вам не завидую. Завтра они на ученом совете из вас будут делать отбивную.

— И будут правы,— согласилась Калерия.— В конце квартала, когда институт и без того еле сводит концы с концами, наша лаборатория приносит на ученый совет ни много ни мало — параллельную Землю с массой проблем, которая, вполне возможно, представляет явную угрозу всем нам. Они впадут в истерику.

— Значит, чем лучше мы будем готовы...

— Ладно, Гарик, давайте трудиться. Тamarочка, ты не устала?

— Сколько раз нужно говорить одно и то же! Ради науки я готова сутки не спать и не ужинать!

Боже мой, какой красотой наделила природа нашу лаборантку, какой розовой, голубой, зефирной красотой! И не забыла дать ей твердые моральные устои. Покажите мне ее будущего мужа!

— Вот это ответ не девочки, но дамы! — восхитилась Калерия.— Значит, всю ночь, оставшуюся до ученого совета, мы снова просматриваем пленку с этим Егором. И ищем в ней открытия. Желательно мирового значения.

— Я, конечно, все понимаю,— сказала Тамара,— но все-таки зачем?

— Чтобы завтра Мирский или Погорельский не обвинили нас в дешевой мистификации.

Тамара громко и возмущенно фыркнула. Она не любила Мирского, потому что красивому и знаменитому Мирскому некогда было влюбиться в Тамару.

— Включаю? — спросила она.

— Часть первая. Дубль два.

На экране появился Егор. Он был смущен, от этого бледен и нелюбезен. Куртка была доверху застегнута на «молнию».

— Мне сказали, что Калерия Петровна... что я должен же рассказать Калерии Петровне.

— Садитесь,— сказала ему Калерия.— Мы вас слушаем. Калерия — само очарование: добрый педиатр, который никогда не делает детям уколов, а кормит их сладкими пилюлями.

Егор ерзал на стуле, потом ухватился за подлокотники. У него были большие голубые глаза и выпуклый высокий лоб. Хороший мальчик. Наконец он заговорил:

— Исчезла девушка. Людмила Тихонова. Люся Тихонова. У меня есть ее фотография. Я подозреваю, куда она исчезла, и думаю, что она жива, хотя милиция думает иначе... В общем, все ее похоронили, а я думаю, что Люська жива.

— Почему же вы это скрыли от других? — спросила Калерия.

— Потому что все будут смеяться или решат, что я сошел с ума. Я не думаю, что и вы мне поверите.

— Рассказывайте,— попросила Калерия.

Она кинула короткий взгляд на меня. И хоть мы работали вместе меньше года, я прочел ее взгляд: «Хороший мальчик. Мне хочется ему верить».

Я кивнул.

— Может, кофе хотите? — спросила Тамара, которая держалась на заднем плане, и на звук ее голоса камера метнулась, отыскивая источник голоса.

Егор покачал головой.

— Я лучше сначала расскажу.

— Что же случилось?

— У меня есть знакомая,— начал Егор.— Она моложе меня. Я в этом году кончаю университет, мне двадцать два. А Люсе всего восемнадцать. Я думаю, что девятнадцати еще нет. Но это не играет роли. Мы с ней знакомы шесть лет, после того, как вместе попали в одну историю...

Вдруг Егор замолчал и с недоумением обернулся к Калерии, будто забыл, о чем шла речь.

— Может, вам неинтересно? — спросил он.

Калерия ничего не ответила, но по ее глазам Егор понял, что все сказанное им интересно и важно.

— Давайте успокоимся, сядем поудобнее, — попросили Калерия, — и начнем с самого начала, ничего не пропуская.

— Но с самого начала слишком долго рассказывать.

— Тогда вы начните говорить кратко, не впадая в детали. А когда нам станет интересно, мы попросим вас рассказывать подробнее.

Егор ответил не сразу. Он как бы раздумывал, стоит ли вообще с нами связываться. Но так как иного пути у него не было, пришлось смириться.

— Вы правы, Калерия Петровна, — сказал он наконец. — Только учтите: я буду говорить чистую правду.

— Мы не сомневаемся, — ответила Калерия.

— А если неправду, — вмешалась Тамара, — то я с первого мгновения вижу ее насквозь. Можете попробовать, меня девочки с собой на ответственные объяснения берут.

Егор игнорировал высказывание Тамары.

— Шесть лет назад, — сказал он, — то есть шесть лет и три месяца, точно под Новый год, у меня случилась одна неприятность...

Час за часом мы снова выслушивали исповедь путешественника в тот мир. Порой Калерия останавливала запись и прослушивала отрывок вновь. Я также имел на это право, но почти не пользовался им.

Часам к десяти вечера мы добрались до конца первой главы печальной повести, которая, казалось бы, завершилась вполне благополучно.

Потом был перерыв, я сбегал на перекресток, где круглосуточно торговала палатка с гамбургерами и пивом. Мы перекусили. И в половине двенадцатого включили другую кассету.

Чехонин вновь возник на экране. На этот раз он был в пиджаке. Куда-то делась из уха сережка.

— Теперь, — произнес он, почесывая кончик носа, — когда вы знаете, что мы с Люськой пережили шесть лет назад, я расскажу вам продолжение этой истории. И мы

поймете, почему я к вам пришел. Именно к вам, в Институт экспертизы.

— Мне сейчас интереснее узнать, почему вы не пришли раньше,— спросила Калерия.

— Стыдно было,— сразу ответил Егор. Видно, он сам себе не раз задавал этот вопрос и достойного ответа так и не отыскал. Поэтому приберег ответ-уловку. Нет, не для того, чтобы обмануть человечество. А для того, чтобы утешить себя, оправдаться в собственных глазах.— Я даже как-то начал рассказывать Сергею, это мой друг. Он меня спросил, где я пропадал весь день первого января, когда родители чуть с ума не сошли. Я сказал ему, что был в мире, куда попадают плохие мальчики. Что есть другой мир, не наш, он как бы существует рядом... Ну, вы сами можете поставить себя на мое место и поймете, как трудно рассказывать правду так, чтобы в нее можно было не то чтобы поверить — выслушать до конца.

— Друг вам не поверил?

— Он попросил придумать что-нибудь пореальнее.

— Вы не обиделись?

— А чего тут обижаться. Я бы тоже так сказал.

— И что было дальше?

— Дальше все начало забываться. Я учился, у меня были свои проблемы. А мир без времени — это же сказка, это сон, очень похожий на действительность, вы меня понимаете?

— Наверное, да,— сказала Калерия,

У нас было выработано соглашение: если мы ведем с кем-нибудь беседу, то вопросы задает Калерия, подает ре-марки Калерия. Мы, остальные,— лишь фон разговору. Бывают ситуации, когда, высунувшись не вовремя, можешь все погубить.

— У меня был Люськин телефон,— продолжал Егор.— Сначала я ей звонил. Ну, вы понимаете... я беспокоился, как у нее дома. Она мне тоже звонила иногда. Раза три. Ничего не просила, так просто звонила, по настроению. Но если спросишь, надо ли помочь, нет ли у тебя непри-

ятностей, она сразу смущалась и говорила — все хорошо, все замечательно, я кончила восемь классов, поступила в техникум, надо ведь иметь специальность? «В какой техникум?» — спросил я, а она сказала: «В книготорговый. Может, это не самая выгодная специальность, но я подумала, тебе понравится, что я поступила в книготорговый. Ты придешь когда-нибудь в Академкнигу, ученый, бородатый, а я за прилавком стою. Вот обрадуешься...» Я понимал, что с деньгами у нее по-прежнему трудно и мать пьет и водит мужиков. Впрочем, я точно не знаю. Мы не обсуждали. А тут, в прошлом году, мы с ней встретились в метро. Ведь живем неподалеку. Я не узнал ее. Она тогда, в первый раз, была жалкая. Понимаете? А теперь — даже не подумаешь, что ей всего восемнадцать. Я даже не узнал ее. Она ко мне подошла и спросила: «Егор, ты меня забыл?» Тут я узнал и просто ахнул. Я, помню, пошутил, что ей пора устраиваться в фотомодели. Она даже не улыбнулась. Она ведь серьезный человек. Она говорит: «Я техникум кончаю и буду в магазине работать». Как будто это исключало другие занятия. «А что нового?» — спросил я. Она ответила, что ей звонили. Кто звонил? «Наверное, оттуда». Тут я просто остолбенел. Разве можно звонить оттуда? А она говорит, что не уверена, конечно, но кто еще мог звонить?

Егор говорил медленно, тщательно, как на трудном экзамене, стараясь не пропустить ничего важного. Наверное, таких свидетелей ценят в милиции.

... Люся с Егором вышли из метро и сели на лавочку. Они проговорили довольно долго. И Люська рассказала Егору о странных вещах, которые с ней творились.

Наверное, встреча в метро была счастливым случаем. Иначе могло бы случиться, что Егор ничего бы не знал о Люське. До сих пор.

В последний год Люська три раза получала по почте денежные переводы. Не очень большие, рублей по сто. Она сначала удивилась, пыталась узнать от кого, но на почте ничего не могли сказать, кроме того, что переводы отпра-

лены с Центрального телеграфа. Она сказала матери, мать взяла деньги себе и сказала, что, наверное, деньги посылает тетя Ньюша из Костромы. Ее сестра. Деньги мать пропивала, Люське ничего не доставалось. А потом пришла посылка с вещами, и Люське страшно влетело от матери. Честное слово — с вещами, очень модными, правда, все коротко и мало. Мать, как увидела посылку, решила, что у Люськи появился мужик. Она все грозилась дочку убить, плакала, что судьба ее наказывает за то, что раньше не была строга и сама не подавала доброго примера. Мать снесла вещи в комиссионку, и оказалось, что они дорогие, дороже, чем они с мамой думали сначала.

Люська ломала голову, кто бы мог быть благодетелем, хоть от него одни неприятности. Она даже позвонила Егору и спросила, как у него жизнь, может, стал богатым. Егор только засмеялся, и по голосу Люська поняла, что он не шрет.

И тогда, перебрав всех возможных благодетелей, Люська стала думать о том, другом мире. Ей хотелось посоветоваться с Егором, но она не стала. Тот мир для нее был вроде железной двери в замке Синей Бороды. Войдешь — погибнешь. Тот мир вызывал в ней такой холодный, сжимающий сердце страх, что даже во сне он никогда ей не снился. Мать не знала ничего и даже не замечала, что Люська после того путешествия готова простить ей любую глупость и даже подлость, потому что в нашем мире можно ругаться и потом прощать. Потому что все вокруг меняется и можно ощутить ход времени, как удары пульса. Время тикает, значит, мы живы!

А недавно случилась еще одна неприятность. Она шла домой, и вдруг прямо на улице к ней подошел молодой человек с сумкой через плечо. В руке у него была видеокамера. И он спросил еще издали, так весело спросил:

— Ты — Люся Тихонова?

Люська ничего не заподозрила. Может, из техникума — мало ли кто? Ясный день, метро неподалеку, да и кому она нужна? И тот парень сразу начал ее снимать на видео. Он

даже бегал вокруг нее. Люська удивлялась — ну зачем вам? Кто вы такой?

А он смеялся и бегал. Ну не будешь же кричать и звать на помощь, если тебя снимают на видео.

Егор спросил:

— А он говорил что-нибудь?

— Он говорил — какие конечности! Извини, Егор, он так и говорил, и еще говорил — выше грудь, нам нужна грудь... Я подумала, что из журнала.

Люська покраснела и отвернулась.

— Потом он кончил снимать, уже у моего дома, я побежала, он догнал меня в два счета и протянул визитную карточку. «Всегда к вашим услугам». И снова принялся хохотать. Такой вот попался хохотун.

Люська сохранила карточку, отдала Егору, а он ее передал потом Калерии.

Карточка была солидная, на картоне с золотым обрезом:

«Фирма «ПОДИУМ»
Мы ищем таланты! Снимки
фотомоделей для иностранных
журналов. Результаты убедительные.
Тел. 238 99 39, 253 00 17».

И наискосок было написано синей пастой: «Спросить Николая».

Калерия спрятала карточку в папку «Л. Тихонова». Это было первое вещественное доказательство...

Правда, карточка ничего не дала. Когда я отыскал этого Николая из «Подiums», тот, непрерывно посмеиваясь, поклялся, что клиент пришел с улицы, заказал пленку, дал адрес и имя девушки, а на следующий день получил кассету и раскланялся. Особых примет не имел.

Егор пытался успокоить Люську. В самом деле ее, наверное, заметило какое-нибудь агентство. Теперь много агентств. Они ничего дурного не желают, просто хотят заработать свои деньги. Егор говорил и сам себе не верил.

— Может, поклонник? — спросил он неуверенно.

— Может, поклонник,— резко ответила Люська.— И ты знаешь какой.

Егор кинулся отрицать такую возможность. Он так старался уговорить Люську и себя самого, что из того мира никто не может сюда дотянуться. Ведь когда он вернулся, еще долгое время, не признаваясь себе в этом, именно этого и боялся, особенно ночью.

— Нет!

— Ага, догадался! — Люська невесело засмеялась.— А говорил, что не понимаешь.

Конечно же Егор все понимал и потому тоже испугался.

— А что ему от тебя нужно? — спросил Егор, хоть и не хотел задавать такого вопроса.

— Меня нужно, разве не понимаешь,— сказала Люська. Даже со злостью.

— Но это же так, пустые слова, кошмар какой-то.

— Я тоже себя уговариваю, что пустые слова, что совпадения. Егор, давай уедем, а?

— Ну что ты говоришь!

— Не бойся, я пошутила. Только ты меня пойми — на всем свете, кроме тебя, нет человека, который не станет смеяться. Мы с тобой как двое сумасшедших. Все знают, что мы сошли с ума, а мы сходимся и говорим между собой — и друг для дружки мы нормальные люди, понимаешь?

— Да, понимаю.

— Егорушка, он же мне говорил, что отыщет. Что когда я вырасту, он к себе возьмет.

— Нет!

— Они меня, наверное, искали, не сразу нашли. Потом у Пыркина узнали.

— Ты давно этого ждала?

— С самого начала. Я даже думала, как сделать, чтобы не расти. Я два месяца голодала.

— Зачем же Пыркин сказал?

— А разве он будет молчать, алкоголик старый!.. А потом деньги начались, посылки... Может, это не приветы от него, а испытание — я или не я?

— Чего они могли добиться таким испытанием?

— Мы с тобой не знаем, как они устроены и кто у них есть на нашем свете.

— Почему ты решила, что у них кто-то есть?

— Они здесь жить не могут — у них крови нет. Они здесь сразу помрут. Но они здесь своих людей имеют.

— А доказательства?

— Помнишь бананы и другие продукты?

— У них могут быть парники.

— Егорушка, миленький, ты же себя пытаешься уговорить. А я уже не пытаюсь. Я только думаю, куда бы скрыться. Ведь сейчас они ему видео отнесли, и он смотрит фильм и решает: взять меня обратно или нет?

— Люська!

— Восемнадцать лет, как Люська. И знаю, что мне от них не скрыться. Они как паутиной затянули и наш мир, и тот. И ходят между нами, когда нужно. Мы их не боимся и не замечаем, а они уже все купили и, может быть, хотят превратить и наш мир в такой же, как у них.

— Зачем?

Вопрос застал Люську врасплох. Поэтому она от него просто отмахнулась:

— Откуда мне знать! Мы с тобой даже алгебры не понимаем, а это все, наверное, высшая математика!

Какие-то у них были дела — ведь ехали оба на метро, может, даже спешили. И все это забылось. Они вышли на «Парке культуры», пошли через Крымский мост, в парк.

— А тебе не жалко иногда бывает, что мы так мало увидели? — спросил Егор.

— Ты с ума сошел! Мне и того, что я видела, на всю жизнь хватит.

Деревья в парке только начали распускаться. Недалеко от входа молодые ребята из зоопарка, а может частники, показывали обезьяну и медвежонка. Но никто на них не

смотрел, потому что погода была плохая, вот-вот ветром пригонит дождик. Дрессировщики ели гамбургеры из кафе, что таилось между деревьями неподалеку, обезьяна кланчила гамбургер, медвежонок встал на задние лапы и канючил, подвывая.

— Вам нельзя, — сказала девушка с белой толстой косой, — вы же не хищники. А мы с Гошей хищники.

Обезьяна поняла, отвернулась и стала чистить банан.

Медвежонок тяжело опустился на зад и опрокинулся на спину.

— Ты голодная? — спросил Егор у Люськи.

Люська спросила: а есть ли у него деньги? У Егора были деньги, в тот день он собирался купить кассету. Им как раз хватило на две банки пива и по шашлыку. Было совсем не холодно. И постепенно они забыли о том мире. Потому что Люська стала рассказывать, как ей было нелегко учиться в техникуме, там все больше подмосковные или даже из беженцев, а она «победила на конкурсе красоты «Мисс Библиография», честное слово!». А Егор рассказал, как ходили в поход на байдарках, летом. На Алтае. Люська вдруг спросила: а девочки с ними ходят?

— В каком смысле? — спросил Егор. Шутка получилась неудачной.

Люська подняла тонкие брови — это было и удивлением и укором.

— Ходят, — сказал Егор. — Они тоже люди.

— Это я понимаю, — сказала Люська и расстроилась.

Потом, когда они вышли на Воробьевы горы, потому что решили вернуться домой пешком, она, прервав какой-то разговор, спросила:

— А у тебя девушка есть?

— Ну как тебе сказать...

— Так и скажи!

— Считается, что есть. Но, честно говоря, я думаю, что нет.

— Врешь, наверное!

— Нет, не вру.

Егор чувствовал, что его превосходство в разговоре пропало. Там, в ином мире, он был лидером, она — девчонкой, о которой надо было заботиться. А сейчас она была не моложе его...

— А ты мне очень нравился, — призналась вдруг Люська. — Ты был моим первым возлюбленным. Не смейся, я говорю в переносном смысле.

— Я не смеюсь, — сказал Егор. — Жалко только.

— Что тебе жалко? — спросила Люська заинтересованно.

— Что все прошло.

— Еще бы! — воскликнула Люська. — Тогда же мне двенадцать лет было. Я ничего в жизни не понимала. А ты был добрый и смелый. И красивый.

— Ясно, — сказал Егор. — Теперь ты прошла огонь, воду и медные трубы, а я стал некрасивым.

— Ты кривляешься, — рассердилась Люська. — И это тебе не идет. Но учти, что женщина в восемнадцать лет равна тридцатилетнему мужчине. По мудрости. Возьми исторические примеры, и ты убедишься. Даже Пушкин на Наталье Гончаровой женился с разрывом в пятнадцать лет. Так что ты для меня мальчишка.

И она рассмеялась, словно одержала над Егором победу.

Егор не обижался. Он постепенно проваливался в сладкую бездну влюбленности, открывая для себя все новые чудеса — чудо ее голоса, чудо ее ресниц, чудо ее родинки на виске, чудо ее пальцев с коротко остриженными ногтями. Егор отдавал себе отчет в том, что с ним происходит, и с некоторым удовольствием наблюдал себя со стороны и даже заметил, что пока он в Люську не влюблялся, то обращал внимание, как ценитель женской красоты, на длину ее ног и форму лодыжек. А теперь, влюбляясь, сразу забыл о формальных признаках красоты. Даже неловко было думать о ногах или груди, почти стыдно, когда она смотрит на тебя слишком внимательно, словно открывает снова твое лицо, и вы встречаетесь взглядами...

Они не заметили, как взялись за руки. Может быть, Егор помогал Люське перепрыгнуть через канаву или лужу, а потом они забыли разъединить руки.

Они дошли до дома, когда уже совсем стемнело. Мелко-мелко моросил дождик. Двор был пуст, даже с собаками никто не гулял. Егор довел Люську до подъезда. Они еще стояли и говорили ни о чем, словно оба чего-то ждали. А потом Егор совершил ошибку. Он захотел поцеловать Люську. У него просто над животом свело от желания поцеловать Люську.

Люська была одного роста с Егором. Она отшатнулась, стала отталкивать его, а он, вместо того чтобы остановиться, стал тянуться к ней и притягивать ее к себе за плечи. Люська вырвалась и отпрыгнула к подъезду.

— Как тебе не стыдно! — сказала она громким шепотом. — Все испортил.

— Я ничего такого не сделал...

Спорить тоже не надо было.

— Все мужчины одинаковы! — сказала Люська. — А ты еще захотел меня на весь дом опозорить.

Дверь подъезда бабахнула.

Егор стоял, пристыженный. Получилось глупо.

«Теперь не надо ждать звонка. Все кончилось. Тебе же доверились».

Он шел домой, дождь пошел сильнее и затекал за ворот.

— Тебе же доверились, — ругал себя Егор.

Ему бы не было так неловко, если бы не император того времени, если бы не странные люди, что окружали Люську и пугали ее. И он оказался точно таким же, как они.

Но когда он засыпал в ту ночь, мучаясь раскаянием и страхом, что потерял Люську, он все равно наслаждался памятью о ней.

Конечно же они не расстались.

Два дня Егор ходил возле телефона. Целых два дня. Он кивал семинар, не поехал к бабушке в Кратово, он был

рассеян и снисходителен к человечеству, которое не могло разделить его боли и счастья.

Любовный опыт Егора был невелик. Если не считать поцелуев в подъездах и кратких влюбленностей. В прошлом году его соблазнила мужиковатая, озорная певунья туристических песен Роланда Ким, это было в последний день похода по Карпатам, когда скинулись, на последние деньги набрали дюжину бутылок местного вина, до рассвета пели и Роланда была прекрасна у костра дикой красотой амазонки. Она позвала Егора помочь ей вымыть посуду. Но посуду с собой они не взяли, а пошли далеко по речке и потом стали целоваться и не могли остановиться. Так Егор стал мужчиной. Это было прошедшим летом, и Егор стеснялся признаться однокурсникам, настолько он отстал от остальных. Был еще случай — Регина Окунь с их курса немного ухаживала за ним, потом как-то позвала его домой. Родители как раз уходили в гости, они стали спешить, будто Егор застал их черт знает за чем. Потом они пили чай с вареньем. Что было дальше, Егор не помнил, но запомнил ее слова: «Ты же тогда на мне не женишься». И он сразу потерял желание овладеть этой полной глазастой отличницей. Потом он сообразил, что и в самом деле его считали в том доме женихом, еще курс — и потом будет уже трудно выдать Регину замуж.

Егору казалось, что он никогда еще так не влюблялся, и это было правдой. Как и любой нормальный юноша, он влюблялся несколько раз и каждый раз думал, что навсегда. Но забывал об этом, как только чувство проходило...

Матери надоело сталкиваться у телефона с Егором. Она сказала ему безжалостно:

— Позвонит она, позвонит, куда денется. Только ты сам первым не звони.

Она оберегала юношескую гордость сына.

После этого Егор, как только дождался, что мать ушла, позвонил Люське сам. Она была дома и подошла сразу. Говорила она таким обыкновенным и равнодушным голо-

сом, что Егор чуть было не бросил трубку. Стоило так переживать и метаться, когда о тебе попросту забыли.

— Как дела в университете? У нас одна девочка за француза собралась замуж, представляешь? Говорят, зима будет снежной, одна женщина есть, она предсказывает природные явления. Ее уже в Организацию Объединенных Наций приглашали для прогноза по озоновым дырам...— И так далее. Светский прием по телефону.

— Я хотел попросить прощения,— сказал Егор.

— Это лишнее. Ты ничего особенного не сделал.

Они еще поговорили и даже не договорились встретиться. С ужасом Егор понял, что Люська любит кого-то другого, а тот вечер был чистой случайностью.

— Ну, привет,— сказал он.

— Привет, звони.

— Спасибо, обязательно позвоню.

Егор прошел к себе в комнату, бросился на кушетку животом и закрыл глаза. Жизнь прошла неудачно и рано оборвалась.

И тогда, может, через две минуты, а может, через два часа, зазвонил телефон. Егору не хотелось подниматься, но телефон звонил настойчиво, словно кто-то был уверен, что он дома.

Это была Люська.

— Ты прости,— сказала она,— только я все эти дни так ждала, что ты позвонишь, а когда ты позвонил, я испугалась и подумала, что ты нарочно не звонил раньше, чтобы меня подразнить.

— Так уже было,— сказал Егор, неожиданно для себя заходясь глупым хохотом.— Знаешь, что думал джинн?

— Не знаю.

— Первую тысячу лет в бутылке он думал, что озолочу того, кто меня выпустит, вторую тысячу лет он думал — подарю ему жизнь, а третью тысячу думал — убью его первым, а потом примусь за остальных.

— Я... мне не надо было звонить?

— Надо. Ты свободна?

— Я через два часа освобожусь. Ты сможешь к моему дому подойти?

— Да хоть на Луну!

Те два часа оказались невероятно длинными. Егор сначала бродил по квартире в поисках какого-нибудь дела, но, не найдя ни одного достойного занятия, не выдержал и надел куртку. До свидания было еще больше часа, он решил дойти до метро, купить сигарет. А потом обойти квартал вокруг и уничтожить еще пятнадцать минут.

Он вышел к ее двору за час до свидания. Он сел на лавочку под сенью тополей. Отсюда был виден подъезд, в котором жила Люська.

Егор был сказочно счастлив. Больше не надо было ничего говорить. Он любит, и он любим. Как она сказала? «Я все эти дни ждала, что ты позвонишь». Можно эту фразу повторять до самого вечера. Она призналась...

«Конечно, я попрошу прощения за свое поведение». Ему казалось важным, чтобы его простили. Если простит, значит, понимает. Она ведь чуткая! Вот бы кто-нибудь сказал ему шесть лет назад, что он сможет полюбить девочку Люську в клетчатом пальто. Впрочем, тогда он сам считал это слово недопустимым для настоящего мужчины.

Во двор медленно въехал синий «мерседес». Такого глубокого синего цвета не может быть у дешевой машины. «Мерседес» подобрался к Люськиному подъезду и замер, чуть проехав его. Из «мерседеса» вышел водитель и принялся протирать щеки машине, затем покатым лбом. Он не спешил. Егору трудно было разглядеть его — метров сто, не меньше, и еще кусты. Сам он нарочно сел так, чтобы его не было видно из окна — он стеснялся показаться смешным. «Ты что там делал внизу, подстерегал меня?» — спросит она с усмешкой.

Из машины вышел второй человек. У него была телефонная трубка. Он придерживал ее у уха, подняв плечо. Он был одет в широкое пальто песочного цвета и в шляпу с прямыми черными полями. А лица его Егор не разглядел.

Егор посмотрел на часы. Оказывается, время, что тянулось так безобразно медленно, вдруг рванулось вперед. Люське было пора выходить. Она опаздывала минут на пятнадцать.

Егор поднялся с лавочки и медленно пошел к ее подъезду, оставаясь скрытым кустами сирени.

Хлопнула дверь. Человек в песочном пальто говорил в трубку сотки. Затем спрятал ее в карман. Что-то сказал водителю. Тот кивнул и продолжал протирать стекло. Пять часов с минутами, на дворе никого не было. С работы начнут возвращаться позже, а школьники уже прошли.

Дверь подъезда резко растворилась, и в ней показалась Люська.

Люська повела головой вокруг, будто надеялась кого-то увидеть. Может быть, Егора?

Егор поднял руку, она должна была его заметить, но в тот момент она смотрела в другую сторону.

Егор хотел было крикнуть ей, что он здесь, но в тот момент человек в песочном пальто сделал большой шаг к трем ступенькам у подъезда — Люська стояла на верхней ступеньке. Он протянул к ней руку, как бы желая помочь ей спуститься. Люська не дала ему руки. Она спросила. Видно, хотела узнать, что он здесь делает. Но Егор мог лишь догадываться — он видел, как прыгнули вверх ее тонкие брови.

Человек в песочном пальто сказал ей что-то спокойное, даже развел руками. Он улыбался.

Егор пошел к ним — оставалось метров пятьдесят.

Люська отмахнулась от человека в песочном пальто и побежала вниз по ступенькам. Она наконец-то увидела Егора и улыбнулась ему.

Но люди у машины Егора не видели — они стояли к нему спиной.

И в тот момент, когда она поравнялась с ними — она успела пробежать всего несколько шагов, — человек в песочном пальто схватил ее так, что она потеряла равновесие и полетела головой вперед. А водитель, кинув тряпку, сделал

быстрое движение, открыл дверь, и Люська влетела внутрь машины. Это заняло две секунды, может, три. Егор просто не сообразил, что же произошло.

Он продолжал идти к «мерседесу», а тот уже взревел, рванул с места, внутри на мгновение мелькнуло белым пятном лицо Люськи, и только тогда Егор побежал к машине. А машина была уже в десяти метрах, в двадцати... в пятидесяти. Она вывернула со двора, и Егор успел увидеть лишь первые три цифры 002.

Егор побежал за машиной, он выскочил на улицу — конечно же там никого не было.

Он все еще не верил тому, что произошло.

Он кинулся в подъезд, уговаривая себя, что он ошибся, что это была не Люська, а ее соседка, а может, даже сестра.

Егор знал номер ее квартиры. Он взбежал наверх, позвонил в дверь.

Открыли не сразу. Он уже хотел снова бежать вниз, когда дверь раскрылась. В ней стояла женщина с Люськиным лицом, но страшно поношенным, изрезанным морщинками, с мешками под глазами. Но убери все это — и ты узнаешь Люську.

— Простите,— тупо сказал Егор.— А Люся дома?

— Нет,— сказала Люськина мать.— Она же к тебе на свидание побежала. Неужели разминулись?

И засмеялась, показав плохие зубы.

Она отнеслась к Егору добродушно. Он чуть было не спросил, откуда она знает, что Люська побежала к нему. Но, продолжая улыбаться, Люськина мать захлопнула дверь.

Егор спустился по лестнице и стал смотреть на асфальте — не осталось ли следов от «мерседеса». Потом увидел тряпку — кусок замши, которым водитель протирал стекло. Егор на всякий случай взял тряпку и сунул в карман куртки. Никаких следов на мокром асфальте конечно же не осталось.

Тогда Егор поднялся снова к ее квартире. Он позвонил. Мать не скрывала недовольства.

— Простите,— сказал Егор,— я только один вопрос хотел задать. Ей не звонили перед уходом?

— Звонили,— ответила ее мать.— И странно звонили.

— Почему странно?

— Потому что это был междугородный звонок.

— Спасибо,— сказал Егор.— А что она сказала?

— Что сказала? Ничего не сказала. Да отстань ты от меня, привязался со своими звонками. Лучше за ней беги.

— Я и бегу,— сказал Егор.— Только сначала ее надо найти.

— Найдется.

— Вы хотите сказать, что она взяла трубку и молчала?

— Нет, алёкала. Раз а три алёкнула, а потом сказала, что опять не туда попали.

Только спустившись вниз, Егор понял, что мать сказала правду: у сотки звонок как у междугородки. Правильно, ей звонили от «мерседеса», проверяли, дома ли она.

Егор понимал, что Люську похитили. Как в боевике. Похитители на «мерседесе» — не на «Москвиче» же похищать. Какой-то безумный азербайджанец влюбился в нее и решил умыкнуть. И может быть, Люська сама об этом знала и даже участвовала в похищении, а я появился как гром с ясного неба? Может, она даже хотела ему показать, какие у нее крутые друзья. С девушками это бывает — они теряют осторожность.

Почему-то Егор совершенно не связывал исчезновение Люськи с тем миром. Там были велосипедисты на разных колесах, там были призраки и костры для людей, но там не было «мерседесов».

Он позвонил Люське вечером, попозже. Хотя он себя и успокаивал, что люди так вот не исчезают, но не переставал волноваться, а главное — ревновать.

Мать подошла к телефону.

— Все в порядке,— сказала она,— нашлась твоя Люська. Записку прислала. За город поехала к своим друзьям.

Мать говорила с каким-то торжеством, будто хвасталась друзьями дочери перед Егором.

— Какая записка? — спросил Егор. — По почте?

— Не важно, — сказала мать. — Поздно уже, нормальные люди спать идут.

— А Люся?

— Люся, я так думаю, уже спит. И нас с тобой не спросила.

Ну и ладно, сказал себе Егор. Хватит с меня этой истории. Ну, встретились, погуляли вечер, а человек между тем имеет собственную жизнь.

Ночью Егор спал плохо, просыпался, его подсознание не хотело верить в хороший конец истории. Ему снилось, что он бежит куда-то, хочет спасти Люську и все опаздывает.

И с утра, это уже было в субботу, он снова поехал к ней домой.

Увидев его, мать чуть снова не захлопнула дверь.

— Нам еще Робин Гуда не хватало!

Она была в халате, копна волос сдвинута набок. Она все норовила поставить прическу, укрепленную шпильками, в вертикальное положение. Щеки у нее были красные и глаза тоже.

— Простите, — сказал Егор, — но я хочу увидеть записку

— Уходи.

— Я боюсь, как бы чего не случилось.

— Я же сказала!

Он стоял, войдя до половины в дверь, и вытолкнуть его не удавалось.

— Черт с тобой, — сказала мать и пошла по коридору. У двери в комнату она остановилась и приказала: — А, ты не входи. Нечего тебе у нас делать.

Егор стоял и ждал. В квартире пахло вчерашним табачным дымом и вчерашней пьянкой. Ему всегда было жалко Люську, которой приходится здесь жить.

Мать с кем-то говорила. Отвечал сонный мужской голос.

Потом она вышла, держа записку, как денежку нищему.

— Спасибо, — сказал Егор.

— Ты куда? — спросила мать.

Но он быстро вышел из квартиры и побежал вниз по лестнице. Он боялся расстаться с запиской.

Мать перегнулась через перила лестницы и кричала:

— Ты больше не приходи, слышь, не приходи!

Записка была написана на листке, вырванном из блокнота с листами на пружинке. Хорошая бумага. Как называются такие блокноты? Органайзеры! Почерк был обыкновенный.

«Евдокия!

Главное, не беспокойся.

Обычная история.

Ребята позвали на дачу.

Сообщить было некогда.

Поехали на машине.

А если не приеду на неделе, сообщу по телефону.

И не беспокойся.

Люся».

Надо спросить, почему мать Люськи решила, что записка написана ее дочерью. Записка странная. Ну ладно — ведь не убьет же мать его по телефону.

— Это снова я, — заговорил Егор быстро, чтобы мать не успела повесить трубку. — Почему она вас Евдокией называет?

— А как же ей меня называть? — ответила мать. — Меня так зовут. Меня Евдокией крестили. Это уж потом я стала себя Еленой называть, потому что имя Дуся меня не устраивает!

— Значит, мало кто знает...

— Зачем знать? — Мать задумалась. Наверное, она опохмелилась и уже не так злобилась. — Я думаю, она хотела показать, что сама писала. Понимаешь, как условный знак. Кто еще знает, что меня Евдокией зовут? Я прочту записку и пойму — это она писала.

— А разве вы почерка не знаете?

— Почерк! Почерк подделать можно. У девчонок у всех одинаковый почерк. А я сразу поняла, что Люська писала. Я бы от чужого и денег не взяла.

— Какие деньги?

— А никакие! Знаешь что, студент, ты в чужие дела не суйся, а то тебя быстро окоротят.

— Он вам привез деньги?

— Люська мне передала. Стипендию. Она стипендию получила и мне передала. Ясное дело — не чужие! Вместе живем.

— А кто их привез?

— Этот... кто надо, тот и привез!

И больше Егору ничего добиться от этой женщины не удалось.

Он положил записку на свой письменный стол и заставил себя, правда не очень успешно, забыть о Люське и обо всем, что было с ней связано. Весь день ему казалось, что это вот-вот удастся. И тут отец все погубил.

Во всех книгах открытия, которые меняют ход сюжета, положено делать герою. Он должен приглядеться к записке... и сделать невероятное открытие: вместо «Австралия» читать «Антарктида».

Но случилось иначе.

Отец потерял кроссворд. Он — безумец по части кроссвордов, он покупает книжечки с кроссвордами у метро, он подписывается на три ненужные газеты и журнал «Смену», а также «Мегаполис-экспресс», в котором кроссворд занимает всю последнюю страницу. Порой он заставляет сражаться с ним членов семьи, но члены семьи старательно избегают таких сражений.

И вот в то утро отец куда-то положил вырезку из газеты с кроссвордом и принялся ее искать по квартире. А в квартире трудно было что-нибудь найти, потому что все жители ее — библиофилы и книжки постепенно выживают хозяев на улицу. Так что отец бродил по квартире и ныл, подозревая, что злопыхатели утащили его ненаглядный кроссворд. Вместо кроссворда он наткнулся на записку от Люськи, которую расстроенный Егор забыл спрятать. Отец взял записку, прочел ее и удивился.

— Самое нелепое послание, которое мне приходилось видеть.

— Какое? — спросил Егор, который тупо сидел у телевизора, все еще находясь в мрачном состоянии духа, и делал вид, что его страшно интересует передача «Наш сад. Хлопоты и заботы».

— Тут тебе записку послали, судя по почерку — влюбленная девица, которую угнетают родители.

— Какая еще девица?

— Старо как мир: родители не должны догадаться. «Евдокия, главное, не беспокойся...»

— Отец, положи, это мне.

— Знаю, что не мне. Тут же написано, что тебе. Но если ты хотел утаить письмо, надо было прятать в стол. Спрятать за тебя?

— Ладно, оставь где лежит, — сказал Егор.

А так как отец подчинился, он продолжал смотреть в экран, а потом удивился. С чего это отец решил, что записка обращена к нему?

Он встал, подошел к столу, взял листок и прочел его вновь. И надо же — у него будто застило зрение: ничего не увидел.

— Папа, — сказал Егор. — А почему она написана мне?

— Я забыл, как называется этот литературный трюк, — ответил отец, — но любой нормальный человек прочтет первые буквы и увидит...

— Я увидел!

Отец, довольный, засмеялся.

«Егор, спаси», — читалось по первым буквам.

Егор уселся в кресло и принялся проклинать себя — ведь она рисковала, она писала под внимательным взглядом тех, кто ее похитил... Похитил!

Егор перечитывал записку снова и снова и понимал, что положение, в котором он оказался, — безнадежно.

Получив записку, он продвинулся столь ничтожно, что можно было бы и не видеть этого листка. Нет, ты дурак, Егор! Еще пять минут назад ты вычеркнул из сознания Люську, придумав, что она предала тебя. А ты ведь единственный человек в мире, который поверит ей. А почему?

И тут Егору пришлось смириться с тем, что выкидывало из себя сознание: исчезновение Люськи связано с тем миром. Ведь будь это какое-то любовное приключение, вряд ли она стала бы обращаться за помощью к Егору. Именно к Егору.

И что ты будешь делать? Один? Когда нет своей организации, своей компании.

В понедельник он преодолел стеснительность и пошел в милицию.

В милиции дежурный майор был вежлив, холоден и равнодушен.

— А кем вы ей приходитесь?

— Знакомый.

— Ага, знакомый.

— Но я запомнил первую часть номера машины. Это синий «мерседес».

— Ладно, попросим ее мать прийти с заявлением.

Он мог бы показать записку. Но боялся ее потерять. Майор наверняка отберет записку. Приобщит к делу. Тогда у Егора не останется вообще никаких цепочек, связывающих его с Люськой. Егору казалось, что в самой бумаге, в пасте, которой написана записка, могут таиться ключи к разгадке. Нет, он не отдаст записку милиционеру, который вежливо попрощался с влюбленным мальчишкой. Изменила, ушла, а он безумствует. Ведь мог бы и сказать это открытым текстом, но сдержался, и на том спасибо. Даже улыбка была снисходительной, но не гадкой.

Оставался старый друг Серега.

Старый друг тоже не захотел выходить за пределы разумного. Он, конечно, не знал о путешествии Егора в мир без времени. А не зная и не поверив некогда в неправду, которую придумал Егор, он с тех пор предпочитал не принимать на веру слов Егора.

Сереге Егор показал записку и рассказал об обстоятельствах исчезновения Люськи — оставив в стороне лишь тот мир. Серега записку прочел и спросил, давно ли они с Люсей знакомы?

В вопросе таился подвох. Если ты не поделился со старым другом тем, что у тебя роман, это плохо говорит о твоей искренности.

— Недавно,— ответил Егор. И это было правдой. Когда-то он был знаком с девочкой. Сегодня — совсем с другим человеком.

— Надо обратиться в милицию,— сказал лучший друг.

— Я там был. Меня отпустили домой.

— Она, наверное, скоро вернется.

— Но ты же читать умеешь? Тут написано: «Егор, спаси».

— Пятьдесят процентов за то, что это шутка.

— Прости, что я тебя побеспокоил.

— Егорка, ну пойми, я ничего не могу придумать.

Но через час после того, как Егор ушел от Сереги, тот позвонил ему:

— Ты не помнишь, у меня девушка была? Такая курносая? Тамара.

— Не помню.

— Из НИИ экспертизы! Она мне столько всего рассказывала про свою лабораторию! Еще хорошо, что я скептик. Они берут проблемы, которыми не стал бы заниматься ни один уважающий себя институт.

— Теперь сколько угодно не уважающих себя институтов,— сказал Егор.

— Ты меня не понял! Этот институт — в системе Академии наук. У них в лаборатории шеф — доктор наук, биолог. Ну что тебе стоит — загляни к ним!

— Они по запаху находят преступников?

— Я не знаю, кого и по какому запаху они находят. Но если в твоей речке рыбы нет, то рак становится лососем!

Серега в последнее время приналовился пересказывать народную мудрость собственными словами. Порой получалось забавно.

— Сходи, я тебе Тамаркин телефон дам.

Идти не хотелось. Еще один майор милиции? Но Егор понимал, что записка — серьезное событие.

Он решил: «Пойду посмотрю, что там за люди. Рассказывать им лишнего не буду. Вернее, буду рассказывать только то, что они смогут переварить».

Домашний телефон Тамары был занят два с половиной часа подряд. Егор лежал на диване и читал книгу Шноля «Герои и злодеи российской науки» и через каждые полчаса набирал номер.

Наконец дозвонился.

— Вы долго разговариваете,— упрекнул Егор девушку, которая призналась, что она и есть Тамара.

— Вы ошибаетесь,— ответила Тамара,— я многостаночница. Я провела шесть разговоров, и все короткие, как летний дождь.

Так Егор познакомился с оригинальной манерой изъясняться, свойственной Тамаре.

Тамара отказалась выслушивать проблему Егора до конца, а спросила:

— С вашей точки зрения, нашему институту это по плечу?

Егор спросил, может ли он встретиться с кем-то из научных сотрудников. Он просит помощи в решении сложной проблемы.

— Надеюсь, у вас не сексуальные проблемы? — спросила Тамара.— Мы на них махнули рукой.

— Не бойтесь.

— Тогда встретимся завтра у метро,— сказала Тамара.— В девять тридцать. И вместе опоздаем на работу.

Тамара выговаривала слова значительным, почти дикторским голосом, но неправильно ставила ударения в словах «понять» и «звонить». Видно, приехала в Москву с юга. Все проблемы она была готова решить разом, ей очень хотелось показаться важнее, чем она была на самом деле. Но притом в голосе ее звучало сочувствие ко всем страдающим мужчинам.

К месту свидания у метро Тамара опоздала на двадцать минут. Егор угадал ее издали по умопомрачительной фигуре и походке, которой может позавидовать любая итальянская модель. Простое и милое лицо Тамары было загублено толстым слоем косметики, а ногти были такого цвета, будто их только что сорвали.

— Вот именно таким тебя рисовало мое воображение, — сказала она Егору. — Интеллектуал с гуманитарным уклоном. Такие люди, как ты, одиноки, как паруса в море голубом, читал?

Егор не знал, что Тамара имела обыкновение влюбляться в каждого второго из новых знакомых.

— Вы вернулись из поездки? — спросила она Егора и взяла его под руку.

Он не стал объяснять ей, что вернулся из поездки уже шесть лет назад.

Тамара повлекла Егора к институту, прижимая его руку к своей груди. Она потащила его в парадный подъезд бывшего особняка Гиреевых, а ныне Института экспертизы РАН, мимо проспавшего их появление вахтера Матвееча, по кривым коридорам в нашу лабораторию. Разумеется, сцену встречи Егора с Тамарой я домыслил, но ручаюсь за близость к жизни.

Тамара втокнула Егора в нашу комнату. Там было тесно — на десяти метрах не разгуляешься — и почти пусто, если не считать приятного вида молодого мужчины с волосами странного, почти платинового цвета, из-за чего этот мужчина везде, от детского дома до мотострелковой роты, получал прозвище Седой.

Этим мужчиной был я, младший научный сотрудник без степени Георгий Гагарин, подкидыш, названный так в детском приемнике в честь первого покорителя космоса.

— Гарик, — сказала мне Тамара, — познакомься с Егором. Это наша морская свинка, потому что на нем мы, наверное, будем ставить опыты, как Дарвин на собаке.

Высказывание говорило о том, что Тамара стремится к знаниям, но еще не добралась до их сути.

Егор мне приглянулся настолько, что я не стал задавать ему вопросов, а предложил кофе.

Мы не успели толком познакомиться и поговориться, как распахнулась дверь и ворвалась Калерия Петровна.

Слово «ворвалась» к ней не подходит, очевидно, вежливей сказать «впорхнула» или «влетела». Но Калерия — человек размашистый. Она широко шагает, резкими жестами помогает себе в споре, но остается при том человеком крайне сдержанным, воспитанным и располагающим к себе даже самых недоверчивых клиентов.

А если добавить к тому, что Калерия благородно красива, у нее звучный низкий голос и слишком яркие глаза, то неудивительно, что Егор был счастлив излить перед ней свою душу.

После первых же фраз Калерия попросила его остановиться, включила видео, и начался допрос Егора, который продолжался до вечера и занял еще два дня.

Когда Егор, выпотрошенный и даже похудевший, ушел от нас по завершении третьего дня работы, мы начали анализировать услышанное.

Мы с Калерией сидели, обставленные чашками с кофе. Чашками у нас служат пластиковые стаканчики. Тамара где-то раздобыла тысячу штук, и поэтому их не сэкономили, жили, как американцы.

— Я знаю, с чего начну завтра, — сказал я.

— Правильно, — согласилась Калерия. И я не стал ставить под сомнение, что она правильно прочла мои мысли. Она умела это делать, хотя, что любопытно, начисто не верила в телепатию, телекинез и прочие необъяснимые явления. Она была земной, как патологоанатом.

Но я все равно высказался вслух, потому что надо было проверить на коллегах, правильно ли я все спланировал.

— Лучше всего начинать с «мерседеса», — решил я. — То, что не удалось сделать Егору, нам нетрудно, правда, Калерия Петровна?

— Я позвоню,— сказала Калерия.— Машина нестандартная. Синий «мерседес» и три первые цифры номера известны.

— А я пойду в Музыкальный театр,— заявила Тамара,— завтра с утра.

— Ты думаешь, что отверстие в заднике тебя ждет?

— Она права,— сказала Калерия.— Надо поговорить с людьми, узнать, что необычного они замечали там в последние месяцы. А Тamarочка у нас обаятельная.

Калерия тоже была права. Тамарку надо было употребить на дела, в которых она могла принести как можно меньше вреда.

— Но сначала,— сказала Калерия,— ты, Гарик, зайдешь к Евдокии, то есть к Елене Павловне.

— Ничего она Гарику не скажет,— заявила Тамара.— Но если хотите, я с ней поговорю.

Вулкан извергался прямо у нас в комнате. Глаза Тамары сверкали, ноги кобылицы отбивали чечетку.

Калерия делала вид, что не замечает опасности. Она повернулась к Тамаре и ангельским голосом сообщила ей, что в Детском музыкальном театре ей следует деликатно выяснить, не было ли там замечено странных явлений или людей.

— А ты,— сказала она мне,— попытайся воздействовать на Евдокию с помощью своих методов.

Закончила она так:

— Я с утра отправляюсь на растерзание ученого совета, а Саша Добряк держит оборону в лавке, чтобы никто не утащил у нас стаканчики для кофе.

Я знал, что застаю мать Людмилы дома. И, вернее всего, уже восставшей ото сна, так как перед этим я провел целый час, сидя на лавочке рядом с двумя бабушками из того же подъезда. Бабушки были очень разными, одна демократических взглядов, другая хранила партбилет, но в одном бабушки сходились — таким, как Ленка, доверять воспитание ребенка нельзя. Про Люську ничего такого сказать не могут, но она, без сомнения, пойдет по неверному

пути матери, потому что носит во-от такие короткие юбки, за ней приезжают на «мерседесах», и вообще она дома не ночевала.

Я включил свое умение перевоплощаться, и бабушки были уверены в том, что беседовали с пожилым добродушным ветераном.

Приближалось решающее сражение с Люськиной мамашей. Кто ей покажется самым безопасным? Эту проблему мне нужно было решить поскорее, пока ветеран, которому вслед глядят несколько удивленные бабушки, поднимается по лестнице.

Оставаться ветераном не годится. Ветеранам Евдокия не доверяет. Они наверняка досаждали ей в течение всей ее нескладной жизни, учили жить, вести себя правильно и не шуметь.

Поэтому должен признаться, что Евдокия, открыв дверь, увидела перед собой толстую некрасивую девушку в выпуклых очках, причесанную на прямой пробор, краснощековую и белоглазую.

Девушка же увидела высокую нескладную женщину, темные волосы которой были нечесаны месяца два, а халат столько же нестиран. Зато у этой женщины сохранились чудесные серые, хоть и отягощенные мешками, глаза и странные тонкие брови, живые и подвижные, которые своими элегантными движениями подчеркивали ее слова.

— Ой, простите! — Девушка в очках, видимо, оторопела при виде хозяйки дома, но тут же постаралась взять себя в руки, потому что была существом робким и вежливым, я ее скопировал с Дашеньки Корф с нашего курса, которая хотела выйти замуж, но так и не смогла.

— Тебе чего? — мрачно спросила Евдокия, которая не выпалась и не опохмелилась. Ее можно было понять.

— Простите, а Люся Тихонова здесь живет? — спросил я, то есть Дашенька.

— А что? — Евдокия всю жизнь избегала прямых ответов на прямые вопросы.

— Я с ее курса, — сообщила Дашенька.

— Еще чего? — Евдокия сделала вялую попытку захлопнуть дверь, но Дашенька не позволила.

— А вы ее мама будете? — спросила она. — Такая красивая, ну просто как Люся. Она мне говорила, что на маму похожа, но я даже не представляла, как похожа.

— Разве? — Рука Евдокии сама поднялась, чтобы пригладить волосы. И на лице появилось осмысленное выражение.

Дашенька сделала паузу, чтобы Евдокия могла принять решение.

— А что ты в дверях стоишь? — спросила она. — Ты заходи, только у меня не убрано.

— Ой, что вы! Я здесь постою, — сообщила Дашенька. Евдокии явно не хотелось разговаривать на лестничной площадке — видно, у нее не сложились добрые отношения с соседями. Она отступила внутрь квартиры, и Дашеньке пришлось последовать за ней.

Она закрыла дверь и тогда спросила:

— Чего тебе надо? — но уже без злости.

— У нас контрольная послезавтра, — доверительно сообщила Дашенька. — По литературе. А Евгений Тихонович, он страшно строгий, сказал, что все, кто не придет, останется без зачета! Представляете!

Не исключено, что Люся когда-то называла матери имя преподавателя литературы. Но я рассчитывал на то, что мать не очень внимательно следила за успехами дочери.

— Вот я и решила, — сообщила Дашенька, — что просто обязана предупредить. Если она заболела, пускай встает и хоть на ушах ползет, вы меня понимаете? Ведь последний курс, по головке не погладят.

— Ты заходи в комнату, вот тут она живет. — Евдокия провела гостью в меньшую из двух комнат махонькой хрущобы. Здесь обитала Люся. Все тут было спартански просто, словно Люся всем своим существованием подчеркивала несовместимость с матерью, быт которой выражался в страшно захламленном коридоре, кухне, заваленной вещами — от пакетов и бутылок до тряпок, которые могут пригодиться.

На стене в комнатке Люси была лишь фотография «битлов» в черной рамке, а на ученическом столе ровными стопками лежали тетрадки и учебники. Диван был убран — видно, белье на день прятали внутрь его.

Евдокия не пригласила Дашеньку садиться.

— А она сама скоро придет?

— Сегодня ее не будет,— сказала Евдокия.— У родственников она в гостях.

— А к понедельнику она возвратится? Правда?

В голосе Дашеньки звучала страстная надежда как можно скорее вновь увидеть подругу.

— К понедельнику должна вернуться,— сказала Евдокия.— Она и в записке написала, что вернется.

— В записке?

— Она уехала, когда меня дома не было. А записку ее друзья передали.

Больше ничего говорить Евдокия не намеревалась.

Наступила тягостная пауза. Тогда я пошел на крайние меры.

— А кому же я тогда стипендию отдам? — спросила очкастая подруга.

— Какую стипендию?

— Ну, в общем не совсем стипендию, но в прошлый раз, когда стипендию давали, я у нее заняла немного, мне туфли надо было купить. Она ведь такая добрая...

Реакции не последовало.

— Просто не знаю, нужны ли ей деньги. А то бы я еще задержала.

— Не нужны ей,— вырвалось у Евдокии, и она тут же пожалела об оговорке.— Но ты их мне оставь, я ей передам.

— А почему вы думаете, что деньги ей не нужны?

— Потому что...

Ну давай, давай, должна же ты когда-нибудь сказать правду! Ты же переживаешь, ты же не совсем бессердечная, у тебя дочка пропала. Ты хочешь мне все рассказать!

Я глядел на нее в упор и гипнотизировал ее. Если я могу внушить тебе, бедная женщина, что я похож на толстую

девушку в длинном платье и очках, то почему бы тебе не рассказать всю правду?

— Даже и не знаю, что тебе сказать,— вздохнула Евдокия.— Ты деньги-то оставь... целее будут.

Я понял, что о деньгах мать не забудет. Я достал бумажку — она вызвала у матери разочарование. Видно, она хотела бы получить больше. Но подарок — всегда подарок. Даже небольшой.

— В самом деле что-то случилось? — спросила Дашенька.

— Уехала она... не видела я их даже. Но Егор, парень из того дома, она с ним ходит, худой такой, длинный, он говорит, что ее ждал «мерседес».

Разве Егор говорил ей об этом? Впрочем, сейчас не важно. Главное, не прекращать давления.

— А потом этот парень принес записку?

— Принес, только, кто принес, не знаю. Может, другой принес, мало ли их — записки носят!

Она была права — теперь все носят записки. Куда ни поглядишь, кто-нибудь записку несет.

Но я не стал перебивать женщину.

— А как он выглядел? — спросила Дашенька, хотя Дашеньку это не должно было касаться.

— Как он выглядел? Да как все теперь выглядят. Плащ такой длинный, почти до земли — косая сажень в плечах, только плечи ватные.

Евдокия засмеялась, и, пока она не повеселилась вволю, пришлось покорно ждать.

— И в шляпе! Представляешь себе, в черной шляпе!

— А лицо какое?

— Какое лицо? Лицо с усами. С черными усами, как у Гитлера, только длиннее.

— Азербайджанец?

— Нет, не черный, наш. Может, украинец. И хакает.

Она и сама хакала по-южному, но за собой, видно, не замечала.

— Ну какие-нибудь приметы у того человека были? Может, шрам или одного глаза не хватало?

Дашенька засмеялась. Хотя чего тут смешного?

— Глаза на месте, шрамов нет, только зубы золотые — резцы с обеих сторон, наверное, не москвич, москвичи золотых зубов спереди не ставят, правда?

— Молодой?

— Молодой, молодой, только если ты, девушка, думаешь, что это и есть Люськин хахаль, то ошибаешься. И по той причине, что он как будто приказ выполнял. Только что расписку у меня не потребовал.

— А где эта записка? — спросила Дашенька. — Ее можно увидеть?

— Где записка? А Бог ее знает где... Куда-то сунула, ни что мне ее держать?

— А что было в записке?

— А тебе зачем знать? — спохватилась Евдокия. — Тебе-то какое дело до чужих записок?

— Ну вы же понимаете, — обиделась Дашенька. — Мне надо знать, когда Люся вернется. В понедельник контрольная по литературе, ее же могут стипендии лишить!

— Какая еще стипендия! — возмутилась Евдокия. — Тут большими деньгами пахнет. И, ох, боюсь я...

Наконец-то она произнесла нормальные слова.

И тогда плюхнулась на Люськин диванчик и заревела.

— И не нужны мне ихние деньги! Неужели мне непонятно? Это деньги откупные? Они у меня ее купить хотят! Может, и в живых ее нету!

Откуда-то из-за пазухи Евдокия вытащила пачку долларов — толстую пачку, стала размахивать ею, но так, чтобы я их не перехватил.

— Я к окну потом подбежала — он в машину садится!

— В «мерседес»? — заинтересовалась Дашенька.

— Какой еще «мерседес», бери выше — джип «широкый»!

Я сразу сообразил, что имелся в виду «джип-чероки». Великоорусскому языку и «чероки» по плечу.

Больше мне ничего не удалось узнать. Но, по крайней мере, есть джип, есть портрет одного из членов этой компании.

— На словах он ничего не передавал? — спросил я.

— На словах? Конечно же, конечно! Я спросила, как она себя чувствует — ведь я мать, а не дерьмо собачье!

Дашенька наклонила голову, чтобы не улыбнуться этому трагическому сравнению.

— Я спросила, а он говорит: «Как сыр в масле, мамаша!» — так и сказал. И ушел. Я еще вслед спросила, далеко ли она от Москвы? А он не оборачиваясь так хмыкнул и говорит: «А вы с чего решили?» Вот и все.

— Ну, я пошла, — сказала Дашенька. — Я вам позвоню в понедельник, узнаю, придет ли она на контрольную.

— Да что ты с этой контрольной привязалась! — рассердилась Евдокия, провожая гостью.

Теперь можно было ехать в ГАИ.

Подполковнику уже позвонили.

Я прошел к нему в кабинет в скучном доме на Садовом кольце. У него лежала на столе распечатка из компьютера.

— Вам ведь человеческая информация нужна? — спросил подполковник.

У него был вид взяточника и пройдохи. Это ничего не означало. С другой внешностью в ГАИ выживают лишь жулики.

— Да, расскажите, что вам известно.

— Вот именно. Когда нужно — бегут ко мне, Сергей Сергеевич, помогите! А как фельетоны писать, то я выгляжу черт знает каким вымогателем.

Может, он думает, что я из газеты? Я не стал спорить — у Калерии и нашего института свои линии связи со всеми, кто может пригодиться.

— Синий «мерседес» с номером, который вы мне частично передали, зарегистрирован на имя Малкина. Венимина Малкина. Это вам что-нибудь говорит?

— Он однофамилец певца?

— Это и есть певец, так называемый тяжелый рок. Знаешь? Вот подрастут у тебя детишки, тогда узнаешь, что такое тяжелый рок. Ты женат?

— Нет еще.

— Пропускаешь золотое время, портишь желудок на котлетах.

— Этот «мерседес» принадлежит певцу Малкину?

— Ах, Веня, Веня, Венечка? Слышал такую песенку в передаче «Белый попугай» изображали? Он запевал. Любимец молодежи.

— А где живет Малкин?

— Где живет, я не знаю, а вот где прописан — это пожалуйста. Я знаю, что твоя контора глубоко копает. Давно в конторе?

— Второй год, — признался я.

— А платят пристойно?

— Платят недостойно. Мы же в системе Академии наук

— Зачем вас туда приписали? Только оскорбляют людей

А я думаю, куда бы рвануть отсюда.

Он подвинул мне по столу еще один листочек.

— Спасибо, — сказал я. — У меня к вам один маленький вопрос. Вы уж простите, что я отнимаю ваше время.

— Отнимай, для этого мы тут и посажены.

— У этого Малкина еще машины есть?

— Ну какая у Сергея Сергеевича голова! — радостно сообщил о себе подполковник. — Неужели, думаю, он не спросит о других тачках? Есть у него тачка, записана на директора группы. «Форд-чероки», черного цвета. Держи все данные. И адрес этого директора. — Он закурил. — Тебе не предлагаю, я противник курения. Пускай старики вымирают. А ты живи.

— Спасибо. Постараюсь.

— Если туда пойдешь, учти, нужна осторожность. У него крутые ребята дежурят. После прошлогодней истории.

— А что за история?

— Не притворяйся, лейтенант,— сказал подполковник и отпустил меня барственным движением руки. Он не сомневался, что нам все известно о певце Малкине.

У двери меня догнало его напутствие:

— Береги себя, сынок. И привет передавай Лукьянычу.

Ну вот, теперь я должен еще знать, кто такой Лукьяныч.

В институт я заходить не стал. Перекусил в пиццерии, дорого и невкусно.

У меня был московский адрес и даже телефон Малкина. Если певец имеет отношение к исчезновению Люси, то, скорее всего, ее скрывают на даче. Дача у него, конечно, есть, но я у гаишника о ней не спросил, да он мог и не знать.

Я позвонил Малкину из автомата.

Никто не подошел.

Тогда я поехал к нему домой.

Это был добротный сталинский дом на проспекте Мира, в котором поселились богатые люди. Перед подъездом висела громада строительного мусора — в какой-то квартире шел ремонт: она превращалась из коммунального жилья в покой настоящего банкира.

На мое счастье, синий «мерседес» с нужными номерами мирно стоял в зеленом дворе — вход, конечно, со двора.

Я поднялся на лифте на третий этаж. Позвонил. Никто не открыл.

Я спустился во двор, чтобы подумать на досуге.

И тут во двор въехал джип «широкий».

Ах, как правильно сделала очкастая Дашенька, что взглянула к тетке Евдокии! Теперь она знает о джипе и не пропустит его.

Из джипа медленно вылез мелкий человек в огромном блестящем черном плаще, какие носили во время войны жэсовские офицеры. На глаза была надвинута черная шляпа с широкими полями. По виду его можно было предположить, что в Москве хлещет дождь. На самом деле был мирный солнечный весенний день.

Кем бы я ни притворился, есть опасность получить от него пулю. Он пуглив, вооружен и потому опасен.

И все же у меня оставался шанс. Дашенька. Дашенька — растяпа куда более безобидная, чем пионер Вася.

Так как у меня была только секунда, чтобы все придумать, я тут же перехватил осторожный взгляд человека в плаще. А он увидел полную девицу в очках, в длинном мешковатом пальто с блокнотом в руке.

Дашенька взмахнула блокнотом, как знаменем, и издали воззвала к человеку в черном плаще:

— Вы Шлягер, я вас знаю! Вы с Малкиным работаете! У меня к вам просьба! Вы меня слышите?

Я был прав, человек в черном плаще оценил Дашеньку как безопасное препятствие.

— Какой я тебе Шлягер,— прошипел он, надвигая еще ниже шляпу.

— Я собираю автографы! — Теперь уже можно было без риска для жизни семенить рядом с тем человеком. — Пожалуйста, я вас умоляю! Ну что вы хотите, я все для вас сделаю. Только пускай автограф будет «Дарье Сулимовой». Вы запомнили? «Дарье Сулимовой, которая готова для вас на все!»

Мы вошли в подъезд. Он впереди на шаг, я чуть сзади.

— Умойся! — приказал мне маленький человек. Глаза у него были темные и окружены темными кругами, как вчерашними синяками. — Не будет тебе автографа.

— Но пожалуйста! — взвыл я, вспомнив волшебное слово. — Пожалуйста, господин Шлягер!

Мы стояли у лифта.

— Откуда ты взяла эту дурацкую кликуху? — удивился мой собеседник. — Какой я тебе Шлягер? Пронькин я, поняла? Андрей Наумович Пронькин.

— Конечно, Андрей Наумович,— согласилась Дашенька. — А вы мне тоже подпишете автограф?

— Я? — Пронькин развеселился и даже не заметил, что открылись двери лифта. — Я покинул среднее образование, когда мне надоело!

Ясное дело — я встретился с большим авторитетом, которого окружающие недостаточно ценили.

— А я думала, что вы тоже артист. Вы такой типичный.

— Думала-передумала.

Пронькин ступил в лифт.

— А можно, я с вами? — спросила Дашенька. — Я на минуточку, только погляжу на Веню и обратно.

— Чепуха. Нет его дома. Усекла? Его — нет — дома!

— Но я только на минуточку. Вы покажите мне, как он живет, — я прикоснусь. Хорошо? Я вам не помешаю.

— Глупости, — сказал Пронькин. Лифт закрылся и ушел.

Толстая Дашенька побежала пешком на третий этаж и нашла Пронькина у двери в квартиру.

— А вот и я! — сообщила Дашенька.

— Сгинь! — приказал Пронькин.

— Ах, да вы что! Вы меня хоть убейте, хоть унижайте — что хотите, делайте, но я ужасно настойчивая!

Пронькин сунул руку внутрь плаща, под мышку. По всему судя, он собирался отпугнуть глупую бабу видом пистолета.

— Вы хотите меня застрелить! — в восторге зашлась Дашенька. — Я буду лежать у ваших ног, обливаясь кровью, и окропите мои останки горячими слезами!

Пронькин извлек носовой платок и громко высморкался.

— Я тебя просто с лестницы спущу, — сказал он. — Неужели ты не понимаешь русского языка? Нет Вени. Слил твой Веня, оставив осиротевшими семью и сотрудников.

— А я? — удивилась Дашенька.

— Ты что?

— А как же я без него? Как же миллионы его поклонников во всем земном шаре?

— Обойдетесь, — сказал Пронькин.

Он достал из кармана ключи. Вот теперь я должен быть внимателен.

Верхний ключ. Финский. Рисунок бородки напоминает пилу без среднего зубца. Размеры... к счастью, у меня фотографическая память. Но не в переносном смысле, а в самом обыкновенном.

Ключ сфотографирован.

Нижний ключ. Обыкновенный, французский.

— Ты еще здесь? — грозно спросил Пронькин. — Я ведь не посмотрю, что ты баба.

Всхлипнув, несчастная Дашенька побрела вниз по лестнице.

Выйдя из подъезда, она пошла быстрее и решительнее... Мне надо было спешить. Мастер, который мог сделать ключ по рисунку, — не такое уж обыкновенное явление. Это в первую очередь наш институтский слесарь. Вернее, младший научный сотрудник института Романюк Ирина Георгиевна.

Ирка только что пришла с обеда, и ей не хотелось работать.

— Опять в нашей лаборатории какой-нибудь уголовщиной занимаетесь? — недружелюбно спросила она.

Ирка была громоздкой бабой, сменила четверых мужей, которые, как я думаю, сбегали от нее, спасая остатки мужского достоинства.

— Я тут нарисовал, — сказал я. — С размерами. Ты сделай приблизительно, а я потом подгоню по памяти.

— Сейчас, что ли?

— Сейчас, сейчас!

— Ты гонитель. Сбегай пока за сигаретами. «Мальборо». Лицензионные.

Вместо пачки, как Ирка и рассчитывала, я принес блок. А так как я человек педантичный, то после окончания операции представлю заведующей лабораторией подробный отчет о расходах. И попрошу возместить. При моей зарплате я не могу позволить себе такого альтруизма.

При виде блока «Мальборо» Ирка сказала:

— Тогда не уходи.

Она ценила щедрых мужчин.

Большие руки Ирки двигались стремительно, черная выющаяся прядь упала на щеку.

— Ты вроде не женат? — спросила она.

— Недостойн, — признался я.

— Женись на мне. Если не боишься горячих баб.

— Замучаешь ты меня.

— Зато умрешь от наслаждения. Кто еще так может? Это лучшая смерть для мужчины. Как в бою.

— Я подумаю.

— Думай скорее. Мне Саня Добряк предложение сделал. Но больно уж он хлипкок. В первую же ночь перекушу.

Ирка протянула мне первый ключ, еще теплый. Я оглядел его и показал ей, где надо убрать и где подправить.

— Ты гений, — сказала Ирка. — Мы с тобой организовали бы банду — никто бы нас не разоблачил. «Мерседес» бы купили...

— И что вам всем сдался «мерседес»? — в сердцах сказал я.

— Согласна на «вольво», — сказала Ирка и захохотала басом.

Мне хотелось побывать в квартире певца Вени до темноты — чтобы не зажигать там света. Я надеялся, что Пронькин в черном плаще не останется там надолго.

Я возвратился в тот двор. Джипа не было. Я позвонил для страховки из автомата. Никто не отозвался. Да я и чувствовал, что квартира пустая. Я иногда чувствую — есть кто-нибудь в помещении или нет. Это еще одно мое полезное качество.

Меня интересовали следы Люськи — привозили ли ее сюда? И зачем вообще она понадобилась рок-звезде? В то время я все же не допускал мысли о том, что ее исчезновение связано с тем миром. Да, я верил Егору, история с «мерседесом» тоже получила подтверждение. Моему разуму были куда милее версии, скажем, земного происхождения. Разумеется, чудеса на свете бывают, но в конце концов

они находят объяснения в пределах здравого смысла, если считать, что здравый смысл — понятие широкое.

Но профессионально я не был подготовлен к решению детективных задач и не мог снять отпечатки пальцев или изучить срезы волос — может быть, стоило подключить к нашим поискам милицию? Впрочем, разумнее действовать в пределах своих возможностей. У Шерлока Холмса не было отпечатков пальцев. Он упрямо не признавал дактилоскопии, но тем не менее раскрыл массу преступлений.

Допустим, что Люси здесь не было — ее отвезли на дачу, в Кострому, куда угодно. Значит, мне следовало узнать как можно больше о Малкине, чтобы понять, зачем ему надо было похищать девушку.

Чем дольше я оставался в той квартире, тем более я приходил к мысли о том, что здесь я не отыщу истинных следов Малкина. Квартира еще не была достаточно обжита, в ней не было забытых уголков и заповедных мест.

Она была сродни гостиничному номеру. Впрочем, я мог ошибаться — цирковые и эстрадные люди порой настолько привыкают жить по гостиницам и общежитиям, где постоянно приходится срываться с места и перевозить в новое жилище весь свой скарб, что они умудряются прожить всю жизнь без ненужных пустяков, обязательных в обыкновенной квартире.

Хорошо, сказал я себе, что же интересовало Веню Малкина в последние дни его жизни в этой квартире...

Но почему я говорю о последних днях? Есть лишь одно свидетельство, принадлежащее Пронькину, что Малкин исчез, слинял, не существует в Москве. Но разве не может так случиться, что Малкин сейчас откроет дверь, заявится с гастролей и очень удивится, увидев меня?

Подумав так, я стал прислушиваться, не поворачивается ли в двери ключ.

И это меня спасло.

Ключ повернулся тогда, когда я стоял перед открытым небольшим холодильником, вторым на кухне, в котором хранились лекарства в количестве и разнообразии большем,

чем необходимо молодому человеку. Названия некоторых из них были мне совершенно незнакомы, и я решил, что будет разумно запомнить их. Скажи мне, чем ты болеешь, и скажи я, кто ты...

И тут я услышал, как в замке поворачивается ключ.

Как хорошо, что я закрыл за собой дверь на оба ключа. Это дает мне минуту на то, чтобы спрятаться.

Не так легко спрятаться даже в просторной квартире. Голова работает бестолково, взгляд мечется по комнате, ноги мысленно тащат тебя под кровать в спальне, но мне нужно было спрятаться поближе к двери. В случае, если Малкин соберется спать, мне желательно бы выбраться оттуда незамеченным. А лежать под кроватью — не лучшее решение.

Дверь заскрипела, открываясь, — он повернул второй ключ быстрее, чем я рассчитывал.

В тот момент я был в большой комнате.

И мне было некуда спрятаться.

Поэтому я просто залез под рояль. Если бы хозяин дома немного наклонился, ему бы ничего не стоило меня увидеть.

При всех недостатках моего укрытия у него были и достоинства. К примеру — высокая стопка книг. Не дождавшись книжного шкафа, она лежала бруствером между роялем и комнатой. Так что случайно меня увидеть трудно.

Я отполз к стене и свернулся там калачиком. Теперь мне были видны ноги людей, но об их головах я не имел представления.

Ноги протопали по коридору. Затем появились в поле моего зрения. Две пары. Одни в блестящих ботинках, такие, наверное, носят в британской палате лордов. Вторые в грубых пижонских башмаках на толстой подошве. Ноги в ботинках семенили часто и мелко, ноги в башмаках шагали редко и широко.

— погоди минутку, — сказал голос Пронькина. Я узнал его сразу. — Сейчас я тебе все покажу.

Они отошли к стене. Пронькин привстал на цыпочки, затем тяжело вздохнул и поставил на пол у стены картину —

голландский пейзаж с мельницей и парусником на горизонте. Главное в картине была позолоченная рама. Я эту картину заметил, но как-то не придавал значения, полагая, что она часть будущего интерьера.

— Ого,— сказал низкий голос.— Швейцарский?

— Точно не знаю,— ответил Пронькин.— Кажется, японский. Тебе же, Гаврила, лучше знать. Кто из нас специалист?

И тут, даже не видя, что там в стене или на стене под картиной, я догадался, что они разговаривают о сейфе.

— Сможешь? — спросил Пронькин.

— Плевое дело.— Человек в башмаках постучал чем-то по дверце сейфа. Дверца глухо, негромко отозвалась.

— Тогда начинай,— сказал Пронькин.

— Иди кофе свари,— распорядился Гаврила.

Пронькин отправился на кухню.

Человек по имени Гаврила, очевидно слесарь по сейфам, бухнул на пол чемоданчик, какие бывают у водопроводчиков, затертый и потрепанный. Он опустился перед ним на корточки, и теперь — стоило бы ему посмотреть под рояль — он бы меня увидел. К сожалению, я не могу внушить человеку, что меня нет вообще. Не получается. Так что пришлось затаить дыхание и молить небо, чтобы он не поглядел в мою сторону.

Небо смиростивилось.

— Как же ты умудрился ключи потерять? — спросил Гаврила.

— Я же сказал — обокрали. Дачу обокрали, а ключи на даче были.

Гаврила выпрямился.

— Где у тебя штепсель?

— Поищи,— сказал Пронькин.— Я сюда недавно переехал. Сам еще не все знаю.

— Туманный ты человек,— рассмеялся Гаврила. Смеялся он сурово, будто ему и не было смешно, но требовалось издавать определенные звуки.

— Тебе будет заплачено, — сказал Пронькин, возвращаясь в комнату. — Сахар в кофе я положил.

— Ладно, поставь на пианино.

Пронькин подошел к роялю. Мне были видны его сияющие ботинки. На носке я увидел пятнышко. Мне так захотелось его стереть, что я еле удержался.

Башмаки Гаврилы тоже подошли к роялю. Гаврила отхлебнул кофе и сказал:

— Слабо завариваешь.

— Я не знал, как ты любишь.

— Не важно. А что ты из фирмы не вызвал?

— Не хочу чужих людей сюда пускать, — сказал Пронькин.

— Нужные бумаги, говоришь? — Гаврила прошел к стене, затем я увидел, как он включает дрель в штепсель, который был у самого плинтуса. Дрель зажужжала. Сначала низко и ровно, потом взвизгнула, столкнувшись с металлом. Мне казалось, что сейф должен сейчас взвыть от боли.

Когда дрель завизжала, Пронькин отчаянно завопил:

— Нельзя потише? Весь дом перепугаешь!

— Пускай привыкают, — отозвался Гаврила.

Дрель жужжала, Гаврила переступал с ноги на ногу, подбираясь к замку, выискивая в дырке нерв.

— Я не могу, — заявил Пронькин и вышел из комнаты.

Но тут же вернулся, и я понял, что бумаги, забытые в сейфе, слишком ценны, чтобы доверять их слесарю или взломщику.

Мы оба терпели — только мне было труднее, потому что я терпел, скорчившись под роялем, а Пронькин — сидя на диване. Правда, я мог без боязни шевелиться и даже греметь костями, потому что скрежет, стоящий в комнате, мог заглушить даже предсмертные вопли.

Не знаю точно, сколько это продолжалось — но долго.

В середине операции снизу начали стучать. Но стук лишь придал Пронькину отваги.

— Давай! — крикнул он. — Скорее! Не обращай на них внимания! Быдло собачье!

А потом вдруг скрежет прервался. И стало так тихо, словно у меня отключили уши. Нет, шум остался — тот шум, что возникает в голове, если ты ушел под воду.

Раздался скрипучий металлический звук, и Пронькин объяснил его для меня:

— Японцы-японцы, а петли не смазаны.

Две пары ног стояли близко от меня, повернутые носками к стене — рассматривали содержимое сейфа.

— Ну все, — сказал Пронькин. — Я тебе благодарен. По-надобишься, позову. Держи. Тут пятьсот, как договаривались.

— Это была предварительная договоренность, — интеллигентно возразил взломщик. — Теперь цена увеличилась вдвое.

— Послушай, Гаврила, — сказал Пронькин. — Я спешу, шеф на даче. Тебе нет смысла портить с нами отношения.

— А вот я и не знаю, с кем рискую испортить отношения, — ответил Гаврила. — Потому что ты мне не нравишься, директор. Все в Москве знают, что Веня уж неделю нигде не возникает.

— Я же сказал — он на даче. Отдыхает. На Валдае.

— Да ты его на Валдай за миллион баксов не затащишь, — рассмеялся Гаврила. — Думай, Пронькин. Вени нет, ты меня срочно тащишь к нему на новую хату — вроде бы ты потерял все ключи. И еще от сейфа. Чудо какое-то — от входной двери ключи не потерял, а от сейфа потерял. К тому же ты предлагаешь мне за работу пятьсот баксов — да когда такие деньги у тебя водились?

— Это не мои деньги, — быстро возразил Пронькин. — Это деньги Вени. Я действую по его распоряжению.

— Ладно, я пошел, — сказал Гаврила. — Но ты знаешь, что я тоже знаю в Москве разных людей и могу позвонить по одному-двум телефонам.

— Нет,— сказал Пронькин,— ты не будешь звонить по телефонам.

Ноги в башмаках стали отступать к двери.

— Ты чего? — сказал Гаврила. Что-то его испугало.— Ну ладно, поговорили, и хватит. Я пошутил, понимаешь — мне ничего, кроме бабок, не нужно. И гарантирую молчание ягнят. Не бойся, Пронькин.

— К сожалению, я не могу тебя отпустить,— сказал Пронькин.— Я сомневался, а теперь наверняка знаю, что ты продажная тварь, Гаврила. И может, даже шпион.

— Да кончай ты...

Ноги Гаврилы были уже в дверях. Он давал Пронькину выговориться. Как в кино, где герой по воле автора заставляет негодяя высказать все свои злодейские мысли, а в последний момент хватает его за горло. Ничего подобного не произошло. Почему-то Гаврила сказал:

— Стрелять нельзя, услышат.

— У меня он тихий,— сказал Пронькин. Затем последовал выстрел, в самом деле негромкий... Гаврила медленно сполз на пол, и я получил редкую возможность разглядеть его вблизи — голова слесаря с черной дыркой над бровью, из которой не вытекало никакой крови, мягко легла у ножки рояля. Глаза были полуоткрыты.

Пронькин начал быстро собираться, что-то засовывать в «дипломат», который лежал, открытый, на стуле. Он невнятно бормотал и в своих движениях по комнате старательно обходил тело слесаря, но так спешил, что невзначай — мне было видно — наткнулся на него и от страха перепрыгнул. Затем побежал из комнаты, вернулся с одеялом, взятым с кровати. Он накрыл одеялом тело слесаря, и, видно, это его успокоило. Движения Пронькина стали более осмысленными.

У меня страшно затекла нога, и я решил повернуть ее — от этого меня пронзила боль, такая, что я чуть не подпрыгнул под роялем. Шума, произведенного мной, оказалось достаточно, чтобы Пронькин замер и стал огляды-

ваться. Мне было видно, как поворачиваются, пританцовывая, его ботинки.

К счастью, заглянуть под рояль он не догадался, а побежал к окну и стал выяснять, что могло вызвать шум.

Не выяснил, захлопнул «дипломат».

Еще потоптался немного и поспешил прочь из дома.

Мне было слышно, как он собирается в коридоре, наконец, надевает свой блестящий плащ и шляпу. Ну что ж, прощай, Пронькин.

Хлопнула дверь. Проклиная все на свете, я выполз из-под рояля и, распрямившись, на минуту застыл, ожидая, пока кровь снова потечет по сосудам. Но, борясь с болью, я не переставал осматриваться. И тут обнаружил, что дверца сейфа открыта.

Пронькин не считал нужным тратить время на приведение квартиры в порядок. Впрочем, трупам, вокруг которых валяются инструменты для вскрытия сейфа, открытая дверца вполне соответствует. По крайней мере, стороннему наблюдателю ясно, что взломщика застал хозяин дома и убил на месте. В пределах допустимой обороны.

Старательно обойдя накрытый одеялом труп — здесь хозяин дома, убивший взломщика, поступил странно, но пускай в этом разбирается милиция, — я подошел к сейфу. И правильно сделал, что заглянул туда. Ведь часто люди хранят в сейфах не только деньги, но и вещи куда более ценные.

Я только протянул было руку к сейфу, как остановился и сделал шаг к окну. Называйте это интуицией или присущей мне осторожностью.

Но я выглянул в окно как раз в то мгновение, когда несчастный Пронькин — «дипломат» в руке, шляпа ни ушах — вышел из подъезда и направился к своему джипу «широкому».

Погода испортилась, начался дождик, и потому ни одной бабушки на скамеечке у подъезда не оказалось.

Из-за джипа вышел коротко стриженный человек в оливковой куртке, в маленьких круглых очках, которые

носят отрицательные негры в американских фильмах, иде положительные негры ходят без очков.

Он что-то сказал, Пронькин попытался побежать в сторону, но так как перед этим двигался вперед, то лишь пошатнулся, а человек в куртке несколько раз выстрелил в него.

Пронькин упал.

Человек подошел к Пронькину и выстрелил ему в голову. Пронькин дернулся. Я почему-то подумал, что до выстрела в голову Пронькин был жив, только притворился мертвым, надеясь, что убийца уйдет. Но убийца не ушел.

Человек в очках поднял валявшийся на бурой траве «дипломат» и кинулся к своей машине — черной, иностранной акуле, марки которой я не знал.

Там был еще один человек — водитель.

Убийца сел в машину и перед тем, как она рванулась с места, выбросил на траву пистолет.

Машина задом выехала со двора.

Так кончилось мое участие в криминальной разборке.

На балконе в соседнем подъезде появился мужик в халате. Он внимательно разглядывал Пронькина, лежавшего головой в луже. Где-то близко закричала женщина — так громко, что звук голоса пронзил закрытое окно и вызвал у меня укол зубной боли. Теперь они вызовут милицию. У меня есть минута. Вряд ли больше. Я вновь кинулся к сейфу, выхватил оттуда бумаги — их было немного. Не глядя, рассовал их по карманам куртки, застегнул ее уже на пути к двери.

Мне некогда было думать о таких обязательных штуках, как отпечатки пальцев. Я очень надеялся на то, что внимание зрителей приковано к телу Пронькина, убитого во дворе, им некогда смотреть на тех, кто выходит из подъезда.

К сожалению, я был без кепки — не люблю, когда у меня что-то на голове. Так что, понадеявшись на свое везение, я вышел из подъезда.

За две минуты, которые я потратил на грабеж сейфа и бегство из квартиры, по крайней мере полдюжины человек успели спуститься, сбежаться, сойтись к труп. Они оживленно жестикулировали, какая-то женщина сидела на корточках и щупала пульс у убитого Пронькина. Мне надо было уйти так, чтобы не вызвать подозрений. Поэтому я направился к группе людей вокруг трупа и оказался одним из тех, кто туда стекался. Я даже не стал заглядывать через головы зрителей на Пронькина, а сделал вид, что уже наслаждался зрелищем, и пошел прочь со двора. Никто не смотрел мне вслед.

Когда я вернулся в лабораторию и принялся рассказывать Калерии и Сане Добряку о приключениях, пережитых мной, никто не упал в обморок и не завопил, что теперь не будет спать ночь. Мне просто не поверили. Тогда я потребовал, чтобы Калерия звонила в милицию, потому что я могу описать убийцу Пронькина и — больше того — я свидетель тому, как Пронькин убил слесаря по прозвищу Гаврила.

Вот тут они мне поверили, и Калерия стала нажимать кнопки на своей телефонной книжке, стараясь сообразить, как нам выполнить мой гражданский долг, но не попасть в подозреваемые, не объяснять недоверчивым милиционерам, что я попал в квартиру певца Вени по службе и что вообще бывает такая научно-исследовательская служба, и ходе которой ты лазаешь в пустые квартиры.

В конце концов Калерия ушла в дирекцию, а пока ее не было, примчался Яков Савельевич, по прозвищу Воробышек, один из наших медиков, он все делал на лету, такой он был легкий и воздушный.

При виде рецептов, бумаг и медицинских карт, вытасканных мною из сейфа и домашней аптечки, он взлетел над нашей комнатой, покружил в воздухе и, улетаая, сообщил, что подробно все расскажет Калерии, когда она найдет для него время, но для моего необразованного сведения

он сообщает, что господин Малкин Вениамин Ильич, к сожалению, страдает не только наркоманией, но и самым настоящим СПИДом, причем недавно еще он был всего-навсего вирусоносителем СПИДа, а с недавнего времени, скажем месяц с небольшим назад, болезнь перешла в активную форму. Есть ли в этом сомнения? Нет, в этом у Яши Воробышка не было сомнений.

Яков Савельевич упорхнул к себе совершать открытия, а мы с Добряком сильно задумались.

Вернулась Калерия. Еще от двери она объявила, что сейчас придет Миша. Мы ее не услышали — нам не терпелось сообщить ей, какой диагноз поставил знаменитому Вене Малкину наш Яша Воробышек.

Не надо обвинять меня в бессердечности и тупости. Да, я только что был свидетелем смерти двух человек, я видел их трупы. Мне не приходится видеть трупы или насильственные смерти дважды на день. Даже в нашем больном обществе это бывает не так уж и часто. Больше того, я признаюсь, что боюсь мертвецов, мне и смотреть на них страшно.

Но все, что произошло со мной в квартире Малкина, было кадрами из американского боевика или в крайнем случае из нашего крутого фильма. Ко мне лично это не имело никакого отношения. Это было, скорее, экзотично, чем страшно. Кроме того, даже в момент стрельбы и смерти мои мысли были заняты другим — как бы меня не обнаружили под роялем, как бы мне успеть заглянуть в открытый сейф и так далее.

Так что можно понять, почему мы с Саней так набросились на Калерию.

— В этом есть связи! — бубнил Добряк. — Ее надо нащупать.

— И нащупывать не надо, — вторил я. — Все ясно.

— Значит, так, — сказала Калерия. — Ты, Гарик, хочешь сказать, что если в том мире время стоит на месте, то там нет и болезней. Но это еще не доказано. Нам надо поговорить на эту тему с Егором.

— Вряд ли он нам скажет что-нибудь еще. Он все рас-
сказал.

— Ну, продолжай, раз ты такой умный.

— Допустим,— сказал я,— что есть некий человек Вени
Малкин. По какой-то причине он связан с тем миром —
мы ж допускаем, что такая связь может существовать...

— Если что-то существует, то это можно использовать
в своих интересах, о чем свидетельствует вся история че-
ловечества,— сказал Добряк, которому очень хотелось при-
нять участие в научной дискуссии.

— Допустим,— продолжил я,— этот Малкин — их по-
сланец или их агент в нашем мире. У него есть с ними
соглашение — он добывает им Люсю Тихонову, а его за это
берут в тот мир, где он отсиживается, ожидая, пока на
нашей Земле придумают средство от СПИДа.

— Очень уж литературное построение,— сказала Ка-
лерия.— Не исключено, что пропавший Малкин уже си-
дит в Америке, где его лечат в какой-нибудь дорогой
клинике.

— А Люся пирует на даче у своего любовника,— про-
должил я таким тоном, чтобы всем стало ясно: от своей
версии я не откажусь.

— И зачем тогда убивать? — спросил Добряк, которому
моя версия нравилась куда больше, чем банальный отъезд
в Штаты.

— Я хотела сказать, что Малкин куда-то уехал, без вся-
кой фантастики,— пояснила Калерия.

— Сейчас еще скажете, что и того мира не существует,—
совсем обиделся Добряк.

— Пока не скажу. И не перебивай меня. Итак, Малкин
уехал в Америку, но оставил в сейфе какие-то деньги и
драгоценности. Пронькин, директор его группы, знал об
этом и решил воспользоваться деньгами, полагая, что хо-
зяин уже не вернется.

— А кто тогда его убил? — спросил Добряк.

— Вернее всего, третий человек, который тоже знал о
драгоценностях Малкина и не хотел, чтобы Пронькин их

украл. Это уже дела уголовные. Но в любом случае тот факт, что у Малкина СПИД, второстепенен.

— Может, Люську уже в Лас-Вегасе надо искать,— вздохнул Добряк.— Продадут ее в дом терпимости, и начнется у нее жизнь, полная удовольствий и приключений.

— Саня, что ты несешь! — воскликнула Калерия.

— Он мечтает попасть в публичный дом,— сказал я.— Но не в качестве случайного гостя.

— Все,— остановила нас Калерия.— Пошутили — и прекратили. Сейчас приедет Миша...

Тут позвонила секретарша директора Елена Ивановна, которая вполне могла руководить институтом не хуже любого академика, но была так добра, что распустила бы институт по домам.

— Лерочка,— сказала Елена Ивановна,— тут к тебе приехал полковник в штатском.

— Откуда вы догадались? — удивилась Калерия.

— Лерочка, вы не представляете, какой у меня богатый жизненный опыт по части полковников в штатском,— засмеялась Елена Ивановна.— Они уединились с шефом в кабинете. Вы заглянете?

— Бегу!

Но прежде чем уйти, Калерия предупредила меня:

— С Мишей будь как на духу... исключая наши служебные тайны.

Она оставила меня в растерянности, потому что я не представлял, в чем заключаются наши служебные тайны, о которых не положено знать полковнику Мише. Или дяде Мише, как его называют сотрудники и (за глаза) я, когда мы встречались с ним в прошлом году.

— У него не появилось чувство юмора? — спросил я.

Лера не ответила.

...Полковник Миша допрашивал меня в пустом кабинете кадровика, который вот уже третий месяц, с тех пор как директор решил сам подбирать кадры, в институте использовали для конфиденциальных встреч и выяснения личных отношений.

Мы сидели по обе стороны оставшегося от многих поколений кадровиков расшатанного канцелярского стола. Под стеклом лежал прошлогодний календарь. Справа на тумбе стоял комнатный сейф, слева кренился шкаф, набитый личными делами и протоколами.

Дядя Миша с последней нашей встречи не изменился. У него было скучное, незапоминающееся лицо. Говорил он тихо, вел себя скромно, но обладал той начальственной жилкой, которая заставляет нас, смертных, отвечать на его вопросы.

Поздоровавшись и спросив меня, не женился ли я, он тут же сказал, что все кассеты с допросами Егора он сегодня ночью просмотрел. Значит, первой служебную тайну выдала сама наша начальница. Я еще не начал участвовать в кровавых разборках, а в каком-то отделе МВД некий дядя Миша не спал, как и положено чекисту, и вслушивался в речи Егора Чехонина.

Впрочем, мне было выгодно, что он в курсе наших дел — по крайней мере, он сможет понять, почему я оказался в чужой квартире. Я не просил оправданий, но хотел, чтобы меня поняли.

Для этого я несколько подробнее, чем следовало, поведал о том, как сидел под роялем, и постарался внести в рассказ элементы юмора. Но полковнику, как я и опасался, мой юмор не нравился. Он откровенно поморщился, но смолчал.

— Почти все ясно,— сказал дядя Миша, когда я закончил рассказ.— Ключи у тебя были?

Я пожал плечами. Зачем мне ключи?

— И в сейфе ты успел покопаться?

— Там были рецепты, которые я отдал Якову Савельичу. Оказалось, что у Малкина СПИД.

— Как же, слышал,— ответил полковник. Словно речь шла о переходе улицы в неположенном месте.

Мы помолчали.

Потом я спросил:

— А как мне быть со свидетельскими показаниями? Ведь я — свидетель двух убийств.

— Наговоришь на пленку, — сказал дядя Миша. — Больше от тебя ничего не требуется.

Обнаружилось, что не мы одни разыскивали певца Малкина, который должен был улететь на гастроли в Петербург. Оказывается, он отменил гастроли и объявил всем близким, что уезжает в отпуск. Но затем исчез. Начала беспокоиться его предыдущая жена, живущая на даче в Переделкине. У нее были с бывшим мужем какие-то финансовые дела. Она, не найдя его, обратилась в милицию. Милиция, на горе слесаря и Пронькина, которые в ином случае остались бы живы, не стала торопиться. Милиция никогда не торопится, если к ним обращаются бывшие жены.

Позвонил Яков Воробышек. Он, в отличие от милиции, не терял времени даром. Отыскал врача, который наблюдал певца, и тот категорически отказался признать, что у пациента СПИД. Видно, и певец и врач боялись огласки, хотя наверняка врач нарушал какие-то правила поведения. Под давлением легонького, но настырного, как комар, Якова Савельича лечащий врач признался, что Веня делал анализы на СПИД в Венгрии и Америке, где был на гастролях. Разумеется, Веня страшно переживал и даже собирался покончить с собой. Его карьера стремительно неслась вверх, и к страху смерти у него примешивалось бешенство от бессилия денег — а денег у Вени было много. Не только от выступлений. С доктором, знающим твои самые страшные тайны, пациенты становятся разговорчивы. Веня нашел способ зарабатывать какие-то колоссальные деньги и делал это с одной исключительно целью — купить себе жизнь. Лечащий врач был настроен к этому скептически. Ведь СПИД в последние годы убил таких людей, как Рок Хадсон, Меркьюри или Нуриев, — а уж их к беднякам не отнесешь. Веня все равно утверждал, что за деньги можно купить все, и чем громче он кричал об этом, тем меньше сам в это

верил. Тут наш Воробышек спросил, не был ли певец связан с мафией, с преступным миром. Часто бывает, что мафия любит меценатствовать, а певцам нравится близость к силе, к власти, к преступлению. Чаше всего мафиози отстегивают звездам деньги, спят с ними, но редко допускают до своих дел. Возможно, Веня был связан с мафией, но вряд ли.

А вот в сводке, оставленной полковником Мишей, говорилось иное.

Милиция знала то, что было неведомо корыстному лечащему врачу. Оказывается, Веня Малкин был не одинок. Помимо нескольких жен, которых он подбирал по внешним признакам и выставлял напоказ как часть реквизита, у него был близкий друг, любовник. И притом темная личность с уголовным прошлым и настоящим. Личность эту звали Барбосом (а если нежно, то Барби). Он в юности побывал в борцах вольным и классическим стилям, где познал открытую честную мужскую дружбу и любовь. Веню он любил и берег, был он не только любовником, но и крышей певца.

О Пронькине Миша лишь сообщил, между прочим, что он близок к Вене, однако в последнее время между ними возникли разногласия, потому что Барбос в сердцах и при свидетелях клялся, что замочит Пронькина, но, видно, Вени его отговорил.

— Значит, остаемся при нашей версии? — спросил Саня. — Малкин рванул в тот мир и захватил с собой Люсю.

— Ты провидец, — сказал я. — А первая версия, как нас учит Агата Кристи, всегда самая неверная. Потому что слишком простая.

— Все гениальное просто, — скромно возразил Саня.

Рабочий день подходил к концу. За окном стало темнеть, и по стеклу поползли прозрачные червяки дождевых капель.

— Что-то Тамара задерживается, — заметила Калерия.

— Она поехала из театра домой, — сказал Саня.

— Она звонила?

— Нет, это моя простая версия.

Добряк пошел пешком — он живет недалеко от института, Калерия подвезла меня, благо крюк невелик, на своей «шестерке».

— Ты позвонишь Тамаре? — спросила она.

— Знаете же, что позвоню.

— Что-то я беспокоюсь, — сказала Калерия.

Как пришел домой, я сразу позвонил Тамаре. Никто не отвечал. За вечер я звонил еще несколько раз. Безрезультатно. Потом телефон был занят, я было обрадовался, но сообразил, что звоню не я один.

В одиннадцать мне позвонила Калерия:

— Ее нет.

— Знаю.

— Надо будет утром с ней серьезно поговорить, — сказала Калерия. — Что за манера такая — не являться домой допоздна!

Калерия себя успокаивала.

— Может, мне поехать туда?

— Поговорить с ночным сторожем?

— Сам не знаю.

— Иди спать.

— А вы?

— Я тоже буду спать... а может, позвоню Мише. Да, сейчас я позвоню Мише, посоветуюсь с ним, а если все в порядке, то пойду спать.

— Пожалуйста, позвоните мне, — попросил я. — Мне неудобно в такое время поднимать вашу семью.

— Моя семья пока спать не собирается.

Прошел еще час.

Калерия позвонила мне сама.

— Конечно, это глупо, но меня мучают предчувствия. Я звонила Мише. Он проверил по сводкам — существа, подобного нашей Тамаре, в больницы или морги не поступало.

— Это еще ничего не значит, — сказал я неуверенно, чтобы успокоить женщину.

— Я за тобой заеду? — спросила Калерия.

— Я буду ждать внизу,— сказал я.

Было больше одиннадцати. Погода совсем испортилась. Темнота была какая-то осенняя. Фонари в моем переулке взяли, видно, перерыв до утра, машина Калерии медленно приближалась по переулку, светя себе фарами, как человек с фонариком в дремучем лесу.

— Садись сзади,— сказала Калерия.

Там уже сидел дядя Миша.

Он устал и был зол. Он хотел спать, а не разыскивать неразумных девушек.

Но власть Калерии над ним, как и над рядом других людей, была столь велика, что Миша делал вид, будто он всегда по ночам разыскивает чужих сотрудники.

— Я попросила Мишу,— сказала Калерия, выводя машину на более-менее освещенную улицу,— потому что нас с тобой могут не пустить в театр. А мы должны вести себя деликатно.

Самый деликатный способ — взять с собой полковника милиции, хотел сказать я. Но, естественно, не сказал. Мне в институте еще работать и работать.

— Я представляю, где она находится,— сказала Калерия.— За сценой, среди декораций.

— Разумеется,— сдержанно согласился полковник.

— Но с ней что-то могло случиться.

— Могло,— сказал полковник и потом, чтобы поддержать беседу, спросил: — И давно она в театре?

— Днем поехала.

— И что же она там искала?

— Мы точно не знаем.

— А она знала?

— И она не знала! — сказала Калерия.

Она не издевалась над полковником, и тот, видно, понимал это, но не удержался и фыркнул — отчего я понял, что все-таки у Миши есть чувство юмора.

Конечно, в театре был ночной сторож. Конечно, этот сторож крепко спал и, когда полковник дозвонился до него, вышел встрепанный и безумный, как пушкинский мельник.

Миша показал ему свои документы и объяснил, разумная душа, что проводится рейд на наличие в нежилых помещениях бомжей и непрописанных вьетнамцев.

Сторож раздвинул космы, скрывающие его физиономию, как у кавказской овчарки, и обнаружил под ними вполне юное лицо.

— За время дежурства, — обратился к нему Миша, — что делали в театре посторонние люди?

— Это кто же посторонние? — спросил сторож лживым голосом.

Полковник сразу сделал стойку.

— А кто был? — спросил полковник. — А вот это мы и проверим. — Миша повернулся к нам: — Шума не поднимать, не разговаривать. Мы находимся на спецоперации.

— Свет зажигать? — спросил сторож.

На стороже была курточка и джинсы, но во время разговора с нами он извлек откуда-то зеленую форменную фуражку со звездочкой и напялил ее.

— Свет будем зажигать по мере продвижения, — сказал полковник. — Сегодня спектакль был?

— Только утренний, — сказал сторож. — Эпидемия гриппа, понимаете, три исполнителя простудились.

— Когда разошлись актеры и техсостав?

— Ну, в три часа уже никого не было. Нет, Катя Смирнова оставалась еще... Звонила насчет аренды.

— Кто такая?

— Наш администратор.

— Что было потом?

— Потом я заступил.

— И кого увидели?

— Да никого я не видал!

— А что делали?

— Что всегда. Почитал Канта, потом конспектировал Платона. Потом спать лег.

— Про Канта это вы всем проверяющим говорите? — спросил Миша.

Ответ сторожа ему не понравился, может, потому, что он давно не брал в руки Канта и оттого сердился на тех, кто находит время на философию.

— Готовишься в университет? — спросил милиционер.

— Уже выгнали, — ответил сторож.

Сторож мне нравился. Он был человеком независимым.

— Ну пошли, — сказал Миша.

— Куда?

— Примерные заперты?

— Примерные заперты, административные помещения заперты — можете проверить: все ключи на доске.

Миша проверил, все ли ключи на месте. Оказалось, что все. Впрочем, это ничего не доказывало.

— Пошли за кулисы, — распорядился Миша.

— А там-то что искать? — спросил сторож.

— Бомжей, — сказал милиционер.

— И охота вам была... — Но сторож уже шел с нами по коридорчику вдоль основного зрительного зала, потом мы прошли узким коридорчиком на сцену.

— Свет! — приказал Миша.

Сторож включил рубильник.

Высоко, под самой крышей, зажглись яркие лампы, но свет их еле достигал пола. За кулисами было гулко, пусто и пыльно. Тянуло холодом.

— Никаких странных явлений не наблюдалось? — спросил Миша.

— Каких странных?

— Посторонних людей, предметов?

— Это спрашивайте у администрации, — сказал сторож. — Мне об этом не сообщают.

Мне захотелось задержаться здесь, посмотреть внимательно — может быть, остались следы. Надо было взять с собой Егора. Он показал бы точное место перехода между мирами.

Милиционер Миша быстро прошел между висящими декорациями в глубину сцены, оказавшейся громадной, как

робор. Миша нигде не задерживался. Мы с Калерией по-
корно следовали за ним, полагаясь на его умение ловить
моумышленников.

Либо нюх подводил милиционера, либо в самом деле
здесь никого не было, но мы прошли все театральное «за-
зеркалье», повернули назад, еще раз обыскали кулисы —
никого. Даже я уже встревожился.

И тогда Калерия спросила:

— Вы сегодня не видели в театре девушку... молодую
женщину, блондинку, крашеную блондинку двадцати ше-
сти лет, зовут Тамарой, очень красивые ноги.

— Красивые ноги? — спросил сторож.

Эти слова были рассчитаны лишь на то, чтобы отвлечь
наше внимание. Неожиданно сторож рванулся в сторону
и исчез в темноте. Лишь кроссовки шаркнули вблизи — и
тишина!

— Это еще что означает? — воскликнула Калерия.

— Вернее всего, это означает, что сторож знает куда
больше, чем говорит. И дела вашей Тамары плохи! — от-
ветил полковник.

«Может, он оттуда! — подумал я. — Они заподозрили не-
ладное — наша-то красавица всем, наверное, намозолила
глаза. И ликвидировали ее».

— Гарик, не отвлекайся на глупости, — сказала Кале-
рия. — Даже мысленно.

— За мной. На цыпочках! — скомандовал Миша. Про-
фессиональная интуиция ему что-то подсказала.

И он кинулся бежать по лестницам, а мы спешили
за ним, запыхавшись и разбивая локти и коленки в тем-
ноте.

Мы бежали по темному узкому коридору. По сторонам
угадывались двери.

И вдруг я увидел — как лезвие раскаленной бритвы, как
отрезок молнии — свет из-под одной из дверей.

Миша прыгнул к этой двери, рванул ручку, дверь рас-
пиралась.

Тамара сидела на узком кожаном диванчике, поджимая ноги.

— Ой! — сказала она.

Мы все ввалились в комнату, но милиционер тут же кинулся в коридор и через несколько секунд втолкнул сторожа.

— Что и требовалось доказать, — произнес он.

— Только без рук! — заявила Тамара. — Аркадий ни в чем не виноват. Он мне помогает выполнять задание.

Рядом с диваном стоял низкий столик. На нем две бутылки пива, открытые, пустые, два стакана и что-то в рваной яркой иностранной упаковке.

— Ну, слава Богу, — сказала Калерия, садясь на диванчик рядом с Тамарой. — Меня уже ноги не держат.

— А чего такого? — Тамара была растрепана даже больше, чем в обычной жизни. Я подумал, что она старалась быть похожей на сторожа Аркадия.

— Вы о Канте разговаривали? — спросил полковник Миша.

— Да вы что! — возмутилась Тамара. — Я же говорю, что я здесь на задании. А ваш Кант сюда даже не заходил.

Полковник Миша был молод и в штатском, потому Тамара не смогла оказать ему всего уважения, которое положено полковникам.

— Я думаю, что я вам больше не пригожусь, — сказал Миша.

И удивительно — в голосе его не было упрека.

— Я вас подвезу, — предложила Калерия.

— Нет, спасибо, вам же нужно обсудить результаты задания, — сказал полковник и быстро вышел. Калерия не успела его остановить.

— Мы все морги обыскали, — сказала Калерия. У нее был голос мамы, дочка которой вернулась домой под утро.

— Меня в морг калачом не заманишь, — сообщила Тамара, как всегда не к месту используя народную мудрость. Скажи, Аркадий, разве мы не работали?

— Мы? — Аркадий удивился. У философов не бывает такой легкости мышления, как у проштрафившихся дочек.

— Только я не ходила в эти пыльные трущобы, — сказала Тамара. — Зачем ходить, если Аркадию все равно надо обходить их дозором?

— И чего же вы искали, Аркадий? — спросила Калерия у философа.

— Чужого мужчину, а разве вы не знаете?

— Горю желанием узнать.

Тамара провела ручкой по волосам и смутилась. Раскрыла сумку, достала щетку и стала приводить себя в порядок, глядясь в круглое зеркальце.

— Тамара предположила, — сообщил нам Аркадий, — что в нашем театре может находиться окно в параллельный мир. Но его сторожит некий человек, чужой для театра, который появляется именно тогда, когда окно должно открыться. Правильно?

— Продолжайте, — сказала Калерия.

— С точки зрения избирательности фатума, — сказал философ, — в том нет ничего интересного и особенного. Я вам должен сказать, что числю себя солипсистом. То есть окружающий мир мне только кажется. Существу в нем только я. Понимаете?

— Чего же не понять? — ответила Калерия. — Это уже во многими случалось.

Философ не уловил иронии и продолжал:

— Разумеется, именно ко мне стягиваются нити всего необычного. Я даже допускаю, что параллельный мир, о котором грезит Тамара, рожден в моем воображении.

— И Тамара? — не удержался я.

— И Тамара, разумеется, и Тамара. Ее функция в моем мире — приносить мне чувственную радость.

— Допрыгалась, — сказала Калерия. — А я думала, что ты у нас лаборанткой работаешь.

— Он же шутит! — возразила Тамара.

— О нет! — с пафосом воскликнул сторож. — Я уже не раз наблюдал, что мое ощущение женского тела не соот-

ветствует общепринятому. Я не боюсь обидеть вас, Тамара, но вы были теплой резиновой игрушкой и в то же время рыбкой, которая скачет на сковородке.

— С ума можно сойти,— сказала Калерия.— Как порой мы, женщины, обманываемся в идеале.

— А я его за идеал и не держала! — сказала Тамара. У нас было соглашение.

Философ горько вздохнул, а Калерия безжалостно заявила:

— Какое счастье, что Тамара вам только кажется, Аркадий. Иначе вы бы на нее обиделись.

— Вот именно,— сказал философ и так энергично взмахнул головой, что космы полностью закрыли его лицо, если не считать покрасневшего кончика носа, пробившегося наружу.

— Так что же с параллельным миром? — спросил я. Никто не приходил?

— Не время для шуток,— оборвала меня Тамара.

У нас с Тамарой непростые отношения. Когда я впервые появился в лаборатории, Тамара решила, что я и есть ее долгожданный избранник. И она долго не могла простить мне неверности — то есть внимания к другим девушкам, например к Катрин, которую Тамара полагала слишком высокой, нескладной и неудобной. Сейчас Катрин была в отпуске — сдавала экзамены в аспирантуру. Этого ей тоже простить было нельзя. Как говорит Тамара: «Женщина рождена для счастья с мужчиной, а не с дипломом». Так что, махнув на меня рукой, Тамара все равно не простила мне равнодушия. И при любом удобном случае подчеркивали передо мной свою популярность в мире мужчин.

— Будем собираться? — спросила Калерия.— Время движется к утру. И сторожу спать пора.

— Я никогда не сплю на дежурстве,— сказал Аркадий.

— А зря,— заметила Калерия.— Если этот театр им только кажется, то какого черта его охранять?

— Правила игры,— ответил Аркадий.— По этим правилам я охраняю театр, а мне дают деньги, чтобы я питался

— Для меня слишком сложная логика,— сказала Калерия. И обернулась к Тамаре: — Ты привела себя в порядок?

— Я и была в полном порядке,— огрызнулась Тамара.—

К тому же на улице темно.

Я решил, что обязательно приду сюда с Егором. Пускай он попытается на месте воспроизвести события.

— Вам можно будет позвонить? — спросил я у Аркадия.

— Зачем? — удивился тот. Голос звучал глухо из-за завитков волос.

— К вопросу о параллельном мире,— сказал я.— Мне хочется поглядеть, где же наши миры соприкасаются.

— Не положено,— ответил Аркадий солдатским голосом.

— Я позвоню и приду, когда здесь будете вы. Другому человеку трудно объяснить...

— Господи! — вдруг рассердился сторож.— Неужели вам непонятно, что, во-первых, у меня нет дома телефона, потому что я веду экономный образ жизни. Во-вторых, никаких параллельных миров нет и быть не может. А вашу девочку я и пальцем не тронул. Если она нимфоманка, то лучше за ней следите.

— Я ухожу,— сказала Тамара.— Меня еще никто так не оскорблял.

Аркадий проводил нас до дверей. Он был надут и официален.

В машине Калерия набросилась на Тамару:

— Ты до сих пор не усвоила таких понятий, как служебная тайна! Нам придется с тобой расстаться. Я представляю, что ты там этому хиппи наговорила!

— Ничего не наговорила. Он же все равно в параллельный мир не поверил, мы с ним по кулисам лазили, а он руки распускал. А я терпела ради пользы дела. Ушел оверкам!

— Чего?

— Это английский язык,— сказала Тамара.— И это значит — бороться и искать, найти и не сдаваться. Амундсен.

Сообщив нам такой ворох исторических сведений, Тамара замолчала.

Только у своего дома, выходя из машины, она сказала

— И все-таки жизнь моя сложилась неудачно. Это так плохо, когда тебя не понимают!

— Число людей, посвященных в наши проблемы, катастрофически увеличивается,— сказала Калерия.

Шел дождик, мостовая поблескивала под светом фар и фонарей. По улице медленно ехала поливальная машина, разбрызгивая веера воды.

— Наверное, они не успели выполнить зимний план по поливу,— сказала Калерия.

— Нет,— возразил я,— они на сдельщине. Чем больше выльют воды и чем больше посыпят соли, тем скорее уедут отдыхать на Майорку.

— Ты думаешь, что стоит самому посмотреть за кулисами? — спросила Калерия.

— Да,— ответил я, не удивляясь. Я уже привык не удивляться Калерии.

— Пойдешь с Егором?

По сути дела, мы оказались в тупике. Верили мы Егору или нет, но после взрыва драматических событий, после довавших за исчезновением Люси, наступила гнетущая тишина. В театре Тамара ничего не нашла, певец исчез, директор убит, Барби «ищет милиция».

Поход в театр, который мы с Егором предприняли в понедельник, был данью долгу. Не более того.

— Вы твердите, что надо ждать,— говорил мне Егор. Но сами знаете, что Малкин уже не вернется. Он скрылся в том мире, прихватив с собой Люську, как плату за вход.

— Вряд ли все так просто,— возразил я.— Если Малкин знал о возможности уйти туда, то, уж наверное, он имел связи с ними раньше. Он — часть какого-то заговора. И ваш опыт, Егор, говорит о том же. Все встречи с ветеранами, сам метод отправки вас сюда...— Я говорил суконным языком плохого учебника, потому что сказать мне было нечего. Само существование того мира было бредом, и все, с ним

связанное, тоже было бредом.— Неужели ты в самом деле веришь в то, что какой-то там император Киевского вокзала шесть лет ждет, пока вырастет несравненная красавица, а затем говорит какому-то певцу: давай меняться, ты мне девицу, а я тебе время.

— Ага,— сказал Егор, и я понял, что он моих филиппик не слушал.— А Малкин неплохо придумал. Ведь времени там нет. Значит, и болезнь не может развиваться. Там же не умирают от естественных причин. Значит, Малкин решил рискнуть — он спасает свою жизнь и сидит там ровно столько, сколько понадобится времени врачам, чтобы изобрести лекарство от СПИДа. Наивно? А какой у него есть другой выход? Да никакие его деньги, никакая слава не помогут. Люди почище и побогаче его уже отправились к праотцам.

— Очень уж все это по-книжному,— сказал я.— Приключенческий роман. Красавица на далеком берегу. принц, лхта с белыми парусами. Ассоль подрастает и ждет своего принца.

— Я читал, я знаю,— сказал Егор.— Но вы там не были, и я был. И я видел этого императора Киевского вокзала и всю эту нечисть. Я знаю, что они все ненормальные — там нельзя долго оставаться нормальным. Помните, я вам рассказывал, что у них меняется кровь. Через несколько... не знаю, через сколько, но кровь человека изменяется настолько, что он уже не может вернуться. Представляете, Малкин посадил себя в вечную тюрьму. Но я боюсь за Люську...

— И все же у нас нет доказательств, что она именно там, в том мире. Ее могут прятать и здесь. У Малкина и его друга Барби много интересов в нашей действительности.

Мы вышли из метро у Нового цирка, где неподалеку жили Егор и Люся. Дождя не было, но дул пронизывающий ветер, которому удобно было разгуливать, размахивать ручищами на этой гигантской площади над Москвой-рекой. Далеко впереди махал сабелькой коммунистический октябренок Бумбараш. А может, это был Мальчиш-Хорошиш?

Для спектакля было рано, мы специально выбрали такое время. Но в театре был народ. Рабочие разгружали декорации, в зале шла репетиция. За полуоткрытой дверью из кабинета без надписи на двери низкий голос на одной ноте твердил о том, что такая аренда — не аренда, а грабеж.

— Мы по миру пойдем и станем посмешищем. Другое дело Ахметов. Ахметов предлагает реальные деньги, а нужно ему всего две комнаты...

— Нет, — ответил интеллигентный голос бывшего актера на ролях профессоров и дружественных коммунистам академиков прошлого. — Ахметову — решительное «нет».

— За этим скрывается подозрительная настойчивость! — прогудела дама и вылетела в коридор.

Это было крупное, гренадерского вида создание, выросшее из юбки и пиджачка. Она была вся надута — что подчеркивалось нелепой одеждой.

— А это еще что такое? Почему посторонние в театре? — зарычала дама при виде нас.

— Не бойтесь. — Я улыбнулся ей самой обворожительной улыбкой, специально отработанной для пожилых дам, находящихся при малой власти. — Мы комиссия из Института физики для проверки акустики помещений. Помните, вам звонили в четверг?

— Мне никто не звонил в четверг! — рявкнула дама, но поборее. — Мало ли кому здесь звонят в четверг? Вам какие помещения нужны? Где ваша аппаратура?

— Аппаратура будет. Сначала нам следует визуально ознакомиться со сценой и кулисами. Ну, вы понимаете?

— Я ни черта не понимаю! — ответила дама. — Я работаю в театральном искусстве уже тридцать с гаком лет, но еще никогда не видела такого хамского, бессовестного отношения к искусству! Он готов распродать театр оптом и в розницу. Ну нет! Коллектив этого не позволит.

Мы шли рядом. Я не знал расположения комнат, так что не спешил расставаться с дамой, надеясь вытянуть у нее нужную информацию.

— Трудно с деньгами? — спросил я сочувственно.

Егор покорно плелся сзади.

— Не то слово! Буквально не то слово. Приходится сокращать нужных людей.

— Вплоть до сторожей! — поддержал я.

— Со сторожами пока держимся, — сказала дама.

— А у меня здесь знакомый работал. Он ушел из университета и к вам устроился.

— Кем же он был в университете? — спросила дама.

— Студентом, конечно. Студентом-философом.

— Аркадий! — угадала дама. — Такой волосатый, философ. Уволился. Вчера или позавчера. А я, знаете, рада. Ненадежный человек. Были сигналы, что он водит сюда девиц и вообще здесь бывают люди!

— Но он же ночной сторож! — удивился я. — От кого могли поступать сигналы?

— У нас несколько сторожей, помещения большие, есть ценное оборудование. Но в большинстве своем сторожа — люди пожилые, бывшие военнослужащие. И ваш Аркаша в их среде был белой вороной. Вот они и подсматривали за ним... Странно? Так устроен мир. Борьба за место сторожа при театре! — Дама обернулась ко мне за пониманием.

— Ничего, — сказал Егор раньше, чем я успел его остановить, почувствовав, что сейчас он скажет что-нибудь лишнее. — В концлагере тоже бились за место на верхних нарах.

— Цинизм и спекуляция на прошлом, — сказала дама. — Вот такие, как вы и Аркадий, продали нашу родину.

Я не стал выяснять, кому Егор продал нашу родину, и быстро сказал:

— А у нас в институте сторожа требуются. Мне как раз сегодня наш кадровик говорил. Вы не дадите нам координаты Аркадия?

— По-моему, вы совершенно сошли с ума, — сказала дама. — Почему я, администратор театра, должна помнить адреса бездельников? Обратитесь в отдел кадров. Вот именно! И вообще пришла пора показать документы!

— С удовольствием, — сказал я и вытащил институтское удостоверение. На нем значилось «Институт экспертизы». Попробуй докажи, что в Институте экспертизы не интересуются акустикой.

— Вам дальше, по коридору, а потом там будет лестница направо, — сказала дама, с сожалением возвращая мне удостоверение. Она предпочла бы, чтобы я был самозванцем, и тогда она смогла бы отыгаться на мне за все неудачно прожитые годы.

Дама удалилась, а Егор сказал:

— Плохо дело. Аркадий ваш, оказывается, и был человек, которого мы искали.

— Может быть, — согласился я.

— А если Тамара провела ночь в его объятиях, — Егору Тамара не нравилась, уж очень откровенно она его игнорировала, — она все ему разболтала. Так что — прости и прощай...

Егор был мрачен. И я понимал его. Ему хотелось выговориться, высказать свои обиды на нас, и я ему не мешал. Мы поднимались по лесенке, и его голос догонял меня:

— Как же можно было посылать сюда глупую телку? ... Это был риторический вопрос. — К тому же нимфоманку.

— Пожалуй, ты преувеличиваешь.

Мы вошли в мир закулисья, сам по себе волшебный.

— Я не преувеличиваю. Вы поймите — я же вам рассказал страшную тайну! А вы ничего не поняли. Вы думаете, что это еще одна история про шестиногого тельца. Тут завязаны жизни многих людей. Люськина жизнь, наконец. А вы устами вашей Тамарки излагаете все черт знает кому!

— Мы зайдем в кадры, возьмем его адрес и поговорим. Сегодня же. И ты убедишься, что он уже обо всем забыл.

Ничего из этого не вышло. Мы ничего не отыскивали ни кулисами, потом прошли в кадры, где сидела молоденькая серьезенькая крольчиха в очках. Мы сказали, что администратор (и тут я ее изобразил — крольчиха чуть не померла со смеху), администраторша сказала, что мы можем взять адрес Аркадия.

— Мы были рады, что он уволился,— пискнула крольчиха,— никакой пользы от него. Одни сигналы. Вы знаете про сигналы?

— А какие?

— Я не записывала и не хранила бумажки. Но были сигналы, что он принимает в служебных комнатах гостей.

Это относилось, в частности, к Тамариному визиту.

— Были сигналы о разговорах и шуме за кулисами — вроде он созывал там целые вечеринки.

Вот это важнее.

— А точнее?

— Точнее не помню.

— А кто донес?

— Молодой человек! — вдруг взъерилась крольчиха — даже показала два верхних резца.— Почему я должна вам докладывать, и я не рассматриваю доносов...

В это время она продолжала перебирать карточки в картотеке. Замерла, замолчала и начала перебирать вновь.

— Странно,— сказала она,— нет его карточки. А там был адрес и телефон. Он где-то под Москвой жил.

Так мы и ушли, потеряв последнюю ниточку, оборвавшуюся по нашей же вине.

Часть третья

ЛЮСЯ ТИХОНОВА

Люся как будто спала, но слышала многое из того, что говорили вокруг.

Она понимала, что ее везут в Музыкальный детский театр и оттуда — к императору.

Ей было жалко себя, очень жалко, потому что она уже не вернется домой и никогда... никогда...

Дорога в тот мир была бесконечной, но длина ее была относительной — каждая минута в отдельности была долгой — надо медленно считать до шестидесяти. Но минуты быстро складывались в горку.

Люсю вели, поддерживая под руки. От того, кто шел справа, противно пахло мужскими духами.

Левый мужчина был немый и болен. Мужчины разговаривали, но Люсе было непонятно о чем. Словно это был близкий, вроде польского, но совершенно неразборчивый язык.

Они торопили Люсю, заставляли переставлять ноги, и Люся с неосознанной хитростью поджимала ноги, и им приходилось ее тащить.

Потом они оказались в Музыкальном театре, за кулисами, это она шкурой почувствовала. Надо было позвать

Егора, чтобы он помог, ну хотя бы милицию позвал, но языка у Люси не было — ни глаз, ни языка...

На нее пахло нутряным холодом тамошнего мира. Он был близок, и никто не хотел помочь ей, всем было не важно — провалится ли она туда навсегда или вырвется. Она пыталась вырваться сама, кто-то дал ей подзатыльник, другой человек выругался.

— Она здесь! — ответил кто-то на вопрос. Вопрос был не слышен, но слова «она здесь» относились к Люсе.

Нет, она хотела их обмануть, я не Люся, я случайно там оказалась. И тут она ухнула в глубокую яму, хотя знала, что это не яма, а туннель... Потом ей захотелось спать.

Она только-только успела заснуть, как ее стали будить.

— Вставай, девочка, — говорил знакомый и вовсе не злой голос. Наверное, говорил Леонид Моисеевич, который не желает ей зла. По крайней мере, он не вымер, как... изношенный стул? Так надо говорить. Ничего, скоро придет Егор, Егор обязательно придет, потому что он все знает. — Придется везти ее на телеге, — сказал Леонид Моисеевич. — Я же не знаю, что за наркотик вы ей дали.

— Мы подождем немного, — произнес глубокий голос Кюхельбекера.

Надо бы с ним поздороваться.

Кто-то засмеялся утробно и монотонно. Кто?

Люся понимала, что приходит в себя — она уже слышала и понимала все, что говорилось вокруг, оставалось лишь открыть глаза и подняться, но не было сил.

— Черт его знает, — произнес незнакомый голос — его владельца Люська чуяла по запаху — больной и нечистый. Он пришел сюда вместе с ней. — Мне не сказали, что там ей вкатили. Какую-то тряпку он ей к носу прижал. Это Пронькина надо спросить.

— Ваш Пронькин далеко, — ответил Кюхельбекер. — Леонид Моисеевич, а нет ли у вас банального наштабля?

— Нет, Вилли, он весь выдохся, — сказал доктор.

Люся обрадовалась, что угадала правильно.

— Зачем вы ее сюда привезли? — спросила молодая женщина. — За что? Разве она вам сделала что-то дурное?

— Это плата за вход, — сказал Кюхельбекер. — Такие подарки дарят все в этом государстве.

— Я не понимаю, почему вы сейчас шутите. Вы загубили жизнь человеку. Ну что плохого она сделала?

— Законы морали, одинаково порочные во всем мире, у нас здесь отрицательно обнажены, — сказал доктор.

Люся не поняла его. Тот, кто был болен, склонился к ней (запах сразу усилился) и два раза ударил по щекам.

— Постыдитесь, молодой человек! — воскликнул Леонид Моисеевич.

Люся открыла глаза — ей совсем не хотелось, чтобы ее били по щекам.

Над ней наклонился — никогда не поверишь, если не знаешь, — сам Веня Малкин, почти ее кумир.

Нельзя сказать, что он ее главный кумир, Веня Малкин — кумир подростков, так сказать, тинейджер стар. Но еще года два назад Люся отдала бы все, чтобы такой человек дотронулся до ее щеки.

— Ну вот, — сказал Веня Малкин, — притворялась, суки.

Люся постаралась вскочить — это слово обидело ее куда больше, чем если бы оно вырвалось у матери или материного сожителя, на дворе, на улице, — но не может же Веня Малкин, нежный, ласковый, широкоглазый, сказать такое слово!

Но Веня уже выпрямился и отошел.

И слава Богу — исчез запах тления, исходящий от него.

Леонид Моисеевич помог ей сесть. За кулисами было полутемно, горела лишь керосиновая лампа, стоявшая на сцене. Но Люся сразу всех увидела и всех узнала — она как бы вышла из такой беспросветной тьмы, что даже полумрак театра казался почти днем.

Леонид Моисеевич совсем не изменился, да и как он мог измениться? Только халат другой — видно, за шесть лет тот халат он износил. А костюм под халатом и рубашки те же, совсем не износились.

Кюхельбекер стоял за его спиной и чуть улыбался.

— Добро пожаловать,— сказал он,— с нескорым возвращением. Если бы я не знал, кого ждать, я бы тебя никогда не узнал. Ты стала настоящей красавицей. Мы должны отдать должное проницательности императора.

Голос его поднялся, стал громким, но никто не подержал его.

Справа стояла инвалидная коляска, в ней сидел, склонив голову набок, и дремал дебил — он тоже не изменился. И девушка (Как ее звали? Соня? Откуда она это помнит? Конечно же Соня) держалась за спинку кресла.

— Спасибо,— сказала Люся.

— Ну что вы, зачем вы так,— совсем смутилась Соня. Соня Рабинова.

Ну вот, я и вернулась! Господи, ну почему я такая несчастная!

— Почему? — спросила она у доктора. Доктор ответит, если сможет.— За что меня утащили?

— Император,— сказал Леонид Моисеевич,— помнишь, император сказал, что будет тебя ждать.

— Но вы же знаете, что для меня это...

— Не надо,— прервал ее Кюхельбекер.— Не надо, хотя бы потому, что всем одинаково тоскливо. С тобой нам будет веселее. Вот и звезда у нас есть. Обзаводимся интересной молодежью.

Веня Малкин стоял чуть в стороне, сунув пальцы за пояс джинсов.

— А он почему здесь?

— Так надо,— сказал Веня.— Ну что, поехали?

Он был в возбужденном, нетерпеливом состоянии, как человек, решившийся на рискованный поступок и теперь осознавший, что пути назад нет.

Люся видела, как он смотрел на гладкую поверхность кулисы, и понимала, что именно там, в том месте была дверь в ее мир.

— Тогда поехали,— сказал Кюхельбекер,— нас ждут. Зачем нам стоять в этом месте?

Он первым пошел по коридору. Затем доктор, поддерживая за локоть Люську.

Веня замыкал шествие, он шагал сразу за коляской, которую толкала Соня Рабинова.

Люся была готова к тому, что идти придется долго, но тут Кюхельбекер толкнул небольшую дверь — оказывается, она вела на хозяйственный двор театра, где стояли при-слоненные к забору старые декорации и подрамники для них.

Во дворе их ждала телега, запряженная двумя велосипедистами.

Веня отпрянул при виде этого экипажа, но Люся кивнула велосипедистам. Может, это другие «кони», но все равно ей они знакомы.

— Здравствуй,— откликнулся один из велосипедистов.

— Всех нам не свезти,— сказал другой.

— Я здесь остаюсь,— сказала Соня.

— Я оставлю с тобой одного самокатчика,— сказал Кюхельбекер.

— Не надо, кто меня тронет?.. Нас здесь все боятся.

Доктор помог Люсе влезть на телегу. Впереди был облучок, на него сел Кюхельбекер и рядом с ним Веня Малкин.

— А почему же он тут? — спросила тихонько Люся у доктора, когда телега тронулась.— Сегодня же не Новый год.

— Так же, как многие,— загадочно ответил доктор.— Ты не привезла мне паровозик? Или вагон?

— Леонид Моисеевич, я же не знала, что меня сюда утащут.

— Ну да, конечно же, конечно же. Как я мог... Прости, девочка, это так жестоко! Если бы ты знала, как я им отговаривал! И императора Павла в том числе. Он ведь в принципе незлой человек, но тут уперся — она, говорит, моя последняя любовь. Я ему говорю — зачем же ее губить? А он говорит...— Леонид Моисеевич откашлялся смущенно и закончил: — Он говорит, что мы всегда убиваем тех, кого любим, якобы об этом написал Оскар Уайльд.

— Откуда ему знать Оскара Уайльда? — буркнула Люся.

— Ах, он много читает, ему из библиотек приносят. У нас здесь много книг, больше чем нужно. А кто читает? Ну я — специальную литературу, стараюсь следить за новинками в кардиологии, ветераны читают партийную литературу. Император читает про любовь... И кто же еще? Ах да, конечно, Соня Рабинова. Ну, она серьезную литературу... Она даже пишет. Когда обживешься у нас, я думаю, что ты с ней подружишься.

Люся сомневалась в том, что подружится здесь с кем бы то ни было.

Она слушала доктора вполуха и думала: ведь мы один раз отсюда с Егором ушли. Значит, я уйду снова. Только надо будет попросить Соню Рабинову. Она же знает, у нее есть индикатор.

— Что ты сказала? — спросил доктор.

— Этот... молодой человек... который в кресле — он индикатор, да?

— Индикатор чего?

— Он чувствует, когда открывается переход?

— Знаешь, я никогда туда не хожу. Это для меня неприятное место. К тому же туда ходить строго запрещено. Первое время я просил — может, мне привезут паровоз и вагончики. Но никто обо мне не вспоминает.

— В следующий раз обязательно привезу, — сказала Люся.

— Боюсь, что следующего раза не будет, — сказал доктор.

— В прошлый раз вы тоже так говорили.

— Да, разумеется... Но в прошлый раз тебя отпустили на время.

— На время?

Люся заглянула доктору в глаза. Глаза были живые, черные, блестящие.

— Неужели ты до сих пор не догадалась?

— О чем?

— Ну, вернись к ситуации того времени! Ты понравилась императору. Ты, маленькая девочка. И он хочет полюбить тебя, когда ты созреешь для его любви.

Слова были неприятные, какие-то агрономические — созреешь, сорвут.

— Не догадалась, пускай остается в неведении, — сказал Кюхельбекер с облучка.

— Пускай говорит, — возразил Веня Малкин, обернувшись и словно впервые увидев Люсю.

Конечно же она видела его только на экране телевизора, он был напудренным и подкрашенным. И казалось, он сейчас нежно возьмет тебя за руку своими тонкими пальцами и, в своем странном костюме Пьеро с генеральскими эполетами, увлечет тебя в душистый весенний цветущий сад.

А сейчас было видно, что у него серая, нездоровая кожа и опухшие веки — он был куда больше похож на старожил этого мира, чем на земного певца.

Люся глядела на певца, и в голове двигались мысли. Господи, вдруг поняла она, ну как же можно было не подумать об этом с самого начала! Ну зачем было ее возвращать домой? Из милости? Из озорства? Чтобы паромозики привезти? Они ведь и не скрывали, они думали, что она понимает. Ну ладно, ей было двенадцать. А теперь-то могла сообразить. И Егору пора было сообразить!

— Если бы они оставили меня здесь, — произнесли Люся, — то я бы никогда не выросла...

— Тебя как рассаду, — сказал Кюхельбекер, — высадили на плодородную грядку. Чтобы собрать урожай, когда ты поспеешь.

«Какой ужас!» — сказали тонкие брови Люси и поднялись полукружьями к волосам.

— Ты в самом деле не догадалась?

— И за мной всегда следили? — спросила Люся.

— Первые годы тебя не трогали, тебе давали расти, и год назад наш друг Малкин получил приказ готовить твое возвращение домой.

— Домой?

— Да, в свой дворец.— Кюхельбекер рассмеялся густым и гулким, как ночной театральный зал, голосом.

Телега выехала на Воробьевское шоссе. Дорога пошла вниз, и стала видна река. Там внизу — бытовка, где она провела первые часы на этой земле.

— Мне нельзя приказать,— сказал Веня Малкин.— Я мог бы всю вашу империю с потрохами купить.

— И не купил,— заметил Кюхельбекер.

— А как Пыркин? — спросила Люся. Чтоб отвлечься. Она же как Веня Малкин. Ею манипулировали, ее пасли, ее держали в теплице — у них всюду свои руки, свои агенты. Если бы догадаться, что не они убежали, а их с Егором отправили наверх, она бы давно уехала из Москвы без следов, найди ее у тетки под Курском — Бог с ним, с техникумом,— ищите меня! Она чуть не произнесла эти слова вслух. И сжалась. Я же сама во всем виновата!

— Пыркин? — спросил доктор.— Я не знаю такого человека, я так редко покидаю столицу.

Люся догадалась, что под столицей доктор имеет в виду Киевский вокзал и его площадь. Такая маленькая столица...

— Пост номер шесть,— сказал Кюхельбекер,— ты меня спрашивай. Я их всех знаю. Пост номер шесть. Пыркин, Партизан и при них женщина...

— Ее оживили?

— Нет, им прислали новую, в последний улов отыскивали на Кутузовском проспекте. Она теперь на посту живет.

И тут Люся увидела Пыркина.

Он стоял у дороги спиной к обрыву, приподняв руку.

И бывает же, Люся вдруг испытала радость, хорошую, почти веселую радость — не только от Пыркина, но и от того, что рядом с ним стоял Жулик и внимательно всматривался... И вдруг кинулся с лаем за телегой, колотя себя хвостом по бокам.

— Жулик! — кричала Люся.— Жулик, ты живой!

— А что же с ним делается? — Пыркин, прихрамывая, бжал рядом с телегой, тянул руку Люсе.

Люся попросила Кюхельбекера:

— Остановитесь!

— Нельзя,— сказал Кюхельбекер.— Не положено.

— Глупости! — крикнула Люся.— На одну минутку.

— Начинаются очень опасные места,— сказал Кюхельбекер.— Мы проезжаем их быстро, здесь водятся призраки.

— Какие еще призраки? — капризно спросил Веня.— Давай скорей, это же не Москва, а пустыня какая-то.

— Это теперь ваш дом, господин Малкин,— сказал Кюхельбекер,— другого у вас не будет.

— Будет,— резко сказал Веня.— Я его сделаю.

Люся слышала их перебранку, но видела только Пыркина. Она дотянулась до его холодных пальцев, но пожать руку не успела, так как Пыркин быстро отставал.

Люся попыталась соскочить с телеги, но Леонид Моисеевич буквально повис на ней, а она была слишком слаба, чтобы вырваться. Видно, еще действовало средство, которым ее оглушил Веня и его сообщники, оставшиеся в Москве.

Телега стучала все быстрее, разгоняясь по Воробьевке, а Пыркин остановился с поднятой рукой.

— Заходи! Выпьем! — кричал он. Потом закашлялся.

Вдруг снова побежал, забыл спросить что-то важное.

— Как Егорка? — услышала она.— Скоро к нам?

— Скоро! — откликнулась Люся.— Очень скоро.

«Он придет, скоро придет»,— думала она, стараясь не смотреть по сторонам и не видеть редких голых стволов, домов, населенных призраками, серого текучего неба, вечно грозящего несбывшимся дождем.

Навстречу проехал велосипедист, но даже не посмотрел в их сторону. Впереди показался спуск к мосту Окружной дороги.

Люся молчала, зябла. Над головой вели разговор Кюхельбекер с Веней, и Кюхельбекер, как старожил ада, был доволен ролью Вергилия. Ему даже доставляло удовольствие поддразнивать Веню.

— Я понимаю вас,— гудел Кюхельбекер,— в последние дни на том, верхнем свете вы были слишком заняты подготовкой — скорей, скорей... А ваша болезнь в самом деле неизлечима?

— Сейчас не место и не время! — вдруг грозно сказал Веня в лучших традициях Дворянского собрания.

— Вы правы,— мирно согласился Кюхельбекер,— я только хотел подчеркнуть, что коли ваша болезнь так неизлечима, то любая дыра лучше, чем ваш дворец, если в ней можно остаться живым. Вы похожи на смертника, которому только что заменили казнь пожизненным заключением и он идет по коридору к своей новой камере, как на курорт в Мариенбаде...

— Ничего подобного! — сопротивлялся Веня.— Я как хочу, так и решаю!

— Но когда вы входите в камеру, где вам предстоит провести остаток жизни, и видите плохо покрашенные стены, вонючую парашу и тараканов, то вам кажется — лучше уж было кончить жизнь сразу, чем тянуть ее здесь.

— Да помолчи ты! — взвился Веня.

Кюхельбекер вздохнул, видно, решал, как ему реагировать на окрик Малкина. Потом сказал:

— Я мог бы наказать вас, потому что кричать на канцлера суверенного государства недопустимо, тем более что вся ваша дальнейшая жизнь зависит от моего расположения или гнева. Но я решил, что не буду вас наказывать, потому что вы — представитель творческой интеллигенции. У вас разболтаны нервы и никуда не годится психика.

Веня не отвечал.

Спина его была согнута, плечи подняты, словно он прятался от ударов. Он не смотрел по сторонам.

— Ох, как нелегко ему будет здесь,— прошептал Леонид Моисеевич Люсе на ухо, словно она была своей, родной и ей можно было довериться. А ведь она такая же, как Веня, только, может, без болезни. А какая у него болезнь? Люся не знала об этом. У кого спросить? А вдруг он услышит. Получится неловко.

Путешествие до площади Киевского вокзала заняло более получаса. Велосипедисты утомились, два раза останавливались отдохнуть. Веня спросил Кюхельбекера, а есть ли здесь автомобили. Получив отрицательный ответ, совсем увял.

На площади у вокзала почти ничего не изменилось. Только неподалеку от обгорелого столба она увидела еще два таких же. Значит, казни продолжают.

На ступеньках у входа в вокзал стояли несколько человек. Впереди пожилой мальчик с гитарой.

Когда телега, развернувшись, остановилась перед ступенями, пожилой мальчик ударил по струнам и завопил старую песню:

— «Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше...»

— «...Ты услышишь, ты услышишь, как веселый барабанщик...» — подхватили остальные.

Зрелище было удручающим, хотя Люсе эти певцы были знакомы с прошлого раза. И она догадалась, что они встречают коллегу, о котором слышали, что он знаменит. А может, кто-нибудь из них успел в предыдущем мире послушать Веню.

— Вылезайте и раздавайте автографы, — посоветовал Кюхельбекер Малкину, перекрывая общий шум.

— Это ко мне? — спросил Веня. И на глазах ожил. Он был вампиром, который питается шумом аплодисментов.

— Наконец-то у вас есть поклонники и в лепрозории, — сказал Кюхельбекер, первым прыгивая с телеги.

— Он бывает груб, — сказал Леонид Моисеевич.

Доктор хотел помочь Люсе, но она его опередила.

Люся услышала, как один из них сказал, его голос прогудел из-под слишком большой каски:

— Курить хочется, сил нет. Жизнь прошла, а курить хочется.

Певцы оборвали балладу и кинулись жать руку Веню. Толстая девица, закутанная в невероятных размеров пинловский платок, протянула ему букет сухих веточек.

— Чем богаты, тем и рады.

Остальные принялись хлопать в ладоши.

Веня принял веточки, улыбался, кланялся, словно сошел со сцены во Дворце съездов.

— Может, сначала доктор вас осмотрит? — спросил Кюхельбекер.

— Только не это! Я же специально убежал от докторов! Я хочу быть молодым и здоровым! — отмахнулся Веня.

Поклонники хлопали в ладоши, а Леонид Моисеевич тихо произнес:

— Ах, как он заблуждается! Ведь боль тоже не знает времени — она может быть вечной. Знаете, что любопытно? Именно на этом построена концепция ада.

— Голова все время кружится, — сказала Люся и оперлась на руку доктора.

— Молодой человек! — закричал Леонид Моисеевич. — Товарищ Малкин! На минутку!

— Что еще?

Веня остановился и настороженно полуобернулся, словно почувствовал неладное.

— Скажите, чем вы отравили Люсю?

— Кого? Ах, эту девочку? Ума не приложу. Спросите у Пронькина. Это мой директор.

И он скрылся в дверях.

— Я думаю, что он и в самом деле ничего не знает.

Кюхельбекер потянулся, как после уютного сна, и сказал:

— Я предупрежу его величество о вашем приезде. А вы подождите там... в зале ожидания.

Затем он обернулся к велосипедистам и велел одному из них отнести на кухню ящик с припасами, привезенными с Земли.

Люся подумала было, что велосипедист и украсть может... И тут же ее охватил ужас: «Ведь им, велосипедистам, как и всем прочим, здесь еда не нужна. Им плевать на бананы. Бананы — это прихоть императора, воображающего, что он может продлить свою настоящую жизнь... А так

вот пройдет неделя, другая, и мне тоже станет все равно, есть или не есть, спать или не спать... Я стою сейчас здесь, как человек, которому поставили диагноз, смертельный диагноз, но опухоль или язва во мне еще не болит, она существует, но заболит завтра, и ничем нельзя ее остановить, умалить, отсрочить... Только бы Егор, Егорушка... А что, если он и не знает, что я здесь? Может, он думает, что я уехала куда-то? Или мать не отдала ему записку? Ну не увидел он зова о помощи! Это вероятнее, чем его появление здесь».

Леонид Моисеевич под руку вел ее по ступенькам и вдруг удивился:

— Как вы выросли! А кажется, что мы встречались только вчера.

— Выросла? — Люся вернулась на землю. Она не задумывалась об этом.

— Павел Петрович много раз говорил о вас, — сказал доктор. — Но я был против вашего возвращения.

В зале ожидания было немало народа — видно, знали о ее приезде.

Люся остановилась в дверях вокзала, ожидая, пока глаза привыкнут к сырому полумраку зала.

И в этот момент она увидела ужас в глазах разодевшей придворной дамы. Дама запрокинула голову. Другие тоже смотрели вверх, открывали рты, как в замедленной съемке.

Люсю сильно ударили в бок — она потеряла равновесие и упала на каменный пол.

Рядом — совсем рядом — бухнуло нечто настолько мощное, что вздрогнуло все здание.

Когда Люся пришла в себя, вокруг громко кричали. Потом стало больно локтям и коленкам. Кто-то стонал, она обернулась. Доктор лежал рядом — это он ее оттолкнул? Почему?

Чуть дальше лежала расколотая плита, упавшая откуда-то сверху.

— Наверх! — кричал Кюхельбекер. — Скорее!

Велосипедисты пробежали мимо и скрылись в дверях — там, наверное, была лестница.

Господин Дантес, курчавый, изящный, красивый, но весь какой-то смазанный, нечеткий, пытался поднять Люсю.

— Больно же! — Она все же поднялась, и боль от колени дошла до сердца. — Что с доктором? — спросила она.

Доктор медленно повернулся на спину и открыл глаза.

— Я ушибся, — сказал он.

— Это вы меня толкнули? — Превозмогая боль, Люся присела на корточки рядом с ним.

— Было глупо везти тебя за столько верст и потерять в двух шагах от цели. Император бы мне этого не простил.

— Вы опять шутите, Леонид Моисеевич.

— Как ни странно, я сохранил стремление жить.

Дантес подхватил Люсю под мышки, а доктору приказал:

— Да вставайте вы! Мало ли что они еще сверху свалят.

Останетесь на всю жизнь инвалидом.

Люся невольно поглядела наверх. Там было темно.

Плита, хлопнувшись о каменный пол, развалилась на части.

— Точно метили, — сказал Веня, который вернулся, заинтересовавшись, что же происходит.

— Вам сюда нельзя, маэстро, — повторяла толстая дама в шали, — здесь опасно.

— Я сама. — Люся вырвалась из рук Дантеса, пошатнулась, но рядом уже оказался доктор. Поддерживая друг друга, они сделали несколько неверных шагов к стене. Малкин и Дантес следовали за ними. Толпа зрителей замолкла.

Сверху послышался голос Кюхельбекера:

— Они ушли по веревке.

И тогда зрители снова зашумели, заговорили, обсуждая событие — не просто событие, а покушение.

Дантес был рядом.

— Вы сможете дойти до императорских покоев? — спросил он.

— Дойду,— сказала Люся, рассматривая джинсы — к счастью, не порвались.

Они пошли рядышком с доктором.

— Я буду у себя,— сказал доктор,— боюсь, не повредил ли я себе ключицу. Знаете, как здесь все заживает...

— Как? — спросил Веня Малкин.

— Никак,— ответил доктор.

— Но ведь и не развиваются... Я имею в виду болезни.

— После приема у императора вы посетите меня,— сказал Леонид Моисеевич.— И мы с вами все обсудим. Все ваши болячки.

— Вам это не по зубам,— ответил Веня, и окружавшие его поклонники загудели.

Леонид Моисеевич пожал плечами, сморщился от боли и сказал Люсе:

— Ты знаешь, где меня найти.

Леонид Моисеевич побрел к своей комнате, никто ему не помог, а Люсю Дантес поволок к императорской приемной, которая располагалась в бывшей комнате милиции — вывеска так и не была снята. Коленка болела. Люси прихрамывала.

Велосипедист, что стоял на часах у двери, распахнул ее.

Оказывается, Люся все позабыла — но возвращение памяти было почти мгновенным.

Она удивилась тому, сколько ковров может уместиться в комнате, и тут же вспомнила, что была в этой комнате шесть лет назад.

А для императора, который сидел в своем кресле и тянул к ней толстые, как у младенца, руки, прошел день... или минута.

Император был счастлив и взволнован.

— Люся! — закричал он, делая попытку встать из кресла и падая в него вновь.— Я все знаю! Это злодейское покушение на жизнь моей невесты, организованное советом ветеранов, зачтется им. Хватит! Моему терпению пришел конец! Вы их поймали?

— Ловим,— ответил Кюхельбекер, закрывая дверь. В комнате остались лишь он сам, Дантес, Люся и Веня Малкин.

— Эти бесконечные заговоры, эти попытки... Завтра они примутся за меня! Они уже угрожали мне.

— Разумеется, ваше величество,— сказал Кюхельбекер.

— Ну хорошо, хорошо, мы забываем о плохом, мы думаем о будущем, которое озаряется ярким прозрачным светом. Иди ко мне, моя дорогая возлюбленная.

— Павел Петрович,— сказала Люся.— Я уже не девочка, и мне все это не нравится.

Она бы говорила иначе и больше робела, но чертовски болела коленка, ныл локоть, только что ее пытались убить и ранили доктора, единственного здесь, кроме Пыркина, человека, который ей сочувствовал.

— Павел Петрович? Павел Петрович! — Император раскатился смехом, живот, прикрытый халатом, вылезал из-под бронезилета и трепетал, как будто был кисельным. Там, где полы халата разошлись, белели толстые ляжки.— Она помнит, как меня зовут...

Император подмигнул Дантесу и сказал:

— А что, на настоящем этапе мы выберем именно этот способ обращения. Разве не разумно?

— Абсолютно разумно, ваше величество,— ответил Кюхельбекер, опередив Дантеса. Они всегда соперничали — два ближайших сподвижника императора.

— А вас мы будем называть Люси, как прежде, во времена нашей молодости. Ну и как? Сильно я изменился?

— Вы совсем не изменились,— сказала Люси.— Но я предупреждаю вас, что меня утащили против моей воли. Вот этот человек... Малкин?

Веня кивнул, соглашаясь. Он был растерян. Он не ожидал увидеть эту гору жира.

— Малкин отравил меня и утащил. И я сделаю все, чтобы вырваться отсюда.

— Вырваться отсюда, моя крошка,— сказал император,— можно только с моего согласия. А я его, конечно,

не дам. И знаешь почему? Потому что я счастлив. Я счастлив совершенно и откровенно, впервые за много лет. Моя мечта свершилась. Ты здесь! Ты — императрица всей Земли. И поэтому я бесконечно благодарен господину Малкину. Чего ты хочешь, Малкин, говори!

Малкин вспыхнул. Такого приема он не ожидал.

— Я же к вам в гости приехал.— Малкин был обижен.— Мне ваши милости, простите, не нужны. Мы с вашим другом все обсудили...— Он показал на Кюхельбекера.

— Кюхля? — удивился толстяк.— Ты что, за моей спиной переговоры ведешь?

— Разве это переговоры? — еще более удивился канцлер.— Молодой человек попросил его укрыть здесь от дурной болезни...

— Почему от дурной? — взвился Малкин.

Кюхельбекер его не слушал.

— Вы знаете, ваше высочество,— продолжал он,— насколько мы добры к гостям и как чутко откликаемся на чужие несчастья.

— О да! — поддержал его Дантес.

Они играли с Малкиным, как волчий выводок с тушкой зайца. Люся подумала даже, что они договорились об этом спектакле заранее. Но ей не хотелось выручать Малкина, и она ему не сочувствовала. Певец поступил с ней подло, а подлость не приносит барышей. Это была фраза из какого-то женского романа, она к этой ситуации отлично подходила.

— Я могу дать вам должность,— сказал император.— Как вы смотрите на то, чтобы стать придворным капельмейстером? Правда, оркестра у нас пока нет, но ведь это не важно — вы же не будете петь и плясать. А должность обеспечит вам хорошее место за столом.

— Я ведь тоже могу ответить! — крикнул Малкин. Мои люди предупреждены! Мы перекрываем канал связи, и вы остаетесь ни с чем! Ясно?

— Человеческая натура — странная штука,— сказал император.— Я убежден, Вениамин Батькович, что ваши адъ

ютанты спят и видят, как вас из дела выкинуть, и сами с удовольствием будут сотрудничать с нами.

— Молодой человек,— посоветовал Кюхельбекер,— примите пост капельмейстера, а то в следующий раз для вас останется лишь место второго альта в нашем несуществующем симфоническом оркестре.

Все трое хозяев захохотали.

— Я вам!..— воскликнул Малкин.— Я вам покажу!

— Веня,— сказал Кюхельбекер,— прежде чем уйти и поднять народное восстание против нашей деспотии, хорошенько подумай, как плохо жить одному в нашем мире, в котором законы и порядок кончаются примерно в районе Бородинского моста. Смирись...

— И сходи к доктору! — добавил Дантес.

— А пошли вы! — откликнулся Малкин и кинулся к двери.

В комнате воцарилось недолгое молчание.

— Все в порядке,— сказал император.— Его бунт был недолгим и неубедительным.

— Я исхожу из того, что любой бунтовщик может быть опасен,— заметил Кюхельбекер.— Особенно если у него в самом деле прочные позиции в том мире.

— Мой жизненный опыт говорит,— прервал его император,— что, может, в следующий раз, а может, через сеанс люди Малкина или забудут о Вене, или вместо них мы увидим других бандитов. Малкин не первый посредник, с которым мы имеем дело. Далеко не первый...

— Но первый, который оказался у нас. И особенным способом — раньше мы так людей не получали.

— Ну ладно, ладно, поглядим. Дантес, не спускай глаз с Малкина. И если он тебе очень не понравится, ты можешь его ликвидировать.

— Хорошо,— сказал Дантес.

— А меня куда больше беспокоят ветераны. Покушаться на мою невесту в моем дворце — верх наглости! Надо взорвать их гнездо.

— Я подумаю, как лучше сделать,— сказал Кюхельбекер.

И тут же, словно выкинул из головы мелкую заботу, император обернулся к Люсе:

— Ты несчастлива, мое сокровище?

— Конечно, несчастлива,— ответила Люся.— Я отсюда уйду.

— Ну хватит, хватит. Сейчас будет пир. Я подготовил пир. Будет наша свадьба.

— Нет, не будет,— сказала Люся.

— Милая, я потратил столько сил, нервов и средств на то, чтобы вырастить тебя, чтобы доставить тебя к нам в целости и сохранности, что ты не сможешь быть неблагодарной. Кюхля, ну скажи ей!

— Людмила, ваше сопротивление бессмысленно,— загудел, словно ветер в высокой печной трубе, Кюхельбекер,— так или иначе вы станете императрицей этого мира, а мы — вашими покорными рабами.

— Это разумно,— поддержал его император.

— Вы сможете вечно править всей Землей.

— Да таких императоров сотни! — сказала Люся.

Это была не ее мысль — как-то раз, разговаривая с Егором, они решили, что из-за отсутствия связи между частями Земли она, как средневековая Европа, разделена на множество маленьких княжеств и царств, а то и городов, между которыми лишь изредка движутся караваны и бродячие музыканты.

— У вас впереди вечность.— Кюхельбекер не обратил внимания на ее слова.— И вы можете оставить о себе память благодеяниями и святыми делами, а можете стать тираном, деспотом и даже завоевателем этого мира. Мы дарим вам вечность!

— Это я, я дарю вечность! — перебил канцлера император.— Не лезь в мои дела.

— У меня болит локоть и коленка,— сказала Люся.— Мне больно стоять. Я хочу к врачу.

— К Леониду Моисеевичу сейчас нельзя,— сказал Дантес,— у него сейчас пациент — талантливый певец, который приехал с вами.

— Чепуха,— возразила Люся.— Не пойдет к нему Малкин. А доктор расшибся. Он меня спасал и расшибся. Я помогу доктору, а он осмотрит мои раны,— сказала Люся.

— А любовь? — растерянно спросил император.— А свадьба?

— Здоровье дороже,— ответила Люся,— остальное приложится.

«Господи,— подумала она, выходя из приемной императора,— я могу говорить глупости. Мне бы рыдать от бессилия, а я смотрю вокруг, как будто вор, который после недолгих гастролей возвращается в тюрьму и замечает, какие здесь изменения, каких новеньких привезли...»

Она шла по залу ожидания, следом шагала Дантес. Толпа придворных, плотно стоявшая у дверей, раздвинулась, но без испуга и спешки. Какие-то люди здоровались с ней, кто-то даже похлопал по плечу так, что больно отдалось в руке.

Но лиц Люся не различала.

В дальней стороне зала накрывали на стол, шумели стульями, звякали тарелками.

Люся вошла в кабинет Леонида Моисеевича, уверенная в том, что он там один. И оказалась права.

Леонид Моисеевич, голый по пояс, в старых, порванных сбоку по шву брюках, сидел на больничной койке. Он простукивал себе грудь, прижав расставленные пальцы к коже и постукивая по ним костяшками пальцев другой руки.

— Это я, Люся,— сказала она, входя.

— Заходи. Я сейчас кончу себя осматривать и примусь и тебя, Люся,— сказал доктор.

— Я вам не нужен? — спросил Дантес, который остановился в дверях.

— Иди, иди, не оставляй нашего возлюбленного императора,— сказал доктор, и Дантес тут же ушел, прикрыв за собой дверь.— Беда в том, что все ткани здесь очень мед-

ленно восстанавливаются,— посетовал доктор.— Да и как им восстанавливаться, если организм существует как замкнутая система — ни черта не получает и не отдает. Ним даже общественные уборные не нужны, представляете?

— Я об этом не думала,— сказала Люся.

— Не куксись,— заметил ее состояние доктор.— Мы с тобой ничего не изменим. Считаю, что мы умерли безболезненно.

— Я все равно уйду,— сказала Люся, глядя в пол. В углу лежали кучкой остатки растоптанной железной дороги. Неужели столько времени никто здесь не убирался? Уроды!

И она повторила вслух:

— Уроды!

— Значит, мы недостойны иного мира.— Доктор поморщился — ему было больно.— Ведь мы его выбрали. А потом уж он нас выбрал.

— Меня украли!

— Сначала ты ушла сюда добровольно.

— Я была девочкой, маленькой девочкой, ну что я понимала!

— У меня есть эластичный бинт,— сказал доктор.— Помоги мне обмотать грудь. Вон там, на полочке...

— Зачем им меня убивать? — спросила Люся.— Мне никто не сказал. Все делают вид, что это у вас обыкновенное дело.

— Это ветераны. Неужели тебе Егор о них не рассказывал?

— А что он должен был рассказывать?

— В свое время мне говорили, что он был у них.

Егор и в самом деле не рассказывал Люсе о ветеранах и своем плене в подземелье. Для него это было слишком далеким и в то же время неприятным воспоминанием.

— Я тебе потом расскажу, обязательно,— пообещал доктор.

Люся принялась перевязывать ему ребра. Доктор терпел. Только раз сказал:

— Дышать больно.

Потом он промыл ссадину на локте Люси, коленку она только ушибла.

— А почему здесь Веня Малкин? — спросила Люся. — Я так удивилась, вы не представляете. Он же такой... от него девчонки тащатся.

— Что? — спросил доктор.

— Это слово такое. При вас не было. А почему он здесь? Что за болезнь у него?

— Он неизлечимо болен и будет жить здесь, пока не найдут средство от его болезни.

— Неизлечимо? — насторожилась Люська. — А как болезнь называется?

— Я с ней не сталкивался. Только в прессе, — сказал Леонид Моисеевич. — Это иммунодефицит.

— Не знаю такой болезни.

— Она еще называется СПИДом.

— Так он здесь всех перезаразит! Это ужасная болезнь!

— Болезнь передается только через кровь, — ответил доктор. — Я проверял по литературе. К тому же здесь нельзя заразиться...

— Почему же?

— Любые болезнетворные вирусы и микробы быстро теряют здесь вирулентность. То есть становятся нейтральными.

— Быстро — это же не сразу, — возразила Люся. — Он успеет... Но вообще-то какой ужас! Он голубой, наверное?

— Голубой?

Но Люся не стала объяснять, ей показалось неприличным и даже стыдным говорить о таких вещах. Доктор и не приставал.

Надо будет подальше от него... Мало ли что, говорили, что через зубных врачей передается. И при переливании крови.

— При переливании крови передается, — сказала Люся.

— А что и кому мы будем переливать? — спросил доктор. — Наша с тобой кровь несовместима. Стоит сделать переливание — сразу умрешь.

— Почему вы так уверены? Кто у вас умер? — спросили Люся.

— Никакой тайны здесь нет, — сказал доктор. — Наш император сначала решил, что если ему будут переливать кровь новеньких жителей нашего королевства, то и его кровь сохранится. Но сначала я сделал опыт... Тут появились кошка. Она умерла.

— Кошки одно, а люди другое, — сказала Люська.

Доктор не стал отвечать, а почему-то отошел к шкафчику с приборами и, достав градусник, стал встряхивать его.

— Хочешь, я смерю свою температуру?

— А что?

— Температура человека здесь колеблется в пределах тридцати и тридцати двух градусов. Я — лягушка, очень долговечная, как все лягушки.

— Значит, пытались переливать кровь и убили кого-то?

— До меня здесь были другие врачи.

— И что с ними случилось?

— Они проводили опыты.

— И что же? Их казнили? Сожгли?

— Они уехали. Нет их здесь, они живы, но живут далеко.

Люся обмакнула тряпочку в воду и потерла пятно на джинсах.

Дантес сунул голову в дверь и сказал:

— Госпожа невеста, вас приглашают одеваться.

— Как так?

— В джинсах императриц не бывает, — сказал Дантес.

— Уйдите, — сказала Люся. — Я еще не кончила...

— Через пять минут. Император волнуется.

— Я лучше повешусь, — сказала Люся. — Честное слово, лучше повеситься...

— Они тебя вытащат из петли и оживят.

— Нет уж! Я не ваша! Я могу умереть по-человечески. У меня кровь человеческая.

— Ну что ж, заблуждаться тебе никто не может помогать, — сказал доктор. — Но позволь сообщить одну вещь, которая, возможно, изменит твоё отношение к жизни... И

ко всему, что здесь происходит. Как мужчина император тебе ничем не угрожает. Не может.

— В каком смысле? — спросила девушка.

— Ну не мужчина он. — Доктор говорил вполголоса, отвернувшись от двери, боялся, что его будут подслушивать. — Я же его обследовал, а он, в свою очередь, пытался... возбуждаться.

— А здесь что, все мужчины такие? — Люся догадалась, о чем говорил доктор, и в самом деле почувствовала какое-то облегчение, хотя доктор мог и соврать, чтобы подвести ее под венец. Все они здесь, в сущности, уроды.

— Мужчины здесь разные, — сказал доктор. — Совсем разные. Но, конечно, мужчин в прямом смысле этого слова здесь немного — репродуктивные возможности падают с каждым месяцем.

— А что? Разве здесь можно родить?

— А вот это исключено! — сказал доктор. — Ребенок — слуга времени. Ты не можешь создать мир без времени и населить его детьми. Чтобы они не росли. Ни природа, ни наша антиприрода до такого не додумалась.

— Все равно я не пойду...

— Подумай, Люся, чего ты хочешь, — сказал доктор. — Молчишь? А я за тебя отвечу. Ты надеешься, что тебя выручат. Вернее, ты надеешься на Егора. Спасший однажды всегда остается рыцарем. Я правильно говорю?

— И что тогда?

— Если ты сейчас скажешь императору «нет», вернее всего попадешь в тюрьму. И там превратишься в кусок протоплазмы. Они могут быть жестокими. И если появится твой Егор — его постигнет та же участь. И не только потому, что император лишен понятий морали или жалости, но потому, что он не может потерять лицо — слишком много врагов. И сильных врагов.

— Врагов? У императора?

— Больше, чем у меня. — Леонид Моисеевич криво усмехнулся.

— И что я должна, по-вашему, делать?

Леонид Моисеевич поднялся и попробовал, не мешает ли повязка рукам. Потом накинул на голое тело халат. «В этом мире,— подумала Люся,— наверное, градусов пятнадцать, если не меньше, а они не чувствуют холода. Готовы ходить голыми, наверное, по старой памяти одеваются. А так это никому не нужно».

— Что тебе делать? Не спорить. Быть хитрой, как змий, и лукавой, как дьявол,— сказал доктор.— Не спорить, не раздражать и искать выгодный тебе самой путь.

— Для меня здесь нет выгодных путей.

— Так только кажется. Даже на сковородке есть прохладные места,— возразил доктор.— И если ты задумали что-то, то пойми — покорная, безопасная, спокойная, ты будешь свободной. Привлекая к себе внимание, ты будешь испытывать сопротивление. Неужели так трудно понять?

— Трудно,— упрямилась Люся, хотя поняла доктора и даже почти согласилась с ним. «Я потерплю, и все кончится».

— Все! — крикнул Дантес. Он придерживал дверь, чтобы не закрылась.— Империя больше не может ждать.

— Иди. Иди, я потом подойду,— сказал доктор.

Люся глубоко вздохнула и вышла в зал.

У двери в медпункт стоял Веня Малкин, совсем не такой прекрасный и сокрушительный, как у нас. И Лксэ даже показалось, что он потускнел после разговора у императора.

— Ну как,— спросил он,— доктор освободился?

«Сейчас у него можно было спросить,— подумали Люся,— а на какой час вы записаны? И он растеряется».

Поклонники стояли кучкой в отдалении, видно, Веня так им велел.

Стол был накрыт, и Люся уже знала, даже не приближаясь к нему, что там много различной, даже музейной посуды, но настоящая еда сосредоточена на том конце стола, где сидит император, который заставляет себя есть, и его приближенные, которые едят из соображений престижа. Я ем, значит, я важная птица!

— Идем, идем,— торопил Дантес. Он взял Люсю за руку холодными пальцами.

— Я сама,— ответила Люся.

Дантес провел Люсю вниз на технический этаж, где их встретили просто одетые женщины, большей частью толстые и малоподвижные. Там располагались склады и гардеробы империи.

— Здесь мы все одеваемся,— сказал Дантес,— сюда свозят одежду, чтобы можно было выбрать для маскарада или праздника. Нынче все уже переоделись к свадьбе, ты у нас последняя.

Платья висели на плечиках бесконечными рядами, туфли стояли рядами на полу. Люся чуть было не наступила на крысу, которая выглядывала из зимнего башмачка.

Женщины стали махать на крысу и кричать.

Люся крыс не боялась. Когда-то, еще в детстве, один мальчик сказал ей, что крыса — это бритая белочка. Люся рассмеялась и на всю жизнь перестала бояться крыс.

Это все выдумки, не нужно обращать внимания. Пока есть надежда на то, что придет Егор, надо оставаться здесь. И вести себя так, как советовал доктор.

От платьев пахло пылью и прелью, на некоторых были пятна плесени.

Но были и красивые платья, наверное музейные.

Люся смотрела на них, как в музее, а вокруг шелестели голоса:

— А вы примерьте, вы приложите, ах, как вам пойдет...

Люсе было восемнадцать лет, и, как бы ей тошно ни было, она была красивой девушкой, которой в жизни не приходилось примерять королевский наряд или просто длинное вечернее платье.

— Платье должно быть белым, подвенечным,— сказал Дантес,— ты ведь у нас невинная, правда?

— А вам какое дело?

— Это дело государственное.

— Если бы я знала...

— Отлично! Это и следовало доказать.— Дантес неприятно рассмеялся, показав золотые зубы.

Когда Люся надела платье и туфли, Дантес сводил ее в комнатку-сейф, где за стальной дверью тянулись полки, на них стояли коробки с драгоценностями.

— Достояние короны,— произнес Дантес.

Он вытащил из шкатулки жемчужное ожерелье и алмазную диадему. Больше Люся ничего не захотела, хотя могла надеть и кольца и браслеты — Дантес разрешил.

«Невеста была одета скромно, но со вкусом,— повторяли она фразу, вычитанную в романе,— ее лицо поражало своей бледностью...»

О бледности Люся не знала. Зеркало, которое нашлось в гардеробной, хоть было и большим, от пола до потолка, но таким пыльным, что в нем виднелось не отражение, а привидение.

Конечно, лучше бы подождать со свадьбой несколько дней...

— Несolidно это,— произнесла она.

Порой Люся начинала думать про себя, а конец фразы нечаянно произносился вслух.

— Несolidно? — спросил Дантес.

— Приехала, и сразу пиры, свадьбы... Несolidно.

Конечно, это были арьергардные бои, никто ее не слушает.

— Почему несolidно? — Дантес не понял ее.— А когда solidно?

— Через месяц, через два... как положено. Сначала обручение, потом...

— Чепуха! — воскликнул Дантес.— Не все ли равно когда, если у нас здесь нет дней! Нет месяцев, нет обручений, и нечего ждать. Если я вижу вещь, я беру ее, а не уговариваю себя вернуться за ней...

Поперек зала висели елочные гирлянды и флажки. Все уже сидели за столом и ждали.

Множество людей стояло в зале, скрывая накрытый стол. Они стояли полукругом и при виде Люси начали хлопать в ладоши.

Чепуха, таких свадеб не бывает. Можно подумать, что она эстрадная певица или политик.

Дантес остановился. Она тоже.

— Не садись, сейчас придет жених,— предупредил Дантес.

И в самом деле, велосипедисты тяжело топали, подходя сзади, между ними горой сала, почти не касаясь ногами пола, обвисал император.

Велосипедисты довели его до невесты, и император, переведя дух, воскликнул высоким голосом:

— О, я не ошибся!

Затем он рухнул в кресло и сказал невесте:

— Старею, старею, хожу редко. Надо заниматься физкультурой. Садись, Люсенька. Кто будет оформлять процедуру? — спросил император.— Где Кюхельбекер?

— Он не имеет права! — закричал человек в ветхом маршальском мундире и фуражке, глубоко надвинутой на лоб.— Он не имеет права! Я старше чином. Я — княжеских кровей.

— Помолчи, Тухачевский! — сказал император.— А то не буду допускать пред очи, и сгинешь у ветеранов.

— А я настаиваю! — кричал маршал.

Принесли стул. По знаку императора Люся села на стул, и теперь ее голова оказалась лишь немного выше головы ее жениха.

Кюхельбекер вышел из боковой двери, он был в темно-красном плаще до пят и в высокой шапке — такие носят кардиналы или папа римский. Вот уж не думала, что ее брак будет регистрировать такой римский папа.

Кюхельбекер стал лицом к императору и спиной к толпе.

— У нас сегодня знаменательный день,— прогудел он, и все замолкли.— Наш драгоценный император в целях продолжения рода и создания образцовой семьи решил вступить в брак с герцогиней Люси, специально выращенной для него в специфических условиях.

Раздались аплодисменты.

— Давай не трать время,— сказал император.— Они же все равно не понимают.

«Все это балаган и оперетта,— думала Люся.— Никакая это не свадьба».

Кюхельбекер натужно вздохнул, словно вспоминал, и может, и придумывал текст.

— Скажи мне, император всея Руси Павел Петрович, согласен ли ты взять в жены герцогиню Люси Тихонову, заботиться о ней, оплодотворять ее, ласкать и кормить?

— Да! Конечно. Дальше, дальше! — Император был возбужден. Он вздрагивал в кресле.

— А ты, Люси Тихонова, согласна ли взять в мужья императора всея Руси Павла Петровича? Согласна ли ты подчиняться ему во всем, даже в самых малых его желаниях? Согласна ли ты ухаживать за ним, ласкать его и носить его детей?

— Еще чего не хватало! — сказала Люся.

Император был готов к этому, он уже держал руку на ее предплечье и больно ушипнул Люсю.

— Она согласна! — крикнул император.

Народ за столом и вокруг стал буквально беситься от радости, и потому особенно странно выделялось в толпе мрачное лицо. Оно принадлежало худому, изношенному старику в инвалидной коляске, за спиной которого стоял бугай в белом халате с вышитым на животе большим красным крестом. Вторым недовольным был Веня Малкин. Взгляд Вени был мрачным и углубленным в себя.

Люся улыбнулась Леониду Моисеевичу — хоть одно родное лицо в этом шабаше. Доктор подмигнул ей. Он снял халат и был облачен в безумно обтрепанный костюм. «Если останусь, обязательно добуду ему новый».

— Вот и все,— сказал император.— Поцелуй меня, не стесняйся, это для публики.

Господи, как же она не заметила, что уже обвенчаны? Велосипедисты приподняли императора.

Люся послушно поцеловала его в щеку. Щека была густо напудрена. У Люси запершило в носу, и она громко чихнула.

— К счастью! — крикнул кто-то из толпы.

— Горько! — начали кричать с того конца стола.

В зале было полутемно — свет скупо проникал сквозь окна, и на длинном столе стояли керосиновые лампы.

— Это бред какой-то, — сказал Веня Малкин и стал проталкиваться прочь, но Дантес заметил это движение, схватил Малкина за полу куртки и потянул к себе.

— У меня для вас есть сюрприз. Держите. — Он протянул Вене пластиковый мешок.

— Это что?

— Отойдите со мной, — сказал Дантес. — Я все объясню.

Император протянул Люсе лапу — пожатие толстых пальцев было слабым.

— Слава императрице! — закричал он странным, петушиным голосом.

— Слава! Слава! — подхватили придворные. Сегодня их было куда больше, чем мест за столом. Произошла давка, кого-то уронили на пол, кого-то побили, император искренне радовался и с удовольствием называл драчунов жене:

— Это мой герцог Задунайский, смотри, как он Дмитрия Донского колотит! А видишь академика Морозова?

— Скажите, а у кого-нибудь настоящие имена здесь есть? — спросила Люся.

Император задумался.

— Предпочитаю считать твой вопрос провокационным, — ответил он наконец. — Ибо им ставится под сомнение моя личность и легитимность моего пребывания на троне. А должен сказать тебе, что ветераны-хранители также упорно ставят это под сомнение.

— Значит, ты все-таки липовый, — упрямо сказала Люся.

— Я ночью тронное имя, потому что у меня власть, — ответил император. — Именно власть. Я могу казнить кого угодно. Издам декрет и казню тебя тоже.

— Издайте декрет о том, что императрицу казнить нельзя, — сказала Люся.

— Это почему еще? — Император искренне удивился.

— Потому что если сегодня можно казнить императрицу, то завтра можно будет казнить и императора.

— Чудесно, остроумно, — воскликнул толстяк, — правди, Кюхля?

— Разумно. Каждый думает о своей шкуре, — ответил Кюхельбекер.

Подошел Дантес, наклонился к императору.

— Он не хочет петь для нас. Даже не хочет переодеваться. Люся догадалась, что разговор идет о Вене Малкине.

— Чем мотивирует? — спросил император. Никогда бы настоящий Павел Первый не сказал так — мотивирует...

— Он сказал, что никому не подвластен. И никому не слуга.

— Дантес, душечка, объясни этому ослику, что он здесь совершенно одинок. Здесь нет его славы, нет его денег, нет его друзей. Только он. Пообещай показать ему обгорелые столбы на площади. Пускай посмотрит и подумает... Ну ладно, ты убедительно сможешь это сделать. А сейчас — за честной пир! Гуляем!

И опять — словно и не прошло шести лет — перед императором и первыми сановниками стояли блюда с бананами, ананасами, ветчиной и сыром. Дальше — бутылки с соком, стаканы с портвейном, печенье на тарелках, и в дальнем конце стола — только вода.

Впрочем, не важно, что есть, — важно, где сидеть.

Люсе есть не хотелось.

— Не отказывайся от пищи, — сказал император. И себя заставляю есть каждый день. Вот мне не хочется, а я заставляю, потому что хочу остаться здоровым, хочу быть человеком! Понимаешь меня, Люси?

Люся кивнула. В императоре прятался человек, которому очень страшно.

— Ты съешь банан, ты же императрица.

— Да у нас их вагонами привозят.

— А у нас их только император кушает. И те, кому он дозволит.

Он оторвал от грозди банан, и Люся почувствовала, как весь длинный стол, замерев, смотрит на руки императора.

Император протянул банан Люсе, та взяла, по столу прокатился удрученный вздох.

Император засмеялся.

— Ждут,— сказал он.— Ведь это главное ордена. Я с орденами все никак не разберусь, что попадетсЯ, тем и награждаю. А с бананом все ясно.

Он оторвал от грозди еще один банан и кинул его через весь стол. Над столом поднялись руки — гости старались перехватить снаряд. Но тот точно опустился в руки незнакомой Люсе худенькой женщины. Издали не было видно, старая она или молодая.

Женщина взяла банан и стала его чистить.

— Ты не знаешь,— сказал император,— она у нас новенькая. На тот Новый год примчалась. И что любопытно — оставила там у вас мужа и двоих детей. Она у меня числилась в фаворитках до твоего приезда. Так что держись от нее подальше — убьет.

Император засмеялся. И тут же оборвал смех и закричал:

— Ура! Наконец-то! Главное развлечение!

Люся увидела Веню Малкина. Он стоял справа от стола, вместо куртки на нем был малиновый пиджак. В руках гитара.

Веня не смотрел на императора.

— Надо бы поклониться,— сказал Дантес.

Веня как будто не услышал. За столом восстановилось молчание.

Веня начал петь свой известный шлягер «Ты моя малайка, дай-ка!».

Слушали его внимательно, это было непривычное развлечение.

Веня пел скучно, даже не прыгал, не махал гитарой, как обычно. Поклонники, которым достались стоячие места

в дальнем конце зала, покрикивали и посвистывали, стараясь поддержать знатного гостя.

Император также пытался изобразить внимание и благосклонность. Но ему было скучно. Он обернулся к Люсе:

— Я люблюсь тобой, моя повелительница.— Он не переставал жевать банан и делал это скучно и упорно, как корова.— Сегодня самый счастливый день моей жизни.

Он положил руку ей на колено, и Люся непроизвольно дернулась, чуть не свалившись со стула.

— Ну-ну,— сказал Кюхельбекер, который наблюдал эту сцену сзади.

Веня кончил петь, поклонники кричали, кто-то захлопал в ладоши, но аплодисменты получились жидкими. Придворные смотрели на императора.

Тот не спеша оторвал еще один банан и метнул его Вене.

— Держи! — крикнул он.— Я тебя жалую.

— А пошел ты!..— взорвался Веня.— Тоже мне благодетель. Кто тебе эти бананы приволок, кто тебя подкармливает, ублюдок? Молчал бы уж...

Веня подобрал банан с пола и метнул его со злостью императора.

Люся могла бы поймать банан — летел он небыстро. Но ей не хотелось защищать императора.

Банан ударился о щеку императора, который не успел или не догадался уклониться.

Гости за столом ахнули, зашумели.

Император стал подниматься, но велосипедисты стояли далеко и не успели подбежать, и он снова плюхнулся на свой трон и запыхтел.

— Я тебя... я тебя... кто тебя облагодетельствовал... да ты у меня сгниешь в подвале! Я тебя живьем сожгу...

Веня сделал к императору несколько шагов и остановился совсем рядом, император отшатнулся, испугался.

— Бить я тебя, жаба, не буду,— сказал Веня.— Но ты учти, что сидишь здесь, потому что я так хочу. Ты думаешь, я не знал все про вашу дырку? Ты думаешь, мои люли

здесь не побывали? Ты думаешь, я здесь один, да? Ты думаешь, что твои трупки тебя защитят?

Веня кинул в императора гитарой, Кюхельбекер перехватил ее, и два велосипедиста, добежавшие наконец до своего монарха, кинулись на певца и стали его бить. Он отмахивался руками, но под их ударами упал.

Поклонники Вени бежали к нему, они накинлись на велосипедистов, Дантес хотел было помочь охране, но кто-то ударил его ботинком по ноге, и Дантес отпрыгнул назад, крича:

— Стража! На помощь! Бунт во дворце!

Никто из гостей и придворных не пришел на помощь императору — все стали отступать к дальней стене, подальше от драки, но так, чтобы видеть ее.

Меломаны оказались шустрее велосипедистов или, по крайней мере, целеустремленнее. Девушки вырвали Веню Малкина у стражей. Подняли его и потащили прочь, к открытой двери, ведущей на перрон.

Остальные отчаянно прикрывали их отступление, и, хотя их вскоре смяли и одолели и поле боя осталось за велосипедистами, главной цели поклонники Вени добились — они увели его и убежали сами.

Те несколько минут, что продолжался бестолковый бой, император провел, сидя на троне и прикрывая толстыми руками лысую голову, и был похож на очень крупного младенца.

Когда же шум в помещении стих, он опустил руки и стал медленно оглядываться, стараясь понять, что же изменилось в зале.

— А где он? — спросил император.

— Временно сбежал, — ответил Дантес. — Но уже отряжена погоня. Куда он денется?

— Куда захочет, туда и денется. Как вы его отыщете? Он уже укрылся у моих врагов. Я буду страшен...

Это было сказано почти шепотом.

— Да, я буду страшен! — Вдруг император вскочил, словно в ноги ему вставили пружины. Он вытянул руку

вперед и стал похож на перекормленного Муссолини или Нерона.

Зараженные порывом императора, придворные и гости завопили, размахивая руками, сжимая кулаки, топоча ногами. Шум поднялся страшный.

Император стал падать назад, Люся старалась удержать его и не смогла — ладони утонули в мягкой спине, которая обтекала их невероятной тяжестью, но велосипедисты и Кюхельбекер успели на помощь, и император упал в кресло.

Потом, не открывая глаз, он несколько раз вяло махнул рукой перед лицом, как бы отгоняя табачный дым.

Свадьба завершилась.

Гости стали расходиться.

Люся вдруг хихикнула. Не хотела, а хихикнула.

— Ты что? — спросил император, услышав смех.

— А у нас всегда так — не бывает свадьбы без драки, — объяснила Люся.

— Свадьба с дракой, — сказал император. — А кого у нас обычно бьют?

— Вы же знаете — незваного гостя.

— Слава Богу, а то я уж подумал, что жениха.

Праздник закончился, и императора потащили в ковровую комнату.

— Ты прости, — сказал император, — но твоя комната еще не готова.

— А что за сложности? — спросила Люся. — Отдайте мне комнату матери и ребенка.

— Там у нас склад оружия. Арсенал, — сказал император. — Ничего страшного, поживешь в одной комнатке с мной.

Они вошли в ковровую комнату. Царь Иван Васильевич Грозный все еще убивал на стене своего сына. Это была большая картина, может быть украденная из Третьяковки, но вернее всего — копия. Кажется, шесть лет назад император что-то говорил об этой картине.

— У вас пустой город,— сказала Люся,— а вам для меня комнаты жалко.

— В пустом городе тебя в два счета достанут. Ты должна быть рядом со мной, под защитой, под охраной, черт побери! И у нас с тобой вечность.

— Так не бывает,— возразила Люся.

Она села на кучу ковров, как раз под умирающим царевичем, и прислонилась головой к прохладной стене. Что же я так устала? Может, они меня напоили чем-то? Да нет, я даже банана не съела.

— Бывает... В этом была моя великая хитрость,— ответил император.

В дверь сунулся Дантес.

— Что-нибудь надо, Павел Петрович?

— Его поймали?

— Нет еще, но ловят!

— Чтобы поймали, но не трогали. От него многое зависит, если мы его потеряем, оборвутся важные ниточки.

— Я знаю,— сказал Дантес.

— Тогда захлопни дверь, умеешь? И прикажи велосипедистам никого не пускать. У нас начинается брачная ночь. Понял?

— Ой!..— испугалась Люся,— Подождите. Какая еще ночь? Я хочу пить. И потом, мне надо выйти...

— Проводите ее,— сказал император.— Как странно, этого же с людьми не бывает.

— Но она только сегодня приехала к нам,— сказал Дантес.— Остаточные явления. Это скоро пройдет... Так что я даже не знаю, куда нам пойти...

— Да заведи ее в любую комнату по соседству,— рявкнул император.— Здесь сотни пустых комнат. И стереги. Ясно?

Люся потянула время еще, умывшись в бывшем женском туалете, превращенном в склад посуды и мебели — у местных жителей обнаружилась странная склонность превращать в склады все пустующие помещения и стаскивать туда со всего города вещи порой нужные, но большей частью совершенно ненужные. И вернее всего, собиратели складов

начинали эту работу сто лет назад, сколько существует вокзал, а может, и раньше.

Дантес крутился вокруг, боялся, что она сбежит или что-то случится.

В конце концов оттягивать возвращение к императору стало совершенно невозможно.

И тогда она решила убежать.

Она вышла совершенно покорно и пошла рядом с Дантесом на расстоянии шага, демонстрируя покорность.

А потом кинулась бежать — она знала, что никакому Дантесу за ней не угнаться.

«Убегу на набережную к Пыркину, а потом что-нибудь придумаю».

Но убежала она недалеко.

Уже в начале платформы она увидела, как из боковых дверей выбежали велосипедисты — три или четыре. Она бы обогнала их, но навстречу уже неслись придворные и гости, и вдруг, к ужасу своему, Люся поняла, что они все сидели там в засаде, что они шептались за ее спиной и даже вы считывали, постарается ли она убежать, а когда она попросилась в туалет, все поняли — охота началась!

Люся об этом не думала. Она ни о чем не думала — они металась как перепуганный заяц. Она бегала куда быстрее каждого из преследователей, но толпа все же ее одолела.

Дантесу пришлось вызволять ее из цепких лап толпы, потом он вел ее, оцарапанную, с синяком под глазом, обратно к императору.

— Наверное, у нас возникает обычай. Гонки за царской невестой.

Люся молчала. Она не понимала иронию.

И когда дверь открылась снова, она увидела, что император отполз за время ее побега в угол, где поверх ковров лежали перины. Он лежал там, распластавшись, раскинув ножищи, из-под распахнутого халата были видны полосатые трусы. Под затылком лежала горка придавленных подушек.

— А я уж волновался, — сказал император. — Ну как, облегчила тело?

Как будто он и не подозревал о попытке побега.

По мановению императорской руки Дантес закрыл дверь.

— Иди ко мне, — сказал император. — Иди, я слишком долго ждал тебя.

— Слушай, муж, — сказала Люся, которой все это ужасно надоело, — это не могло быть настоящей жизнью, от которой хочется зажмуриться, чтобы, когда откроешь глаза, ничего уже не было. — Слушай, муж, я страшно устала и хочу спать.

— Я тебя обниму, — сказал император, — я тебя буду ласкать.

— Господи, да пойми ты, нельзя меня ласкать.

— Почему?

— Потому что у меня месячные.

— Это еще что такое? — спросил император и, тут же догадавшись, поправил себя: — Ну, это не важно, ты, надеюсь, девушка?

— И не надейся, — сказала Люся.

Люся наврала своему мужу, она всем врала, ей было стыдно, что она осталась, наверное, последней в техникуме девушкой. Каким-то чутьем ее подруги догадывались о таком грехе и от определенного рода злости против нее (ах, у нее есть дача — надо сжечь!) раза два пытались поставить ее в такое положение, что деваться ей было некуда. Но Люся устояла, потому что была мешанкой. А узнала она об этом у Антона, это было в прошлом году на дне рождения у Светки Северовой, на даче, их нарочно оставили вдвоем в комнате — сговорились и оставили, Антон Люсе очень нравился, и она ему нравилась тоже, они целовались, сначала стоя у окна, просто так, осторожно, губами, а потом начали целоваться, как в американском фильме, взасос, и Люська сама не сообразила, как оказалась на кушетке, пружины торчат во все стороны — дачная мебель, а он, то есть Антон, совсем перестал владеть собой, и Люся понимала,

что она тоже не хочет владеть собой,— и он уже целовал ей грудь и потом гладил живот и ниже, и, когда он уже стал снимать с нее трусики, она вдруг сказала — то есть не она, а кто-то ее голосом сказал:

— Но ведь ты же на мне не женишься!

И сказал так грустно и серьезно, что Антон отстранился от нее и, подумав, ответил:

— А я и не собирался.

И он обиделся. Потому что понял, что глупо сейчас переубеждать Люсю. А она сама жутко жалела о том, что так сказала, готова была себе язык откусить, она очень хотела сама снова поцеловать Антона, и, если бы он захотел, она была готова на все. Но Антон поднялся с кушетки, отвернулся к окну, застегивал «молнию» и пуговицы на рубашке. И потом сказал:

— А ты мешанка, Тихонова!

И ушел, загремев каблуками по ступенькам узкой дачной лестницы.

А Люська осталась тихо плакать.

А вот второй раз, когда она уже решила, что пускай все будет как угодно, только чтобы лишиться этой проклятой девственности, у нее начались месячные. Она просто обливалась кровью, когда они с Аркадием оказались вдвоем. И он заметил. И стал ее укорять...

— Ты была с мужчиной? — спросил император.

— Два раза, — ответила Люська. Обе неудачные попытки она объявила теперь удачными.

Император загрустил.

— Я был уверен, — сказал он после паузы. — Я был убежден, что ты хранишь себя для меня.

— Я только и мечтала сюда вернуться, — сказала Люся.

— Я сдержал свое слово. Моя любовь преодолела нека!

— Лучше бы не сдержали.

— Все равно ты теперь моя жена, и о нашей любви будут петь менестрели. Такого еще не было... Учти, я огорчен твоими изменами. Потому мы о них забудем.

Голос у императора был плаксивым, от ковров пахло пылью и старым одеколоном.

— Ладно,— сказала Люся,— давайте спать. Я вот тут буду.

— А почему не со мной?

— Я уже объяснила. Мне нельзя.

— А когда это у тебя кончится?

— На днях.

Люся выбрала самый далекий от императорского ложа угол.

— Я пойду к тебе,— сказал император.

— Пока вы до меня доползете, Павел Петрович,— сказала Люся,— я пять раз через комнату перебегу, так что не старайтесь.

— Люси, ты ставишь меня в странное положение!

— Помолчите. Я же сказала, что сил нет... и живот болит...

— Да,— вдруг согласился император,— конечно... Если живот болит.

Люся сначала не спала, она думала о тех, кто остался на Земле, о Егоре и о том, как глупо сложилась ее жизнь — надо же было встретить Егорку как раз перед этим... И нельзя ему сюда, конечно, нельзя, если они его здесь поймут, то посадят в тюрьму и он переродится... «Лучше уж пускай я одна страдаю, а он пускай женится дома, как человек...» Она тихо плакала и заснула, продолжая плакать.

Засыпая, она успела подумать, что от такой туши, как ее первый муж, она всегда убежит.

Эта уверенность ее и подвела.

Видно, она заснула крепче, чем надо бы, император по коврам бесшумно подполз к Люсе. Она проснулась от страшного кошмара — будто попала в лавину в горах и на нее рухнула скала... Когда она очнулась, то не сразу сообразила, что же происходит, потому что, оказывается, Павел Петрович сначала погасил керосиновую лампу, так что свет попадал лишь через небольшое окно и в комнате было почти совсем темно, а уж потом пополз к своей жертве.

Насильник приподнялся и рухнул на Люсю. Она пыталась вдохнуть, стараясь при этом вылезти из-под лавины. К счастью, император запутался в ее подвенечном платье и на какие-то секунды его вес переместился, что дало Люсе шанс вдохнуть воздух и понять, что же происходит.

— Что вы делаете! — попыталась закричать Люся, но он положил на лицо ей мягкую потную ладонь, и она стала крутить головой, потому что ей нечем было дышать.

Она крутила головой и в отчаянии, уже совсем задыхаясь, смогла захватить зубами ладонь и укусить ее — император отдернул руку.

— Ты что! — зарычал он. — Ты забыла, чья ты жена?

Люся стала выбираться из-под груды сала, но в ее насильнике было килограммов двести, притом эта грудь сала поставила себе целью осуществить свои супружеские права.

Император тяжело дышал, дергал Люсю за юбку, стараясь добраться до заветных мест, но терял драгоценные секунды, потому что Люся уже окончательно пришла к себе.

И поединок, который начинался не в пользу девушки, постепенно закончился ее победой.

Павлу Петровичу явно не хватало рук, чтобы обезопасить себя от ответных атак, и, раз уж он не смог придушить жену сразу, ему пришлось считаться с тем, что у Люси есть две сильных руки и к тому же длинные мускулистые ноги.

Во-первых, Люся смогла так дернуть императора за ухо, попавшее под ее пальцы, что тот взвыл от боли и как-то неудачно свалился на бок, освободив правую ногу. И соответственно свободная коленка Люси врезалась ему в то самое драгоценное место, ради которого и затевалась вся операция.

— У-у-у-ух! — Император откатился в угол. — Убью!

Люся уже не только пришла в себя, но и восстановили дыхание.

— Я позову доктора, Павел Петрович? — спросила она

— Молчи... у-у-у-у... молчи...

Он затих — туша его лежала неподалеку, и слышно было лишь частое, хриплое дыхание.

Люся на всякий случай села. Если он притворяется и хочет снова напасть — она отпрыгнет в сторону.

Пауза затягивалась. И тут Люся не выдержала.

— Зря вы старались,— сказала Люся.

— А мне откуда знать! — обозлился император. — Ты мне разве дала проверить?

— Надо вам сбрасывать вес, вредно для здоровья,— сказала Люся.

— Люси,— сказал император тихо-тихо.

— Что?

— А может, попробуем? Тихо, осторожно, я не буду тебе делать больно. Я постараюсь, а ты поможешь.

— И не надейтесь. Теперь тем более.

— Тебе же некуда деваться!

— Убегу.

— Не убежишь. Мы только попробуем... А потом тебе понравится.

— А что пробовать будем? Пузо вам чесать?

Опять была пауза. Император думал.

— Выполни мою просьбу.

— Какую?

— Из тебя кровь идет?

— Немного.

— Значит, ты про месячные не врала?

— Нет, не врала.

— А ты могла бы пойти и простынку там, на моем ложе, испачкать?..

Люся не сразу догадалась зачем, а когда догадалась, засмеялась.

— Гордый ты мой, хочешь, чтобы тебя за мужика держали?

— Это больше, чем прихоть,— ответил император,— это высокая политика.

— Черт с вами,— согласилась Люся.

Она пошла и сделала, как он просил. Она победила и потому была снисходительна.

Люся провела всю свою жизнь в коммуналке, на дворе среди пьяниц и побирушек. В техникуме, конечно, было лучше, но народ был похожий. Ее было трудно напугать всякими гадостями. Может, поэтому ей даже было немного жалко этого императора. Лежит пожилой человек, мужчина, толстый и переживает, что не может сделать как положено. Даже собственную жену не может изнасиловать, хоть за дверью стоит вооруженная охрана.

— Теперь ты спи,— сказал император.— А когда мы выйдем, ты мне не возражай.

— Хорошо,— согласилась Люся.

— Спи. А меня не бойся.

— Не хочется спать.

Ей на самом деле не хотелось спать. Как самой настоящей жительнице этого мира.

Через какое-то время, вернее всего через несколько часов, император, который лежал в кресле, сказал:

— Приводи туалет в порядок. Сейчас будет утренний выход.

— А сейчас утро?

— Прикажем — наступит утро,— ответил император.

Они вышли рука об руку, Люся была тиха и послушна. У дверей стояла толпа придворных, поменьше, чем раньше, но густая.

Стол для завтрака был коротким, на нем был чай, вчерашние бананы, еще чего-то, но есть никому не хотелось. Только Люся выпила чаю.

— Поменяйте в спальне белье! — приказал император слишком громким голосом.

Придворные подходили, кланялись и поздравляли императора. Потом кланялись Люсе.

— Желаем наследника,— говорили императору.

— Желаем наследника,— говорили Люсе.

Наверное, это было смешно.

Император спросил:

- Певца поймали?
- Ищут,— сказал Кюхельбекер.
- Сколько можно искать? Чтобы сейчас же был пойман.
- Он будет пойман,— ответил министр.
- Я говорил о простыне,— напомнил император.

Дантес догадался первым и побежал в императорскую комнату. Остальные ждали его. Люся не понимала, чего они ждут, но терпела.

Наконец появился Дантес. Он медленно и торжественно шествовал, неся на вытянутых и широко расставленных руках простыню с красными пятнами.

— Вы видите,— закричал император,— моя невеста чиста!

— Ура! — завопили вокруг.

Люсе было очень стыдно, будто они застали ее в туалете, но она и это вытерпела, лишь отвернулась от кричащей, возбужденной толпы.

На счастье, тут заявился доктор, Люся кинулась к нему.

— Можно мне к вам? — крикнула она издали.

— Я жду тебя,— сказал Леонид Моисеевич.

— Иди, иди,— поддержал идею император.— Вы, доктор, проверьте, не был ли я слишком груб с моей невинной невестой.

И он так пронзительно захохотал, что Люсе казалось — хохочет толпа сумасшедших младенцев.

— Простите,— сказал доктор, когда они вошли в его кабинет,— но у меня нет гинекологического кресла и я к тому же совершенно забыл гинекологию — не приходилось здесь практиковать. В мое время все было проще...

— Меня не надо осматривать.

— Но вдруг какие-то повреждения...

— Да ничего не было!

— Люди такого рода иногда стараются удовлетворить свое тщеславие экзотическим путем...

— Доктор, не преувеличивайте, я же шустрая.

— А меня они просили снотворного вам подсыпать. И чай.

— И вы подсыпали?

— Нет, я подсыпал питьевой соды.

Люся подумала, что он, может быть, говорит неправду — иначе почему она заснула? Ведь он же придворный врач, у него строгие хозяева. Но не стала выяснять, все равно правду не узнаешь.

— А как ваши ребра? — спросила Люся.

— Ах, конечно! Попрошу вас, сделайте мне повязку по свободнее. Очень давит.

Перематывая эластичный бинт, Люся спросила:

— А у вас хоть как-нибудь время меряют?

— Честно говоря, у нас есть контрольные часы. Их все время сверяют с земным временем.

— Как? — не поняла Люся.

— Раз в год открываются врата и у нас появляются новенькие. И мы знаем точно — на Земле Новый год!

— Но это только раз в году!

— Кроме того, есть специальная Служба точного времени. Она подчиняется министру Кюхельбекеру. Там есть песочные часы. Минута, пять минут, десять минут и одни полчаса. Возле этих часов сидят специальные люди, хранители времени. Когда наступает нужда, они переворачивают песочные часы. Перевернув, они ставят галочки и специальные таблицы. Они работают от Нового года до Нового года. Так что правительство твердо знает, какой на земле год, а остальное — пустяки, правда?

— Они считают дни?

— Люся, это страшный секрет, никто не должен знать. Кюхельбекер завел эту службу только после того, как они освоили окно в ваш мир. Ему нужно высчитывать, когда оно будет, готовиться к контакту...

— И давно это окно появилось?

— Не знаю, честно, не знаю.

— А как узнать?

— Поговори с Сонечкой,— предложил Леонид Моисеевич.— С Сонечкой Рабиновой.

— Кто такая Сонечка?

— Ты ее знаешь. Такая странная девушка. Она возит кресло, с Дениской.

— Знаю,— сказала Люся.

Леонид Моисеевич смотрел на нее внимательно, чуть склонив голову:

— Ты с ней уже разговаривала?

— А вы думаете, что надо поговорить?

— Я мог давать советы девочке, но не имею права давать советы императрице.

— Леонид Моисеевич, вы же знаете всему этому цену!

— Какую?

— Вы тут все сидите и делаете вид, что боитесь сумасшедшего импотента!

— Ты не права, Люся,— быстро ответил доктор.— Мы в самом деле боимся эту банду. Они всесильны. А мы — пыль под сапогами.

— Почему вам не уйти?

— Мы боимся уйти с площади, от набережной, мы боимся даже пойти в центр города. Мы не знаем, кто там правит. Мы держимся за видимость государства, то есть права жить.

— И меня выследили и выторговали у этого Вени. Я никогда не думала, что он опустился до того, чтобы торговать девочками.

— А у него нет выхода, ты же знаешь.

— Вы про болезнь?

— У него в самом деле неизлечимая болезнь. Ему некуда деваться. Он был готов на все.

— Неужели он не вычислил, что останется здесь навечно? Даже если его болезнь лечить двумя уколами. Ему нельзя будет вернуться.

— Он надеялся. Ведь и ты надеешься, что сможешь вернуться?

— Да, надеюсь,— сказала Люся.— Где мне найти Соню?

— Этого никто не знает,— ответил доктор.— Иногда они приходит сюда, иногда она уходит на Воробьевы горы. Она бродит в нашем районе, она непредсказуема.

— Это неправда! Ведь Кюхельбекер знает.

— У Кюхельбекера есть возможность ее найти.

— К нему я не пойду,— сказала Люся.— Он не скажет

— Почему?

— Он очень злой. Внутри он злой.

— Он хочет стать императором,— сказал доктор.— Я так думаю...

— Если бы вам, Леонид Моисеевич, захотелось найти Соню, где бы вы ее искали?

— Не знаю, честное слово, не знаю. Но, наверное, искал бы ее в районе метро «Университетская» и Нового цирка.

— Тогда у меня к вам просьба,— сказала Люся,— пожалуйста, будьте так любезны... Спросите у Кюхельбекера.

Доктор обещал помочь, но не знал, удастся или нет.

Люся еще долго сидела у него. Все равно делать пока нечего — она спрашивала о ветеранах, которые нападали на Егора, и доктор объяснил ей, что это и в самом деле люди, которых тянет к объединению, к порядку и которым в той жизни привыкли быть в партии, последние попали сюда в начале девяностых. Они ненавидят императора, и если бы остальные не боялись их прихода к власти, то дали бы убить императора, и Кюхлю, и Леонида Моисеевича. Но их меньшинство и они не всемогущи...

— Ты знаешь о фундаменталистах? — спросил доктор.

— Это у нас в Средней Азии, они хотят на всех женщин паранджу надеть и чтобы были гаремы.

— Приблизительно. Но главное, они хотят, чтобы миром правила их религия. Там очень интересная публика подобралась... Они хотят прервать все связи с вашим миром, они боятся, что ты или Веня — это зараза, которую император нарочно ввозит сюда, чтобы погубить наш мир, который, по их мнению, создан как полигон для будущего чистого, организованного мира. Они верят, что в конце концов они

будут править здесь, раз уж не удалось там, у вас. Ты меня понимаешь?

— Я понимаю,— сказала Люся,— что даже в самом глубоком подвале мы сразу начинаем гражданскую войну... А они, эти фундаменталисты, они прячутся? Их нельзя найти?

— А зачем их находить?

— Вас мало. Я думаю, что императору не нужны враги. Доктор улыбнулся.

— Ты умница,— сказал он.— С тобой приятно разговаривать. Твой мозг, как необработанный, но чистый камень, отражает связи окружающего мира. Может, потому, что ты остаешься здесь зрительницей. Нас так мало, и всем страшно.. Я думаю, что между императором и ветеранами достигнут статус-кво. Только не убеждай меня, что ты знаешь перевод этого выражения.

— Я не знаю,— сказала Люся,— но догадаться нетрудно. Это значит договор или заговор.

— Ты почти права.

— Они меня убьют?

— Они могут убить. А могут и не тронуть. Покушение на тебя состоялось, когда ты была еще никем. Теперь ты императрица и защищена обычаем.

— Разве раньше были императрицы?

— Здесь не принято составлять хроники или вести дневники. Для меня история без времени — черная яма. Для других — тоже. Мы ничего не хотим знать.

— А где я найду Соню Рабинову? — неожиданно спросила Люся.

— Если узнаю — скажу.

— Спасибо.

— Ты куда?

— Я хочу найти Дантеса. Мне нужно заполучить назад мои джинсы и кроссовки. Не ходить же мне вечно в подвенечном платье.

— Это очень красиво.

В дверь кабинета ударили — дверь распахнулась. Там стоял император, крепко подхваченный велосипедистами личной охраны.

— Ты почему от меня скрываешься? — сказал он. — Я же тоскую без тебя.

— Сейчас иду, — сказала Люся.

Она скользнула в узкую щель между его тушей и косяком двери. Император качнулся, стараясь прижать ее, схватить, но она уже стояла за его спиной.

— Я хочу найти Дантеса, — сказала Люся.

— А спать ты не пойдешь? — громко спросил император. — Мне так нравится с тобой спать!

— Обязательно пойду, но мы же только что встали, и теперь моему организму надо оправиться от того, что вы с ним натворили!

Император пожевал губами, соображая, обидели его или сделали комплимент. Наконец он решил обрадоваться.

— Правда, — сказал он, — тебе надо отдохнуть от меня.

— Вы не видели Дантеса? — спросила Люся. — Мне нужно переодеться, и к тому же он обещал выделить мне комнату поблизости от вашей.

— И не мечтай.

— Доктор! — в отчаянии закричала Люся.

Доктор понял и отозвался из глубины медпункта:

— Даме надо иметь свою туалетную комнату. Из соображений гигиены. Даже простолюдины в нашем государстве имеют свои комнаты.

— Ну ладно, ладно, — отмахнулся император. — Дантес на платформе у багажного отделения. Я только что его видел. Там коллекционеры собрались, представляешь, они собирают марки и монеты!

Люсе удалось, подождав, правда, вытащить Дантеса из толпы коллекционеров, и он проводил ее в гардеробную. Потом они долго искали подходящую комнату. Люся капризничала, Дантес сердился, потому что спешил к своим коллегам, но Люсе нужна была комната с внутренним туалетом. Она нашла ее — это была комната с решительной

черной табличкой «Посторонним вход воспрещен». Там даже сохранился письменный стол с запертыми ящиками. Туда Люся утащила ворох тряпок, которые набрала в гардеробной.

Дантесу претила роль носильщика, но Люся ему нравилась. Он боялся, что его заметят придворные, и, быстро скользя от лестницы в опочивальню, кинул одежду на пол.

— Господин Дантес,— сказала Люся, когда переезд был завершен и Дантес вздохнул с облегчением, что его никто не увидел.— Мне хочется встретиться с Соней Рабиновой.

— Еще чего не хватало! — ответил Дантес.

Он не сообразил, зачем Люсе такая встреча, и накручивал на палец золотистый локон, стараясь привести мысли в порядок.

— Она мне очень понравилась,— сказала Люся,— я хочу с ней дружить. Может быть, я ее возьму даже во фрейлины.

И тут Дантес раскусил хитрость Люси:

— Ты думаешь, она расскажет тебе, как бежать от нас? Черта с два! Она ничего не знает и знать не может. Она лишь орудие. Тупое, нерассуждающее орудие.

— Она мне не кажется тупой,— сказала Люся.

— Ни черта ты здесь не понимаешь!

И вдруг Люся поняла, что она не должна позволять ему переходить на тон шестилетней давности.

— Господин Дантес,— сказала она, изображая королеву,— попрошу вас не грубить. Вы забываете, с кем имеете дело.

— Да ты что?

— Я позову стражу,— сказала Люся.

И Дантес понял, что она и в самом деле так сделает. Он проглотил слюну.

— Но я не знаю, как найти эту Рабинову. Я знаю только, что она сама сюда приходит, когда надо...

Он обиженно отправился к двери, от двери отомстил:

— Спрашивай у Кюхли. Но учти, что он с тобой не будет, как я, цацкаться.

Она закрыла дверь, сорвала с себя это паршивое подвенечное платье, оно взвилось над полом и медленно опустилось, как морской скат опускается на песчаное дно.

И вдруг Люсе стало страшно, обидно и горько.

И она заревела.

Она поняла, что никогда не наденет такого платья ни настоящую свадьбу. И все кончено. И жизнь ее кончена, и она будет теперь чахнуть в этой коробке вокзала.

Ей нечего было устраивать в новой комнате, но существование комнаты как-то отделяло ее от противного императора. Не вечно же спать в ногах у Павла Петровича, которого, может, в паспорте зовут совершенно иначе. Может, даже Герингом.

Она натянула джинсы, кроссовки, и тут ей захотелось спать — непонятно почему, может, перенервничала.

Когда она проснулась, то долго не могла понять, где она.

В дверь постучали.

— Император велел прийти на праздничный ужин. Мы продолжаем торжества.

Снова все сидели за столом и делали вид, что едят, Люська не прислушивалась к разговорам и старалась не смотреть на ту самую простыню, которую вывесили как трофейное знамя. Господи, ну как же выжить здесь!

Потом она решила попробовать иной путь. Она спросила мужа:

— Павел, мне можно погулять?

— Как так погулять?

— Я хочу сохранить форму, как ты,— сказала она.

Кюхельбекер, который подслушивал все разговоры, укоризненно проговорил:

— Допустимо ли так обращаться к нашему любимому императору?

Император смотрел на них по очереди, переводя круглую голову с жены на главного министра и обратно. Ни конец губы его разъехались в усмешке:

— Никому нельзя называть меня Павлом, никому не дозволено обращаться ко мне в единственном числе. За это положена смертная казнь. Ясно?

Голос его поднялся почти до визга и разнесся по всему залу. Кюхельбекер не скрывал торжества, Люся поняла, что ошиблась в оценке характера своего мужа.

Но тот продолжал:

— Никому, за исключением моей единственной прекрасной супруги Люси.

Он поманил ее согнутым указательным пальцем, Люся послушно наклонилась к нему, и он поцеловал ее в губы холодными влажными губами.

«Как мертвец,— подумала она. И мысленно добавила: — А скоро мы с ним станем парочкой — сладкой парочкой».

— Павел,— сказала она, отстраняясь от императора,— я хочу погулять по окрестностям.

— Где у нас безопасное направление? — спросил император у Кюхельбекера.

Тот сделал вид, что ничего не произошло.

— У нас нет безопасных направлений для прогулок,— ответил министр.— Как вы знаете, ваше величество...

Последние слова были произнесены с ударением, почти с издевкой.

— Почему?

Вдоль стола среди гостей, немногочисленных на этот раз, прокатился шумок.

— Потому что не пойманы люди, которые перед вашей свадьбой устроили покушение на невесту императора.

И Кюхельбекер повел длинной рукой в сторону входа в вокзал, где лежала расколотая каменная плита.

— Потому что до сих пор не пойман певец Веня Малкин.

— А вот это для меня загадка,— сказал Павел Петрович, сразу забыв о просьбе Люси.— Волки его, что ли, загрызли?

— У нас нет волков,— быстро ответил лишенный воображения Дантес.

— Правильно. Значит, он попал к бандитам, разбойникам, пожирателям трупов, которых мои доблестные самокатчики до сих пор не могут истребить.

— А как их истребишь,— сказал велосипедист, стоявший за троном,— если они на том берегу живут, а мы тут не плаваем?

— Значит, ты думаешь, что он поплыл на тот берег?

Велосипедист не ответил, а Кюхельбекер прогудел, шелевя громадным кадыком, готовым прорвать кожу на шее.

— Малкин убежал вместе со своими поклонниками. Убежавших, очевидно, шестеро. По крайней мере, одна из этой публики побывала на том берегу.

— Почему мне не докладывают?

— Это было давно,— сказал министр,— ее похитили, но не убили. Она жила там, с ними... потом убежала. Я ее допрашивал об этих бандитах.

— И что она сказала?

— Это одна из небольших банд. Весь тот берег, насколько хватает взгляда, поделен на территории. Каждой владеет бандитская группа. А наш берег — это берег цивилизованных государств. Я бы мог провести параллель с ситуацией между степными ордами и цивилизованным миром средневековья. Орды вторгались в культурные области, грабили и убегали, если встречали отпор. И этим грабежом в значительной степени жили.

— Как жаль, что ты мне тогда не дал поговорить с той... пленницей. Я так люблю интересные документальные истории.

— Я не хотел вас беспокоить.

— Ну уж! — сказал Дантес, и император, усмехнувшись, кивнул:

— Я согласен с Дантесом. Ты, Кюхля, замечательно усвоил правило: чем у тебя больше секретов, которые ты забыл разделить с окружающими, включая своего любимого монарха, тем ты богаче, а мы беднее. И что же она еще рассказала?

— Я предпочел бы остаться вдвоем с вами,— сказал Кюхля.

— У меня другие дела,— сказала Люся, прежде чем император успел возразить министру.— Мы попозже увидимся.

— А я? — спросил Дантес.

— Ах, делайте что хотите! — в сердцах вскричал император.— Какие у нас могут быть секреты! Ты у меня, Дантес, полководец, и тебе надо все знать.

Люся пошла к выходу из вокзала — впервые за время, проведенное здесь, она окажется на улице. А сколько прошло времени? Черт его знает — вернее всего, сутки. В каждом человеке есть внутренние часы, но они работают тем точнее, чем меньший отрезок времени ты прожил без внешних часов. А что ты будешь делать в мире, где всегда одинаковое серое небо и всегда чуть прохладнее, чем хотелось бы?

Отойдя шагов на сто, она оглянулась и увидела, что император, с трудом повернув голову, машет рукой. И тут же один из велосипедистов затрусил следом.

«Ну и пускай,— подумала Люся.— Пускай сопровождают. Я сейчас далеко не убегу».

Она дождалась велосипедиста у расколотой плиты. Господи, меня и быть не должно — как же доктор успел оттолкнуть меня? Значит, он спас мне жизнь? Рядом с плитой что-то сверкнуло. Люся подняла маленькую красную звездочку с портретом Мао Цзэдуна. Как она попала сюда?

Люся приколола ее к себе на курточку.

Площадь была велика, даже бесконечна — до самой реки. Черные обгорелые столбы казались черными пальцами закопанной в землю руки. Несколько старых автомобилей стояли, забытые временем.

Вдали у реки вдоль парапета стояли какие-то фигурки. Чем занимаются эти люди? Ведь не спят, не работают и, если не считать ветеранов, не заседают.

Она прошла через площадь. Велосипедист шагал сзади.

— Я хочу в гости поехать,— сказала Люся охраннику.

— Куда? — спросил тот.

— К Метромосту. Там Пыркин и Партизан живут, вы знаете?

— Я туда давно не ездил,— сказал велосипедист.

— А можно достать велосипед? Не как у вас, а настоящий?

— А мы не специально их делали,— ответил велосипедист.— Мы в цирке нашли. Целый запас. Нас самокатчиками зовут.

Разговаривая с велосипедистом, Люся шла через площадь, стараясь не приближаться к обгорелым столбам.

У речки она обнаружила трех рыболовов. Они стояли с удочками.

— Что-нибудь ловится? — спросила Люся.

— Дура,— отозвался рыболов постарше, в непромокаемом плаще и широкополой шляпе.— Откуда здесь рыба?

— Но не оставляем надежды,— откликнулся второй рыболов, совсем еще молоденький.

— Вы здесь недавно? — спросила Люся.

— Не знаю,— ответил молодой рыболов.— Откуда мне знать?

— И все ловите?

— Все ловим.

Люся посмотрела направо — река уходила прямо, и если бы был виден ажурный железнодорожный мост. Вот в ту сторону ей надо отправиться. Но как?

— Значит, настоящих велосипедов нет? — спросили Люся.

— Есть.

— А где их найти?

— Это у господина Дантеса спросите,— проговорился велосипедист.— У них в арсенале есть.

Люся стояла на берегу, глядя, как течет серая вода.

Потом вернулась на вокзал.

Она нашла Дантеса в медицинском кабинете. Он сидел там на койке и жевал банан.

— Нигде спрятаться нельзя,— капризно проворчал он,— всюду глаза.

— Ешьте, ешьте, он полезный,— сказала Люся.

— Но не для меня.

— А почему едите?

— Не пропадать же хорошей пище,— засмеялся доктор.

— Чепуха, чепуха, чепуха! — откликнулся Дантес.— В бананах содержатся очень ценные витамины. Я вчера говорил с магистром.

— Магистр,— пояснил доктор,— это наш местный работник белой магии.

— И черной тоже. В последнее время он нашел пути к Вельзевулу,— заметил Дантес.— Это пронзительный человек! Даже не человек — существо. Зря император ему не доверяет.

— Он ложки крадет,— сказал доктор.

— Выдумка Кюхли. Ты же знаешь, что Кюхля ко всем ревнует императора. Будь его воля, носил бы императора в кармане.

Последние слова Дантес произнес полупрошептом и полупрошептом же посмеялся потом.

— А у вас в арсенале есть велосипеды? — спросила Люся.

— Есть, а тебе зачем?

— Покататься,— сказала Люся.— Мне надоело здесь сидеть.

— Императрица — самокатчица! — Дантес долго смеялся.

Потом он ушел, а Люся спросила доктора:

— А где он хранит велосипеды?

— Люся, это очень опасно!

— А как еще мне добраться до Сони Рабиновой?

— Не нужна тебе эта Соня. Ничего ты от нее не узнаешь.

— Леонид Моисеевич, у меня нет выбора,— сказала Люся.

— Никогда не скажешь, что тебе только восемнадцать лет,— улыбнулся доктор.— Можно подумать, что ты у нас лет сто прожила и набралась всяких слов.

— Так куда мне идти?

— Это где-то под вокзалом,— сказал доктор.— Я же там не был.

— А кто мне покажет?

— Не знаю.

— Тогда мы пойдем вместе.

— Этого еще не хватало!

— Да поймите же, Леонид Моисеевич! Вместе с вами я могу гулять свободно, никто внимания не обратит. Так вы пойдете гулять с императрицей?

— Пойду, мой ангел,— сказал доктор.

Он снял со спинки стула черный мятый пиджак.

— Мне не нравятся женщины в брюках,— сказал он.—

В мои времена женщины не носили брюк.

— В какие времена?

— Когда-нибудь расскажу. Это было совсем недавно, чуть больше ста лет назад.

Через гулкий сводчатый зал вокзала, который, опустев, обрел истинные размеры, они прошли на платформы. В конце за полукругом широкой арки бежали серые облака.

— Пошли по правой платформе,— предложил доктор.

Коллекционеры, которые все еще возились с марками, на них не обращали внимания.

— Какая жалость, что я не собираю марок,— сказал Леонид Моисеевич,— вы знаете, что они не уходят отсюда сутками, а иногда неделями — какое счастье! Никто тебя не торопит, никто не ждет, только ты, твои альбомы и твои конкуренты.

— Странно, что тут нет художников или писателей.

— Может, и есть,— сказал доктор,— только я их не встретил. Нас ведь мало, нас в миллион раз меньше, чем дома. Статистика за то, что к нам ни один творческий человек не попадет. А вот поэт был, но недолго. Он пытался покончить с собой там, выжил, кинулся к нам, и у нас тоже пробыл недолго. Только я не помню его фамилии.

Люся молчала.

Они дошли до края платформы, вышли на открытую площадку и повернули направо. И тут Люся получила ответ на один из вопросов.

На асфальте были вычерчены «классики». Сложные, с номерами. Несколько женщин разного возраста, или, вернее, разной степени изношенности, стояли вокруг «классиков», наблюдая за тем, как одна из них прыгала из клетки в клетку.

Никто не обратил внимания на Люсю и доктора. Этот мир уже потерял к Люсе интерес.

Доктор еще раз повернул направо — они оказались перед входом в метро.

Здесь им повезло.

Пока доктор стоял в растерянности, вспоминая, куда идти дальше, из метро вышел самокатчик. Он нес под мышкой пять или шесть сабель в ножнах, как несут к костру нарубленные сучья.

— Куда несешь? — спросил его доктор голосом отдыхающего начальника.

— Тревога у нас, — ответил самокатчик. — Опасаемся набегов из-за речки.

— Это правильно, — сказал доктор. — Ты один?

— Сержант уже пошел, — сказал самокатчик.

Они подождали, пока самокатчик скроется. Но сразу нырнуть в метро не удалось. Показалась плачущая женщина.

Недавно Люся видела ее игравшей в «классики».

— Они все жулье, — сказала женщина. — Я больше не буду с ними играть.

Доктор с Люсей вошли в метро.

— Я побуду здесь, — сказал доктор, — чтобы тебя не застали.

Он все-таки побаивался гнева властей.

— А куда мне идти? — спросила Люся.

— Я знаю столько же, сколько и ты.

Впереди была темнота. Люся совсем забыла, что метро не освещается.

— Присмотрись,— сказал доктор,— мне кажется, что впереди что-то светится.

Люся постояла минуты две с зажмуренными глазами; когда открыла их, убедилась в том, что впереди в самом деле есть свет.

— Я пошла,— сказала Люся.

— Ну иди,— сказал доктор.

Спереди тянуло холодным воздухом.

Светящаяся точка становилась все ярче. Люся пошла быстрее, и это чуть не кончилось трагически, потому что она не заметила верхней ступеньки лестницы и полетела вниз, но каким-то чудом не упала, а села на нижнюю ступеньку.

Дальше было светлее.

Керосиновая лампа стояла возле закрытой на амбарный замок двери. Но в замке торчал ключ. Рядом никого не было.

Еле освещенные светом керосиновой лампы, виднелись какие-то конструкции. Люся заглянула туда. Она почти угадала. У стены коридора стояло несколько мотоциклов и мотороллеров, машин ненужных и непонятно зачем здесь спрятанных. Но велосипедов не было.

Люся решила взять лампу, и тут же из темноты по ту сторону лампы выскочило грубое, искаженное гримасой лицо. Толстая волосатая рука выхватила лампу у Люси.

— Ты что тут делаешь? — спросил незнакомец.

— А вы? — спросила Люська. От страха получилось громко и визгливо.

— Я хранитель склада,— сказал мужчина.— Сейчас я тебя отведу куда надо.

— Вы хранитель? — Люся быстро пришла в себя, делаясь некуда. Припертый к стенке заяц становится опасен.— Вот тебя мне и надо,— сказала Люся.— Ты меня узнал? Свою императрицу?

— Откуда мне знать?

— Тебе что, не сказали?

— Я здесь сижу, я хранитель склада.

— А мне срочно нужен велосипед, вот я и пришла сюда.
Люся поглядела на кладовщика. У него было широкое, тупое, мучнистое лицо и черные круглые глаза.

— Мне нужен велосипед. У тебя есть велосипед?

— А мне приказано оружие никому не выдавать. Если что — сразу вызывать помощь.

Люся удивилась. Она не знала, что в этом царстве есть какая-то связь.

Кладовщик, желая пояснить, показал на шнур или провод с грузом на конце, свисавший со стены.

— Мне оружие не нужно. Ты его береги,— сказала Люся.— Совсем не нужно мне ваше оружие. Мне велосипед нужен.

Люся потянула кладовщика за рукав, и он покорно пошел за ней вглубь.

Там было кладбище велосипедов. И почти сразу Люся увидела велосипед, который был ей нужен,— современный, на больших широких колесах.

— Посвети,— велела она кладовщику.

Тот посветил. Он все еще пребывал в сомнении.

— Ты записывать будешь? — спросила Люся.

— Я все помню,— сказал кладовщик.

Он стоял, держа лампу в высоко поднятой руке, как будто хотел осветить Люсе дорогу до выхода.

Люся выкатила велосипед на улицу. День показался ослепительно ярким, будто вышло солнце. Интересно, а есть ли здесь солнце и луна? И где же доктор?

Не обнаружив его, Люся покатила велосипед вдоль стены вокзала. Так как никого вокруг не было, она решила проверить, выдержит ли он ее — а то придется возвращаться на склад.

Только она закинула ногу, чтобы взобраться в седло, как увидела доктора. Тот вышел из какой-то ниши.

— Я так переживал,— сказал он.

— Крикнули бы, что ли,— укорила его Люся.

— Не сердитесь, вы же императрица, а я просто врач. Вы помните, как они уничтожили мою железную дорогу?

— Спасибо за все,— сказала Люся.— Я поехала.

— Как? Прямо сейчас?

— А когда?

— Надо подготовиться, взять что-то с собой.

— Может, дома я бы стала собираться,— сказала Люся,— а здесь зачем? Погода всегда хорошая, меня пока не хватились.

— Тогда я побежал к себе в кабинет. Вы меня не видели.

— Разумеется, не видела,— согласилась Люся.— Бегите.

Доктор поспешил к входу в вокзал. Люся тем временем забралась в седло и попробовала проехать на велосипеде вдоль стены. Велосипед оказался, на счастье, ловким, легким, послушным, будто вчера его смазали.

Просчитав про себя до двухсот, Люся поехала прочь от вокзала. Но она не стала рисковать и проезжать перед фасадом, а выехала на набережную вдоль Бородинского моста и покатила направо.

Рыбаки все так же стояли у парапета. Они не обернулись.

Люся считала, что ей наконец-то немного повезло. Но нельзя же, чтобы человеку всегда не везло!

Люся быстро ехала по набережной, никого не встретив, кроме одного самокатчика. Самокатчик вез какие-то коробки, привязанные к багажнику велосипеда. Он поглядел на Люську из-под каски, и Люся пожалела, что не заметила его раньше. Теперь он точно доложит на вокзале, что императрица сбежала.

Она приближалась к мосту Окружной железной дороги, и ее охватило странное, приятное чувство возвращения домой.

Конечно, она могла бы поехать за мостом верхней дорогой, по Мосфильмовской или по Воробьевке, чтобы скорее добраться до Детского музыкального театра, но она понимала, что, если не повезет, она будет искать эту Соню тысячу лет, пока ее не поймают или она сама не попадет к привидениям или разбойникам. Поэтому Люся поехала

левее, вдоль реки, в гости к Пыркину, который ее не предаст, который ничего не боится и, может быть, расскажет ей, как искать Рабинову.

Она поглядела на тот берег, но там было пусто. Почему-то ей казалось, что Веня Малкин скрывается там, у бандитов. Как же он их не испугался?

Пыркина она увидела даже раньше, чем надеялась.

Сначала к ней прибежал Жулик.

Пес прыгал возле нее, весело лаял и махал хвостом. А потом показался и сам Пыркин.

— Мой ангел во плоти! — воскликнул он издали. — А я был убежден, что моя ничтожная физиономия испарилась из вашей памяти, мадам!

Люся остановилась, одной ногой на земле, другой — на педали.

— Я тебя, Пыркин, искала, — сказала она.

— А ты скажи сначала, — потребовал он, — скажи, правда ли то, что ты добровольно возвратилась в нашу преисподнюю, чтобы стать ее императрицей?

— Уже донесли?

— У нас вести хоть и не скоро, но бродят.

— Все сложнее, Пыркин, мне надо с тобой посоветоваться.

Странно было не то, что Пыркин не изменился, — главное, что он не переоделся. То же длинное черное пальто без рукава, та же оранжевая рубаша под ним. Но рукав разорван, облит темным — это кровь шестилетней давности.

Ничего не изменилось, но износилось настолько, что пальто готово было рассыпаться по швам.

— Ты бы переоделся, Пыркин, — сказала Люся.

— Некогда, — искренне ответил Пыркин. — Я все занят.

— Чем же ты занят?

— Большей частью я думаю, — признался бывший сосед. — Иногда хожу туда, наверх, по городу гуляю. Все думал, а вдруг тебя встречу. Вот и встретил. Так ты правда за этого пузыря вышла?

— А куда нам деваться? — сказала Люся. — С нашего двора только в королевский дворец, правда?

— А я тебя сразу узнал, — сказал Пыркин, решив, видно, не углубляться в диалектику Люсиных слов. — Ты хоть вымахала как верста коломенская, но я тебя сразу узнал. В школу ходишь?

Люся прислонила велосипед к какому-то столбику и села на землю.

Пыркин садиться не стал, а стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Пыркин, ну что ты несешь? Мне уже восемнадцать.

— Значит, и будет всегда восемнадцать, — сказал Пыркин. — Это удачный возраст. Вот я сюда в пятьдесят попал — и там пожил, и здесь живу. А то я только недавно ветераном видел. Знаешь ветеранов?

— Слышала.

— Они здесь крутятся, — сказал Пыркин. — Так они куда меня старше.

— А чего они здесь делают? — спросила Люся.

— Соньку Рабинову ищут.

— Ох, и нашли?

— Пока не нашли. Но найдут. Они настырные. Добри не жди. Там во главе Распутин. Борода — во!

— А что им от нее нужно?

— Не говорят, да я их и не спрашивал. Боюсь я ветеранов. Пойдем к нам, чаю попьем. Если ты не беглая. А если ты беглая, то ты к нам лучше не ходи, а то нас всех накажут. Ты ведь как вернулась, на телеге с самим Кухельбекером ехала, я видал, я тебя встречал. Знаешь, у меня в моем холодном сердце вдруг что-то шелкнуло: надо, пора выходить на улицу, говорит мое сердце, ожидает тебя знаменательная встреча. Я вышел, а тут ты идешь.

— Пыркин, скажи мне, а где мне Соню Рабинову найти?

— Так ты что — в ветераны перешла?

— Пыркин, я разве похожа на ветеранку?

— Похоже — не похоже, это пустой разговор. Может, ты и не Люська Тихонова вовсе. С чего я решил, что ты

Люська Тихонова? Ты на нее вовсе не похожа. Ты больше на ветеранку похожа.

— Ладно,— сказала Люся,— пошли к тебе чай пить.

— Нет, я тебя чай пить не звал,— сказал Пыркин.— Ты мне докажи сначала, что ты Люська Тихонова.

— А мне доказывать не нужно,— сказала Люся.— Мы же в одном дворе жили, а ты раньше учителем в школе был, а тебя за пьянку попросили.

— Это правильно, но это все знают.

— А что вы в третьем подъезде на шестом этаже жили и бутылку почти полную с балкона уронили, Марьи Сергевны кошку зашибли и вас в милицию водили?

— Людмила, забудь об этом...— Потом он подумал немного и сказал: — Какая сладкая жизнь была!

Люся думала, что он вспомнит что-то о дворе или соседях, а он смахнул слезу и закончил:

— На каждом углу водку давали.

— Теперь чай позовешь пить?

— Теперь позову. Только если ты обещаешь мне, что не стала ихней шпионкой и императрицей.

— Ладно уж, Пыркин, пошли.

Они дошли до бытовки минут за пятнадцать, за дружеским разговором никого не встретив.

Лишь на том берегу Москвы-реки горел костер. Возле него ходили люди размером с муравья, так что угадать, кто там есть, было невозможно. А вдруг и в самом деле Веня Малкин оказался среди бандитов?

У дверцы голубой бытовки стояла инвалидная коляска на колесиках.

Вот это неожиданность!

— Они здесь? Чего же ты не сказал?

— А если бы уже ушли? Тебе бы какое разочарование! Разве я не понимаю?

Люська прислонила велосипед к стенке бытовки и сказала Жулику:

— Ты постереги, ладно?

Жулик тявкнул, он был верным песиком.

Люся быстро вошла в бытовку.

Они все сидели за столом и мирно беседовали. Люся ворвалась с шумом, испугавшим всех.

— Здравствуйте,— сказала она, глядя на Соню Рабинову.

Партизан, надевший в этот раз генеральскую фуражку, узнал ее не сразу, а стал жмуриться, приставлять ладонь козырьком к глазам и бормотать невнятно. Кроме них, в бытовке оказалась новая жительница — маленькая серая женщина со скошенной челюстью и птичьим носом, который тянулся кончиком к губе.

И конечно же идиот.

Может, это был не идиот, только Люся про себя называла его так.

Он не обернулся к Люсе, а продолжал тянуть воду из стакана, словно это было увлекательным занятием, а вместо воды ему достался апельсиновый сок.

— Люся,— сказал наконец Партизан.— Пыркин мне говорил, что ты вернулась. Он говорил, а я не поверил. Я решил, как разумный человек: если тебя снова увидели, значит, ты никуда не уходила, а просто здесь по соседству все это время бродила.

— А вы совсем не изменились,— сказала Люся.

— А вот ты изменилась, и это странно. Но я тебе должен сказать, что если ты нашла пищу специальную, от которой растут, мне говорили, что есть такая, будто под Малаховкой растет пальма, а с нее падают такие кокосы, что если их есть, то вырастешь...

— Вы меня искали? — спросила Соня, близоруко шарясь.

— Простите, что я так настойчиво...

— Я все понимаю. Давайте выйдем, погуляем немножко по берегу, мне ведь тоже хочется вас кое о чем спросить.

— Ты бы сначала чайку отведала,— сказал Пыркин.

— Ты чай заваривать не умеешь,— сказала Люся. И никогда не умел.

Никто не засмеялся, впрочем, Люся и не рассчитывала на это.

Девушки вышли наружу. Они спустились по ступенькам к парапету. Вода в реке была серая, она отражала небо.

— Мне иногда хочется уплыть отсюда, — сказала Соня. Люся наконец-то смогла ее рассмотреть.

Соня была высока, ростом с Люсю, но склонна к полноте. Правда, ей никогда не стать полной, по крайней мере здесь. Волосы у Сони были черные, густые, зачесанные назад, с пробором посреди головы. Она носила очки. Больше Люся ни у кого не видела очков, словно люди здесь презирали необходимость хорошо видеть. Как вижу, так и вижу... А платье у Сони было какое-то детдомовское, балахоном, видно, она поддалась здешнему обычаю — носить, пока не развалится.

Соня тоже разглядывала Люсю.

— Мне вас очень жалко, — сказала Соня. Глаза у нее были карие, в черных ресницах. — Я сначала не знала, какая вам уготована роль, а потом поняла, что это трагедия.

Интеллигентная, подумала Люся. Она не презирала интеллигентов, как было принято в ее семье и среди любовников матери. Она сама хотела стать интеллигентной.

— Скажите, а вы знаете, как мне отсюда уйти? — спросила Люся. Лучше сразу спросить, время дорого.

— Мне трудно ответить на этот вопрос.

— Ну вы хоть знаете, как меня украли?

— Со мной никто не разговаривает, — отвечала Соня.

— Я отсюда уже уходила.

— Я знаю, — сказала Соня. — Вы же меня тогда видели.

— Конечно, но тогда я еще не понимала, что все зависит от вас.

— Нет, — сказала Соня, — не от меня. От Дениса.

— Кто такой Денис?

— Это мальчик. Он там за столом сидит, он больной, но очень хороший.

— А вы редко бываете на вокзале? — спросила Люся.

— Я там вообще не бываю,— ответила Соня.— Ни разу не была.

— И не видели императора?

— Я знаю, что там кто-то живет, но не интересуюсь этим. Да мне и нельзя отсюда уезжать.

— Почему?

— Во-первых, Дениске трудно ездить на большие расстояния, но главное — университетская библиотека. Гигантская библиотека, и часть книг там сохранилась.

— Вы читаете? — спросила Люся.

Ну вот, а она думала, что здесь никто не читает.

— Здесь все такие нелюбопытные.— Соня сняла очки, подышала на них, вытерла стекла подолом платья и сказала: — Знаете, никто еще не спросил меня, почему я никогда не расстаюсь с Денисом. Никто. Они думают, что мы — какая-то единая машина.

На том берегу реки костер разгорелся ярче, и от этого света стало казаться, что наступает вечер.

— А там разбойники,— сказала Соня.— Они заменяют жизнь убийствами. У нас каждый чем-нибудь заменяет себе жизнь. У меня — книги. Я ведь аспиранткой была. По английской филологии. Я изучала Чосера. Вам это что-то говорит?

— Немного,— соврала Люся, которой хотелось быть приятной.— Я в книготорговом техникуме учусь. Мы приходили английскую литературу.

— Не может быть! Вас Людмилой зовут, да?

— Люсей.

— Господи, встретить живого человека в этом аду!

— А ты почему здесь оказалась? — спросила Люся. Она незаметно для себя перешла на «ты» — все-таки они такие молодые, студентки.

— Это... ну... личное дело. Я очень любила одного человека, и он меня оставил... Он меня довольно подло оставил. И я хотела покончить с собой, но испугалась. А потом стала мечтать, как бы сделать так, чтобы остаться

совсем одной — проснуться, у всех Новый год, а я совсем одна.

— Это давно было?

— Вчера,— сказала Соня. Потом, видно, подумала, что Люся может счесть ответ грубым, пояснила: — Это случилось в пятьдесят шестом году, но для меня это — вчерашний день... Я иногда думаю: Господи, ему же сейчас шестьдесят лет, даже больше, а я молодая и красивая.

Соня вдруг всхлипнула.

— Я какой-то моральный урод. Все время хочу плакать. И знаешь почему? Никогда не догадаешься — потому что мне хочется иметь детей. Хотя бы одного ребеночка. И для меня Денис — спасение. Наверное, он удовлетворяет мой материнский инстинкт. Ты понимаешь?

— А чего тут не понимать? — ответила Люся.

— Но я нашла его не в Москве,— сказала Соня,— вернее, встретила.

— Ты ходила куда-то?

— Ой, извините, Люся, я вам неправильно сказала — дело в том, что я пришла в этот мир не здесь... Я жила в Калязине. Знаете такой город?

— Слыхала,— осторожно сказала Люся.

— Это город на Волге, маленький город, там колокольня затопленная стоит. Там все друг друга знают, а после того, что со мной произошло, мне в Калязине жить было нельзя. Там каждый пальцем показывал...

Соня замолчала. Несмотря на черноту волос, крупный нос и полные, капризно очерченные губы, лицо ее было вовсе не восточным, а мягким, северным и очень добрым. Но глаза были печальны, нет, наверное, лучше сказать — скорбные глаза.

— И как же ты приехала в Москву?

— Я пришла, разумеется,— сказала Соня.

— Из Калязина? А это далеко?

— Километров... больше двухсот. Я шла три недели.

— Но почему?

— Представьте себе, Люся, что я очнулась в пустом городе. Ведь если в Калязине и случается с кем-то то же, что и со мной, эти люди или погибают в одиночестве и тоске, или уходят, поселяются в больших городах, где людей больше. Даже мы, мертвецы, стараемся найти себе подобных.

— И ты не испугалась?

— Я не сразу пошла,— сказала Соня,— не сразу. Сначала я не понимала, что со мной произошло. Я жила в собственной комнате, спала на собственной кровати, а потом поняла, что больше не хочу ни спать, ни есть. Но мой мозг продолжал работать... Я думала, что это — сон... А потом поняла, что это — смерть.

— Смерть?

— Я и сейчас думаю, что умерла. Так лучше.

— Но ведь я среди вас. А возвращалась домой.

— Значит, ты умерла дважды. А впрочем, кто нам сказал, что между жизнью и смертью нет дверей? Любимая религия предусматривает такие двери. Хотя бы односторонние.

— И ты одна пошла сюда?

— Я пошла искать людей.

— Тебе было страшно?

— Сначала было страшно, и тогда я пряталась в своей комнате. Потом я устала бояться, и ко мне даже возвратился какой-то интерес к окружающей действительности.

— И ты долго шла?

— Долго.

— И никого не встречала?

— Я многих встречала. Этот мир тоже населен, и странно населен. Он населен как сон, как воспоминание о былой жизни и как карикатура на другой мир.

— А мне даже страшно подумать, как ты шла.

— А мне смешно вспоминать,— улыбнулась Соня. — И я стою сейчас здесь только потому, что в нашем, мертвом мире почти невозможно убить человека. Ты должен унич

тожить его. И бывало, что я как бы умираю, меня убивали, а потом я приходила в себя и снова шла.

— Как Пыркин,— сказала Люся.

— Разумеется, когда обмен веществ так понижен... А Пыркин очень хороший, добрый человек. И знаешь — мне ведь приходилось встречать хороших людей. Но чаще все дурное, что копилось в человеке, вылезает наружу, потому что это мир без наказания, без страха наказания.

— Ну не везде!

— Страх придумывают себе люди, чтобы было оправдание подчиниться.— Соня догадалась, что Люся имеет в виду империю Киевского вокзала.— Но за пределами империй и банд также существуют люди. Есть отшельники, а есть небольшие группы людей: секты, коммуны, я даже была в колхозе. Ты, Люся, не представляешь, как порой бывает интересно путешествовать.

— Может быть. Но мне страшно представить.

— А Дениску я нашла в пустом дачном поселке на станции Трудовая. Это километрах в сорока от Москвы. Я пошла по поселку в поисках книжного магазина. Бывают у станции книжные магазины. И вдруг испугалась — вижу инвалидное кресло, и в нем дремлет это существо. Вот и все.

— Нет, не все,— возразила Люся,— тут самое главное и начинается.

Соня ответила не сразу. Она смотрела на костер на том берегу, потом долго разглядывала воду.

— Может, сделать лодку? — сказала она наконец.— Или плот. И отправиться к морю.

— И ты его привезла в Москву?

— Я представила себе, что он так и будет сидеть в этой коляске, пока не умрет в ней. Один в пустом дачном поселке, в котором три четверти деревьев исчезло, а остальные голые, в котором стоят развалившиеся дачи... Ты не представляешь, какая это тоска.

— А твой... Денис, он понимал это?

— Он многого не понимает, зато он очень тонко чувствует. Ты, наверное, слышала о телепатах?

— Слышала.

— Так вот он эмфат. То есть человек, у которого сильно развиты чувства, в том числе предчувствие. Он чувствует любовь, ненависть, жалость... Если вы стоите рядом с человеком, а он вас ненавидит, то, может быть, вы этой ненависти не ощутите, а будете говорить с ним, как с другом. Или вас любят, а вы не догадываетесь...

— Ну уж!

— Все бывает. А с Денисом иначе. Он так обрадовался, что увидел меня, а я тогда не поняла — думала, от одиночества. Одиночество его не пугает, он его не чувствует. В нем есть свой собственный мир, до которого нам никогда не докопаться. Но вот мою жалость к нему, мой страх, что с таким беспомощным существом что-то может произойти, — вот это он почувствовал. И я почувствовала, как ему меня не хватало. Я так и не знаю, почему он оказался там, в Трудовой, что за горе проникло так глубоко в него, что он остался в этом мире? И как может это сделать умственно неполноценный человек?.. Ничего я не знаю. Но я тогда поняла — вот есть существо, которое нуждается во мне. И моя жизнь приобрела смысл.

— Сразу? — почему-то спросила Люся.

— Да. Сразу. Я подошла к нему... Он был такой грязный, несчастный, и я повезла его к станции, там я видела бочку с водой. Я его умыла, потом мы пошли в Москву.

— И вас не трогали?

— Никто нас не трогал. Нас вообще больше никто ни когда не трогал. Это даже интересно. Как будто Дениски распространял вокруг себя какое-то поле... Нас никто не трогал. Хотя, конечно, мы с ним являем собой нелепое и жалкое зрелище.

— Ничего, что ты его там оставила? — Люся показала на бытовку.

— Что ты! Он так любит к ним в гости ездить! Чай пить. Он слов мало знает, но у него богатые интонации, вы не поверите! И если к нему нормально относятся, то он может в таком месте век просидеть. А они его не гонят. Они сами

за этим чаем могут годы проводить. И еще он Жулика любит. И знаете — собачка отвечает ему взаимностью...

Наступила тишина, которую прервала Соня:

— А у меня в городе, прямо в университетской библиотеке, есть своя комната, свой уголок, на первом этаже, чтобы мне было легче Дениску туда завозить. Там мы живем, читаем...

— А мне все на вокзале говорили, что отыскать тебя нельзя.

— Врут они,— Соня улыбнулась. Глаза за очками были неправдоподобно громадными и не улыбались.— Оттуда и до двери недалеко.

— До какой двери?

— Ну, до двери в ваш мир,— сказала Соня.

— Вот это для меня главная тайна,— сказала Люся,— и конечно же самая важная.

— Почему?

— Потому что если я смогу уйти в ближайшие дни, то с моей кровью еще ничего не случится... То есть я смогу снова жить у нас.

— Ты хочешь вернуться?

— Господи, Соня, ты что, разве не понимаешь, как я сюда попала?

— Я видела...

— И не задумалась ни о чем?

— Мы с Дениской об этом не думаем,— ответила Соня.— Главное, чтобы нас оставили в покое.

— Тогда сделай усилие!

— Разве это что-нибудь изменит?

Конечно же Люся попала на разговоры о книжках и любви к Денису. И забыла, что все равно Соня — словно саламандра, холоднокровное существо...

— Слушай меня внимательно,— сказала Люся.— Шесть лет назад...

— Шесть лет?

— Погоди! Шесть лет назад я была девчонкой, мне было двенадцать лет. Я попала сюда. И мне, и еще одному маль-

чику, Егору, удалось отсюда уйти. С твоей помощью. Ты помнишь, как шесть лет назад вы отправили через дверь в наше время девочку и юношу?

Соня нахмурилась. Потом спросила:

— А зачем вас отправили обратно?

— Это длинная и глупая история. В общем, я попалась на глаза вашему императору, царю Киевского вокзала, герцогу общественных туалетов, князю автостоянки...

— Ты шутишь?

— Шучу, шучу... но он-то не шутил. Он, оказывается, отправил меня домой специально, чтобы я, как они говорят, созрела. И когда мне исполнилось восемнадцать лет, меня должны были утянуть сюда обратно и сделать женой императора. И это им удалось, потому что никто не принимал их всерьез. Меня усыпили и в таком состоянии привезли сюда. Ты же видела!

— Да, я все видела,— согласилась Соня.— И как вас отправляли туда, я помню, и как вы вернулись... но я не думала, что это один и тот же человек. И что было потом?

— Потом? Вчера, а может, позавчера... я сама путаюсь в вашем времени... меня как бы обвенчали с вашим Павлом Петровичем.

— Кто такой Павел Петрович?

— Это и есть император всея вокзала. Я теперь твои императрица и могу отрубить тебе голову.

— Не шути так, Люся, потому что здесь все воспринимается так серьезно, что лучше не шутить.

— Мне надо домой.

— Ну вот,— вздохнула Соня.— Говорили, говорили, и теперь ты так странно ставишь вопрос. Мне с тобой интересно. Переезжай ко мне в библиотеку.

— Ты не понимаешь, Соня, что я еще могу жить, как все, я могу иметь детей, я могу видеть настоящее солнце... Сонечка, пожалуйста, пожалей меня, открой для меня дверь в мой мир!

Люся всхлипнула. Сейчас все надежды сконцентрировались в очкастой губастой тетке и в ее идиоте. Они знали

секрет золотого ключика, и без них она погибнет в лапах Карабаса-Барабаса.

Соня не могла никак понять, чего же Люся хочет. Нет, она понимала, что Люся хочет возвратиться в свой мир, она была бы рада помочь Люсе, но то, чего Люся требовала, было немыслимо и уж никак не касалось Сони и Дениса.

— А у господина императора еще жены есть? — спросила Соня, обнаружив полное незнание ситуации в собственной столице.

— Соня, при чем тут другие жены? Ты мне скажи, почему ты не хочешь мне помочь? Я тебя пришибить готова!

И зачем только из Люси вырвалась злоба! Сразу заверещал в бытовке Дениска, и Партизан выскочил на крыльцо.

— Девочки! — закричал он. — Девочки, не ссорьтесь! Ребенок же все чувствует и переживает.

— Ой, ну как же ты могла! — Соня сразу забыла о Люсе и кинулась к бытовке.

Люся осталась на берегу. Так она ничего и не узнала. Хотя все-таки сделано немало — познакомилась с Соней. Теперь осталось самое важное — убедить Соню открыть для нее дверь в наш мир. По крайней мере, понятно, что Соня знает, как это происходит.

Какое-то движение на том берегу реки привлекло ее внимание.

Люся пригляделась — там стояли два человека. Один молодой, стройный, длинноволосый, в джинсовом костюме, второй пониже его, с бородкой клинышком. Точнее не разберешь из-за легкой мглы, что плывет над водой.

В полной тишине у реки было слышно, что эти люди разговаривают, хотя слов не разобрать. Молодой, высокий как будто узнал Люсю, помахал ей рукой.

Люся пожала плечами.

— Императрица! — закричал высокий.

По голосу она догадалась, что это Веня Малкин.

Так и есть — он ушел к разбойникам. Ему, наверное, скучно в тусовке у Киевского вокзала, а может, он хочет отомстить императору.

Она помахала Вене в ответ. Не потому, что он ей нравился. Она не выносила его. Но все же знакомый...

— Приезжай к нам! — крикнул Веня. — Будешь ты царица мира!

Второй подпрыгнул, как будто это помогло ему крикнуть громче:

— Мы за тобой лодку пошлем!

— Ту же самую? — спросила Люся. Вряд ли они ее услышали — но она помнила, как бандитская лодка уплывала на тот берег, а на мачту была насажена женская голова...

От бытовки спустилась Соня.

— С кем ты разговариваешь?

— Это Веня Малкин, — сказала Люся, — ты должна его помнить. Это певец, который вместе со мной пришел.

— Я не вижу, — сказала Соня. — У меня очки слабые, а я ужасно близорукая.

— Привет, девочки! — донесся крик с того берега. — У нас веселье, вино и песни!

К двум молодым людям подошел еще один человек, вернее всего, бандит, в черной куртке и черной шляпе с пером — маскарадный тиролец.

— Мы пойдем домой, — сказала Соня. — А то они и в самом деле сюда приплывут... Они же совершенно безответственные. Как звери.

— Интересно, а почему они Веню не трогают?

— Это ты у него спроси, — сказала Соня. — Может быть, они заранее договорились?

Соня пошла наверх. Как раз из бытовки выносили Дениску, Соня вытерла ему вытекающую из угла рта струйку слюны. Дениска не улыбался, он морщил лоб, что-то его смущало, что-то не нравилось.

— Он чует бандитов, — сказала Соня. — Разумеется, не точно проводить сравнения между человеком и животным,

но его ощущения часто близки к первобытным чувствам лесных обитателей, вы меня понимаете?

Дениса посадили в кресло, и он сразу задремал.

Пыркин с Партизаном по более-менее пологой дорожке покатали кресло вверх. Соня шла рядом. Люся тоже пошла с ними. Она катила велосипед.

— Ты не рассказала,— Люся вернулась к прерванному разговору,— как ты узнала о существовании двери и о том, что сквозь нее можно проходить.

— Тут я совершенно ни при чем. Но когда я появилась в этих местах с Денисом, меня стал опекать некий Кюхельбекер, ты его знаешь. Он уверял меня, что надо бояться ветеранов, есть тут такая организация древних людей. Ветераны могут убить Дениса. Почему, спросила я Кюхельбекера. Потому, ответил он, что здесь уже был такой человек, юродивый, очень давно, и этот юродивый, оказывается, мог предсказать, когда между нашими мирами откроется щель. И больше того, какой-то умный человек догадался, что сквозь эту щель может пройти человек. Никто не помнит, как это все происходило, те, кто имел доступ к щели, таились, а теперь они уже износились и пропали, но какие-то тайные связи между двумя мирами были. А если покопаться в библиотеках или архивах там, наверху, то можно найти их в рассказах и легендах. Но уже тогда, давно, были такие люди — ветераны. Они считали, что этот мир дан им для того, чтобы в нем не повторялись ошибки и вольности верхнего мира. Это были старые, изношенные, но злобные люди. Они боялись вредного влияния, они думали, что через щель могут прийти идеи и нравы, которые разрушат чистоту и пустоту этого мира. Прости меня, Люся, я не очень понимаю психологию этих ветеранов, я знаю только, что от них исходит злоба. И Кюхельбекер сказал мне, что того, прежнего, юродивого выследили и убили ветераны. А потом Кюхельбекер и еще один доктор, может, ты знаешь его...

— Знаю. Леонид Моисеевич.

— Нет, Леонид Моисеевич сидит на вокзале. А Иван Сергеевич ездил с нами в экспедиции. У Кюхельбекера были старинные записи. Мы старались их расшифровать и понять, как появляется щель. И мы искали ее, надеясь, что Денис будет чувствовать.

— И Денис стал чувствовать?

— Кюхельбекер говорит, что он чувствует куда лучше прежнего юродивого. И в конце концов все высчитали и отыскиали пути к людям оттуда. Но я не могу тебе все рассказать; не потому, что не хочу, Люся, а потому, что это очень долго и скучно.

— Щель сама открывается или ее открывает твой Денис? — спросила Люся.

— Он только чувствует, когда это произойдет.

Они вышли наверх.

— Дальше мы пойдем сами, — сказала Соня.

— Я провожу вас, — сказала Люся. — А если можно, я у вас поживу.

— Зачем?

— Когда будет окно в наш мир, я сразу в него уйду. Чтобы не упустить момента.

— Нет, — возразил Пыркин. — Ты думаешь, куда хочешь, туда и пошла? Ты ведь кто теперь — императрица Киевского вокзала! А если императрица смоталась куда не попадая, что начнется в государстве? Начнется великий кавардак.

— Ну и пускай начинается.

— Загибаю пальцы, — сказал Пыркин. — Первым делом всех допросят на вокзале, и еще с пристрастием. Там ктонибудь знает, что ты велосипед взяла и сюда поехала?

— Доктор знает, Леонид Моисеевич.

Соня остановилась, слегка опираясь на спинку коляски. Она слушала вопрос внимательно и кивала головой, соглашаясь с Пыркиным.

— Значит, твоему Леониду Моисеевичу оторвут одно место.

— Пыркин, не преувеличивай. Они все доктора ушажают.

— Нет, Соня, ты на нее погляди! Они — уважают!

— К сожалению, Люся,— тихо проговорила Соня,— слова «уважение» в лексиконе наших здешних соотечественников не существует. Это слово относится к миру со временем. Кого я могу уважать вечно?

— Ты тоже думаешь...

— Каждый здесь испытывает боль, если сделать ему больно. Это замечательное наследство, Люся. Они сделают твоему доктору так больно, что он расскажет больше, чем знает.

— Ну и что? И где они меня найдут?

— Следующим в очереди будут Пыркин и Партизан,— объяснила Соня.— А там уж найти тебя не составит труда.

— А я спрячусь в каком-нибудь пустом доме.

— Зачем?

— Я буду ждать.

— И если тебя не сожрут привидения, не растерзают бродяги, не загрызут крысы, то в конце концов ты вылезешь искать меня. А я буду благополучно жить, окруженная велосипедистами. И твой Кюхельбекер радостно скажет: «Добро пожаловать, императрица, вам пора в постельку к его величеству!»

— Но что мне тогда делать? Что делать?

— Будь хитрой, как змея,— сказал вдруг Пыркин.— Как тот змий, который Еву соблазнил.

— А император как, ничего мужик? — вмешался в разговор Партизан.

Пыркин дал ему подзатыльник — благо затылок Партизана находился на уровне пыркинского пупа.

— Пыркин прав,— сказала Соня.— Возвращайся, ласковая, послушная, ты ездила гулять, и не больше того. Ездила и вернулась. И придумай — ты умная, вот и придумай, чтобы в следующий раз, когда окно откроется, тебя взяли с собой, как — не знаю, но сделай! А Пыркина я пришлю к тебе сказать, когда это будет. Скоро.

— Ох, как не хочется возвращаться,— вздохнула Люся, понимая, что они правы.

— Денис устал,— сказала Сонечка.— Мы пошли. Было очень приятно познакомиться.

— Мы увидимся,— сказала Люся.

— Конечно, увидимся.

Соня покатила коляску в сторону университета.

Они постояли, глядя ей вслед.

Потом Пыркин сказал:

— Я тебя провожу.

— Не надо, я на велосипеде, так быстрее.

Партизан поддержал ее:

— Какой разговор — на велосипеде она как птица пролетит! Мне бы такой.

— Буду уезжать от вас, обязательно оставлю вам велосипед,— сказала Люся.

Они попрощались с ней, и Люся покатила вниз по Воробьевскому шоссе.

Там, где оно сливалось с Мосфильмовской, Люся увидела велосипедиста. Он лежал, раскинув руки на мостовой, наверное, разумно было бы объехать его. Но Люся затормозила. Слезла с велосипеда. Она знала, что люди здесь умирают редко. А если велосипедист упал и расшибся, может, надо ему помочь?

Она присела на корточки и услышала веселый свист.

С двух сторон к ней бежали незнакомые люди, одетые вызывающе. Один из них был тот самый разбойник, что убил Марфуту.

— Ой, не надо! — закричала Люся. Она постаралась поднять велосипед, сесть на него и умчаться и даже успела покатить его вперед и бежать за ним, заноса ногу, чтобы прыгнуть в седло,— но один из разбойников ударил ее в бок, и все они полетели на асфальт — она, разбойник и велосипед.

Часть четвертая

ГАРИК ГАГАРИН

Знаменитый писатель Евгений Замятин, автор первой современной антиутопии «Мы», как-то ехал в поезде с Горьким и поведал ему тему фантастического романа. «Представьте, — сказал он, — что космический корабль теряет управление и начинает падать, притягиваемый звездой. И по расчетам известно, что корабль упадет на раскаленную звезду и превратится ни во что ровно через год. Интересно бы написать, что будут делать и как себя вести люди в корабле». Когда я прочел эти слова Замятина, я подумал — а ведь ничего не произойдет. Ведь мы все знаем, что умрем.

Правда, нам неведомо когда. Но все равно умрем в течение нескольких десятков лет. Разве из-за этого мы перестаем собирать марки или не женимся? Так и с экипажем космического корабля. Несколько дней они посокрушаются, кто-то кончит жизнь самоубийством, а кто-то скажет наконец правду ненавистному другу. А потом примутся жить, как раньше. Вот это будет правдивый фантастический роман.

То же самое происходило и в нашей лаборатории. Да, мы знали, что, скорее всего, Егор открыл невероятный другой мир, что мы не одиноки на собственной Земле.

Понять это немыслимо, доказать невозможно, но побывать там — пожалуйста.

Казалось бы, после такого открытия мы должны были более ни о чем не думать. Да и весь наш институт должен был бросить свои силы на раскрытие этой тайны. Мы обязаны были войти в правительство с особой важности заявлением — ведь из этого мира могла исходить для нас неведомая угроза.

Ничего подобного мы не сделали. Мы работали, вели другие темы, жили, как прежде. И ждали. Ждали, когда что-то еще случится. Безумствовал только Егор. Но безумствовал, лишь приезжая к нам, — дома он молчал, в институте он молчал, соблюдая видимость обыкновенной жизни.

Мы падали на раскаленную звезду, доигрывая партию в шахматы.

И все изменилось лишь в тот день, когда полковник Миша, терпеливый и спокойный, умевший ничему не удивляться, позвонил и попросил меня к телефону. К телефону мне идти не хотелось, потому что только что вернулась из отпуска услада моего сердца Катрин и я делал вид, что очень интересуюсь тем, как она сдавала экзамены. На деле же я просто любовался ею. И конечно, не желал разговаривать на отвлеченные темы.

Но, как дисциплинированный сотрудник института, и подошел к телефону.

Полковник Миша попросил меня приехать к нему в управление, чтобы ознакомиться с новыми материалами по интересующему нас обоим вопросу. Затем вежливо передал привет Калерии Петровне и спросил, как себя чувствует лаборантка Тамара. Нет, мне никогда не догадаться, есть ли у полковника Миши чувство юмора или это просто сарказм.

Пропуск мне был выписан, и внизу меня даже ждал молодой человек, по выправке кавалерист, представившийся лейтенантом Доценко.

В комнате кроме полковника Миши были еще два неизвестных мне молчаливых человека, то ли понятых, то ли

агентов угрозыска. Полковник посадил меня за большой пустой стол и положил передо мной большой пакет.

— Смотрите, Юрий, — предложил он. — И скажите, нет ли на фотографиях знакомых вам людей.

Фотографии были цветные, двенадцать на восемнадцать, не все четкие, снятые в каком-то ресторане или клубе.

На них было много народу. На первой и второй ни одного знакомого лица я не заметил. На третьей я увидел, хоть и нечетко, на заднем плане Крошку Барби.

Но я ничего говорить не стал, лишь отодвинул фотографию в другую сторону.

Барби присутствовал и еще на двух фотографиях. На одной из них он был снят крупным планом — кубическая рожа и стрижка такая, будто ему на темечко поставили утюг.

Но на последней из фотографий я увидел Барби, разговаривающего с философом Аркашей. Философ Аркаша был так же лохмат и неопрятно одет, как в театре. Но по всему было видно, что Барби общается с ним не для того, чтобы показать сторожу на дверь. Им было о чем поговорить.

Итак, я отложил три фотографии.

Все присутствующие в комнате смотрели на меня внимательно, как на фокусника, демонстрирующего ловкость рук, и желали меня разоблачить.

— Ваше мнение? — спросил Миша.

— На этих фотографиях изображен человек, который убил директора Пронькина.

— Как его зовут?

— Я знаю только его кличку — Барби. Англизированный вариант слова Барбос. Еще его зовут Крошка Барби, что говорит о развитой фантазии в уголовном мире.

— Хорошо, — сказал усталым голосом полковник. Полковникам положено говорить усталым голосом — так давно повелось в отечественной детективной литературе. — Вы потом расскажете мне, откуда вы знаете так много об этом

человеке. Сейчас изложите, где и при каких обстоятельствах этот человек совершил убийство.

Я сообщил, где и при каких обстоятельствах совершенно было убийство. Хотя уже рассказывал об этом.

Никто не спросил меня, какого черта я вертелся у места преступления. Возможно, полковник их уговорил не задавать мне лишних вопросов.

Тут он сам должен был спросить меня, знаком ли мне кто-нибудь еще из лиц, изображенных на фотографиях. Ведь он вместе со мной видел философа Аркашу. Но полковник этого не сделал. Философа он почему-то хотел отдать мне. По крайней мере, так я понял его молчание.

Люди в комнате стали задавать мне нетрудные вопросы, должны поставить под сомнение мое умение служить слепым. На вопросы я ответил блистательно и был отпущен на волю — в коридор.

Полковник вышел минут через десять, сел рядом со мной на деревянную жесткую скамейку и закурил.

— Поговорить с Аркашей хочешь? — спросил он меня.

Этой фразой он вернул меня в разряд знакомых. Полагаю, что если бы он испытывал ко мне неприязнь, то остался бы со мной на «вы».

— Как поговорить?

— Он здесь.

— А Барби?

— Барби в другом месте.

— В каком?

— Ты, гляжу, любопытный.

— Нет, любознательный.

— И есть разница?

— Есть. Где Барби?

— В морге.

— Господи! Кто его убил?

— Мы вышли на него, когда он гулял в одном ночном клубе. Отмечал свой отъезд на Кипр. В узком кругу. Там мы и сделали эти снимки. Но пока мы организовывали операцию по его захвату, нас опередили его недруги. И,

как говорится, в завязавшейся стычке были жертвы с обеих сторон.

— Его убили...

— Не надо так расстраиваться. Может быть, тебе повезет с философом.

— А что с Аркашей?

— С ним ничего не случилось. Когда мы приехали, он еще сидел под столом. Мы его и привезли сюда. Вместе с другой мелкой сошкой. Мы его отпускаем.

— Почему?

— Господи, ну какое же древнее у нас правовое сознание! Нет того чтобы спросить, за что мы задерживаем философа, ты спрашиваешь, почему мы его отпускаем.

— Хорошо, я спрашиваю тогда, почему вы его задерживаете?

— Сейчас отпустим. Ничего у нас против философа нет. Мы его засекли в ночном клубе, где имеет право находиться любой. Мы его даже сфотографировали во время беседы с Барби, которого мы как раз хотели задержать по подозрению в очередном убийстве. Больше у нас на него ничего нет. Ни наркотиков, ни оружия, ни даже сопротивления при аресте. Святой человек. Так что я подумал — с ним захотят поговорить ребята Калерии Петровны.

— Правильно.

— Теперь слушай, Юрий. Философ, разумеется, не знает, что мы его сейчас отпустим. Если ты скажешь, что ты простой отечественный ученый, он с тобой вообще разговаривать не станет. Так что у тебя два козыря. Первый козырь: он не должен догадываться, что он уже фактически свободен. Второй козырь заключается в том, что он должен заподозрить в тебе важного следователя, который наконец-то до него дорвался. Но если ты, Юрий, хоть раз скажешь открыто, что ты следователь или работник милиции, то совершишь большое должностное преступление.

— И на какой же должности я совершу это преступление? В качестве младшего научного сотрудника Института экспертизы?

— Ты всегда остаешься гражданином,— туманно ответил полковник.

Стряхнув пепел с сигареты в стоявший на полу горшок с пыльным тропическим растением, он добавил:

— В общем, не подведи меня. И если он сознается в делах по моей части, не забудь сообщить.

— Не забуду,— обещал я.

Он поднялся.

— Я тебя сам провожу. Как ты понимаешь...

Я хотел за него закончить фразу словами: «...я уже совершаю должностное преступление», но не стал — он мог понять меня всерьез и послать домой.

Я ждал философа в маленькой комнатке с одним голым столом, двумя стульями и железным шкафом в углу. Я сидел за столом, представляя себе, что я следователь и даже полковник.

Аркадия ввел милиционер и молча вышел, прикрыв за собой дверь.

— Ну вот! — сказал Аркадий, опередив мое сдержанное приветствие работника милиции.— Так я и думал! Я еще в театре заметил — что-то у этого мужичка глаза бегают. Не иначе как мент.

— Садитесь,— сказал я.— И, если нетрудно, отодвиньте занавес с лица, чтобы я мог видеть, бегают ли у вас глаза.

— Никогда не откажусь от своего преимущества,— изложил Аркаша.

Мне показалось, что его копыта, терновый куст, шерсть кавказской овчарки стала еще гуще и длиннее, чем месяц назад.

— В Полинезии вам цены не будет,— сказал я.

— Конкретно — на каком острове? И когда вы меня туда пошлете?

Я промолчал и стал внимательно разглядывать его. Через полминуты он агрессивно спросил:

— Чего вы во мне не видали?

— Вы знали, конечно, что ваш друг Барби — бандит и убийца? — спросил я.

— Какой Барби? Не знаю никакого Барби! — Ответ последовал так быстро и яростно, что было ясно — Аркадий врет, но был готов к вопросу и потому решил отпираться. Это была правильная политика — если у следователя нет улик.

— А фамилия Пронькин вам что-нибудь говорит?

— То же, что и Маркс. Это двуногое вульгарис! — ответил философ.

— А почему вы из театра сразу после нашего визита смылись?

— Мне надоело сторожить то, что не подлежит сбережению. Я решил отдохнуть и подготовиться к поступлению в университет. Может быть, вы слышали, что я увлекаюсь философией?

— Мы с вами уже встречались, — сказал я. — Поэтому можете не вешать мне лапшу на уши. О ваших делах с Барби милиции уже известно. Отпускать вас не намерены, и я постараюсь сделать так, чтобы вы опоздали к следующим вступительным экзаменам. Поверьте, это в моих силах. Вами и вашими друзьями очень недовольны в высоких кругах.

— Барбоса убили? — спросил философ. — Я видел, как он упал, все засуетились, свет погас. А потом ваши сотрудники начали всех нас хватать.

— Барби вам уже не поможет. Так же, как и Веня Малкин.

— Никогда с ним не общался, — признался философ, сверкая глазками сквозь волосяную завесу. Сверкал он так, что я решил — врет он про Малкина. Потому решил спросить:

— Значит, мы запишем, что Вениамин Малкин никогда не приходил по ночам в театр и вы никогда его не пропускали.

— Даже если и приходил, смотрел мимо меня, словно я мебель. А у меня ранимая душа, гражданин начальник.

— Хорошо,— обрадовался я косвенному признанию философа.— Значит, с вами он не разговаривал, а командовал вами непосредственно Барби.

— Да нет, не Барби,— отмахнулся от меня Аркадий.— Пронькин меня мобилизовал. Знаете такого? Оказывается, его тоже убили.

— И кто же вам сказал об этом?

— Вся Москва знает.

— Значит, убили.

Мы скорбно помолчали.

— Многие погибают,— сказал Аркадий.

— Другие проводят лучшие годы жизни в тюрьмах.

— Но я же ни в чем не виноват! Честное слово! — Это было сказано совсем другим голосом. Аркадию не хотелось в тюрьму, и он понимал, что его судьба может зависеть от моего расположения.

— Могу предложить соглашение. Мне не нравится слово «сделка».

— Какое? — Философ даже раздвинул волосяной водопад, чтобы лучше взглянуть в меня.

— Мне нужно знать — только честно,— что вы делали в театре, с кем были там на связи и как все это происходило. Остальные ваши дела меня не интересуют.

— Так это и есть мои дела!

— Вот и рассказывайте.

— Мы с Пронькиным учились,— начал Аркадий обычным голосом,— в одном классе. Потом наши пути разошлись. Я потянулся в науку, а он крутился возле искусства. Мне наука ничего не дала, кроме переживаний, и он ездил на «чероки».

— Думаю, что это малкинский джип. Пронькин его использовал как служебную машину.

— Нет, вы скажите, раньше это было возможно? Я и коммунистов голосовал. Потому что устал от этих нуворишей с их джипами.

— Замечательно,— похвалил я философа,— отлично гармонирует с вашим солипсизмом.

— Запомнили?

— Заучил. И продолжайте, пожалуйста. Мне некогда.

— А мне спешить некуда,— в рифму сказал арестант.—

Ну ладно, продолжаю, продолжаю. Как-то я встретил Пронькина, разговорились, то да се, он узнал, что меня из университета выперли. И сказал, что есть работа, специально для интеллигентного человека. Так я попал в театр. Ничего плохого я не имел в виду. И сейчас не имею. Курить можно?

Я оглянулся. Нигде не было пепельницы.

— Потерпите,— сказал я.— Немного осталось.

Философ вздохнул, но ссориться со мной не стал. Ему было страшно.

— Расскажите, в чем заключалась ваша работа.

Главное было не забывать, что я должен держать милицейский, допросный тон. Не переходить на беседу.

— Я сторожем работал,— невинно сообщил мне философ.— Ночным сторожем. Вы об этом знаете.

— Прекратите кривляться,— приказал я.— Если бы вы были простым ночным сторожем, то здесь бы не оказались.

— А я, честное слово, не знаю...

— И наверное, Пронькин по дружбе познакомил вас с Барби.

— Я не знаю...

— И в чем же заключались ваши обязанности?

Я чуть было не сказал: «А то сейчас полковника Мишу позову!»

Хотя звать полковника нельзя. То, что мне сообщит сейчас Аркаша, не предназначается для полковничьих ушей.

Философ вздохнул.

— Хорошо. Я ухожу, а вас отправят в камеру.

— Я же ни в чем...

— Послушайте, философ,— сказал я, впуская в голос дозу презрения.— В нашей стране даже поговорка есть, маленькие дети ее впитывают с молоком матери: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся». Это имеются в виду невинные. А вы — виноватый. Вас поймали в притоне, вы общались

с бандитом, вы скрывались от правосудия... Или вы все рассказываете, или я ухожу. И больше с вами нормально никто разговаривать не станет.

— Ну ладно, ладно, только это вас разочарует.

Оказывается, Пронькин дал Аркадию прибор, специальный прибор. Тут я не выдержал и потребовал выдать прибор. Аркаша объяснил, что он как раз и приезжал в тот ночной клуб на встречу с Барби, чтобы вернуть прибор.

— И отдал?

— Нет, не успел. Тут стрельба началась и ваши прибежали. Я думаю, что прибор — самый обыкновенный барометр. Или он замаскирован под барометр.

Этот поганец издевался надо мной.

— Нет, я не шучу! — сказал он.

— Где он сейчас?

— Так у меня его отобрали. Ваши же обыскивали и отобрали.

Я перевел дух.

— А почему вы считаете, что это барометр?

— Стрелка колеблется в зависимости от погоды.

— И что это означает?

— А вы не знаете?

Хитрый глаз философа сверкнул из-за волос.

— Если так допрашиваете, значит, не знаете.

— Допустим, что не знаю.

И тут он меня переиграл. Черт знает, каким образом он почувствовал, что я от него завишу. Может быть, в моем голосе прозвучала просьба. Но он решил поиграть со мной. А я не сразу почувствовал, что происходит, и поверил хитрецу.

— По трезвому размышлению, — сообщил он, — я решил остаться в тюрьме. Здесь прилично кормят, в камере душно, но тепло, дают книжки и даже можно позвать врача. Слышали об этом?

— Что это вас потянуло на такую лирику?

— Да потому, что я не знаю, какие силы стоят за мальчиком Барби и всей этой компанией! Но силы немалые.

По крайней мере, вы будете им уступать. Поэтому я предпочитаю молчать. Можете меня бить и издеваться надо мной, как принято.

— Зачем вы кривляетесь?

— И не думал. Я хочу остаться живым и состоятельным.

— Сколько? — сразу догадался я.

— Нет, дело не в деньгах. Дело в безопасности.

— Так что вам нужно, в конце концов?

— Быть подальше от них, жить в довольстве и иметь возможность заниматься философией.

— Все это противоречит вашему солипсизму, — возмутился я. — Мы же вам только кажемся. И ваши страхи — воображаемые.

— Всему есть предел, — вежливо возразил философ. — Так что пока я делаю вид, что существую среди вас, мне приходится с вами сотрудничать.

— Конкретно!

— Квартира в Питере, место в университете и стипендия.

— Вы с ума сошли!

— Отправьте меня в тюрьму.

И тут началась отчаянная торговля. Я старался запугать философа, принимал образы Торквемады и товарища Бери, Аркадий робел, бледнел, но отступал медленно, задерживаясь на всех доступных рубежах обороны. Мне же пришлось покинуть кабинет, чтобы поговорить с дядей Мишей, он созвонился с министром (безуспешно), потом позвонить Калерии, той пришлось бегать к директору, директор еще кому-то звонил, и в результате мы добыли однокомнатную квартиру в Питере, а все остальное философ согласился заработать сам. Пластическую операцию делать также не придется, потому что Аркадий согласился постричься, что эффективнее любой пластической операции. На обратном пути я принес Аркадию пепельницу, чем улучшил наши отношения.

Итак, оказалось, что Пронькин выдал Аркадию маленький прибор, в принципе — очень чувствительный барометр.

В определенные ночи, после звонка Пронькина, Аркадий должен был внимательно следить за показаниями прибора, и, если давление резко за несколько секунд падало, он тут же звонил Пронькину, а сам шел по театру, в основном за кулисами, и следил за показаниями прибора, пока не находил точку, в которой давление достигало нижней отметки.

— Сколько времени проходило между звонком Пронькина и падением давления?

— Обычно часа два.

— И это происходило ночью?

— Может, и днем — спросите дневного сторожа.

Я понимал, что вряд ли они устраивали переходы днем, когда в театре много народу.

К тому времени приезжал Пронькин. Иногда он один, иногда вместе с Барби или самим Веней Малкиным. И потом происходило *явление*. Философу велели убираться в его сторожку, и Барби сам следил, чтобы тот не подсматривал. Но философы люди любознательные, и чем таинственнее вели себя посетители, тем более росло страстное желание Аркадия увидеть, что за контрабанду они там грузят.

Однажды он своего дождался: Барби не приехал, а Веня с Пронькиным забыли о стороже, и тот, спрятавшись за декорациями, все увидел. Сначала в одном месте на заднике появилось сияние — словно сзади него зажгли яркую лампу дневного света. Был неприятный шум. Аркадий даже испугался, что снаружи могут заметить и услышать, но ничего не произошло. Через несколько минут в центре подсвеченного круга образовалось черное пятно — будто бездонный провал. В нем появился человек. Пронькин и Веня сразу кинулись к нему. Конечно, этот человек мог таиться за занавесом, но у Аркадия была уверенность в том, что человек появился из другого мира. И это Аркадия очень испугало.

— Что вы имеете в виду под другим миром?

— Если бы я был человеком религиозным, я бы сказал, что из преисподней. Но, будучи философом, я предполагаю существование параллельного мира.

— Это был единственный раз, когда вы видели человека?

— Нет, не единственный! Я же исследователь! Если мне удалось наблюдать феномен однажды, то я уж сделаю так, чтобы продолжить наблюдения. И вообще не перебивайте меня.

...Человек был пожилым или старым, хотя формальных признаков старости Аркадий не заметил. Он был очень худ и высок. Он не отходил от черного пятна, оставался в нем, как в рамке. Он был ярко освещен со всех сторон сиянием, которое окружало черный провал. Человек говорил с Веней несколько минут. Он передал Вене записку. Аркадий точно видел, что это был лист бумаги. Затем коробочку — небольшую деревянную шкатулку. Веня раскрыл ее, и внутри что-то сверкнуло. Веня спрятал коробочку в карман плаща, а Пронькин тем временем передал человеку довольно большую картонную коробку. Они перекинулись еще несколькими словами, и затем высокий человек отступил в глубь черного пятна и вскоре исчез. Осталось только сияние. Затем пропало и оно. Веня с Пронькиным быстро ушли. По дороге Пронькин заглянул в комнату сторожа, но Аркаша туда успел вернуться. Пронькин ничего не заподозрил.

После этого в течение полугода Аркадий порой пробирался к сиянию...

— А это было одно и то же место?

— Зачем же я им тогда, если одно и то же! Место менялось. И только я догадался, как оно меняется.

— Почему только вы?

— А я помечал на плане театра точку. Я ведь ученый, а не лабух, как они все. У меня есть план.

— Где он?

— Со мной, все со мной. Его даже при шмоне не взяли.

Аркадий, уже замиренный, извлек из верхнего кармана куртки листок бумаги. На приблизительно нарисованном плане театра было нанесено множество крестиков. Возле

каждого крестика стояла дата. Крестики легли в кривую, которая начиналась за кулисами и шла к западной стене театра.

— Они догадаться, конечно, не могли,— сказал Аркадий.— Они же приезжали, шли по лестницам, по коридорам, им и в голову не приходило, что неделю назад они были по ту сторону перегородки или декорации.

— Как часто были эти... сеансы?

— Примерно раз в неделю.

— И всегда Пронькин заранее знал, что вот-вот начнется падение давления?

— Да, всегда знал.

— Как вы это объясняете?

— А чего объяснять? — Аркаша пустил мне в лицо струю дыма. Он обжился в кабинете, расхрабрился и понял, что из всей истории он выпутался вполне благополучно.— Чего объяснять, ведь у Пронькина была табличка, он мне ее даже показывал. Когда очередной сеанс. Он ее оттуда получил...

— Где она?

Аркадий посмотрел на меня, как на тупого ученика.

— Вы и ищите,— усмехнулся он.

Аркадию страстно хотелось подслушать, о чем они там говорят. И он старался подобраться поближе. К сожалению, память у философа была неточная, но в один из последних сеансов ему удалось понять, что Веня договаривался о том, чтобы уйти «туда». Как ему обещано. Длинный мужик возражал, говорил, что переход рискован, что все еще обойдется... Но Веня был настойчив. И тогда длинный сказал, что первой пойдет принцесса.

— Он так и сказал — принцесса?

— Я ее видел. На следующий сеанс они ее притащили. И вот тут я испугался. Я понял, что дело пахнет уголовщиной.

— А раньше вам казалось, что проходит эксперимент?

— Раньше я не думал. Мне было интересно, но ничего плохого я не думал. А когда они притащили телку, я ис

пугался. Она была чем-то напичкана. Они ее почти тащили. Барби и Пронькин.

Вот тут Аркадий, увлеченный зрелищем, и попался. Барби, который услышал шум, накинулся на него, как волк на барашка. Его стали допрашивать, что он видел. Аркадий отпирался, его не били, но объяснили, что дело, которым занимается Веня с друзьями, такое крутое, что если Аркадий проговорится, то его убьют. Аркадий понял, что им сейчас невозможно найти другого ночного сторожа для театра и без него им не обойтись. Поэтому пока они его не тронут. Они грозились, а потом Пронькин дал Аркадию две сотни баксов. А Веня, бледный и худой, который раньше Аркадия вообще не замечал, сказал, что те люди, с которыми они на связи, найдут его и уничтожат, если что-то случится с Веней.

И Аркадий им поверил. И никакая милиция его не переубедит. Он не видел, как ушли туда спящая принцесса и Веня.

Пронькин обещал отпустить его, как только подыщут надежного сторожа. А потом события начали разворачиваться совсем уж странно. Аркадий позвонил по явочному телефону Пронькину, чтобы напомнить о зарплате. Ведь тот обещал деньги отдать на следующий день после ухода Вени! И не отдал. Аркадий позвонил — и никто не ответил. А на следующий день в «Московском комсомольце» было сообщение о смерти Пронькина. Там было сказано — директор группы Малкина. И назван адрес трагедии — во дворе дома, где проживает Веня. Самого Вени дома нет — он уехал — поиски продолжают...

Аркадий смертельно испугался, и еще более его перепугало появление Тамары, которая с самого начала решила взять Аркадия в доверенные лица. Она рассказала ему о том, что в театре должен быть переход в иной мир и у нее есть задание большой научной важности этот переход найти. Можете представить себе состояние Аркадия, которому рассказывает это явно бессмысленная длинноногая блондинка. К счастью, ему удалось уговорить блондинку ос-

таться на ночь, чтобы вместе заниматься научными наблюдениями. И постепенно их отношения становились все более теплыми. И тут появились мы с Мишей. Чудом все обошлось. Но Аркадий понял: единственный выход — бежать!

На следующий день он положил на стол администратору заявление и слинял из театра. Даже карточку учетную у кадровички увел. Казалось бы — ложись на дно! Но его сгубила жадность. Он решил все-таки получить задержанную зарплату.

Еще от Пронькина он знал, где обычно гуляет Барби. И отправился. К тому же, как лояльный сторож, он хотел рассказать странную историю о появлении Тамары. Хотел быть честным! Барби он отыскал, даже поговорил с ним, и Барби очень взволновался и велел ему подождать... Вот Аркадий и ждет. Здесь. В милиции. И не знает, кто его скорее убьет — люди Барби, пришельцы с того света или милиция.

— Узнали бы вы того высокого худого человека, который появлялся в театре?

— Почему же не узнать? Только, честно говоря, я не хочу его узнавать. И вам не советую. Не исключено, что у подъезда будет проезжать трамвай.

Голос философа дрогнул. А я не понял. И спросил:

— Зачем ему проезжать?

— Чтобы отрезать тебе голову! Потому что они все знают. И знают, что я здесь сижу и вы меня морально пытаете. Но я вам ничего не сказал.

С помощью полковника Миши мы получили в тот же вечер небольшой прибор, издали и даже вблизи похожий на часы. Он надевался на руку. А работал он, как барометр. Достаточно принести нормальный барометр и сравнить. Очень похоже. А кроме того, папочку из квартиры покойного Пронькина. Мы там побывать не догадались, а ми-

лиционеры во время обыска сочли папку не имеющей отношения к разбойным делам Пронькина.

В папке было несколько листов. Один другого ценнее.

Я не буду тратить время, цитируя их, — вы всегда можете запросить архив Института экспертизы и вам любезно покажут документы из дела Тихоновой. Это не шифр — дело названо по фамилии Люськи, первой жертвы того мира.

Лучше я изложу сюжеты документов.

Веня Малкин, пока неизвестным нам способом наладив контакт с тем миром, вошел с ним в деловые отношения. Оттуда он получал драгоценности, золото, всякую ценную здесь мелочь, которую время забыло в пустых ювелирных магазинах или музейных запасниках. Людям же, которые вступали в контакт с Малкиным, нужны были куда менее живучие продукты: фрукты, сладости — все то, что в том мире отсутствовало. Пронькин вел бухгалтерию Малкина и всей этой группы. И он и Барби что-то получали, но куда меньше самого Вени.

Там были письма без адреса, без обращения, написанные или напечатанные на машинке так, что посторонний никогда бы не догадался, что эти бумажки подтверждают существование того мира и даже возможности связаться с ним.

Из других писем мы получили подтверждения того, что Малкин, тяжело заболев, пришел к мысли, что спасется в безвременье и дождется там, когда врачи изобретут лекарство от СПИДа и можно будет вернуться к своей карьере и славе. В ответ на его просьбу об «убежище» оттуда сообщили, что сначала он должен отправить к ним Люську, которую он «курировал» особенно активно в последнее время.

Но главное для нас заключалось в таблицах, на удивление старых ветхих листах бумаги, на которых были указаны приблизительные даты «открытия ворот». По стечению обстоятельств на том месте, где раньше был пустырь, построили Детский музыкальный театр, и связь с нашим миром сразу осложнилась. Точки, рассчитанные кем-то за-

долго до Пронькина, совпадали с точками, нанесенными на схему любознательным Аркадием. Из них следовало, что пункт перехода, черное пятно или «окно в тот мир», передвигалось по кругу. Диаметр круга, две трети окружности которого приходилось на обширные помещения театра, достигал примерно трехсот метров. Открывался переход неожиданно. На той стороне существовал медиум, который мог почувствовать время и точку перехода. Здесь же можно было угадать, когда это случится, если пользоваться «барометром».

Мы не смогли узнать, когда началась эта связь. Мы проанализировали бумагу, на которой были нарисованы таблицы, найденные у Пронькина. Бумаге было больше пятидесяти лет.

Но можно быть уверенными в том, что контролировали переход люди оттуда. Аркадий уверял, что в темном пятне всегда появлялся человек оттуда, он брал подношения, как капитан Кук при встрече с туземцами, он выдавал туземцам бусы и железные ножи, но туземцев к себе не пускал — исключение составил лишь Веня. И можно предположить, что подобные случаи происходили и раньше.

— Вот, пожалуй, и все, — сказала Калерия, заканчивая наше долгое заседание. Проходило оно не в лаборатории, а в зале ученого совета. И хоть считалось служебным, то есть секретным до посинения, на него сбежалось человек двадцать. И все имели право, допуски и корыстный интерес. Так что можно было быть уверенными, что скоро о нашем открытии напишет «Московский комсомолец», обвинив нас в том, что мы скрываем от народа нечто важное.

Видно, директор подумал о том же и весьма энергично выдворил всех, кроме семи, которым положено было знать обо всем.

— А теперь, — сказал директор, — анализом возможностей проникнуть в тот мир займется компьютерная группа. А вы, Калерия Петровна, решайте, кто туда пойдет, ни контакт. Может быть, вы попросите помощи? Дело по сути своей и уголовное...

— Я надеюсь, что справлюсь сама,— мягко возразила Калерия,— раз уж моя лаборатория начала эту тему. С собой я возьму Гагарина. Надеюсь, у уважаемой комиссии нет возражений?

У комиссии возражений не нашлось. А если нашлось бы, то члены ее были достаточно воспитанными людьми, чтобы не высказывать их вслух. Высказывать их они будут наедине с директором.

На второе в тот день совещание, с полковником Мишей, Калерия пригласила только меня. Ничего, что я чином не вышел, но у полковника были основания полагать, что феномен *той Земли* уже встречался в нашей практике. Год назад, когда я был еще новичком в институте, полковник приезжал с просьбой о помощи. Надо было выяснить, куда деваются одинокие ветераны последних войн, которые стали группами исчезать из некоторых русских городков.

В помощь полковнику отправили меня, и я не только пожил в Меховске под видом ветерана из Абхазии, но и «пропал» вместе с очередной партией ветеранов. «Пропал» и оказался на поле боя в неизвестном мире. Может, параллельном, может быть, потерянном во времени, но так и не понятом, ибо связь с ним была оборвана, люди не вернулись, и тайна осталась тайной. Слава Богу, что мне удалось возвратиться.

Дядя Миша просидел с нами часа полтора в маленькой комнате кадровика, обсуждая все, что было известно о Егоре и его путешествии. Он уже изучил все пленки, он уже поверил Егору, и у него родилась идея — не об одном ли и том же мире идет речь?

Но как ни хотелось дяде Мише отправить к императору Киевского вокзала взвод спецназовцев, он понимал, что контакты с Кюхлей и другими посредниками должны быть сохранены любой ценой.

— Главное,— говорил он устало, как и положено следователю, который не спал четверо суток (а какой насто-

ящий следователь спит чаще?),— главное, сберечь контакт, завоевать доверие. Никакого режима, Лера! Хочешь, я пойду вместо тебя?

— Нет,— сказала Калерия.— Это наша работа. Наша с Гариком.

— Вообще-то говоря, речь идет о безопасности государства...

— Ах, оставь, Миша,— сказала Калерия.— Мы каждый день сталкиваемся с проблемами, которые могут погубить наше государство и всю Землю. Но пока справляемся.

Компьютер высчитал точку и время следующего сеанса куда точнее, чем Аркаша со своим графиком, и даже лучше, чем это было сделано в «списке Пронькина».

Получилось, что переход откроется в пятницу, в три двадцать шесть ночи, на лестничной площадке, что находится справа от стены, если смотреть из зала.

День перед тем был нервным, хотя все делали вид, что ничего не случилось.

Во-первых, с утра дважды звонил Егор, который почуял что-то неладное и требовал, чтобы его посветили в суть дела. Он интуитивно почувствовал, что мы надеемся встретиться с людьми *оттуда*, и просил:

— Без меня вы просто не имеете морального права идти. Без меня вы бы ничего не знали. Я должен найти и спасти Люську! Я там все знаю, я вам пригожусь, и меня там многие знают.

Калерия успокаивала его и лгала «во спасение». Они даже не стала говорить ему, что институт решил никого не посылать этой ночью в тот мир. Мы хотели лишь увидеть посланца и дать ему понять, что произошла смена караула: вместо ушедших в отставку Пронькина и Барби придется иметь дело с нами.

Как он воспримет эту информацию?

Тамара, которая была смертельно обижена на то, что ее в театр не берут, собрала нам «передачу» для императора.

Мы старались набрать такой же набор, как тот, что передавал туда Пронькин. Пришлось даже вызвать из Питера Аркадия. Калерии пришло в голову, что люди *оттуда* могут знать о существовании Аркаши. Он станет как бы символом передачи дел.

Аркаша страшно трусил и вел себя так, словно «барометр» обжигает ему руки. Правда, Тамара не оставляла его ни на минуту. В ее лице он нашел верного друга.

— Тamarочка,— сказал я голосом ангела,— не забудь, что в момент икс и духа твоего здесь быть не должно.

— А как же Аркаша? — спросила она.— Как он без меня? Здесь же может быть опасно.

— Здесь уже опасно,— ответил философ.

— Я буду ждать тебя в твоей комнате? — спросила Тамара.

— Спасибо,— ответил Аркаша, но я разочаровал его, напомнив:

— К сожалению, Тamarочка — лишь плод твоего воображения. Ты, со своей стороны, тоже ей только кажешься.

— Разве? — спросил Аркадий, который на практике был непоследовательным солипсистом. Он шлепнул Тamarочку ниже поясницы, и она предупредила:

— Не время, Аркадий!

На лестнице и за декорациями были установлены камеры. Гонец не должен был их почуять. Они же держали под прицелом почти весь театр. Егор утверждал, что у тех людей органы чувств работают хуже, чем у нас. Но мы не хотели рисковать.

Мы с Калерией проверяли камеры, телефонные трубки попискивали в карманах.

— Надо будет всю сотовую связь убрать,— сказал я.— А то зазвонит у тебя в сумке. В самый неподходящий момент.

Мы занялись этим и прохлопали момент, когда Егор прошел сквозь три цепи наружного наблюдения и оказался где-то неподалеку от Аркаши. Причем он был настолько

хитер, что не отходил от ближайшей к точке контакта камеры, так что выпадал из ее поля зрения.

Катрин и Саня Добряк были, как оказалось, отделены от него лишь брезентовой кулисой, но не заподозрили его присутствия.

Надвигалось время контакта.

Мы еще раз обсудили свою линию поведения.

При виде гонца мы объясняем, что заменили Пронькина и Барби — такая уж сложилась обстановка. Или принимай нас, или прервем контакт. Затем передаем продовольственный заказ, чтобы подчеркнуть нашу лояльность.

— А если с ним будет Венья? — спросил я.

— Вени быть не должно, — сказала Калерия. — Я уверена, что на связи постоянный человек, очевидно Кюхельбекер.

— Тот, кто выдает себя за покойного декабриста Кюхельбекера, — поправил ее я. — И что у них произошло за последние три недели, мы не знаем. Вы, Калерия, пытаетесь судить о них, учитывая фактор времени. А этого фактора там нет.

Еще на ученом совете мы решили, что открывать карты людям того мира нельзя. Психологи хором кричали, что, узнав о том, что стали объектами научного исследования, они тут же прервут контакт. Отсюда и появился вариант «наследников Малкина». Группа встречающих состояла из меня, как человека на подхвате или человека с корзиной, и Калерии — своего рода авторитета уголовного мира, и Кюхельбекер будет менее насторожен с женщиной, чем с мужчиной своего возраста.

Звякнуло в горошине, которая покоилась в моем ухе, — это означало, что «барометр» в руках Аркаши ожил.

— Пошли, — сказала Калерия.

Приказ относился ко всем и означал начало операции. Аркашка тщательно играл свою роль.

Он спустился по лестнице, бормоча себе под нос:

— Приближается момент! Давление растет. Посторонним покинуть зону!

Тамара передвигалась за ним на цыпочках, изображая Серого Волка в детском спектакле. Именно так серые волки подкрадываются к красным шапочкам.

Калерия зашипела на Тамару, и та смешалась, сбилась с шага и осталась за пределами операционного поля.

Аркаша шагал, выставив перед собой «барометр», как лунатик свечку.

И тут наступила тишина, которую я почувствовал нутром. Это было полное отсутствие звука — мертвое дыхание вечности. И человека в такой тишине охватывает даже не страх, а некий ступор, какой может прийти на помощь осужденному на казнь после того, как он положил голову на плаху.

Кстати, как потом оказалось, вырубилась все наши хитрые регистрирующие приборы, включая камеры, и ничто не могло зарегистрировать ни черного пятна, возникшего на старой брезентовой кулисе, ни глубины, открывшейся за ним.

Я замер. Меня не было, я растворился в этом безмолвии.

И до сих пор не понимаю, откуда в Калерии появились силы крепко взять меня за руку и держать, чтобы не отступил и не кинулся бежать из театра.

Время остановилось, я не мог бы сказать, сколько прошло минут или часов, прежде чем в черном провале появилась длинная, нескладная фигура в черном костюме и черном цилиндре.

Я знал, что это Кюхельбекер, но воспринимал его как будто из-под воды, как будто мы с ним существовали в различных физических сферах.

Калерия отпустила мою руку и сказала:

— Добрый день.

В допросах Аркаши мы тщательно пытались восстановить манеру поведения сторон. Чем обычнее пройдет встреча, тем больше шансов на успех. Меньше всего нам хотелось, чтобы, заподозрив неладное, люди *оттуда* перекрыли бы контакт.

— Вы кто? — Голос Кюхельбекера был глух, будто звучал через стекло.

— Мы вместо Пронькина, — сказала Калерия. — Пронькина и Барби.

— А что с ними? — спросил Кюхельбекер.

— Я не могу вам это объяснить сейчас, скажите, Вени Малкин с вами?

— Он себя неважно чувствует, — сказал Кюхельбекер, разглядывая меня, как любопытное животное в зоопарке. — А это кто?

Калерия также взглянула на меня с некоторым любопытством и ответила:

— Мой помощник. Гарик.

Мое имя прозвучало как воровская кликуха.

«Ну, я вам это припомню», — подумал я. А потом смирился, так как увидел себя со стороны — глупого вида крупный молодой человек, прижимающий к груди ящик с бананами. Ясно, зачем он понадобился такой элегантной даме, которую со всех сторон подстерегают опасности.

— Что передать Малкину? — спросил Кюхельбекер. — Есть ли у вас письмо для него?

— Мы хотели бы иметь дело с вами без посредников, — сказала Калерия.

— Почему я должен вам доверять? — спросил Кюхельбекер.

— Потому что я более серьезный партнер, чем Малкин. Он убежал, бросил дело на ненадежных людей. Он ничем не может быть вам полезен.

— А если мы его отправим обратно?

— Сколько у нас осталось времени? — вопросом на вопрос ответила Калерия.

— Немного, — сказал Кюхельбекер.

Я его уже различал лучше. Он как бы вошел в фокус. Немилосердный свет, озаряющий эту сцену и исходящий, как ни странно, из абсолютной темноты отверстия, в котором стоял Кюхельбекер, жестоко обращался с лицом и руками Кюхельбекера. Кожа была голубоватой, на щеках

видны были темные сосуды, под глазами — коричневые мешки... Он был болен. По нашим меркам. И бессмертен — тоже по нашим меркам.

Кюхельбекер пребывал в растерянности. Враги мы или просто новые партнеры?

— Какие у вас будут пожелания к будущей встрече? — спросила Калерия. Она действовала по сценарию и замечательно держала себя в руках.

— Простите,— сказал Кюхельбекер,— вы знаете о записке?

Мы не знали ни о какой записке, но предполагали, что раз контакт короткий, то люди из того мира должны передать какую-то записку Малкину, список нужных вещей.

— Разумеется,— сказала Калерия.

Кюхельбекер вынул свернутую в трубочку записку размером с сигарету.

Кинул ее Калерии, но та не стала записку поднимать.

— Какие пожелания на словах? — спросила она.

Она заставляла Кюхельбекера признавать нас партнерами.

— Мы там написали. Но повторю: попробуйте передать нам несколько пистолетов с патронами.

— Это нелегко,— сказала Калерия.

— Мы хорошо платим. Так вы сможете доказать нам, что работаете лучше, чем компания Малкина.

— Если Малкин начнет настраивать вас против контактов с нами,— произнесла Калерия,— учтите, что его группы попросту не существует. Малкин — вчерашний день.

— Постараюсь поверить вам.

— В следующий раз мы хотели бы направить к вам на два-три дня своего человека,— сказала Калерия.— Всегда лучше договориться не спеша.

— Зачем? — спросил Кюхельбекер.

— Мы думаем, что пришла пора развивать наши отношения, переводить их на новый уровень. Ведь и вам потребовались пистолеты.

— К сожалению, потребовались,— признался Кюхельбекер.

— А как себя чувствует Люся Тихонова? — спросила Ка-
лория.

— А вам какое до нее дело?.. Впрочем, она себя чувствует
отлично.

Пожалуй, встреча прошла нормально. Он нас не испугался. Он не отказался общаться в будущем. Что касается доверия — оснований для этого не было,— никто и не ждал этого.

Я протянул Кюхельбекеру ящик с припасами. И вовремя. Потому что черная дверь в тот миг начала затягиваться. Кюхельбекер, принимая ящик, сделал шаг назад...

И тут же, чуть не сшибив его, к отверстию ринулся Егор.

Он выскочил из-за моей спины, где стоял на изготовку. Все время нашего разговора, ожидая момента, как шпион, который, избавляясь от преследователей, кидается в вагон метро, когда двери уже закрываются.

Я бы никогда не заподозрил его в таком безрассудстве! Он же знал, что шансов вернуться раньше чем через неделю у него немного, а шансов спасти Люську, которая пробыла там уже почти месяц, практически нет. Потом он скажет мне, что никогда не верил расчетам людей оттуда, хотя бы потому, что у них — искаженное чувство времени. Но вернее, им владело чувство полного отрыва от реальности, если реальность не укладывается в сознание.

— Стой! — крикнул кто-то.

Любопытно, что крикнуть мог и я — не осознавая своего участия в этой сцене.

Но вот дальнейшие мои действия определялись холодным расчетом.

Как бы вы ни пытались истолковать их иначе.

За следующую секунду я успел спрогнозировать дальнейшие события.

Вернее всего, Егор кинется там спасать Люську, вытаскивать Люську к нам. И будет всем им враг. От Кюхельбекера и ветеранов до императора и Вени Малкина.

Но печально не только это.

Почти наверняка Егор сведет к нулю и нашу попытку наладить контакт с тем миром, увидеть, пощупать и понять его. Они просто закуклятся. Тем более что Пронькина и Барби нет, а Люська у них в руках.

В результате Егор погибнет — я чувствовал, что он погибнет, — а мы окажемся обладателями фикции — теоретически недоступного феномена, существование которого мы никогда не сможем доказать.

И никто не поможет ни Егору с Люськой, ни нашему дорогому институту.

Кроме меня.

Шансов у меня немного. Но это все же лучше, чем отсутствие таковых у Егора.

И я прыгнул в темноту вслед за Егором.

И исчез.

То есть для всех окружающих исчез. Хотя удостовериться в том не мог.

Больше меня не было.

За кулисами было так же, только темнее.

Я невольно кинул взгляд назад — там гасло, как догорающее зарево, большое розовое пятно.

Все, что осталось от моего мира, от лаборатории, квартиры в хрущобе и даже любимой пивной у Тишинского рынка... Если верить Егору, в ближайшее время я ничего подобного не увижу.

Любопытно: это все я успел передумать в тот момент или это поздние мысли, наложившиеся на картину закулисья? Конечно же — у них там «зазеркалье», у нас — «закулисье».

Егор чуть не сшиб их министра Кюхельбекера — длинного типа с глубокими глазами. На нем был черный

строгий костюм, черные волосы разобраны на прямой пробор и расчесаны плотно к черепу. Егор застыл, прижавшись к министру, а чуть дальше в полутьме стояла инвалидная коляска, а в коляске сидел молодой человек, бессильно свесивший голову набок. Коляску держала за спинку молодая женщина в какой-то робе с невнятным бледным очкастым лицом.

Картинка зафиксировалась в сознании как статическое явление, и тут же пришло все в движение.

Я подхватил Егора, который от резкого столкновения с министром отлетел в сторону.

Соня Рабинова откатила кресло с юношей, приговаривая:

— Не волнуйся, Дениска, не расстраивайся. Тут все свои.

На мой взгляд, ее пациент и не собирался расстраиваться.

Из темноты вышел неприятного вида субъект в пожарном шлеме и длинном блестящем плаще. Велосипедист.

Я как бы узнавал детали мира, о котором наслушался столько, что поверил в его существование. И правильно, оказывается, сделал, что поверил.

Ну представьте себе, что вы начитались Дюма, скажем, «Три мушкетера», делаете шаг из своей спальни, оказываетесь на узкой грязной улице и слышите звон шпаг. Выглянули на площадь, а там мушкетеры дерутся с гвардейцами кардинала. А вам кто-то говорит: «Отойди с дороги, разве не видишь, что мы везем леди Винтер».

— Спокойно,— сказал я, глядя, как велосипедист достает металлическую дубинку.— Спокойно. Все идет по плану. Принимайте гостей, господин Кюхельбекер. Мы намерены наладить с вами добрые отношения.

— Пожалуй, вас никто об этом не просил,— разумно ответил министр.— Мы гостей не ждали.

Он отодвинул Егора, но держал его за плечо вытянутой рукой и приглядывался, будто старался узнать обретенного после многих лет разлуки племянника.

— Вот именно,— пояснил я.— Это и есть Егор. Вы с ним знакомы. Шесть лет назад он у вас побывал. И остался недоволен.

— Тебя трудно узнать,— сказал Кюхельбекер.

— Я же оказался у вас только потому, что хотел оставить молодого человека, но не успел. Я рад возвратиться домой немедленно,— продолжил я жизнерадостно.— Но боюсь, что это практически невозможно.

Кюхельбекер сделал понятный мне жест — остановил велосипедиста, который изготoвился привести свое оружие в действие. Этот жест меня обнадежил.

— Вы правы,— сказал Кюхельбекер, не улыбувшись мне в ответ.— И что же вы предлагаете?

— Я хотел бы узнать, когда обратный поезд.

— Не понял,— сказал Кюхельбекер.

Егор вдруг рванулся от Кюхельбекера, тот от неожиданности отпустил его, но я перехватил Егора раньше, чем его успел пришибить велосипедист.

— С вашего разрешения я обращаюсь к этой молодой даме,— сказал я,— чтобы узнать, когда мы могли бы вернуться обратно.

— Вы в самом деле не хотели сюда проникать? — спросил Кюхельбекер.

— Не хотели.

— А он? — Кюхельбекер уткнул упрекающий перст в Егора.

— А я хотел,— сказал Егор.— Хотел взять Люсю и немедленно от вас уйти. Навсегда. Чтобы не видеть вас, не знать о вас, не помнить о вас!

— Боюсь, что вы опоздали, молодой человек,— сказал Кюхельбекер,— говорите с Соней.

Соня обратила ко мне спокойное широкое пухлогубое лицо, обрамленное черными вьющимися волосами.

— Скажите,— спросил я.— Скоро ли вновь откроется эта дверь?

— Щель?

— Дверь, щель, окно — разве это важно?

— Я не знаю. Но мы сюда скоро придем? Правда? — Она обернулась к министру.

Любопытно, подумал я, ей, очевидно, свойственно чувство времени, хотя Егор уверял, что они здесь времени не чувствуют.

Соня словно прочла мои мысли, продолжала:

— У господина министра есть песочные часы. Очень большие. И специальные люди-насечки.

— Они делают насечки на палках,— сказал Кюхельбекер,— чтобы я мог считать время. Я, и никто другой. Они переворачивают часы и делают насечки.

— Это,— сказал я,— как бы плановое открытие щели, правильно? Для встречи с Малкиным и другими людьми, для обмена.

— Правильно,— за Соню ответил министр.

— А открывается ли эта щель чаще?

Соня кивнула.

— И как я об этом узнаю?

— Как он узнает об этом? — Я понял, что министр тоже хочет, чтобы я убрался восвояси. Его не интересует содержание последних газет, выступление доброго министра обороны или новости из Дагестана.

— Он почувствует,— сказала Соня.— Только мы должны быть здесь... поблизости.

— Вы можете это сделать? — настаивал я.

— Сейчас Денис должен отдохнуть,— твердо сказала Соня.— Я отвезу его к себе.

— Куда?

— Мы живем в библиотеке университета.

Сказав так, Соня спокойно повернула коляску и повезла Дениса к выходу. И все покорно пошли за ней. Не обладая ни силой, ни должностью, она была настолько уверена в себе, что эта уверенность передавалась и остальным. Впрочем, существование окна было важно для всех... Кроме ветеранов. Но, насколько я знал, ветераны также почему-то не трогали Соню.

Я пошел рядом с ней.

— Когда вы будете знать? — спросил я.

— Мне трудно ответить. Завтра. Вы знаете, что такое завтра? — спросила она так, словно в это слово она вкладывала свое особое понимание.

— Пожалуй, да.

Через задний ход, такой мне уже знакомый, мы вышли на улицу, и я впервые увидел и почувствовал воздух того мира. Егор описывал мне его, но так, походя — он говорил о серости дня и одинаковой серости неба.

Это было не совсем так. Небо над тем миром было жемчужным и по-своему красивым, такого цвета бывает слой облаков на рассвете, задолго до того, как поднимется солнце, когда слой облаков уже освещен, но его не коснулись прямые солнечные лучи.

Воздух не был совершенно прозрачным — в нем таилась дымка напомниманием о ночном тумане. Мне вдруг захотелось запустить в небо камень, чтобы он пробил облака и показал мне, твердое ли здесь небо.

Но главное Егор заметил правильно — я не мог сказать, холодно здесь или тепло, будто все рецепторы в моем теле отключились. И еще: здесь останавливалось время. Вернее, становилось все равно, движется оно или нет.

За Егором мне приходилось приглядывать. Он был почти невменяем. Словно уже прыгнул с высокой горы в море, вынырнул, а теперь крутит головой: где же заветная жемчужина?

— Теперь слушай,— начал я, когда мы оказались на улице.

Он сразу меня перебил:

— А вы зачем сюда полезли?

— Потому что я ученый — раз,— ответил я по мере сил спокойно.— Потому что испугался оставлять тебя здесь одного. Два. Потому что я успел подумать — после твоего неправильного поступка они закроют дверь навсегда. И мы ничего не узнаем.

— А я? — спросил он.— А Люся?

— А вы навсегда сгинете здесь,— ответил я и тут же получил весомую поддержку министра:

— В принципе ваш друг прав. Вас зовут Егором, если я правильно помню? — Он не получил ответа и продолжал, обращаясь ко мне: — Как же мне вас прикажете величать и кто вы в самом деле такой?

— Можете называть меня Георгием, Юрием Гагариным.

— Из князей?

— Из детского дома. Фамилию получил в честь первого космонавта. Слышали о таком?

— Мне рассказывали. И почему же вы оказались в театре?

— Вы хотите спросить, какое отношение я имею к Малкину и всей его компании?

— Считайте, что так.

Но закончить разговор мы не смогли, потому что Соня решительно покатила коляску налево, по асфальтовой дорожке, я ринулся было за ней, и Кюхельбекер остановил меня.

— Мы ее найдем,— сказал он.— Когда надо будет — найдем.

— Они меня найдут,— откликнулась Соня.

— А теперь скажите мне, где Люся,— потребовал Егор. Кюхельбекер сдержанно улыбнулся, и мне в его улыбке почудилась издевка.

— Люси теперь нет,— сказал он,— а есть императрица всея Руси, ее величество императрица Людмила.

— Да ладно...— И Егор замолчал, потому что такого ответа он боялся.

За театром стоял экипаж. Я о нем тоже уже слышал. Это была телега, запряженная двумя старыми велосипедами, на них сидели мужики в длинных черных плащах и пожарных касках — самокатчики. Еще один стоял в стороне, держа велосипед.

— Раз уж вы приехали...— сказал Кюхельбекер,— занимайте места, мы поедem во дворец и там поговорим не спеша.

— А Люся там? — спросил Егор.

— Молодой человек, — поморщился Кюхельбекер. — Почему я вообще должен с вами разговаривать? Вы ворвались к нам без разрешения и без приглашения. И сразу стали выдвигать требования. По мне, так лучше вас сейчас потерять. И мои самокатчики с удовольствием это сделают.

— Ты спрашивал, — сказал я, обращаясь к Егору, — зачем я полез сюда следом за тобой? А потому и полез, что хочется, чтобы ты еще немного пожил.

— Он только пугает, — сказал Егор.

— Так мы едем? — спросил Кюхельбекер.

— Конечно, едем, — ответил я за всех.

Мы забрались в телегу и уселись на лежащую поперек доску. Кюхельбекер поместился спереди, за кучера. Я оглянулся. Но Соня уже исчезла.

Мне не терпелось увидеть то, о чем рассказывал Егор. И привидений, и Пыркина, и императора Киевского вокзала. Я ощущал себя туристом в Венеции — сейчас мне покажут каналы и соборы!

— Глупо получилось, — сказал Егор. — Вы, наверное, готовились к этому. Приборы всякие налаживали... А тут пришлось за мной прыгать. Извините. Зато теперь вы видите, что я вам не врал.

— Какие приборы? — обернулся Кюхельбекер.

Егор словно не слышал его:

— Если вы что-нибудь с ней плохое сделали, — его голос поднялся до крика, — я вас всех уничтожу!

— Любопытно, что вы считаете плохим? — спросил Кюхельбекер. — Если ваша знакомая удачно вышла замуж и счастлива, это плохо?

Велосипедисты услышали и засмеялись.

— Она не может быть счастлива! — выкрикнул Егор. — Я же знаю вашего императора... Это же...

— Молодой человек, помолчите! — строго приказал Кюхельбекер. — Вы находитесь в чужом монастыре и спрячьте ваш устав в карман.

Я положил руку Егору на плечо. Он повел плечом, чтобы сбросить мою руку.

— Я с ней поговорю, — пригрозил Егор. — Сейчас же поговорю. Вы же все врете! Она не могла согласиться!

— А что ей оставалось? — заметил Кюхельбекер. — Уж лучше быть императрицей, чем стать солдатской шлюхой.

Мне пришлось держать Егора как следует. Он был худой, но жилистый и боролся отчаянно.

— Чего ты добиваешься? — спросил я, переводя дух.

— Я его убью!

— Тогда уж точно Люся не дожидется твоей помощи, — сказал я.

— Какое точное наблюдение! — произнес Кюхельбекер не без иронии.

Третий, свободный, велосипедист уехал довольно далеко вперед и увидел, что дорога как раз перед мостом Окружной железной дороги перегорожена длинной, провисшей почти до асфальта цепью.

— Эй! — крикнул он, беря вправо к речке, чтобы посмотреть, кто так неудачно пошутил. — Осторожно! Смотрите! Бандиты!

А бандиты выскочили из-за устоя моста, но к их появлению были готовы и те велосипедисты, которые тянули телегу, и сам Кюхельбекер, и даже тот велосипедист, который отклонился в сторону.

Я полагаю, что нападавшие рассчитывали, что телега остановится и они на нее накинута. Поэтому они не закрепили конец цепи со стороны реки, а его держал в руках один из них. Именно его успел рубануть саблей велосипедист, прежде чем его стали колотить дубинками.

Но цепь упала на асфальт, и Кюхельбекер отчаянно завопил:

— Гони! Скорее!

Велосипедисты, подчиняясь этому крику, нажали сильнее на педали, и наша телега, почти свободно катившаяся с горы, пролетела мимо разбойников прежде, чем они смогли нас остановить и одолеть.

Разбойники бежали сзади, махали саблями и дубинками, один из них выпустил камень из пращи.

— А что,— спросил я неожиданно для самого себя,— огнестрельное оружие здесь не в ходу?

— Не в ходу,— ответил Кюхельбекер.

Он сидел пригнувшись, опасаясь, что его догонит сзади какой-то снаряд. Телега подпрыгивала на выбоинах, у паркета стояли рыболовы, которые оглядывались на мчащуюся телегу, будто сердились, что мы распугаем всю рыбу.

Сзади бежали разбойники, одетые разнообразно и неаккуратно, но бежали они как-то неуверенно, даже не очень спешили, будто пугнули нас и этого им было достаточно.

Между телегой и бандитами ехал третий велосипедист. Его велосипед делал зигзаги по набережной, и самого велосипедиста заваливало в сторону.

Он отставал все больше.

— Ему надо помочь,— сказал я. Вроде бы и нельзя по нашим правилам вмешиваться в дела чужих цивилизаций, тасманийцев, например, но тут ведь речь не о чужой цивилизации, а о наших российских бомжах. Все они бомжи, люди без определенного места жительства. Впрочем, Кюхельбекеру это не втолкуешь.

— Помочь мы не поможем,— возразил Кюхельбекер,— тогда они нас догонят и убьют. Не знаю, насколько вы — жертвенная натура.

— Давай, ребяташки! — крикнул он, привставая на облучке и взмахивая воображаемым кнутом.

Велосипедистов и не надо было подгонять. Они крутили педали с отчаянием.

Егор мрачно молчал, а я, несмотря на драматизм ситуации, смотрел по сторонам. Справа тянулась пустынь, по ее днищу — длинный пруд, затем стены Новодевичьего монастыря. Деревьев не осталось...

Я обернулся.

Велосипедист уже сильно отстал. Он сошел с велосипеда, сам сошел, и сел на мостовую.

Бандиты догнали его и окружили. Я не знал, что они там с ним делали. Один из бандитов постарался взобраться на трофейный велосипед, но никак не мог с ним справиться.

Тут мы въехали на площадь Киевского вокзала и свернули с набережной. Площадь была пустынная и очень велика, куда больше, чем была у нас. Посреди нее стояли три черных столба. Егор говорил нам об одном.

Возле ближнего сохранился неубранный — а зачем убирать? — ряд дешевых стульев, некоторые валялись среди саж.

— Вот здесь, — сказал Егор, — они людей жгут, паразиты.

— Не судите, да не судимы будете, — ответил Кюхельбекер. Он вглядывался вперед, а один из велосипедистов обернулся и сказал:

— Там кто-то лежит.

— Вижу.

Я тоже привстал. Велосипедисты ехали все медленнее. Человек в синем костюме лежал на верхней ступеньке вокзальной лестницы, вытянувшись, глядя в небо. Он был разрублен пополам, и верхняя и нижняя половины были раздвинуты так, что между ними можно было провести кулак.

Велосипедисты прыгнули с велосипедов и остановились, поджидая Кюхельбекера.

— Я думаю, что вам лучше подождать здесь, — сказал министр.

— Неужели здесь безопасней? — спросил я.

— Здесь видно далеко, — сказал Кюхельбекер. — Будь моя воля, я бы остался на улице тоже.

Но мы уже прыгнули с телеги и пошли к лестнице.

Один из велосипедистов толкнул дверь и, выставив перед собой пистолет-арбалет, шагнул внутрь. Второй остался снаружи, подстраховывая его.

Он придерживал дверь, и изнутри донесся голос первого велосипедиста:

— Идите!

Мы вошли в зал.

Он был пустым и гулким. Ни одной живой души. Только на каменном полу разбросаны вещи, словно люди расходились с карнавала и устало сбрасывали наряды. Кто-то потерял шляпу, другой бросил на пол парик, а третий умудрился оставить там ботинок.

Мы были очень маленькими — пять человек в зале.

— Это мне не нравится,— сообщил нам Кюхельбекер. Можно было и не сообщать.

Кончиком ножика скребло душу ощущение близкой опасности.

— Они здесь побывали,— сказал министр.— Побывали и потом убежали к себе.

Он убеждал себя, но никого больше не убедил.

— Эй,— громко сказал Кюхельбекер.— Здесь кто-нибудь есть?

Никто не откликнулся.

— Так я и думал,— сказал Кюхельбекер, обращаясь ко мне,— они совершают набеги, а потом убегают к себе за реку.

— Вместе с вашим... населением?

Кюхельбекер решительно направился вперед, велосипедисты шагали по бокам. Нас с Егором оставили сзади. Но стоять одним посреди зала не хотелось, и мы присоединились к группе.

Кюхельбекер остановился перед дверью, на которой висела табличка «Комната милиции».

Он постучал.

Никто не ответил, и Кюхельбекер осторожно открыл дверь.

Он остался на пороге. Мне тоже было видно, что творится внутри. Комната была устлана коврами. На стене висели картины, среди них мне бросилось в глаза полотно Репина «Иван Грозный убивает своего сына». В дальнем углу стояло низкое кресло. А может быть, трон.

На троне восседал худой молодой человек в джинсовом костюме. У него были длинные волосы, забранные сзади в косицу.

Молодой человек был бледен. Лицо его выражало ярость.

Он держал в руке шест или копье, уткнув его древком в ковер.

На копье была насажена голова немолодого лысого человека с толстыми красными щеками и полуоткрытыми и оттого страшными глазами.

— Привет.— Молодой человек улыбнулся открыто и радостно. Я узнал эту улыбку. Хотя я не принадлежу к числу поклонников Малкина, я его не раз видел по телевизору. И знаю эту улыбку, отработанную перед зеркалом и одобренную психологом.— Проходите, друзья, проходите. Располагайтесь как дома. Надеюсь, у вас крепкие нервы...

— Павел,— произнес Кюхельбекер тихим, низким, гулким голосом.— Павел, что они с тобой сделали...

— Разве невыразительно? Это наш обычай. Я уже усвоил обычаи моего маленького народа.

Веня обернулся — за креслом стояли пожилой мужчина с козлиной бородкой, который держал на плече гитару словно ружье, и второй, помоложе, в камуфляжном костюме и пиратском платке на голове. На рукаве была черная повязка с неаккуратно нарисованным белым черепом и костями.

— Как же вам не стыдно! — сказал Кюхельбекер.— Вы же наш гость.

— Гость? — Веня начал накачивать себя. Сейчас он постепенно войдет в истинный гнев. Я знаю эту манеру прибалтненных пацанов.— Гостя надо уважать. А что я получил в ответ в этом вашем дворце? Что? Унижения и оскорбления!

— С кем связались...

— Нет, ты глаза не отводи, не отводи. Тоже мне Кюхельбекер нашелся! Мы тебе цену знаем. Сам доносчиком КГБ был, стучал на товарищей.

Кюхельбекер повернулся, чтобы уйти.

Но сзади уже стояли разбойники.

— Разоружайся,— сказал Веня и рассмеялся,— наступил мир во всем мире.

Велосипедисты спешили отдать свое оружие, Кюхельбекера повели куда-то, с Веней остались лишь мы с Егором.

— Ну вот,— сказал Веня.— Теперь у нас остались только свои. И мы можем поговорить как мужчина с женщиной.

— Послушайте,— я постарался предвосхитить резкую реакцию Егора.— Уберите декорации. Мы не на сцене.

— Ты посмотри! — Веня изобразил удивление.— Ему не нравится. А он и не знает, что мы здесь не играем в войну. Мы боремся за существование.

Кровь капала из отрезанной головы, некоторые капли попадали на куртку певца. Он этого не замечал.

— Это и есть настоящая жизнь,— сказал он.

— Тогда мы уйдем,— сказал я.

— Никуда вы не уйдете. Всякий, кто встанет против нас, будет растоптан сапогами — где-то я слышал такую песню. Кто не сдастся, его уничтожают.

Я совершенно не представлял, чем я смог бы запугать этого мерзавца. Я не знал ни его страхов, ни авторитетов.

— Уберите голову, будем разговаривать,— сказал я.— И учтите, нам есть о чем поговорить.

Егор хотел одного — узнать, где Люся, но что-то, к счастью, сдерживало его. Полагаю, что страх. Задашь вопрос, а окажется, что лучше было бы не задавать.

— Ты кто? — спросил Веня.— Ты не здешний.

— Вам не сказали, что я приеду сегодня?

— Меня здесь не было. Я был в своих владениях. На том берегу.

— Вот я и приехал.

— Мы никого не ждали,— сказал Веня.— Обмен культурными ценностями, как всегда. Только, честно говоря, я тут в политику ушел и забыл, какой сегодня день. Даже не знаю, давно ли я ушел из дома. Скажи, я давно ушел из дома?

— Почти месяц,— сказал я.

И тут его головку посетило подозрение:

— Повтори!

— Убери палку,— сказал я.— Ты весь в крови. Противно смотреть.

— В какой крови? — Он посмотрел на куртку, на колени, запачканные кровью, отшвырнул шест с головой, его сподвижник в черном платке, завязанном, как их носили ударницы — комсомолки тридцатых годов, подхватил шест и поставил его в угол, лицом к стене. А раз лица не было, можно было вообразить, что это что-то неодушевленное... — Дай мне платок какой-нибудь! Полотенце!

Человек с козлиной бородкой не двинулся, он так и стоял с гитарой через плечо, а второй снял с головы платок, под которым оказались смятые черные волосы, и передал Веня. Веня принялся возить платком, вытирая кровь.

— Бред какой-то,— сказал он, словно начал приходить в себя.

— И людоедством тут тоже балуетесь? — спросил я.

Веня яростно сверкнул глазами, но сдержался.

Егор шепнул мне на ухо:

— Можно, я спрошу?

Я покачал головой, и Веня заметил это движение:

— В чем проблемы?

— Я полагаю,— сказал я,— что нам надо серьезно поговорить. Пускай все твои друзья уйдут. У нас важные новости. Я серьезно говорю, Веня.

— Нет,— сказал Веня.— Я никому не доверяю, кроме своих ребят. Мы с ними кровью повязаны.

— А что в Москве осталось?

— В Москве? В Москве меня народ ждет.

— Вообще народ? — спросил я.— Или конкретно?

— Ты что имеешь в виду? — насторожился Веня.

— А ты?

— Слушателей, поклонников...

— А я имею в виду Барби и Пронькина.

— Откуда ты знаешь? — Веня вскочил, но гора ковров поползла, не удержала его, и он сел — ноги в сторону, — неубедительно сел.

— Их нет, — сказал я. — Попрощайся.

— Как ты смеешь! Ты кто такой!

— Слишком много вопросов.

— Тогда пускай все катятся отсюда, — сказал Веня. — Все, все, все!

— Сначала ты скажешь мне, где Люся, — не сдержался Егор.

— Ничего с твоей Люсей не случилось, — отмахнулся Веня.

— Где Люся! — Егор рванулся к нему. Один из разбойников быстро сделал движение вперед и завернул руку Егору за спину.

Я не выношу грубости и хамства. Не оборачиваясь, ударил ребром ладони разбойника по горлу. Нет, не до смерти, скоро он придет в себя.

Веня уже выхватил пистолет.

Я знал, что с огнестрельным оружием здесь нелады, что его вроде бы и быть не должно. Но когда я вижу пистолет, я предпочитаю думать, что он настоящий.

— Спокойно, Веня, — сказал я, — никто тебя не собирается трогать. Но предупреждаю — моего друга не трогать. И скажи своим мордоворотам, что это условие нерушимо. Спрячь пушку, спрячь. Тебе сейчас важнее со мной поговорить.

— Пускай они выйдут, — сказал Веня.

— Сначала ответь на вопрос о Люсе. Этот вопрос волнует моего друга.

— Люся была императрицей и осталась императрицей. Только живет она пока в моей койке. Ты доволен?

Егор кинулся было снова к Вене, мне пришлось остановить его на лету и выдать конфиденциальную информацию, которую, честно говоря, я хотел приберечь для более удобного момента.

— Егор! — почти крикнул я ему в ухо — чтобы дошло до сознания. — Ничего твоей Люсе не грозит. Даже если она месяц не вылезет из его койки. Понял?

— Нет, — растерянно ответил Егор.

— Ну не по этой он части! Видишь, он СПИД подцепил. А знаешь, кто обычно СПИД подцепляет?

— Молчи, убью! — крикнул Веня.

Вдруг до Егора дошло.

— Так ты голубой, да? — спросил он почти дружелюбно.

— Вали отсюда! — сказал Веня, сжимая пистолет.

И Егор не стал спорить.

— Ну и сволочь ты, — сообщил мне Веня.

— С тобой иначе нельзя, — ответил я. — Так чего ты тут натворил?

— Я сразу понял, что это болото не для меня. Я человек, понимаешь? И это звучит гордо! В этой опереточной империи они решили, что им все можно, что я для них — оркестр балалаечников на юбилее артели. Но я быстро наладил связи — через лабухов — на тот берег. Ты не пове-ришь — их можно одной ротой раздавить — ну всех, все их государство, понял?

— Что ты и намерен сделать? — спросил я.

— Вот именно, — сказал певец. — Дай мне время.

Он смотрел упорно и пронзительно. И я понимал, что он не шутит, что для всего этого налаженного мирка — он страшный волк.

— А теперь — что с моими корешами? Только честно.

— Пронькин решил взять твой сейф.

— Ах ты, гад!

— Он брал деньги. А я пришел потом и взял твои ме-дицинские карты. И как ты понимаешь, Венечка, я не человек-одиночка, так что спрячь свой пистолетик подаль-ше.

— И что было дальше с Пронькиным?

— Его убрал Барби.

— За дело, — сказал Веня. — Я всегда этой мрази не до-верял.

— Барби тоже покинул этот свет. Была заварушка в загородном ресторане. Всех твоих мальчиков положили.

— Менты?

— Нет.

— Твои люди?

— Нет. Хотя теперь мы контролируем вход и выход.

— Ты врешь.

— Разумеется,— сказал я.— Но Егора не трожь. И отдай ему Люську.

— Это мой козырь. Как тебя зовут?

— Гарик.

— Гарик, это мой козырь, понял?

— Будешь играть без козырей.

Хорош я, если посмотреть со стороны. Младший научный сотрудник Института экспертизы, находясь в экспедиции, проводит сложную дипломатическую беседу с соотечественником, который попал в драматическую ситуацию.

Еще не хватало сцепиться с ним врукопашную.

— Где Люся? — спросил я.

— У меня на базе.

— А твоя база?

— Не твоего ума дело.

— Не груби, Веня, я этого не люблю. И если будешь себя плохо вести, никогда не вернешься домой.

— А может, я и не хочу,— сказал Веня.— Может, мне лучше быть первым парнем в большой деревне по имени Земля.

Я кивнул. У него к этому были данные.

Тут дверь распахнулась и влетели друзья Вени Малкина. Они специально одевались и старались выглядеть как бандиты, но не сегодняшние, крутоголовые, в широких пиджаках, а какие-то романтические, из книжек про пиратов.

— Капитан! — крикнул первый из них от двери.— На нас ветераны идут.

— Так гоните их к чертовой матери,— заявил Веня.

— Нет, ты не понимаешь, капитан,— сказал бандит.— Уходить надо. Так уже было.

Заволновался, стал выбираться из-за трона человек с гитарой.

— У ветеранов есть тайное оружие.

— Вот к этому я не привык,— сказал Веня. Он поднялся, взял шест с головой императора и, театрально шагая, словно выходя на сцену на фестивале в Сан-Ремо, пошел к двери.

Проходя мимо, он кинул мне:

— После боя поговорим обо всем, Георгий. Много проблем.

Бандит последовал за ним, но человек с бородкой и гитарой остановился:

— На вашем месте я бы куда-нибудь спрятался, пока все не кончится. Ветераны не любят пришельцев. Никаких. Если будет возможность, они убьют и господина Малкина, и вас. Лично я предпочитаю сейчас отсидеться на том берегу.

— Я бы предпочел отыскать Кюхельбекера,— сказал я.

— Может быть,— согласился человек с гитарой.— Если ветераны оставят его в живых.

В любом случае отсиживаться в императорской комнате не было смысла.

Мы вышли в зал. Откуда-то издалека доносились крики, удары, гул. Два бандита с саблями пробежали мимо нас к выходу.

— Пошли к доктору,— сказал Егор.— Леонид Моисеевич нам расскажет. Он должен знать.

Егор повел меня к комнате, на которой была табличка «Медпункт».

Дверь туда была приоткрыта.

Егор заглянул внутрь и позвал:

— Леонид Моисеевич!

Ответа не последовало.

— Леонид Моисеевич! — Егор зашел в комнату. Я подошел к двери. Внутри был самый обыкновенный медпункт, правда, какой-то запущенный и бедный.

Егор заглянул за занавеску — там стояла пустая койка.

— Нет его,— сказал Егор.— Наверное, тоже убили.

— Жалко,— расстроился я.— Доктор мне очень нужен. К сожалению, наш опыт поставлен настолько любительски, что я ничего не успел с собой взять. Даже камеру.

— Никто не просил вас прыгать за мной,— сказал Егор.

Я понимал — он сказал так, чтобы оставить за собой последнее слово. Не такой уж он дурак, чтобы не понимать — у нас двоих есть хоть какие-то шансы выбраться, по крайней мере, мы можем стать у мачты спина к спине, тогда как один человек в этой заварушке погибнет. Впрочем, Егор один погиб бы и без заварушки. Императору могло не понравиться, что он добивается возвращения Люськи.

— Хорошо,— сказал я.— Тогда нам лучше оказаться в стороне от войны. К сожалению, мы не знаем с тобой ни расстановки сил, ни возможного исхода конфликта. Куда лучше выйти на сцену после того, как лимит по казням исчерпан.

— Вы всегда так стараетесь шутить?

— Как? — не понял я.

— Натужно. Несмотря ни на что.

— Честно говоря, не всегда. Но ты меня поставил, Егор, в сложное положение. Ты разыгрываешь роль безумца Меджнуна, и я единственный здесь, кто склонен понимать. Честно говоря, такого я от тебя не ждал.

Он открыл рот, чтобы спросить, кто такой Меджнун, но не спросил, гордыня не позволила.

— Меджнун,— сказал я, первым выходя из медпункта,— восточный средневековый безумец, который рассказывал в пустыне о своей любви к Лейле оленям и ящерицам.

Мы не успели никуда отойти и спрятаться, потому что через зал, как по сцене костюмного спектакля, побежали разодетые разбойники.

— Этих,— закричал Веня Малкин, также выбегая в зал,— этих взять!

Он прихрамывал и держался за бедро. Между пальцами текла кровь. За ним бежал его соратник с гитарой и волок шест. Голова императора билась о пол, она сорвалась и

покатилась под соединенные по дюжине стулья с пластиковыми сиденьями, на которых положено сидеть ожидающим поезда.

— Хватайте же их!

Подрались с ними, попытались сбежать? Куда — к ветеранам, которые, видимо, наступали со стороны платформы?

Один из разбойников ткнул меня в спину концом сабли.

— Больно же! — крикнул Егор, которому тоже досталось.

— Голову не забудьте! — приказал Веня, но за головой никто не полез.

Мы выскочили на пустую площадь и через нее побежали к реке.

— Может, рванем в сторону? — спросил я Егора.

— Конечно! — Егор откликнулся сразу, но в этот момент нас догнало облако желтого дыма, которое быстро скатывалось по площади от вокзала. Облако было зловещим на вид, и я понимал, что если оно настигнет меня, то случится что-то страшное.

Перед облаком бежали не только разбойники и хромящий Веня, но я увидел, как из него выскочил и побежал, прибавляя скорость, сам Кюхельбекер и еще какие-то незнакомые мне люди. Станным было то, что по мере приближения к реке число людей, которых облако гнало перед собой, все увеличивалось.

Может, нас кто-то пугает? Или это природное явление, в нашем мире незнакомое?

Хорош исследователь, думал я, хотя совершенно непонятно, как я успевал думать на таком бегу. Хорош исследователь, представитель передовой российской науки, без единого фиксирующего прибора, бежит по неизведанному миру, совершенно не представляя, что с ним случится в следующую минуту и вообще что он намерен делать дальше.

Желтое облако выдыхалось. Как будто оно было языком киселя, вылившегося из опрокинутой чашки, и по мере

приближения к краю стола язык его становился тоньше и уже.

Мы с Егором бежали быстрее многих, и к берегу реки оторвались от желтой напасти настолько, что могли остановиться и осмотреться.

К реке вели ступеньки, вровень с водой лежали доски причала — здесь должны были останавливаться речные трамвайчики.

Вместо трамвайчиков к берегу были причалены четыре прогулочные лодки, из ассортимента, который можно найти на прудах в Парке культуры. У лодок стояли, встревоженно глядя наверх, двое часовых.

— Давай, давай! — крикнул бандит у лодки. — Где добыча?

— Будет! — откликнулся один из его товарищей. — Отвязывай. Рвем когти.

Желтое облако одолело большую часть площади, и башня Киевского вокзала поднималась из него, как маяк из утреннего тумана на полотне Тернера. Веня и его команда успели убежать от облака и тоже притормозили у парапета. Хуже было тем, кто остался во втором эшелоне. Я вдруг понял, что газ этот плохо действует на людей. Некоторые из них тащились из последних сил, и желтое облако вновь их нагоняло. Ближе других к нам оказался министр Кюхельбекер. Он уже не бежал, а еле тащился... Ворот душил его, и он рванул его, стараясь выдернуть черный галстук. Желтый газ дотронулся до его ног, хоть и полз уже еле-еле.

— Гарик, это опасно! — крикнул мне Егор.

Но я уже бежал навстречу Кюхельбекеру. Я подхватил его — министр оказался тяжелым и вялым. Мне бы не тащить его до реки, если бы Егор не поспел на помощь.

Кюхельбекер закрыл глаза, он тяжело и часто дышал.

— Оставь его, — крикнул от лодки Веня. — Ты сбрендил, что ли? Он же отравленный. Сам погоришь!

Мы уже спускались вниз к лодкам, ноги Кюхельбекера бессильно волочились по ступенькам.

— Да брось ты его! — кричал Веня.

Первая из лодок уже отчалила.

Мы влезли в лодку и втащили за собой Кюхельбекера.

Кроме нас, в той лодке оказался лишь бородатенький с гитарой и еще один бандит, в бедуинском халате. Они ни в чем не участвовали. Я сел за весла. Егор — за руль.

Мы стали грести к противоположному берегу, следуя за первой из лодок, в которой сидел Веня.

Желтое облако скатывалось по ступенькам к воде, переваливалось через парапет и падало к воде тонким прозрачным слоем, как утренний туман.

— Что это? — спросил я у бородатенького с гитарой.

— Газ, — сказал тот, — я не знаю названия.

— Откуда он взялся?

— Ветераны. Я Веню предупреждал, но вы же знаете, он никого не слушает. Он совершенно пассионарный.

— Какой? — спросил я.

— Пассионарный. Неужели вы еще не читали последних трудов Льва Гумилева? Он дает понятие пассионарной нации, пассионарного этноса.

— А вы откуда знаете Гумилева? — спросил я.

— Я и Окуджаву знаю, — ответил тот.

Кюхельбекер тяжело застонал.

— Прости, я отвлеку вас на минуту, — сказал я, — но Кюхельбекер не умрет?

— Я думаю, что никто не умрет. То есть умрут все, но смерть будет временной.

Гитарист рассуждал размеренно, он хотел, чтобы его понимали. Он не лгал и не видел в этом нужды. У него были светлые глаза в черных ресницах. Маленький рот, убегающий подбородок, а бородка росла так жидко и клочковато, что подбородка не закрывала.

— Временной?

— Временной, но мучительной, — сказал гитарист, — умирать всегда тяжело. Я умирал. Это очень страшно. Но убить нас трудно. Если не сделать чего-то решительного — не сжечь, не разрубить на части, — то мы оживаем. Я уже

видел такие удивительные случаи, за которые «Московский комсомолец» отвалил бы колоссальные деньги.

Мы двигались медленно — Москва-река небыстрая из-за плотин и шлюзов. К счастью, мы двигались по течению.

— Где Люся? — спросил Егор.

«Карфаген,— подумал я,— должен быть разрушен».

— Вы совсем недавно здесь? — спросил гитарист.

— Разумеется.

— Когда Вениамин прибыл сюда, мы его встречали, ждали — у него есть поклонники. Небольшая, но дружная группа. Моя группа. А может быть, вы знаете, что Малкин прибыл вместе с Люси. Это сложная и романтическая история.

— Я знаю,— перебил его Егор.

— Я могу и не рассказывать,— сказал гитарист.

— Рассказывайте, пожалуйста,— попросил я.— Мой друг был знаком с Люсей там, у нас... Он за нее переживает.

— Нормально с ней,— сказал бандит в халате.

Он сидел на носу лодки, свесив ноги, и мешал мне смотреть, когда я оборачивался, чтобы понять, не врежемся ли мы в берег. На Егора у руля было мало надежды.

— Мы его встречали. Но у нас, как вы знаете, основной контингент очень пожилой, даже старый, люди другого воспитания, других жизненных привязанностей. Вы не представляете, они даже песни Высоцкого воспринимают как вызов или не воспринимают вовсе.

— Вы в каком году сюда попали?

— В семьдесят третьем. Меня как раз вышибли из института...

— Простите,— попросил Егор.— Вы расскажите, пожалуйста, что здесь произошло за последний месяц. Мне очень важно знать.

— Как вас зовут? — спросил я гитариста, пока он жевал губами, то ли размышляя, с чего начать, то ли соображая, стоит ли рассказывать.— А то трудно разговаривать, не зная, как обращаться друг к другу.

Это была маленькая деталь из наших психологических штудий — Калерия гоняла нас на семинары. Кроме меня, никто не ходил.

— Григорий Михайлович,— сказал тот.— Григорий Сиявский, фамилия как у спортивного комментатора. Вы не помните?

— Я поздно родился,— признался я.

— Григорий Михайлович,— Егор подхватил знамя из моих рук,— рассказывайте, чего же вы!

— Я не уверен, что могу сказать о месяце — я давно потерял чувство времени.

— Мы знаем,— сказал Егор.— Месяц назад Люсю утащил сюда Малкин.

— Я вас не понял,— сказал Григорий Михайлович.— Как так он мог ее сюда утащить?

— Это долгая история,— вмешался я.— Если можно, мы вам расскажем ее за чашкой чаю, в соответствующей обстановке. Но Егор выразился совершенно точно. Малкин украл девушку. Для императора. И приехал на Киевский вокзал. Это была его плата за право здесь жить.

— Вы рассказываете какие-то сказки,— возразил Григорий Михайлович.— Я бы знал. Веня ничего от меня не скрывает.

— А мы послушаем,— сказал бандит, сидевший на носу лодки,— время еще есть.

Руки у меня уже устали. Вы когда-нибудь пробовали везти пять человек на прогулочной лодочке больше часа без подмены? Но я решил — потерплю до Новодевичьего.

— За всем должен скрываться какой-то дьявольский умысел,— сообщил нам Григорий Михайлович.

— Я слышал,— неожиданно подтвердил мои слова бандит.— У нас говорили. Император давно ее выбрал и отпустил к вам, на травку пастись, пока вымя не отрастет.

Он весело засмеялся. Он был из тех толстомордых идиотов, что составляют большинство любой банды.

— Хорошо,— согласился Григорий Михайлович,— вы мне все расскажете потом. Даете слово?

— Даю. А вы продолжайте.

— Я был среди тех, кто встретил Веню,— сказал гитарист.— Мы тут создали группу, самостоятельную, пели в основном баллады и туристские песни, вы знаете творчество бардов?

— Мы знаем творчество бардов,— мрачно ответил Егор.

— Они в самом деле приехали вместе. Их привез вот этот...— Григорий Михайлович показал на Кюхельбекера, который неподвижно лежал на дне лодки.— А наша группа приветствовала Веню. Честно говоря, мы тогда удивлялись приезду такого выдающегося певца современности. Девушка показалась нам милой. А Вене мы были рады. Девушку увели к императору. А потом начались конфликты. Вы не представляете, какие унижения пришлось пережить Вениамину Борисовичу при дворе.

Когда же Егор догадается сменить меня на веслах?

— И Веня начал искать способ вырваться из так называемой империи. В частности, он обратился и ко мне — что делать? Куда идти? Веня — человек энергичный и смелый. А у нас, у одной нашей певицы... я надеюсь, что не открываю особых секретов, есть связи на том берегу. И мы смогли организовать Вениамину Борисовичу встречу с людьми...

— С нами,— сказал бандит с носа лодки.

— Теперь ваша очередь грести,— сказал я ему.

— Не могу,— ответил бандит.— У меня грыжа. Сто лет терплю.

Ему было весело.

— Ну и черт с вами.— Я отпустил весла и пересел на другую банку. Лодка закачалась, а так как она была перегружена, то через борт плеснуло немного воды.

— Ты что! — закричал бандит.— Оборзел? Утопишь всех!

Вода попала на лицо Кюхельбекеру, и тот отвернулся, почувствовав холод. Он был жив, без всякого сомнения, он был совершенно жив.

Лодка медленно разворачивалась, ее несло течением.

— Я возьму весла,— сказал Егор.

Он осторожно перешел на мое место. Я не стал возражать. Если у пирата грыжа, мы должны беречь пирата.

— Продолжайте, Григорий Михайлович,— сказал я замолкшему гитаристу.

— Веня нашел друзей на том берегу,— сказал гитарист нехотя.— И перешел на нашу сторону.

— Ты скажи,— откликнулся с носа лодки разбойник,— ты скажи, как под славным руководством Вени мы перешли в решительное наступление на придурков с площади.

— Это правда,— сказал гитарист,— Веня оказался как бы свежей струей крови. Он смог объединить несколько групп — вы не представляете, какой это организационный талант!

Мне был виден организационный талант — теперь, когда я повернулся лицом по движению лодки, то видел, как его голова торчала среди прочих голов на лодке, что плыла впереди.

— Нам нужны диктаторы,— сказал разбойник.— Пришло время диктаторов. Хватит нам этой анархии!

И он фальшиво, но громко запел:

Любо, Веня, любо,
Любо, Веня, жить!
С нашим атаманом не приходится тужить!

С передних лодок донесся недружный ответ. Веня поднял худую руку, сжатую в кулак.

— А что же случилось с Люсей? — спросил я.

Егор едва смог кивнуть — лодка была перегружена, ее борта были почти вровень с водой.

— Людмила сначала вышла замуж за императора,— сказал Григорий Михайлович.— За покойного императора.

Кюхельбекер застонал. Он поднял руку и закрыл ею глаза, словно его раздражал яркий свет.

— Как так вышло? — спросил Егор.

— Но вы же знаете,— ответил Григорий Михайлович.— Вы же были здесь в прошлый раз, когда император поклялся, что женится на ней. И сдержал свое слово. Вот ни

этой свадьбе и произошел конфликт между императором и Веней.

— Не то слово,— поддержал гитариста бандит.

— Значит, она была там, на вокзале? — спросил Егор.

— Была, да сплыла,— сказал бандит.

— Не волнуйтесь, она в безопасности,— повторил гитарист.— Я вам это гарантирую.

— Мне надо ее увидеть,— сказал Егор.

Первая из лодок, пройдя под устоями железнодорожного моста, свернула налево, туда, где тупо поднимались строения стадиона в Лужниках.

— Забирай левее! — сказал бандит.— Левым гребями, правым табань.

Егор подчинился. Наша лодка начала следом за прочими поворачивать к берегу.

И тут послышался гул.

Совершенно чуждый этому миру, механический, даже какой-то грозный гул приближался, и я увидел, как со стороны Метромоста на прямой отрезок реки вырвался большой катер с закрытой каютой и рубкой, поднимающейся над ней. Он шел со скоростью морского катера — на реке это было делать опасно, потому что разбрасываемые им длинные крутые волны разбегались под углом и ударили в берега, как волны морского прибоя.

— Скорее! — крикнул я Егору.— Навались!

Катер не должен был врезаться в нас, но он пройдет так близко, что нашу перегруженную лодку он наверняка перевернет.

Я замолчал, не в силах оторвать взгляда от этого чудовища, будто заглянувшего невзначай из нашего мира.

Мне хотелось понять, есть ли кто-нибудь в его каюте, в рубке,— на небольшой палубе, открытой сзади, ни одного человека я не увидел. В рубке кто-то стоял у штурвала. Но конечно же я не разобрал ничего, кроме силуэта. За круглыми иллюминаторами каюты было пусто.

А может, и рулевой мне привиделся. Я старался развернуть лодку поперек волны, но не успевал.

— Сейчас опрокинет! — крикнул я. — Егор, плавать умеешь?

— Что? — Он не понял, но увидел, как мимо проносится катер, и сообразил: — Умею!

Григорий Михайлович прижал к груди гитару. Он тоже почувствовал опасность.

Я привстал, подхватывая под мышки Кюхельбекера. Его положение было хуже прочих — в таком состоянии он точно бы не выплыл.

Мне было видно все, что происходило впереди нас.

Первая из лодок уже добралась до берега, по крайней мере до мелководья. Там была еще одна пристань для трамвайчиков и был спуск к воде. Волна подхватила лодку и выбросила на причал. Вторую приподняло и опрокинуло метрах в трех, еще одну я не успел разглядеть, потому что почувствовал, как нашу лодку поднимает и кренит длинная волна. Еще мгновение, и мы сильно зачерпнули левым бортом. Мне надо было вытянуть Кюхельбекера так, чтобы меня не зашибло опрокидывающейся лодкой.

Я рванул его на себя и оттолкнулся ногами от борта — такие вещи делаешь рефлекторно: я как-то летом проработал спасателем в Евпатории — захотелось солнца и моря. А денег тогда не было.

Кюхельбекер не сопротивлялся — проплыть с ним двадцать метров до причала труда не составило. Но меня больше беспокоил Егор — управится ли он?

И ей-богу, я почувствовал истинное облегчение, когда его голова возникла рядом со мной и он спросил, отплываясь:

— Помочь, Гарик?

— Ничего, плыви. А где Григорий Михайлович?

Я правильно сделал, что спросил, — оказывается, тот бултыхался, собираясь потонуть метрах в пяти сзади нас. Егор поплыл к нему и потащил к берегу, а тот махал руками, старался утопить Егора.

Когда я вылез на причал, то увидел Веню Малкина. Он стоял на досках, махал кулаком вслед катеру, грязно и витиевато матерясь.

Я втащил Кюхельбекера на причал.

Веня увидел меня и спросил:

— Ты зачем этого тащишь? Оставь в воде.

Я положил Кюхельбекера на доски и спросил Веню:

— А что это за катер? Я думал, что здесь такой транспорт не предусмотрен.

— Черт их знает! — в сердцах ответил Малкин. — Я до них доберусь!

— Они приходят оттуда, сверху, проносятся туда и обратно. Но мы их не знаем, — сказал разбойник, который только что вылез из воды и прыгал на одной ноге, стараясь вылить воду из уха.

Одна лодка валялась на боку рядом с нами. Ее пассажиры разбирались с синяками и порезами. Но вроде все были живы.

— Хорошо, что добычи не было, — сказал вдруг Григорий Михайлович, которого выволок на причал Егор. — Просто счастье. Представляете, как бы мы огорчились.

И почему-то от этой незамысловатой фразы все ударились в смех.

И такой поднялся хохот, что Веня чуть не сел, согнувшись в поясе. Даже я засмеялся, хотя ничего смешного не было.

К нам бежали люди с берега. Две женщины и старик с костылем.

— Что привезли? — крикнула первая из них, лохматая, с грубым лицом.

— Победа! — крикнул им Веня, выпрямляясь и поднимая над головой стиснутые в жатыи руки. Так ведут себя победители на стадионе.

Человек не может изменить принципы поведения — стадион ли рукоплещет ему или три дикаря.

Любопытно, подумал я, каково должно быть минимальное наполнение мира, чтобы поддерживать цивилизацию?

Очевидно, когда люди разбросаны по лицу пустынной Земли так скудно, они неизбежно вырождаются, хотя и поддерживают порой видимость организации — как на площади Киевского вокзала.

Обязательно надо будет расспросить аборигенов, откуда этот катер. Общая тайна этого мира может быть разгадана лишь через раскрытие маленьких загадок.

Лишен ли этот мир системы коммуникаций, или мы попали на его окраину, к жителям саванны?

Кюхельбекер открыл глаза, его взор был мутным, он пытался отстранить меня рукой.

— Оставь его здесь, — сказал Веня. — Его потом отведут куда надо.

— Куда его вести, — сказал один из бандитов, — я его тут зарежу. У меня нож острый.

— Ты глуп, мой друг, — сказал Веня, который уже изменил прежнюю позицию. — А мне нужны умные люди. Ты что думаешь, я хочу всех перерезать и править только вами?

Женщина с грубым лицом поцеловала Веню в щеку.

— Это лишнее, — сказал певец. — Как дела дома?

Он пошел прочь и поднялся по ступенькам на набережную.

— Кюхельбекера не тронут, — рассеял мои сомнения Григорий Михайлович. — Если Веня сказал, то не тронут. Веню здесь уважают.

Мы поднялись наверх следом за Веней.

Он уверенно направился к костру, горевшему возле входа во Дворец спорта — неуклюжего сооружения, стоявшего между стадионом и рекой.

Я вспомнил, что когда-то был здесь, еще мальчиком, на тренировке.

Нет, не сам я тренировался, а одна девочка из нашего детдома попала в сборную. Честное слово, даже в детских домах это бывает. Ее взяли от нас, а она как-то написала письмо мне и Коле Сердечкину и позвала на тренировку. Во Дворце было гулко, в памяти осталось именно гулкое

нутро, в котором летали под потолком и неслись надо льдом громкие голоса тренеров и хореографов. Они стояли, опершись о бортик, а иногда выходили на лед, волоча ноги, чтобы не скользить.

Мы поднялись на набережную, поддерживая Григория Михайловича. Он шел, заплетая ноги.

— Я испугался,— сказал он.— Перепугался, что утону. Я плавать не умею. И гитару потерял. Где теперь другую найдешь?

— Наверное, в магазине,— сказал я.

Я промок до костей, было холодно, но не по-настоящему холодно, а неприятно телу.

— Ну, доскажите наконец,— потребовал Егор.— Я же вас вытащил!

— Для этого? — Гитарист обиделся, задрал голову и уткнулся концом мокрой острой бороды в Егора.— А я и не собирался ничего утаивать. Зачем мне утаивать? Это все ваши дела. Сейчас вы увидите свою Люсю. Ее уже давно украли. От этого и началась война. Она была как Елена Прекрасная. Вы читали об этом?

— Так где же она?

— Может, ждет нас,— усмехнулся гитарист.— Она же теперь супруга Вениамина. Император потерял покой. И готов был на все. Буквально на все.

Егор остановился, поглядел на меня в поисках поддержки. Потом вдруг побежал вперед.

— Ты куда? — крикнул Веня, когда Егор пробежал мимо.— Тебя же пристрелят, дурия башка!

Никто Егора не пристрелил. Дверь во Дворец спорта была раскрыта, и Люся, видно, ждала там возвращения разбойников. Или хотя бы каких-то новостей. А может, и предчувствовала что-то.

Она стояла в дверях и, когда Егор побежал к Дворцу спорта, выбежала ему навстречу.

Они бежали, как в каком-то фильме, который таким образом счастливо заканчивается.

— Стой! — закричал Веня.

На всякий случай я сделал несколько быстрых шагов вперед, чтобы оказаться рядом с ним. Я не хотел рисковать.

К счастью, войско Вени, и без того немногочисленное, в тот момент не было готово к бою. Часть бандитов осталась у реки. Они вылавливали перевернутые лодки и вытаскивали их на причал. Другие, видно, устали и брели каждый сам по себе. А те, кто встречал Веню, мешали ему, теснили, о чем-то говоря.

К тому же из Дворца спорта выбежали еще четверо или пятеро встречающих, и я понял, что это та же группа поддержки, певцы-барды, друзья Григория Михайловича.

Так что картина получалась скорее комическая, потому что Веню окружили поклонницы, и на встречу Егора с Люсей никто не обратил внимания. Кроме Вени.

Но тут рядом шагал я.

— Улыбайся! — приказывал я певцу и вождю. — Народ тебя любит! Ты его идеал. Да улыбайся ты, красавец мужчина! Не теряй авторитета. С ними ты потом поговоришь. Ты же победитель, Веня! Оба берега Москвы-реки подвластны тебе.

— Черта с два, — вдруг ответил мне Веня. — Черта с два! Кто мне подвластен?

Люся и Егор заметили, что мы подошли к ним.

— Егорушка, — рыдала Люся, прижимаясь к груди молодого человека, — ты пришел. А я уж думала, что все, что никогда... Господи, какое счастье, ты не представляешь.

— Ну что ты, как ты могла подумать, — говорил Егор. — Я же не мог сразу. Теперь все будет хорошо.

Веня остановился, протянул руку к Люсе, как бы намереваясь показать свои права на нее.

— Веня, — сказала Люся, не отрывая глаз от Егора. — Ты иди, я потом приду.

— Ты не понимаешь! — сказал Веня. — Люди смотрят.

Я осторожно, но крепко взял вождя за локоть и повел прочь.

— Они придут, — повторил я. — Куда они денутся? А нам с вами надо отдохнуть.

— Вот именно, — сказал Веня. — У меня эта дурацкая слабость.

Мы шли быстро, оставив позади поклонников, и Веня тихо и доверительно говорил мне:

— Вы же поймите, состояние моего здоровья таково, что мне конечно же надо беречь себя. Но у меня страшно заводной характер.

— Но Люся? — спросил я, стараясь вложить в этот краткий вопрос куда больше, чем мог бы услышать посторонний.

— Да вы с ума сошли? — возмутился Веня. — Вы думаете, что если я крутой, если вокруг меня всякие люди, то я подлец? Да я ни одну девушку на прощание не поцеловал. И не потому, что я голубой и они отвращение вызывают, вы не думайте, я даже женат был, но я тоже понимаю. Я ведь в прошлом году крестился, думал, что поможет. А здесь есть церковь, вы как думаете?

Мы вошли в зал Дворца спорта. Посреди него на деревянном полу трое разбойников играли в карты.

— Проблема — никак не могу поднять всех на завоевание мира, — сказал Веня. И, заметив удивление на моем лице, обрадовался и продолжал: — Я так и думал, что ты купишься. Ты же стандартный, без фантазии. Ты думаешь про меня: вот псих отмороженный, хочет кладбище завоевать. Да нет, мне просто интересно. Я и Люську утащил, только чтобы этим мырмакам доказать, кто здесь хозяин.

Веня обернулся — Люся с Егором вошли в зал.

— Ну вот, живая, в одном куске. Так что, молодой человек, как только ты переходишь ко мне на службу, то получаешь в награду девицу и эскадрон бандитов. Только коней раздобывай сам. Тебя как зовут?

— Егор, — ответила за него Люся. — Я же тебе говорила, Веня, что жду его.

— Знаю, знаю, что ждешь, тысячу раз слышал.— Он повернулся ко мне: — При всем моем уважении к ее внешним данным, поверь мне, Гарик, что бабы у меня были на порядок лучше. Импорт. Из Одессы и Вильнюса! А какие кадры нам дает Ставрополь!

Он подмигнул мне.

Как хорошо, что мы три дня провели в беседах с Егором, по крайней мере, я не сошел с ума при первом столкновении с этим миром.

Вообще-то мое настроение несколько улучшилось. Как вы понимаете, судьба Егора и соответственно Люси мне была безразлична. Я в чем-то похож на американского президента: ни одного нашего морского пехотинца мы не оставим в бангладешском плену! Пускай погибнут пять тысяч туземцев, но наши родные негры-капралы должны вернуться для захоронения на кладбище в округе Колумбия, о'кей?

Главный изверг и моральный урод, бывший любимец публики Веня Малкин показался мне не столь уродливым, как я представлял вначале.

В то же время мне любопытно было, как скоро он перестроился и приспособился к этой жизни. Он напомнил мне знаете кого — гимназистку, которая приехала на капикулы на хутор к тете где-нибудь под Житомиром. А вокруг затевается гражданская война. Хутор тетки сожгла банда, гимназистку изнасиловали, но она выжила и сама организовала банду. И гоняет вокруг по полям в гимназическом форменном платье и ищет своего оскорбителя, а заодно режет коммунистов, грабит белых и становится грозой уезда или губернии. Злодейка, садистка — а прошло-то всего полгода с того дня, как она вышла в последний раз из дверей киевской гимназии. Вот вам целый роман из эпохи гражданской войны. Я его не написал, потому что некогда, но смог бы написать. Ведь откуда-то в мою голову попали гимназистка и ее враги. И стали для меня не менее реальными, чем бредущий рядом со мной бывшая звезда российского рока и немного мафиози Веня Малкин или быв-

шая императрица Киевского вокзала... Так неужели они более реальны, чем придуманная мною гимназистка?

— Пойдемте ко мне, я покажу вам, как живу.— Люся пригласила меня и Егора. Потом повернулась к Вене: — А ты?

— Сначала считать мы будем раны,— сказал он.— У меня подозрение, что жертвы, принесенные на алтарь победы, очень велики.

— Не ври, Веня,— сказала императрица,— тебе их не жалко. Они для тебя как карточные фигуры.

— А для тебя? — спросил Веня, обидевшись.

— Они похожи на меня,— сказала девушка.

— Идите, я потом подойду,— обещал Веня.

Какой бы Веня ни был, в нем, как только он сталкивался с Люсей или со мной, проявлялась слабость. Он был слишком к нам близок. Понимаете? Мы с ним были и по возрасту, и по поколению, и по стажу здесь одинаковы. Кухельбекер или какой-нибудь разбойник уже давным-давно стали частью этого мертвого мира, как солдатики. А о нас-то он знал: мы живые, как и он. Или только что умершие. Как и он.

— Геть! — крикнул Веня.— Вздыхай ко мне!

Какие-то люди стали возникать рядом с ним. Когда я оглянулся, отойдя на полсотни шагов, он уже разговаривал с тремя или четырьмя разбойниками.

Люся провела нас в комнату — чистую, белую, почти светлую. Мы уселись на диване, видно, она и спала на нем. Кроме него были стул и стол и еще этажерка с керосинкой.

— Здесь с огнем плохо. Даже не понимаю почему,— сказала она.— Вот костёр зажечь можно, а внутри помещений — трудно.

Она зажгла керосинку — я в последний раз видел такую на даче,— поставила чайник.

— Чай будет настоящий,— сказала она.

Радостно суетясь, она все смотрела на Егора и, двигаясь по небольшой комнате, все время пользовалась случаем,

чтобы дотронуться до Егора — нет, не лаская его, а как бы стараясь убедиться, что он здесь, что он ей не кажется.

— Я все эти дни,— сказала она,— не сомневалась. Правда, потом начала немного беспокоиться, но ты тоже меня должен понять.

— Я бы раньше приехал,— отвечал Егор, словно мы с ним наконец добрались до Торжка,— но не было okazji, щели не было. Ну, ты понимаешь.

— Понимаю. А я, знаешь, почти уже узнала, как вернуться, но эти дураки меня схватили.

Они с Егором образовали бы чудесную пару. Оба высокие, подвижные, он как модный американский актер, но не из силачей, а из тех, в очках, молодых компьютерных гениев. А она скорее звезда российского кино девяностых годов — как Метлицкая, Слуцкая, Орбакайте, представляете? Не блондинка, а темная шатенка, почти брюнетка. Я понял, что Люся, созданная большим городом, внешне кажется интеллигентнее и социально выше, чем есть на самом деле. А это видно, когда она начинает говорить, и ты слышишь в ее интонациях наш двор, магазин, кухню — если нужно, она может быть и резкой, и в голосе прорывается московская дикарка. Но это бывает редко. И дальнейшее зависит от того, в какие руки она попадет.

Через год-два она может превратиться и в настоящую леди, и в студентку из хорошей семьи, и, если не повезет, в относительно недорогую проститутку. Я говорю это не из желания как-то унижить Люсю, а чтобы показать, что она еще материал для человека, а не готовый человек. А вот Егор, пожалуй, уже создался как человек, и его не изменишь. Хотя рядом с Люсей он тушется. Если бы судьба соединила их, то именно Люся стала бы ведущей в этом тандеме.

— Я видела Соню, Соню Рабинову, это она все устраивает,— говорила Люся. Она сидела на стуле лицом к нам, сложив узкую ладонь к ладони и сжав их коленями. На ней была короткая юбка и тапочки. И белая трикотажная кофточка.

Люся перехватила мой изучающий взгляд и сказала:

— Не изучай так меня, Гарик. Ничего особенного. Но, честно говоря, меня здесь спасает только то, что все знают — я императрица. Вы будете смеяться, но они не смеют меня тронуть. И я стараюсь тоже — я всегда чистая, подтянутая, и одежда у меня новая, и живу я отдельно. И знаешь, Веня тоже понимает.

— А ты в самом деле замуж вышла за императора?

— В первый же день! — засмеялась Люся. «Господи, — подумал я, — какие чудесные зубы!» — Как приехала, тут же и обвенчали. Только ты ничего не думай, Егорушка, император как мужик никому не конкурент.

— Он вообще никому не конкурент, — сказал Егор. — Ты уже вдова.

— Они его убили?

— Твой Веня и его бандиты были на вокзале. Там они нас и захватили.

— Они убили Павла Петровича? Ну изверги! Звери, просто звери! Вы простите, что я плачу, это не потому, что мне Павла Петровича жалко, мне его как человека жалко, хоть он мне никто, но как же можно! И что, они всех убили?

— Нет, как я понимаю, немногих, — сказал я. — А одного мы привезли. Вы его знаете, Кюхельбекера.

— Как привезли?

Пришлось рассказать Люсе о том, как мы с Егором попали сюда и как, доехав с Кюхельбекером до дворца, попали в разгар боевых действий. О смерти императора и встрече с Веней. И о том, как нам всем пришлось убежать из империи Киевского вокзала, как преследовало нас злое желтое облако.

— Но кто это сделал? — спросила Люся.

Она разлила нам чай по тонким чашкам. Чай был настоящий, горячий, хорошо заваренный.

Оказывается, жизнь здесь не такая простая. Ведь ты всегда склонен упрощать чужие проблемы и недооценивать чужие возможности. Если верить Люсе, то война между

Веней и империей продолжалась весь месяц, который молодая императрица пробыла здесь. И в этой войне были набеги разбойников на имперские владения, и ответные походы имперских войск с попытками вернуть императрицу, и наконец, переговоры, которые ни к чему не вели, хотя бы потому, что у Вени, кроме бандитов, никого не было. Ни вельмож, ни государственных деятелей. Ведь не считать же государственным деятелем Григория Михайловича с его гитарой, которого в империи почитали за ренегата, или Койвисто из Гельсингфорса.

— Что еще за Койвисто из Гельсингфорса? — спросил я, ибо во мне в очередной раз проснулся исследователь. Финская фамилия и место действия обещали информацию о пределах и специфике этого мира.

— Увидите, — сказала Люся.

Она признавала во мне старшего, но, пока рядом был Егор, другие люди существовали для нее не более как фон — приятный либо раздражающий. Потому заканчивая рассказ о последних событиях, она обращалась к Егору, а не ко мне...

— Сегодня с утра, — закончила она свою повесть, — Веня пошел в поход — его бандиты уговорили, думали, добыча будет большая. Ему донесли, что Кюхельбекер, который там самый толковый, поедет в университет и возьмет с собой часть велосипедистов. Вот они и решили победить. И победили. А Павел Петрович не очень мучился?

Я пожал плечами. Мы приехали, когда все уже кончилось.

— А как доктор, Леонид Моисеевич?

— Его мы не нашли, — сказал Егор.

— Мне тут говорили, что он ушел куда-то. А вдруг с ним тоже что-то сделали? Жалко. Он хороший.

— Мне тоже жалко, — сказал Егор.

Снаружи слышался какой-то шум. Кричали, словно дрались.

— Я посмотрю,— сказала Люся.— Я тут им не даю распускаться. В конце концов, они тоже люди.

Мы пошли за ней.

И оказались там вовремя. Бандиты притащили и замыслили казнить единственного пленника. Им оказался Кюхельбекер.

В углу манежа стоял пинг-понговый стол, и несколько разбойников распинали на нем Кюхельбекера, который никак не желал сдаваться. Его черные одежды разорвались — худые голубые ноги дергались над столом, а полдюжины бандитов, что готовили казнь, с восторгом занимались истязанием министра, превратив это в детскую игру.

С двух сторон одновременно выбежали Веня с гитаристом и мы с Люсей.

Реакция у нас была одинаковой.

— Прекратите! — закричал атаман вольницы.— Он мне нужен. Не смей!

В ответ слышались ругательства, которые приходилось не раз выслушивать капитану Кидду, а уж тем более Степану Разину, когда он пытался сохранить жизнь пленной княжне.

Авторитет, а соответственно и власть Вени Малкина, великого певца и знатного бандита, висели на ниточке.

И не исключено, что Веня попал бы в жертвы своим неудовлетворенным добычей сообщникам, которые выкрикивали имена своих друзей, не вернувшихся из похода, если бы не появление ее величества.

Удивительно, как человечество долго и упрямо играет в эти игры.

Ну почему у этих дикарей, живущих в мире без времени, как и у нашего мещанина, будь он кинорежиссером или министром, титул вызывает внутреннюю щекотку и желание целовать ручку? И Люська Тихонова настолько сумела силой женской интуиции почувствовать свою исключительность, что, войдя в зал, кричать не стала, отстранила Егора, который кинулся было вперед, и кинула искоса взгляд на меня, припечатав к полу, и остановилась, не

доходя до пинг-понгового стола, на котором извивался Кюхельбекер, именно на том расстоянии, на котором ее было всем видно и слышно и в то же время на котором она была отделена от прочих, обыкновенных, людей бесконечностью пространства.

— Прекратить,— приказала она.

То есть произнесла то же слово, которое выкрикнул певец, но именно произнесла, а не сказала и не выкрикнула.

— Отпустите его,— сказала Люся.

В гулком Дворце спорта наступила тишина и слышно было дыхание людей.

Разбойники отходили от стола, отпускали веревки, которыми только что орудовали, и делали все покорно, но медленно — точно так же, как ведут себя хищники на арене, когда дрессировщик, хлопнув по песку хлыстом, велит им возвратиться на тумбы.

— Господин Кюхельбекер,— сказала Люся,— вставайте, чего вы тут лежите. Не бойтесь, вы же ни в чем не виноваты.

По бандитам прошел недовольный ропот.

— А вы,— повернулась к ним Люся,— сбежали, поджав хвосты, и теперь хотите отыгаться на невинном.

Вдруг женщина с грубым лицом, которая первой прибежала встречать Веню на набережную, крикнула Люське:

— А ты чего его защищаешь? Твой хахаль, что ли?

И она засмеялась. Но никто ее не поддержал.

И тут инициативу подхватил Веня.

— Башмаков,— приказал он бандиту, который плыл в моей лодке,— отведи пленного министра ко мне в кабинет. Мы его допросим. Остальным — разойтись!

Теперь перед стайей шакалов не было жертвы и не за кем было гнаться.

И стая не имела альтернативного вожака.

Люди стали расходиться, а Веня подошел к женщине и стал бить ее по лицу открытой ладонью. По театральному, не больно, но наказывая.

Женщина вдруг заплакала и побежала из зала.

— Он спит с ней,— сказала тихо Люся.

Я поверил Люсе и подумал, что для него она — своя, московская, которую нельзя заразить СПИДом, а эта — местная бандитка, ничего с ней не случится.

Кюхельбекер быстро ушел за Григорием Михайловичем. Веня сказал мне:

— Хочу понять, что же произошло. Будешь слушать?

Я обернулся было к Егору.

— Пускай пошепчутся,— великодушно разрешил Веня.— Ты ему, Люся, Койвисто покажи.

Я пошел за Веней к нему в кабинет.

Кюхельбекер стоял посреди комнаты, такой же, как комната Люси, возле большого письменного стола — в этих комнатах сидели раньше стадионные чиновники. Вряд ли эти комнаты годились для иных целей. Он старался привести в порядок рваный костюм.

— Ничего,— сказал Веня.— У нас на Комсомольском магазины остались. Императрица иногда туда ходила за шмотками. И мне тоже таскает. Ты ей размер скажешь или с ней прошвырнешься.

— Спасибо,— сказал Кюхельбекер.— Я вам обязан жизнью.

— Не путай,— великодушно ответил Веня.— С площади тебя Гарик вытащил, хорошо еще, что у него мышцы накачанные. А сейчас, как понимаешь, от моих эмоциональных подонков тебя Люська, императрица, спасла. И охота ей была — не знаю.

— В любом случае спасибо.

— И учти, твоего императора я не убивал,— сказал Веня.— Я его только поучить хотел, а мои махновцы разыгрались. Я его уже мертвым застал. Мне пику с его головой вручили — такой уж здесь обычай.

— Знаю,— сказал Кюхельбекер.— Что со мной будет?

— Ты мне скажи,— попросил Веня,— что у нас сорвалось с наступлением?

— Что вы хотите знать?

— Мы же вокзал взяли. Все нормально. Откуда этот желтый яд пошел?

— Ветераны,— сказал Кюхельбекер.— Они дождались своего часа. Победив императора, вы нарушили хрупкий баланс этого мира.

— Нет, ты мне как следует объясни,— сказал Веня.— Мне же тоже никуда не деться отсюда. Так что я думаю, что нам с тобой придется вместе все распутывать.

— К сожалению,— согласился Кюхельбекер.— Так бывает, когда в болото падает камень.

— Ну объясни.

— Я не знаю... Я недостаточно знаю о том, что происходит далеко за пределами этого мира. Но я отлично понимал, как устроен маленький мир, который начинается у Нового университета и тянется до Кутузовского проспекта.

Говоря, Кюхельбекер рисовал длинным узловатым пальцем схему этого мира на письменном столе, а мы стояли, как на военном совете, глядя на то, как «полководец» по карте планирует будущее сражение.

— Вот тут,— говорил он,— империя Киевского вокзала. На другом берегу вы — несколько бандитских шаяк, опасных, потому что никак не могли объединиться, и занятых враждой друг с дружкой. Третий фактор — ветераны. Они вообще-то живут в империи, вернее, в гостинице «Славянская» и домах рядом с ней. Они вхожи в вокзал, хотя нас к себе не пускают. Они нас не выносят, мы их не выносим, но взаимно терпим. Мы центр цивилизации.

— Да иди ты! — громко сказал Веня.

Я посмотрел в окно. За окном медленно шли Люся с Егором и увлеченно разговаривали. Они шли близко, но не касались друг друга.

— Да, именно так. Если захотим, мы можем уничтожить бандитов, перебить ветеранов, но не стремимся к этому. Мы имеем доступ к другому миру — для нас он выражается в тебе. Люди, с которыми мы держали связь, меняются... Но они есть. Мы кое-что получаем оттуда, кое-что отдаем,

порой туда или к нам прорываются люди. Впрочем, мы не боимся этого. Мы даже императрицу держали там, наверху, пускай растет. Мы позволили себе пустить в нашу империю вас, господин Малкин. Мы — открытое государство. Ветераны боятся этого. Они убеждены, что именно в нашем мире, где нет автомобилей и самолетов, где нет газет и телевидения, можно создать чистое, на их взгляд, общество. Но для этого мы должны окончательно покончить с конкурентами. Это вид религии. Чистота — никаких внешних сил. Для этого, они полагают, и создан наш мир. Теперь вам ясно?

— Ни черта не ясно,— сказал Веня.

— Когда вы убили императора и захватили вокзал, вы нарушили баланс сил. И ветераны, которые не столь глупы,— и не надо считать их кучкой выживших из ума, изношенных трехсотлетних старцев,— также готовились к опасному повороту событий. Мы знали, что у старцев есть установки по пуску газа... Но не знали, случится ли когда-нибудь нужда в том, чтобы их использовать.

— Это ветераны? Старцы? Коммунисты?

— Это хранители неких идеалов,— возразил Кюхельбекер.— Они были и до коммунистов. Среди них вы найдете и Робеспьера, и протопопу Аввакума. Для них существует лишь идея... Теперь, когда они захватили власть в нашей империи, они перегрызут друг другу старческие глотки. Но не сразу. И вы, Вениамин, своими руками разрушили хотя бы видимость равновесия. Ваше будущее не вызывает во мне зависти....

Веня не ответил.

— Я устал,— продолжал Кюхельбекер.— Я полагаю, что этот газ не убивает окончательно. Нас очень трудно убить. Но голова у меня просто раскалывается.

Мне хотелось поговорить с Кюхельбекером, но я надеялся, что у меня еще будет возможность. Сейчас он не был склонен к беседам.

— Я пойду пройдуся,— решил я.

— Когда гуляете, поглядывайте по сторонам и оборачивайтесь, — посоветовал атаман. — Мало ли кому захочется тебя обезглавить.

Кюхельбекер устроился на стуле. Веня прошел за письменный стол и уселся в кресло.

Я вышел из Дворца.

Мне надо было подумать.

Миссия могла показаться на первый взгляд успешной — Егор с Люсей гуляют где-то неподалеку. С другой стороны, она провалилась, потому что не была подготовлена. Кто меня тянул прыгать?

Не сердись на себя, Гарик, не сердись. Спокойно. Теперь нам надо отсюда выматываться, прежде чем мы превратимся в таких же зомби.

Во-первых, это страшно.

Во-вторых, от моего пребывания здесь польза ограничена. Единственный мой инструмент — собственные глаза и уши. Как рассказчик, я очень мил, но совершенно бездоказателен. Сюда должен или должны прийти настоящие исследователи. Снимать, фиксировать, изучать...

Так что моя первая обязанность перед собой и наукой — как можно скорее отыскать Сонечку Рабинову, так вроде зовут эту милую девушку? И открыть с ее помощью дверь домой.

Я стоял перед входом во Дворец, и мне были видны две фигурки, сидящие рядышком на садовой скамейке на бывшей аллее, от которой осталось высохшее дерево.

Здесь нет ветра, и в неподвижности воздуха существует особая прозрачность — не для глаза, а для слуха. Я не знал об этом, потому что впервые оказался один в тишине. Но когда я, посмотрев на Егора с Люсей и убедившись, что вижу именно их, не спеша пошел к ним, чтобы посоветоваться, что же делать дальше, то, не доходя метров ста, вдруг услышал, о чем они говорят, и остановился.

Теоретически мне известно, что подслушивать плохо, но мне было неловко кричать за сто метров, чтобы молодежь замолчала и подождала, пока я подойду.

А может быть, мне было любопытно послушать, о чем они говорят,— все мы готовы осуждать нетактичность такого рода, но практически каждому из нас приходилось подслушивать чужие разговоры. А я не таился — им достаточно было оглянуться, чтобы меня увидеть. Я просто остановился.

— Тебе надо уходить,— говорила императрица,— спасибо тебе, конечно, что приехал, но надо тебе с Гариком уходить.

— Я уйду только с тобой.

— Не говори глупостей. Я, Егорушка, первую неделю тебя ждала, считала мгновения. Как будто стояла на платформе и до отхода поезда оставалось все меньше. А потом поезд ушел.

— Поезд ушел, а я приехал.

— Это не повод для шуток,— строго ответила Люся.— Это моя трагедия. Неужели не понимаешь?

— Почему?

— А потому, что ты уедешь, а я останусь.

— Но я же приехал за тобой.

— Ты глупый, да?

— Ты хочешь сказать, что ты уже... изменилась?

— Я хочу это сказать. И я знаю, что это так.

— Но почему?

— Я больше не хочу есть — мне не надо есть и спать. Понимаешь, что все процессы во мне остановились, мои внутренние часы остановились. Я даже чувствовала, как это происходит,— ты не представляешь — как будто в тебе это тикает... но медленнее и тише, у меня уже пульс другой, медленнее. Хочешь пощупать? Ну ладно, не надо, потом.

Она было засмеялась. А может, всхлипнула.

Я не стараюсь показаться трогательным и сам не выношу сентиментальности. Но я присутствовал при самой настоящей трагедии, которую мне, к сожалению, до вас не до-

нести. Или вы сами поймете ситуацию, станете на место влюбленных, или я промолчу...

— Может, попробовать вернуться к нам? — спросил Егор. И видно было, что он сам в такую возможность не верит. Он был подобен бегуну — мчался, мчался. Выиграл забег, но вместо финишной ленточки ударился лбом в стену.

— И ты будешь сидеть возле меня в больнице, в палате для безнадежных и держать меня за руку?

— Это необязательно. Ведь еще никто не попробовал.

— А я думала, что ты меня немножко любишь. Ты подумал, что ты предлагаешь? Чтобы я вернулась на верную смерть?

— Но я же прилетел за тобой.

— Ты тупой, да?

Она была права, но я понимал и Егора. Он так стремился к ней, что мог подсознательно выбросить из головы мысли: «А что потом?» «Потом» не было, а была высшая цель — пробиться, совершить подвиг, плюнуть на все — лишь бы соединиться с Люсей. А там обойдется... Еще одна жертва славного «авось» русской истории.

— Я не тупой, — обиделся Егор. — И никто еще не возвращался отсюда. А вдруг все это — вранье? Придумано оно специально для того, чтобы никто не смел и мечтать отсюда уйти?

Абстрактно эта мысль имела право на существование. Но я понимал, что для Люси она звучит почти издевательски и никак ее не переубедит.

— Значит, ты решил провести опыт — на мне!

— Ну что делать! У нас все-таки врачи, больницы.

— То-то Веня Малкин от нас сюда эмигрировал!

— Так это же СПИД!

— У меня тоже СПИД. И неизвестно еще — насколько заразный.

— Не надо меня пугать!

— Я тебя не пугаю. Я хочу, чтобы ты кое-что понял. Мало примчаться ко мне на белом коне. Некому твое геройство оценить. Даже Гарик не оценит.

— Но здесь оставаться нельзя! — сказал Егор.

— Конечно, нельзя, — согласилась Люся. — Здесь института нет, мамы с папой нет, даже мороженого не дают.

— Не в этом дело.

— Я и без тебя знаю, что не в этом дело!

— Тогда я останусь с тобой.

— Хватит, может, подвигов? — спросила Люся.

— А ты?

— Опять двадцать пять!

Я повернулся и пошел прочь. Мне не хотелось, чтобы они увидели, что я их подслушиваю.

Я пошел по территории стадиона, не замечая, куда иду, стараясь решить неразрешимую задачу — что же в самом деле делать нашим юным героям? Мне было страшно, потому что вариантов у ребят не было. Только эта пустыня. И я был почти уверен в том, что Егор отлично понимал это в тот момент, когда бросился в открытую дверь. Знал, но надеялся на чудо. И в шкале его ценностей в тот момент было важнее увидеть Люсю, а остальное оставалось в тумане. За финишной ленточкой.

Впереди на асфальте, на большой площадке перед плавательным бассейном, лежало нечто разноцветное, словно клумба, какие устраивают в престижных парках, выращивая на них узор из множества цветов: незабудки изображают небо, тюльпаны — крышу дома, а ромашки — его стены.

Когда я подошел поближе, то увидел, что клумба — в самом деле громадный ковер, вернее, рваные куски ткани, прошлой формы которых я угадать не мог. Ясно было лишь то, что когда-то ткань была полосатой — полосы были желтыми и фиолетовыми.

От этих кусков тянулись веревки, длинные и крепкие, они сходились к лежащей на боку большой корзине, метра полтора в диаметре.

И как только я увидел корзину, то понял, что вижу остатки воздушного шара.

Необычная находка. Я подошел поближе, и тут из корзины показались пальцы, схватились за ее край, затем с трудом поднялся по пояс человек и спросил меня:

— Что фы тутт телаете? — Очевидно, этот человек и был финном Койвисто. О том же говорило и лицо незнакомца, изрезанное глубокими морщинами и окаймленное темно-рыжей шкиперской бородкой.

— А вы? — спросил я.

— Я охраняю воздушный транспорт,— сообщил человек.— Мое имя Арно Койвисто. Я из Хельсинки и совершал перелет через Петербург в Москву. К сожалению, я потерпел крушение и стал инвалид. У меня нет ног!

Он перевалился животом через край корзины, и я в самом деле убедился в том, что у Арно отрезаны ступни ног и культы замотаны тряпками, словно на ногах у него серые штаны.

Арно встал, держась за край корзины. Видимо, раньше он был очень высок — по крайней мере, даже без ступней он не уступал мне ростом.

— Вы не спешите,— сказал он.— Мне скучно.

Он говорил по-русски вполне сносно, но с акцентом. И конечно же он мне был крайне интересен, ибо относился к числу тайн этого мира. Зачем он летел, чего ему было надо?

— Я не спешу.

— Вы здесь новый. Вы не бандит, не такой, как они. Может, вы пленник?

— Я чужой,— согласился я.— А вы здесь давно?

— Я не уверен,— сказал воздухоплаватель.— Но я жду помощь из моего города. Меня будут искать. Я гарантирую.

— Вы живете в Хельсинки?

— Раньше я жил в Петербурге, но затем я жил в Хельсинки,— сказал Арно.— Там человек живет культурно.

— Вы хотите сказать, что там — иная жизнь, чем здесь?

— Здесь — дикий край Земли. Здесь жить нельзя. Только сумасшедшие путешественники вроде меня могут сюда на-

правиться. Но человек всегда имеет в душе стремление открывать новую землю. Я погибаю, потом летит другой.

— Вы видели... Вы видели сверху всю Россию?

— Я видел очень много. Есть разные страны и города и много чудесных и страшных людей. У меня есть журнал. Это — великий документ. Я жду человека, который отвезет его. Тогда меня найдут. У меня есть смысл жизни. Вы понимаете, мой журнал — это смысл жизни. Его должны видеть мои коллеги. Это есть путеводитель. Я сам кончился, у меня нет надежды, но если мой журнал придет домой, то я умру спокойно или буду ждать. Я могу долго ждать. Вы не собираетесь в Петербург?

— Я хотел вернуться к себе.

— Куда?

Я неопределенно показал пальцем вверх и в сторону.

— На ту, старую Землю, откуда я пришел. Где есть время.

— Вы проникли к нам? Здесь тоже есть проход?

— Вы знаете о других? — спросил я.

— О, на Земле есть не одно отверстие, но ты не можешь проникнуть сквозь них. По разным причинам. Природа не хочет нашего движения. Но я уверен, что в Петербурге есть... Петербург — такой славный цивилизованный город. Там наверняка что-то есть. Но вы будете возвращаться к себе?

— Я постараюсь, — сказал я.

— Тут есть одна молодая женщина, ее называют императрицей Люси. Вы знаете ее?

— Я с ней знаком.

— Она тоже оттуда. Она хочет вернуться, но боится, что ее кровь уже не позволит.

— Это так? — спросил я.

— Полагаю, что так, — сказал Арно. — Так учат. Так все думают. Так логично. А вы давно здесь?

— Меньше суток.

— Сутки? Это немного. Вы можете не спешить.

— Лучше спешить,— сказал я.— Здесь ни в чем нельзя быть уверенным.

— Это правда. Вы знаете, что мой шар сбили? Да — как будто враждебный корабль. Я не знаю кто, но это так. Вы не поедете в Петербург?

Следом за мной шли Егор и Люся. Люся вела Егора за руку.

— Вы не скучали? — спросила Люся. Вопрос относился ко мне. Воздухоплателю Люся кивнула, как кивают соседу по дому, которого ты нынче уже видел раз двадцать.

— Нет, я глазел по сторонам,— сказал я.— Здесь есть на что смотреть.

— Это только в первый день,— сказала Люся.

Она выглядела обыкновенно, говорила ровно, и я вдруг испугался, что она уже настолько глубоко заражена болезнью безвременья, что даже разговор с Егором не расстроил ее. Зато на Егоре все было написано: он был не в расстройстве — он был в глубоком горе, и Арно заметил это.

— Это тоже ваш друг? — спросил он Люсю.

— Я его ждала,— сказала Люся.— Я его люблю.

— Почему он такой печальный? — спросил финн.

— Он приехал за мной,— сказала Люся.

Финн наморщил и без того морщинистый лоб. Он медленно думал. Мы молчали. Он думал, наверное, минуту. В кино — это долгое время. Затем он произнес:

— Ты не можешь вернуться,— сказал он.

Люся кивнула.

— А он не хочет возвращаться без тебя.— Финн глубоко вздохнул, решив такую сложную задачу. Люся снова кивнула, а финн неожиданно задал вопрос: — Почему ты не вернулась раньше?

— Я старалась,— ответила Люся.

Егор слушал, как и я,— это было для нас новостью.

— Я достала велосипед и поехала к Музыкальному детскому театру.

— Такк,— сказал Арно, который, видно, не понял, почему надо ездить к театру.

— Там и есть наше окно, щель.

— Такк.— Арно кивнул. Ему было все ясно.

— Я нашла женщину, и с ней больной юноша, в коляске. Только они и могут сказать, когда это будет.

— Знаю,— сказал Арно.— Я слышал. Это есть специальные люди. Они очень ценные люди. Но окно совсем редкое. У нас теперь нет. Но дальше, где-то в Таллине, было. Там есть все это.

— В Таллине есть другое окно? — зачем-то спросил я. И подумал, что это первая ценная информация, которую я смогу привезти отсюда.

— Они очень хранят его. И правильно.— Арно сидел, вытянув культи и привалившись спиной к своей корзине.— Это есть опасно. Нельзя, чтобы все путалось. Мы уже умерли. Может, давно. Я умер в восемнадцатом году. Я был военный летчик. Я воевал с красными под Виипури. Потом я попал в плен, и под Новый год я ждал расстрела. Я давно умер. У меня новая жизнь.

— У вас все иначе? — спросил я.

— У нас есть цивилизация,— уверенно ответил Арно.— Это любопытно. Земля еще не открыта. Мы открываем ее. Если ты отнесешь мой журнал в Петербург или Хельсинки, то за мной придут люди и увезут меня. И мне сделают новые ноги. Протезы. И я снова полечу.

Он говорил просто и медленно, чтобы мы поняли.

Он замолчал, и Люся продолжила свой рассказ:

— Когда я договорилась с Соней и возвращалась на вокзал, меня захватили бандиты. Меня стерегли, я не могла убежать. А дни там, на нашей Земле, бежали. И я не знала, сможет ли Егор пробиться ко мне. А если сможет, найдет ли он меня?

— Если бы он добрался до Киевского вокзала,— сказал Кюхельбекер, который незаметно подошел к нам,— я бы сказал ему, кто и где тебя прячет, императрица. Ведь мы планировали экспедицию. И не успели.

— Я вас не знаю,— сказал Арно не двигаясь. Он смотрел на высокого костлявого министра, и тот ему не нравился.

— Меня можно и не знать,— сказал Кюхельбекер,— а вот я о вас все знаю. Вы воздухоплаватель с Запада. Ваш полет кончился здесь. И если бы мы победили, я бы вас допросил — нам очень важно знать ситуацию на Западе. Так как я — министр империи и ведаю ее безопасностью.

— Империи нет? — спросил Арно.

— Куда она денется! — ответил Кюхельбекер.— Под тем или иным названием она выживет. Куда ты денешь несколько сот человек, которые населяют эти края и которым нужна власть, защита и угнетение? Обратите внимание, с какой скоростью ветераны вылезли из своих нор, когда вы зарезали нашего императора. И прогнали вас.

— Не нас,— ответил Арно.— Мы здесь такие же пленники, как и вы, господин.

Кюхельбекер положил мне на плечо невесомую сухую руку и отвел в сторону.

— Послушайте,— сказал он,— я думаю, что у нас с вами могут быть общие интересы.

Он сделал паузу, ожидая моей реакции. Я молчал.

— Я человек пожилой и физически слабо развит. Вы же молоды и сильны. И вам и мне нужно выбраться отсюда. Помогите мне, и я вам помогу.

— А как вы мне поможете? — спросил я.

— Я вас провожу до университета, я покажу, где живет Соня, я помогу вычислить, когда открывается щель — ведь я уже много лет курирую это направление.

— Вы не Кюхельбекер,— сказал я.— Кто вы такой?

— Ах, не тратьте времени даром,— сказал Кюхельбекер.— Я был комкором. В тридцать седьмом за мной должны были прийти. Вы найдете здесь немало таких же.

— А зачем вам псевдоним?

— Я не знаю, чья рука и когда захочет до меня дотянуться.

— Вы хотите сказать...

— Я ничего не хочу сказать,— оборвал меня Кюхельбекер.— Но наша Земля невероятно велика, сотни лет, если не тысячи, она наполнялась людьми, которым не нашлось места у вас. Что я о ней знаю? Лишь немного больше этого чудака-путешественника. Так вы согласны бежать со мной?

— Согласен, но я должен поговорить с Егором и Люсей.

— Разве они не остаются здесь?

— Все так сложно...

— В сущности, все так просто,— ответил комкор и пошел прочь. Он не стал отходить далеко, а гулял по окружающей лежащей на земле оболочки воздушного шара.

Я подошел к моим спутникам.

— Кюхельбекер предлагает свою помощь,— сказал я,— в поисках Сони и отверстия.

— А что ему нужно взамен? — сразу спросила Люся.

— Чтобы мы помогли ему бежать отсюда. Он боится, что разбойники его догонят.

— И правильно боится,— сказал финн.— Они молодые и дикие. А меня брать не надо. Мне везде плохо. Я лучше останусь у оболочки шара. Если меня будут искать, они увидят сверху и возьмут меня.

— Иди с Гариком,— сказала Люся Егору.— Я вас провожу. А потом, наверное, останусь у Сони.

— Нет, я от тебя не уйду,— упрямо произнес Егор.

— Ну сколько можно, милый,— сказала Люся, гладя его по руке.— Это самоубийство. Хватит уж меня. Оставайся жив. Ты потом наведишь меня. А я не изменюсь. Я буду жить у Сони и ждать — сначала ты передашь мне записку, а потом приедешь меня навестить. Разве я плохо решила?

Она отчаянно старалась не заплакать.

Кюхельбекер, которому надоело ждать, подошел к нам.

— Когда вы отправляетесь? — спросила Люся.

— Сейчас,— сказал Кюхельбекер.

— Уже? — Люся вдруг испугалась.— Нет!

— В сущности, нам все равно, когда это сделать,— сказал Кюхельбекер.— Но лучше сейчас, пока бандиты заняты своими делами. Мы не знаем, что этот Веня придумает через полчаса.

Люся вдруг вцепилась в Егора. Она стояла совсем близко, так что ее грудь касалась его тела. Она стала шептать ему, думая, что никто не слышит:

— Егорушка, ты останься, ты потом их догонишь. Ты, пожалуйста, задержись, ты должен... ты извини, что я сама тебе это говорю, ты должен полюбить меня. Я же никогда ни с одним мужчиной еще не была, я себя для тебя берегла. Ты со мной побудешь, ну сколько хочешь, и сразу пойдешь за ними. Это недолго, честное слово, я знаю, но я не могу остаться так... Я же твоя женщина. Ну не уходи сразу!

— Курат,— негромко сказал Арно.— Курат.

Наверное, он услышал. Да и все слышали.

Но что ты тут скажешь? Скажешь — идите, ребята, мы подождем? Как это скажешь? Ведь для Люси это сейчас самая главная в ее жизни и, может быть, единственная тайна?

— Егорушка,— шептала она, касаясь губами уголка его губ.

Егор отстранил ее.

— Гарик,— сказал он.— Я думаю, что вы там, в институте, скоро пришлете человека. Скорее всего, это будешь ты. Главное — понять, может ли человек вернуться. Ты меня понимаешь? Пускай в следующий раз привозят хоть целую лабораторию.

— Егор! — закричала Люся.

— погоди, Люська,— сказал Егор.— Ты мне скажи, ты как едешь в город? На Комсомольский? Веня говорил, что ты в магазин едешь.

— На велосипеде.

— И второй можно найти?

— Еще бы.

— Вот и отлично,— сказал Егор.— Мы ждем здесь месяц.

— Лучше не здесь,— посоветовал Кюхельбекер.— А напротив, в домике Пыркина. Там у них есть убежище. И велосипеды там спрячете.

— Правильно,— поддержала Люся.— Пыркин — мой друг.

Она повернулась к Арно.

— Молодой человек,— сказал воздухоплаватель Егору.— Вы возьмете мой журнал и отвезете в Петербург. И возьмите у меня схему пути. Я там пометил поселения и всякие нужные места.

— Нет,— сказал Егор.— Не сейчас. Только если Гарик не сможет вернуться. Мы ждем месяц.

— Егор, да послушай ты меня наконец! — закричала Люська.

— А сейчас мы пойдем к реке,— сказал Егор.— С тобой, Арно, мы не прощаемся.

— Это правильно. Не надо прощаться. Мы еще увидимся,— сказал финн.

Егор вел Люську за руку. Она все вырывала руку, но как-то несмело, как будто вдруг поняла, что все решает сейчас Егор. Может, потому, что ему есть что терять. Она уже потерпела поражение в войне со временем...

— Теперь, с вашего позволения, команду я,— сказал Кюхельбекер.— Я лучше знаю обстановку. Мы все расходимся. Так, чтобы сойтись к пристани с разных сторон. Если мы пойдем группой, мы слишком заметны.

Он был прав. Я пошел направо.

Егор спросил Люсю:

— Тебе что-нибудь надо взять в своей комнате?

На несколько секунд Люся задумалась, как бы мысленно припоминая свои вещи.

— Тут знаешь, что удобно,— сказала она.— Ничего человеку не надо. А если понадобится, то можно найти магазин. Только, Егорушка, еще раз подумай.

— Хватит. Я решил,— сказал он.— Все в порядке...

По знаку Кюхельбекера они пошли левее, Кюхельбекер направился прямо к лодке.

Никого не было вокруг, словно наступила сиеста.

Потом я увидел бандита, который сидел на земле у входа во Дворец спорта и копался в лежащей на коленях куртке. Вшей он там, что ли, искал?

Я старался изображать гуляющего бездельника, не знаю, как это смотрелось со стороны. Краем глаза я видел, как Кюхельбекер широко шагает к речке. Он раньше меня дошел до парапета и стал смотреть на воду. Где-то еще левее должны были идти Люся и Егор.

В сущности, до реки было недалеко, и я уж подумал, что, может, наш побег пройдет незамеченным. Но давно известно, что нельзя расслабляться. Как только ты решаешь, что все обошлось и тебя уже сегодня не вызовут к доске, как голос учительницы доносится через весь класс: «Гагарин, попросу к доске».

Мои ноги незаметно двигались все быстрее, и я почти бегом выскочил на пристань речных трамваев и еле успел остановиться наверху. Одна лодка лежала на причале, две другие были привязаны и покачивались на незаметной волне, а вот четвертая — видно, ее унесло и опрокинуло — как раз в этот момент причаливала. Один из бандитов выскочил на причал, чтобы привязать ее, второй сушил весла.

Я стоял прямо над ними.

Слева, облокотившись на парапет, замер Кюхельбекер, а Люси с Егором не было видно — они еще не подошли.

Бандит увидел меня и сказал:

— Чего смотришь, лодки не видал? — Он был молод, и его круглое мучнистое лицо было усыпано веснушками.

— Помочь? — спросил я.

— А чего помогать?

Он сложил весла и выпрыгнул на причал. Второй бандит уже завязал узел.

Они поднимались наверх и прошли совсем рядом.

— Ты чего здесь стоишь? — спросил веснушчатый. — Сбежать решил?

— А тебе что за дело?

— У нас порядок, — сказал бандит. — Не ошивайся здесь, а то с атаманом Веней шутки плохи.

Он провел ребром ладони по горлу и засмеялся.

Они медленно пошли прочь. Я не двинулся.

Слева подходили Люся с Егором. Появление бандитов было для них полной неожиданностью, и, вместо того чтобы продолжать гулять вдоль парапета, они резко остановились.

Это вызвало подозрение у бандита.

— Смотри, — сказал он, — сколько их здесь накопилось.

Кюхельбекер правильно сделал. Он повернулся и пошел прочь, заглядывая вниз через парпет. Ребята стояли как вкопанные.

Бандиты чувствовали неладное. Но им лень было предпринимать что-то.

Они уходили, порой оборачиваясь.

Когда они отошли метров на пятьдесят, я увидел, что из Дворца вышел Веня в сопровождении Григория Михайловича и одной из женщин. Он тоже увидел меня и поднял руку, то ли призывая, то ли приветствуя.

Видно, самым разумным было тогда пойти к Вене, поговорить с ним и вернуться к лодкам через час. Но мы все уже были заряжены бегством. Внутри сидел азарт, напряжение, которое не позволяло остановиться и разойтись. Именно этот кураж заставил меня, вместо того чтобы подчиниться Вене, кинуться по ступенькам вниз и начать распутывать узел. Пока я возился с ним — узлы всегда сопротивляются, если ты спешешь их развязать, — я услышал четкие частые шаги по лестнице — Кюхельбекер оказался

рядом со мной. Он прыгнул в лодку и сел на банку. И тут же начал устанавливать весла в уключины.

— Ну где же Егор с Люсей?

Вот и они. Они сбегают вниз, а за ними, буквально в пяти шагах, бежит веснушчатый разбойник — он первым сообразил, что нас надо ловить.

Узел наконец-то поддался моим усилиям, и веревка упала на доски причала.

— Прыгай! — крикнул я Люсе, потому что мне показалось, что она оробела и медлит.

Люся прыгнула, лодка закачалась. За Люсей пошел было Егор, но остановился — одной ногой на носу лодки, второй — на причале. Он не хотел меня бросать.

— Да иди ты! — крикнул я. — Не мешай.

Веснушчатый сбегал по лестнице и ринулся ко мне.

В руке у него был хорошо заточенный нож. Финский нож из моего хулиганского детдомовского детства.

Но именно воспоминание о детстве и позволило мне перехватить его несильную руку и вывернуть ее так, что нож упал на причал. Я подхватил нож. И был рад — заимел оружие. Я не намеревался им пользоваться, но я мог его при случае показать.

Пока я поднимал нож, бандит снова кинулся на меня, я отшвырнул его дальше, и Егор, оказавшийся у него на пути, толкнул бандита в сторону; громко плеснула вода — бандит упал в воду.

Но сверху бежал еще один.

— Держись! — крикнул я Егору и, сунув нож за ремень, сильно толкнул лодку. Так сильно, что сам еле-еле успел упасть на нос — ноги наружу — и сшиб Егора, который упал внутрь. Лодка опасно закачалась, и Кюхельбекер принялся ругаться, вспомнив, видно, как скакал в кавалерийскую атаку в отряде Буденного.

Лодка пошла от берега. Кюхельбекер зачерпнул слишком глубоко, но уже со второго гребка он принялся работать быстро и уверенно.

Егор присел за моей спиной, рядом с девушкой.

На лестнице появились другие бандиты. Они были возбуждены, веселы, как будто их пригласили поиграть мальчишки из соседнего двора.

Вот и Веня. Он остановился сверху и машет руками.

— У вас что, огнестрельного оружия нет? — спросил я.

— Оно сюда почти не попадает, — откликнулся Кюхельбекер. — Не знаю почему.

В руках у Вени был пистолет. Он держал его двумя вытянутыми руками, как шериф из Сан-Франциско.

Пуля взбила фонтанчик воды.

— Лавируй, — крикнул я. — Из всякого правила бывают исключения.

Кюхельбекер гребанул правым веслом, лодка вильнула. Щепка отлетела от борта и ударила меня по щеке.

Нас подхватило течением, и с каждой секундой мы уходили все дальше.

Бандиты возились у двух других лодок.

— Вас сменить? — спросил я.

— Смени. — Кюхельбекер тяжело дышал.

— Я сам, — сказал Егор.

Он переполз, поменявшись местами, на место Кюхельбекера и принялся гребти быстрее.

Мы почти достигли земли, когда первая из двух лодок отчалила от вражеского берега.

Мы не могли пристать прямо к берегу: над нами нависал обрыв — набережная была облицована гранитом. Мы стали двигаться дальше, к Метромосту, где склон спускался к воде.

Там уже бегали две фигурки — я знал, что это Пыркин и Партизан. У бытовки, которую я тоже знал по рассказам Егора, стояла женщина, а у самой воды носился Жулик.

— Жулик! — закричала Люся. — Сейчас я к тебе приеду!

В первой лодке, которая уже отвалила и догоняла нас, стоял на носу Веня. Он все так же держал пистолет.

И вдруг я понял, что именно сейчас, вот в эту минуту, он убьет Люсю. И вся наша история кончится нелепой трагедией.

Я кинулся на Люсю, свалив ее на дно, и Егор закричал: — Ой, черт! — И отпустил весло.

Я не стал объяснять ему, что пуля летела в Люсю и я предчувствовал это. Но я не мог остановить пулю в воздухе.

— Кюхля! — крикнул я. — Возьмите весла.

Егор прижал руку к плечу, кровь лилась между пальцами. Люся кинулась к нему, но пользы от нее было ни на грош.

Кюхля безжалостно толкнул Егора в спину, и тот упал на руки Люсе.

— Веня! — закричал я. — Перестань стрелять! Я тебя собственными руками задушу. Понимаешь?

Мой голос пробился сквозь крики, которые неслись с бандитских лодок.

И тут наша лодка ткнулась носом в берег — здесь набережная шла в полуметре над водой. Лодку развернуло. Пыркин и Партизан, ничего не спрашивая, помогли Кюхельбекеру вылезти на берег, вместе с ним вытащили Егора. Затем последовала Люся, которая пыталась поддержать Егора и всем мешала, а затем я выскочил на берег и сильно оттолкнул лодку от берега.

— Ты идти сможешь? — спросил я у Егора.

— Постараюсь, — сказал он.

— Дуся! — крикнул Пыркин. — Салфетки принеси!

— Какие салфетки? — удивилась женщина, которая не отходила от бытовки.

— Белые, чистые. Перевязать.

— У меня голова кружится, — сказал Егор, будто просил прощения.

— Сколько их? — спросил я Кюхельбекера.

— Семь человек. Вооружены.

— У тебя оружие есть? — спросил я Пыркина.

— Ни в коем случае, — сказал тот. — Если найдут, то голову отвинтят. Подтвердите, господин Кюхельбекер. Нам ведь не положено.

Обе лодки противников приближались к берегу. Бандиты кричали и суеились, будто главной их задачей было перекричать друг друга.

— Тогда вам надо в убежище,— сказал Пыркин.— Вы ж помните.

— Далеко до него? — Я вспомнил, что и в самом деле шесть лет назад они уже там прятались.

— Они же за это всех остальных людей здесь убьют. Вы уйдете с нами,— сказал Кюхельбекер.

— Тогда пошли,— сказал я.— Только уходим все. И все вооружаемся. К счастью, мы живем в каменном веке и технология ничего не решает.

— Как вооружаться? — послушно спросил Пыркин, изможденный человек с лицом алкоголика из интеллигентов, в черном пальто без рукава и в оранжевой измазанной рубаше.

— Там арматура есть! — закричал широкоплечий карлик Партизан.— Мы им покажем. Я им за Марфуту припомню.

Я забыл, кто такая Марфута и почему надо припоминать. Но готовность сражаться меня порадовала.

Люся хотела перевязать плечо Егору, но тот ответил ей неубедительно, но достойно:

— Погоди, Люсь, у меня же левое плечо. А сражаюсь я правой.

— Тем более! — настаивала Люся.— Это очень близко к сердцу.

Партизан побежал наверх, к бытовке, видно, за оружием.

Я думал, как нам лучше воевать. У Вени есть пистолет — правда, я не был уверен, что у него достаточно патронов. У бандитов ножи и сабли. Это более опасное оружие, чем наша арматура или дубинки. Мы как бы представляем различные эпохи в развитии человечества. Мы — троглодиты, они — вандалы.

Если мы будем отступать по горе, они нас догонят, и обороняться на открытом месте трудно. А дойти до театра, сражаясь, просто невозможно.

— Давайте в бытовку! — закричал я. — Все в бытовку.

Так я загнал нашу армию в маленькую крепость, кое-как обшитую железными листами. Но в бытовке окна расположены высоко и в них не пролезешь, а дверь стандартная, ее может защищать один человек.

Егор шагал в гору широко, но его пошатывало. Люся придерживала его, но Егор отстранял ее руку.

Я вытащил из-за пояса нож и понял, что он для меня не оружие.

— Сможете им действовать? — спросил я Кюхельбекера.

— Славное «перо», — сказал министр. — Давай. А ты что, боишься?

Он употребил бранное слово. На его вопрос я ответил положительно.

— Мне проще саблей... или палкой.

— Понимаю, — сказал революционный комкор. — Этому учиться надо. А вот мясники сразу берут «перо» — такие из них разведчики получались, ты не представляешь.

Кюхельбекер был доволен. Ему неприятно было вооружаться палкой времен троглодитов. А кинжал — это уже настоящее оружие.

Незнакомая мне женщина — из обитательниц бытовки — бежала к Метромосту прятаться. Она не хотела воевать. Я подумал, что, знай я получше эти места, наверное, можно было бы оборудовать славные позиции среди бетонных конструкций.

В бытовку набилось много народу. Было тесно.

Старожилы — Пыркин и Партизан, императрица, министр Кюхельбекер и мы с Егором. Правда, Егора лучше отнести к женщинам — вряд ли он сможет сражаться. Хоть и хочет.

Он сел на скамейку. Люся стащила с себя белую блузку и начала снимать с Егора рубашку. Пускай, сколько-то минут у нее есть.

— Вы не думаете, что загнали нас в ловушку? — спросил Кюхельбекер.

— Пускай они нас штурмуют, — сказал я.

— А если подожгут?

— Посмотрим,— сказал я.

У нас — Пыркина, Партизана и меня — были длинные железные штыри. Тяжелое и, надеюсь, действенное оружие.

Кюхельбекер водил пальцем по острию финки, он быстро дышал, и ноздри у него раздувались — боевой конь вспомнил о сражениях.

Я подошел к двери.

И вовремя.

Нападающие подбирались к нашей крепости.

Я не сразу сообразил, что же мне это напоминает, потом вспомнил: один к одному — кадры из экранизации одного из бессмертных романов Фенимора Купера. Индейцы подбираются к бревенчатой крепости белых поселенцев. Но белые поселенцы не так просты, как кажутся,— и начинается бой!

Веня топал в строю, как настоящий командир, чуть отставая от передней линии. К моему удовлетворению, пистолета у него в руке, как говорится, не блестело. Он штурмовал нас голыми руками.

Остальные гуруны, они же могикане, сверкали саблями и кинжалами.

Они рассыпались по склону, скользя по голой и чуть влажной земле.

Жулик кинулся на них в атаку. Он полагал, что защита дома — его прямая обязанность.

Почему-то из всех врагов Жулик выбрал самого главного, Веню, и попытался тяпнуть его за ногу. Веня стал отмахиваться от него, и тут я впервые увидел — и не поверил глазам своим — цепочку привидений. Сколько Егор нам о них рассказывал!

Зеленоватые прозрачные тени покачивались, с любопытством наблюдая за нашим конфликтом. Издали они не казались страшными — некое электрическое развлечение.

Но Веня, видно, почувствовал жжение или удар током и бросился обратно.

Вот эти его метания, которые я описываю слишком подробно, заняли от силы три-четыре секунды, но внесли хаос в действия атакующих. Я получил отличную возможность спрыгнуть с крыльца и использовать очевидное преимущество перед бегущим на меня бандитом. Он и не подозревал о существовании восточных единоборств, а я увлекался ими со школьных лет и только в институте, достигнув определенных успехов, стал жалеть время на совершенствование. И хотя я многое позабыл, мне удалось достаточно эффектно, подобно Ван Дамму, взлететь в воздух, правой ногой вперед, и ударить бандита так, что до конца боя его можно было игнорировать.

Движение мое было рассчитано и на то, чтобы после столкновения с бандитом завершиться встречей с веснушчатым знакомцем, чтобы он не сообразил, кто и как его ударил.

Я успел подхватить его саблю — хорошую саблю, красивую саблю, он был недостоин такой сабли. Вторая валялась у моих ног. Она принадлежала моей первой, временно бездыханной жертве.

Я подобрал ее и, отпрыгнув к дверям нашего убежища, протянул моему основному помощнику Кюхельбекеру.

Тот саблю принял, но держал ее в левой руке — не выпуская из правой финский нож, который, как я понял, был ему больше по душе.

— Молодец, лейтенант! — сказал он мне.

Потери в рядах наших врагов были невелики, и реально они все еще превосходили нас численно.

Кюхельбекер обернулся и передал саблю Партизану.

— У-у-ух! — закричал Партизан и, оттолкнув Кюхельбекера, кинулся в бой.

Пыркин тоже вышел на крыльцо и стоял, неуверенно держа в руке железный штырь.

И вот тут началась свалка.

Мне теперь трудно вспомнить, кто с кем сражался. Для этого надо было снять все на видеопленку, а затем мотать ее на экране в замедленном темпе.

Вот клочки: Партизан сражается на саблях с бородатым черным бандитом — словно они на сцене «Гамлета», Кюхельбекер — вот это я помню — отводит руку с саблей Григория Михайловича — ну чего он, дурак, полез во взрослые игры? — и, сблизясь с ним, с каким-то наслаждением втыкает ему под ребро нож так, что рукоять упирается в плоть. И тут же вырывает нож обратно, давая возможность Григорию Михайловичу схватиться за грудь и, забормотав что-то невнятное, упасть ему под ноги. Кюхельбекер прыгает вперед, выискивая следующую жертву, а еще один пират, о нет, это разбойница, та самая, с тяжелым угорским лицом, кидается на порог, и Пыркин еле успевает поднять свою железную палку, чтобы отбить удар саблей. Я понимаю, что Пыркину не удержать второго удара, и достаю разбойницу кулаком. В ухо. Очень сильно. Она падает как подкошенная.

Видно, у меня такая роль — подбирать сабли. Правда, я делаю это вполне сознательно. Я уже знаю, что мы в этой битве народов победим, потому что в наших рядах есть по крайней мере три человека с опытом рукопашного боя — Кюхельбекер, Партизан и я, а разбойники — шайка хулиганов, совершенно необученных и непривычных встречать сопротивление. Так что чем больше оружия мы соберем, тем дольше они будут собирать следующую экспедицию за нами. Мне не хотелось, чтобы в этой войне убивали. Это явно противоречило целям моей научной экспедиции. Но остановить Кюхельбекера я не мог — иначе бы сам получил финкой в бок. В этом опасность случайного подбора союзников. Кюхельбекер убивать умел и любил.

Остались два разбойника. Еще один сражался с Партизаном, и Партизан его никак не мог одолеть. Я хотел было также свалить его без оружия, но меня неожиданно опередил Пыркин. Еще не опомнившись толком после своей схватки с разбойницей, он вдруг завопил: «Атанда!» — вспомнив слово из древнего дворового лексикона, и кинулся на помощь Партизану. Он раскроил разбойнику щеку, пошла кровь, хотя рана была неглубокой,

разбойник завыл и побежал прочь. И этот вой послужил сигналом к бегству оставшемуся разбойнику и Вене, который до того в битву не вступал, ожидая благоприятного развития событий.

Подошло время считать раны, потери и трофеи.

У нас: один раненый более-менее серьезно — Егор. Он так и не принял участия в бою, потому что бессильно лежал на лавке. За время краткого боя Люся перевязала его и остановила кровь.

Партизан был ранен легко, даже не заметил этого в пылу боя, — у него было рассечено предплечье. Ничего страшного. Он даже гордился этой раной. Наконец-то бой и победа. И это понятно — маленькая бытовка была аванпостом империи. И ее жители находились в постоянном страхе перед бандитами. Время от времени бандиты совершали набеги и убивали или калечили кого-то из них.

Пыркин тоже был счастлив. Он ходил вокруг бытовки, размахивал саблей, вел себя словно пьяный, а Жулик не понимал, в чем дело и почему некоторые люди лежат на земле, прыгал вокруг них, нюхал кровь и лаял с визгом. А когда разбойница очнулась и на четвереньках поползла к реке, побежал рядом, тявкая.

— Пошли, — решил я. — Они обязательно вернутся. Может быть, Партизану и Пыркину пойти с нами?

— И не думай! — возопил Партизан. — Мы же теперь вооруженные!

— Погодите, Георгий, — сказал Кюхельбекер. — Эти люди — мои подчиненные. Они берегут форпост.

— Это точно, — согласился Пыркин.

— Веня не посмеет повторить нападение. Он не так глуп, как вы думаете, — добавил министр.

— Я не думаю, что он глуп, но он уже захватил ваш вокзал и убил императора.

— Зачем ему возвращаться сюда? Он же знает нашу цель — Детский театр. Если он и повторит нападение — то на театр. Но, насколько я знаю, людей у него осталось —

кот наплакал. Несколько человек он потерял на площади Киевского вокзала, других — здесь. Остальные банды его не будут теперь поддерживать. Больше того, боюсь, что ему придется биться за жизнь с бывшими союзниками, а то и с собственными бандитами. Так что забудь пока о нем.

Я понял, что Кюхельбекер прав.

Мы попрощались с гарнизоном бытовки. Меня больше всего беспокоило, дойдет ли Егор до университета. Егор твердил, что дойдет. Он стыдился того, что не принял участия в сражении. Это было глупо.

Он поднимался медленно, хотя старался превозмочь боль и слабость.

— Ничего, — говорила Люся, — дома тебя быстро вылечат. Там врачи настоящие.

Егор не спорил с ней больше. Мне казалось, что он смирился с неизбежной разлукой. Мы по очереди поддерживали Егора.

Тропинка сначала шла довольно круто, но затем мы вышли на асфальт Воробьевского шоссе, и сразу стало легче идти.

Мы несколько раз останавливались отдохнуть. Впрочем, ощущение вневременья охватывало уже и меня — в сущности, куда спешить?

— Ты отлично дерешься, — сказал Кюхельбекер. — Тебя в армии учили?

— Восточные единоборства. Не слышали?

— Это уже без меня. Но я бы хотел, чтобы ты у меня в армии вел курс. Мне нужна профессиональная армия.

— Вы хотите восстановить империю?

— Как бы она ни называлась — она все равно будет, и в ней будут нужны солдаты. В этом суть человеческой природы.

По земным меркам мы шли до университета часа два. Музыкальный театр остался слева. Справа тянулся металлический забор новой территории университета.

Нам повезло.

Не пришлось топать до библиотеки. Соня шла нам навстречу, катя коляску. Одной рукой она толкала ее, в другой держала книгу, которую читала на ходу.

Первой ее заметила Люся и побежала к ней.

— Соня, Сонечка, как хорошо, что мы тебя встретили!

Соня близоруко шурилась, но потом всех узнала.

Мы стояли возле забора университета — чуть сзади вдались возвышались причудливые грани фасада Музыкального театра.

— Как понимаешь, мы по вашу душу, — сказал Кюхельбекер. — Давай сверим с тобой наши таблицы. Как поле? Есть надежда вскоре увидеть окно?

— Окно близко, — сообщила Соня. — Оно должно скоро открыться. Поэтому мы и пошли гулять. А вдруг встретим кого-то, кто спешит?

Она смотрела на Люсю.

— Спасибо, — сказала Люся.

— Нам нужно возвратиться домой. — Я показал на Егора. Вид у того был мужественным, как у генерала после Бородине.

Мы отошли к ограде, и Кюхельбекер вытащил какие-то листочки бумаги с цифрами. Примитивная система контроля здесь существовала. Соня водила пальцем по таблицам. Они сблизили головы, как заговорщики.

— Я сейчас высчитаю, когда будет следующая связь, — сказал Кюхельбекер. — Сейчас я дам тебе список того, что мне нужно. Я же тебе передам, как и прежде, драгоценности.

Он принялся составлять список.

— Неужели вы не боитесь, — спросил я, — что ветераны, если они теперь правят империей, не позволят вам остаться министром или кем-то у власти?

— Без сомнения, — сказал Кюхельбекер. — Моя задача найти тех, кто поможет мне править и не обращать внимания на тех, кто будет выступать с речами.

— А мне они показались непримиримыми коммунарами,— сказал Егор.

— Теперь о бартере,— продолжал я.— Давайте ваш список, я его возьму, и мы посмотрим, что сможем для вас достать. Но в ответ мы просим не драгоценности, а возможность принять меня или кого-то еще из нашего института.

— Это нежелательно,— сказал Кюхельбекер.

— Почему?

— Пока ветераны у власти... не стоит дразнить гусей. Но как только положение стабилизируется, я тут же вам дам знать. Возвращайтесь. Мы с вами неплохо ладили.

Я знал, что никогда не буду ладить с этим комкором, хотя бы потому, что я видел, как умер Григорий Михайлович, бандит поневоле или, может быть, бандит-меломан — не знаю уж, как точнее... Уж очень хорошо Кюхельбекер умел пользоваться финкой.

По тротуару со стороны метро быстро шел нескладный маленький человечек, он махал левой рукой, а в правой нес чемоданчик, какие бывают у водопроводчиков.

— Доктор! — закричала Люся, как будто увидела лучшего друга.

Она побежала к нему.

— Леонид Моисеевич! — воскликнул Кюхельбекер.— Вот не ожидал. Как вам удалось?

— А я ушел из дворца, как только начались события,— сказал доктор.— Вы знаете, когда появляются бандиты, то в первую очередь режут масонов и евреев. А так как я единственный общепризнанный еврей в этом государстве, то я предпочел уйти. К тому же у меня есть одна идея. Я должен просить об одолжении того, кто намерен вернуться обратно.

— Вы не узнали меня, Леонид Моисеевич?

— Егор? — обрадовался доктор.— Это замечательно! Ты вернулся!

— Нет,— ответила Люся.— Я не могу этого позволить.

— Разумеется,— сказал доктор.— У нас опасно долго оставаться.

— Вы меня не поняли, доктор,— возразил Егор.— Я остаюсь здесь! Навсегда!

— Егор, ты сошел с ума! — Люся словно не сразу поняла его.

А я знал, что Егор уже решил. Порой я чувствую людей. И я чувствовал, что, кто бы и как бы ни уговаривал Егора, он останется с Люсей. Даже если это означает выбор между всем живым миром и одной девушкой. Это было безумие. Я мог лишь преклоняться перед этим парнем и даже завидовать ему.

— Неразумно,— сказал Кюхельбекер.

— Значит,— спросил доктор, который ничему не удивлялся,— обратно пока возвращаетесь только вы?

— Значит, так,— сказал я.

— Тогда отойдем в сторону. У меня к вам есть сугубо конфиденциальный разговор.

Мы отошли в сторону, и никто на это не обратил внимания, потому что Кюхельбекер занимался с Соней расчетами, Люся ругала, проклинала, умоляла своего Егора, а Егор редко и почти лениво отвечал...

Доктор убедился, что нас никто не слышит.

— У каждого естествоиспытателя бывают сумасшедшие идеи,— сказал он.— У меня тоже есть идея. Как вы знаете, если человек поживет здесь больше недели, его кровь не-обратимо изменяет свой состав. Вы слышали?

— Да, я слышал.

— Но я не знаю, откуда возникло такое убеждение и каким образом его проверяли. Может быть, проверяли. Но вы — первый образованный человек оттуда, с которым я могу говорить. Так вот: здесь у меня,— он поднял чемоданчик,— образцы крови. Тут моя кровь, кровь Сони и Дениса. А также, простите, моча. Я надеялся, что вы попытаетесь вернуться сегодня же... Соня мне обо всем рассказывала. Я умоляю вас — немедленно отвезите нашу кровь в лабораторию и проведите анализ. Кстати, не за-

будьте и свою кровь — вы тоже у нас пробыли около суток. Вы меня поняли?

— Вы гений, — искренне сказал я. — Вы замечательный ученый.

— Я не гений и не замечательный ученый. Однако я сохранил остатки любознательности, а это очень много для врача.

— Я не знаю, как вас отблагодарить...

— А я знаю. В следующем обмене пришлите мне паровоз и вагончики для железной дороги, рельсы — шестнадцать миллиметров. Вы запомнили? Шестнадцать миллиметров.

— Обязательно, — сказал я.

Мы вернулись к остальным.

— Пора идти, — сказал Кюхельбекер. — Пожалуй, нам повезло. В течение двух часов, может, немного больше...

Егор присел у забора.

— Ты что? — спросил я.

— Плохо мне, — сказал он. — Если доктор пойдет к себе, я — с ним.

— Нет! — закричала Люся.

— Хватит, — сказал Егор. — Хватит. Раз и навсегда. Ты моя жена. Поняла?

— Он остается, — сказал я.

— Он остается, — сказал Кюхельбекер, — я таких навиделся. А если раскается, тебе, императрица, об этом не скажет. Хотя ты у нас — вдовствующая императрица. Тогда придется дать молодому человеку титул. Как насчет графа? Граф Чехонин тебя устраивает? Учти, что я теперь и.о. императора. Но добрый.

Мы обнялись с Егором. Он сказал:

— Позвони маме. Наври ей о секретной экспедиции...

Потом я поцеловался с Люсей. Она ревела в три ручья и измочила меня слезами.

Егор положил руку на плечо доктору.

Они медленно пошли к университету.

Егор остановился, посмотрел на меня и сказал:

— Не забудь главного: мы будем ждать вас здесь месяц. Если никто не придет — мы поедем в Петербург. Там, говорят, есть нормальные люди.

— Хорошо, — ответил я. И подумал: как же он отсчитает месяц?

Потом они втроем пошли вдоль забора к университетской библиотеке, а мы повернули налево, к театру.

В театре нам пришлось ждать долго, часа три, не меньше. Чтобы не потерять ощущение времени, я старался считать до тысячи, я сбивался, отвлекался на разговоры. Кюхельбекер вдруг начинал задавать вопросы, в основном о современной армии. Его забавляли наши поражения в Чечне.

Было пыльно, сумрачно, единственная свечка, зажженная Соней, которая при ее свете умудрялась читать, робко трогала желтым светом вертикальные полосы кулис.

— В следующей посылке, — говорил комкор, — желательно лично для меня включить справочник по форме одежды российской армии. Я слышал, что для генералов армии ввели одну большую звезду на погонах. Почему? Ведь так они уравниваются в форме с маршалами? Тогда я не представляю, как вы намерены отличать маршала от генерала армии. Ну как?

Я не задумывался об этом. Среди моих знакомых не было ни одного маршала. Хотя вот завелся комкор.

— Вопрос второй — остались ли сапоги в парадной форме? Нет-нет, не отворачивайтесь, Георгий. Постарайтесь вспомнить. Мне это принципиально важно...

Заныл, зашевелился Денис.

— Что? — спросил я. — Он чувствует?

— Нет, — сказала Соня. — Он пить просит.

Из кармана своего широкого платья она достала бутылочку, вытащила пробку и дала Денису. Он начал с удовольствием хлюпать, пить, совсем как грудной ребенок. Соня погладила его по голове.

— Вы уверены, что будет окно? — испугался я. А вдруг мы так и будем сидеть неделями, месяцами в ожидании...

И тогда я тоже, как и Люся, лишусь возможности вернуться домой.

Соня поднесла свечку к глазам Дениса. Она долго вглядывалась в его глаза.

— Скоро,— сказала она наконец.

— Да и я говорю: скоро. У меня же есть таблицы,— сказал Кюхельбекер.

— А можно, я их возьму с собой? — без надежды на положительный ответ спросил я.

— У вас там тоже есть таблицы.

— Да, конечно.

Я думал, что Егору, должно быть, страшно. И наверное, хочется прибежать к нам, сюда, и вместе со мной вернуться. Самое грустное — он об этом сейчас не думает: через какое-то время он сочтет виновной во всем Люсю и не простит ей собственного самопожертвования.

— Вы можете погулять,— сказала Соня.— Еще не начинается.

— Пошли выйдем,— сказал Кюхельбекер.— Попрощаешься с нашей страной.

Мне не хотелось отходить далеко от Сони, но какая-то бравада заставила меня последовать за Кюхельбекером наружу. Впрочем, темнота закулисы тоже угнетала меня.

— Когда еще вернетесь,— сказал Кюхельбекер, стоя рядом со мной в дверях театра. Жемчужное небо бежало низко над головой, воздух был тих и неподвижен.— Я бы тоже хотел вернуться,— продолжал он. Но, наверное, это вызвано любопытством. На самом деле мне нечего делать там, у вас. Здесь же я думаю, что смогу многого достичь.

— А какие у вас планы?

— Я намереваюсь расширить империю,— сказал Кюхельбекер.

Он смотрел на меня строго. Черные глаза прятались в глубоких глазницах, занавешенных бровями. Лицо было лишено мяса, и кости норовили прорвать кожу. Отталкивающее лицо. Но я к нему уже привык.

— Вы сомневаетесь? — спросил он. — Не надо меня недооценивать. У меня есть неплохой опыт придворной жизни, я знаю, как тикает машина государства. И я буду куда более эффективным императором, чем покойный Паша, царствие ему небесное.

— А здесь есть церкви? — спросил я.

— Не у нас.

— Значит, вы знаете что-то о других местах?

— Вы же сами видели того финна.

И тут мы увидели колесницу.

Колесницей я условно назвал для себя ту телегу, на которой мы с Егором прибыли на Киевский вокзал. Только вчера в ней приехал господин Кюхельбекер, а кто ехал сейчас — я не понял.

— Смотрите, — сказал я.

В тот момент я не почувствовал тревоги. Может, потому, что эта телега в моем сознании была связана с Кюхельбекером.

Уже были видны два велосипедиста в касках и черных плащах, которыми телега была запряжена. В телеге сидели какие-то люди — издали не разберешь.

— Это мне не нравится, — сказал будущий император. — Почему они едут сюда?

— Кто это?

— Вернее всего... Какого черта ветеранам понадобилось здесь? Что они пронюхали?

— Но вы же говорили мне, что найдете с ними общий язык! — Я как будто уговаривал Кюхельбекера уладить все миром, не сорвать, только не сорвать мое возвращение. Ох, как мне захотелось домой!

— Уходите внутрь, — приказал мне Кюхельбекер. — Вас они не должны видеть. Я с ними поговорю.

— Но если они враждебно настроены, — сказал я, — может, вам тоже уйти в театр? Они же не знают, где нас искать.

— Не надо недооценивать ветеранов. Они все знают. Они живут бок о бок с нами уже сотни лет. Неужели вы

думаете, что существует хоть какая-нибудь неизвестная им тайна? Уходите,— повторил Кюхельбекер.— Вы же знаете, что они хотят прервать контакты с вашим миром.

Я послушался. Меня сейчас мало интересовали отношения внутри этих стай и шаек, главное — отпустите меня домой!

Я быстро прошел к сцене, поднялся на нее, прошел за кулисы.

— Что нового? — спросил я у Сони, которая все так же сидела с книжкой в руке.

— Пока ничего.— Она улыбнулась мне доброй вялой улыбкой.

— Там едут ветераны,— сказал я.— Вы знаете их?

— Конечно, знаю. Почему они едут?

— Они захватили власть на вокзале. Кюхельбекер встревожен. Он боится, не захотят ли они по горячим следам закрыть путь сообщения с моим миром, отягощенным пороками.

— Господи! — вдруг перепугалась Соня.— Вы же не представляете себе, какие это люди! Это же инквизиторы, честное слово. Мне Леонид Моисеевич столько о них рассказывал.

Денис застонал, забормотал. У меня в сердце зародилась слабенькая надежда, как огонек спички, который может задуть любой сквозняк.

— Что он хочет сказать? — спросил я.

— По-моему...— Соня отложила книжку и спросила Дениса: — Тебе тяжело? Тебе тревожно?

— У-у-у,— ответил Денис. Он старался поднять голову, потом начал перебирать пальцами, словно играл на фортепьяно.

Соня сунула книжку в карман своей хламиды и взялась за спинку кресла. Она каким-то образом чувствовала, куда надо везти Дениса. Кресло покатилося, и я слышал, шагая следом, как Денис то хлюпал горлом, то стонал, то старался произнести слово,— и эти звуки были для Сони понятными, потому что, прислушиваясь к Денису, она катила кресло

меж кулис, все глубже по сцене, пока не остановилась перед задней стеной театра — кирпичной, высокой, вдоль которой на высоте трехэтажного дома тянулись металлические конструкции.

Денис удовлетворенно взвыл.

— Здесь,— сказала Соня.— Сейчас начнется. А где же господин Кюхельбекер?

— Сейчас придет,— сказал я.— Он должен их задержать.

— Он всегда бывает здесь, когда открывается щель,— сказала Соня.

— Но сегодня будут встречать меня,— заметил я, расслабляясь.

Существует опаснейший закон. Не знаю, как это происходит у вас, но если я чего-то боюсь, ожидаю со страхом, то это не происходит. Но стоит мне подумать: обошлось! — как тут же я получаю удар с совершенно неожиданной стороны.

Вот и в тот момент я расслабился. Я смотрел на стену и ожидал, что в ней откроется отверстие. Я шагну в него, и на этом мои приключения закончатся.

И тут сзади послышались голоса и шум приближающейся толпы. Конечно, толпа — это преувеличение, но я был склонен к преувеличениям.

А в стене ничего не открывалось.

От тех, кто приближался, исходила настолько очевидная угроза, что я чувствовал ее на расстоянии.

— Где это будет? — спросил я Соню.

— Что будет? — не поняла она.

— Отверстие! Щель!

— Я не знаю,— сказала Соня и тоже обернулась в сторону приближающихся голосов.

Они вошли.

Странная группа. Впереди Кюхельбекер. За ним очень старая, а может, не так старая, как изношенная, женщина с большим дуэльным пистолетом, который она упирала дулом в спину Кюхельбекеру.

Затем шел человек в сутане и капюшоне, от которого на лицо падала такая густая тень, словно у человека лица и не было. В руке этот человек держал короткую трубу. Три или четыре изношенных человека держались чуть сзади.

У меня оборвалось сердце. Я знал, что эти люди пришли специально для того, чтобы уничтожить окно. Но как они это сделают?

— Не плюйте в колодец, который вам еще пригодится самим,— говорил Кюхельбекер.— Власть не отказывается от преимуществ. Я вам это говорю как ваш союзник.

— У нас нет союзников,— проскрипела изношенная женщина. Платье на ней некогда было бархатным, расширенным сложными узорами.

Денис вдруг заверещал.

— Вот ты где, исчадие ада! — Монах в капюшоне увидел Дениса и повернулся к нему.— Мы знаем, откуда исходит беда!

— Подойди ко мне! — приказала женщина, глядя на меня.

Я покорно сделал шаг.

Но тут же понял, что в закулисье становится светлее. В спину мне бьет свет, который становится все ярче.

Женщина зажмурилась.

— Бегите, Кюхельбекер! — крикнул я.

Кюхельбекер ринулся в сторону, и женщина почти сразу выстрелила в него. Но я не знаю, попала она в министра или нет, потому что за моей спиной открылась щель в мой мир. И если я не воспользуюсь моментом, я погибну здесь.

Я стал пятиться к стене и никак не мог развернуться, чтобы сделать бросок, потому что меня охватил леденящий ужас оттого, что творилось передо мной: монах в капюшоне поднял трубу, и из нее вырвался расширяющийся поток пламени. Это был огнемет. Конус пламени был направлен на Дениса и Соню. Денис пронзительно завизжал.

Я сделал движение к ним и понял, что ничем никому здесь не смогу помочь.

И тогда я кинулся, разворачиваясь в броске, к стене, в которой медленно закрывалась ослепительно светлая щель.

Монах успел развернуть огнемёт в сторону щели, и когда я пролетал сквозь отверстие, то почувствовал жгучую боль в ноге.

И тут же щель закрылась.

Возможно, навсегда.

...Я лежал возле задней стены театра.

Я сильно ушиб локоть, штанина и кроссовка на левой ноге дымились. Я был оглушен и потерян в пространстве. Я даже не знал, удалось ли мне уйти от них или нет.

То место, куда я грохнулся, было освещено двумя театральными прожекторами.

Полукругом стояла небольшая группа людей.

Сначала я услышал их голоса — радостные, возбуждённые, — потом они кинулись ко мне, и я закричал, чтобы не трогали — у меня обожжена нога!

Ко мне подбежали два амбала с носилками. Они хотели переложить меня на них, но тут откуда-то возник усатый доктор, похожий на Тараса Бульбу, и остановил их.

— Надо было что-нибудь подложить, — сказал я. — Так можно до смерти разбиться.

В тот момент я не шутил и не бравировал. Я в самом деле был сердит на них за это упущение.

Калерия присела возле меня на корточки.

— Молодец, — сказала она, — тебе несладко пришлось.

И тут у меня наступила странная, совершенно неадекватная реакция на то, что только что произошло.

Я заплакал. Я с первого класса не плакал.

Я плакал и повторял:

— Дениса убили. И Соню. Вот сейчас, только что, у меня на глазах. Они их сожгли.

— Ну успокойся,— говорила Калерия,— это шок.

Доктор Тарас Бульба протягивал ко мне шприц. Я отвел его рукой.

— Вы не понимаете,— пытался я объяснить им,— они убили Дениса, и теперь окна туда нет. И Егор будет ждать зазря... И Люська.

Тарас Бульба все же сделал мне укол, и мне стало спокойно и небольно. Я еще что-то говорил, но, наверное, полную чепуху.

Очнулся я следующим утром, в клинике. Рядом с моей кроватью сидела Катрин и ждала, когда я проснусь. На тумбочке стояли самые настоящие живые цветы.

— Доброе утро,— улыбнулась Катрин.

— Когда меня выпишут? — спросил я.

— Сегодня,— сказала Катрин.

— Как экзамены? — спросил я.

— Можешь поздравить.

— Поздравляю...

— Ты чего молчишь?

— Я думаю, каково им там.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ЕГОР ЧЕХОНИН	5
Часть вторая. ГАРИК ГАГАРИН	145
Часть третья. ЛЮСЯ ТИХОНОВА	226
Часть четвертая. ГАРИК ГАГАРИН	305

К ЧИТАТЕЛЯМ!
*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б
Издательство АРМАДА*

Булычев Кир
Б 90 **Старый год:** Роман.— М.: АРМАДА, 1998.— 410 с.:
ил.— (Кир Булычев. Фантастический цикл «Театр теней».)
ISBN 5-7632-0782-3

«Старый год» — второй роман из цикла «Театр теней». Его сюжет построен на допущении существования рядом с нашим иным миром, где время остановилось, и потому там не существует смерти.

Юные герои, Егор и Люся, попадают туда тем же сказочным образом, как и прочие его обитатели,— не пожелав перейти в новый год со всеми остальными обитателями нашей Земли.

Они переживают невероятные приключения в империи Киевского вокзала и чудом вырываются обратно, воспользовавшись секретным переходом между мирами.

К расследованию жизни того мира подключается Институт экспертизы и главный герой первого романа «Вид на битву с высоты» Гарик Гагарин. Он многое узнает о мире мертвого времени и благополучно возвращается в лабораторию.

Зато Егор и Люся, попавшие в тот мир вторично, вынуждены в нем остаться.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84 (2Рос=Рус)6-445я5

РЕДАКЦИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ
И ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

КИР БУЛЫЧЕВ
Фантастический цикл
«Театр теней»

Кир Булычев
(Игорь Всеволодович Можейко)
СТАРЫЙ ГОД
Роман

Заведующий редакцией
И. В. Новиков

Художественный редактор
Н. Г. Безбородов

Технический редактор
Л. В. Сеницына

Компьютерная верстка
П. Э. Кутепов

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бум. кн.-журн. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,63. Тираж 10000 экз.
Изд. № 3209. Заказ № 2685.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

Всем, кто любит и ценит юмор!

Самые веселые, самые смешные, самые уморительные
произведения фантастического жанра вас ждут
в новой серии

БИБЛИОТЕКА ЮмористическоЙ ФАНТАСТИКИ

Новая серия рассчитана как на знатоков и ценителей хорошей фантастики, так и на любителей веселых и в то же время умных книг. Наряду с лучшими, классическими образцами юмористической фантастики, вышедшими из-под пера таких мастеров, как Фредрик Браун, Генри Каттнер, Аркадий и Борис Стругацкие, Клиффорд Саймак, Роберт Шекли, Кир Булычев, в серию будут включены произведения молодых писателей, успешно работающих в этом жанре.

ПЕРВЫЕ КНИГИ СЕРИИ ВЫХОДЯТ ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1998 г.:

Сборник «САМОЕ МОЩНОЕ ОРУЖИЕ»

В книгу вошли рассказы и повести 17 авторов: А. Кларка, Дж. Б. Пристли, Дж. Ганна, Р. А. Лафферти, Р. Хайнлайна, Р. Шекли, Г. Каттнера, А. Азимова, У. Тенна, Э. Ф. Расселла и др.

Генри КАТТНЕР «ХЭППИ ЭНД»

Авторский сборник, в который вошли лучшие юмористические рассказы Г. Каттнера, в том числе полные циклы о семействе Хогбенов и о чуде изобретателя Гэллере.

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на книги серии «Библиотека юмористической фантастики», отправив заявку по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бул., д.376,
издательство АРМАДА,

И з д а т е л ь с т в о

€ **АРМАДА** *представляет*

НОВЫЙ ЦИКЛ ТРИЛЛЕРОВ
О ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО

Игорь Минутко

ОККУЛЬТНЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА

Автор политических бестселлеров

«БЕЗДНА»

(миф о Юрии Андропове)

и

«В ИЮНЕ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОГО»

**продолжает приоткрывать завесы над
тайнами уходящего века.**

Серия триллеров рассказывает о борьбе отечественной и иностранных разведок в области исследований паранормальных явлений, за овладение секретами сверхъестественных способностей человека (в частности, телепатии и телекинеза). В серию войдут восемь книг. В романах использован уникальный архивный материал. Все произведения издаются впервые.

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на книги серии «Оккультные войны XX века», прислав заявку по адресу: 125499, Москва, Кронштадтский бул., д.37 б, издательство АРМАДА, с пометкой «Книга – почтой» на конверте.

ОККУЛЬТНЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА

Игорь Минутко

Книга первая

«ИСКУПЛЕНИЕ»

Конец 1996 года. ФСБ обеспокоено серией загадочных самоубийств: жертвами суицида стали известные ученые, деятели искусства... После совещания у заместителя директора ФСБ покончил с собой один из его участников. Из посмертного письма покойного следует, что на него оказывалось телепатическое воздействие.

Расследование случившегося приводит сотрудников ФСБ в лабораторию засекреченного учреждения, занимающегося разработками в области психофизических способов воздействия на человека...

В СЛЕДУЮЩИХ КНИГАХ СЕРИИ:

- ◆ «Феномен» Елены Блаватской, известной русской писательницы и теософа прошлого столетия, прославившейся сеансами спиритизма.
- ◆ Российские тибетские экспедиции 1900 – 1904 гг. Противодействие со стороны тибетцев попыткам проникновения русских в Шамбалу.
- ◆ Судьба таинственной Кольской экспедиции (1918 – 1922 гг.).
- ◆ История трех экспедиций – вторая Кольская, Крымская и экспедиция Рериха в Тибет (1926 – 1927 гг.). Противодействие со стороны английской и немецкой разведок.
- ◆ Попытка Гитлера использовать оккультные силы для победы в войне с СССР; стремление НКВД проникнуть в Шамбалу (1944 – 1945 гг.).
- ◆ Усилия китайской, английской и советской разведок по проникновению в Шамбалу (50-е годы).
- ◆ Восьмая, заключительная, книга цикла возвращает читателей к событиям, о которых рассказывает роман «Искупление».

Шамбала (Шамбхала) – мифическая страна Тибета, главный центр религиозно-мифологического учения о связи человека и космоса.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442)	37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сернал"	(8432)	35-63-34
КАЛУГА:	"Азлита"	(08422)	4-42-45
ЛЮБЕРЦЫ:	"Фома"	(095)	963-82-24
МИНСК:	магазин "Книгочей"	(0172)	36-66-45
ТУЛА:	книжный магазин	просп. Ленина, д.20	
УССУРИЙСК:	ИЧП "Матвеев"	(42341)	2-34-56

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Рест"	(095)	150-07-82
	"Колокол"	(095)	261-93-05
	"Стрела"	(095)	755-91-66
	"Тригон"	(095)	251-49-11
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812)	530-05-36
	"БИМ+"	(812)	262-44-87
БЛАГОВЕЩЕНСК	"Центрпол"	(4162)	42-62-71
ВОРОНЕЖ:	"Амиталь"	(0732)	23-00-02
ЕКАТЕРИНБУРГ:	"Полибук"	(3432)	53-87-54
КИЕВ:	"Олса"	(044)	435-52-59
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312)	36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Топ-книга"	(3832)	39-63-63
ОМСК:	"Инком-сервис"	(3812)	23-99-92
ПЕРМЬ:	"Азбука"	(3422)	64-12-26
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Эмис"	(8632)	32-87-71
САМАРА:	"Реал +"	(8462)	41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512)	36-75-10
	"РИФ-2"	(3512)	61-25-80

«КНИГА – ПОЧТОЙ»

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу: **125499, Москва, Кронштадтский бул., д.37 б, издательство АРМАДА, с пометкой «Книга – почтой» на конверте.**

Адрес издательства в INTERNET: <http://www.armada.ru>

Оформить подписку можно также по любому из адресов (г.Москва):

ул. Красная Пресня, д. 14, магазин «Пресня»	тел. 252-28-65
Дмитровское ш., д. 25, библиотека №84	тел. 976-75-09
проспект Мира, д.41, строение 1, помещение Художественного салона	тел. 280-24-06

«СТАРЫЙ ГОД» — второй роман из фантастического цикла КИРА БУЛЫЧЕВА «Театр теней»

...Ничто не удерживает их в этом мире. Их жизни разбиты, судьбы покалечены. Но есть выход! Остаться в старом году, не переходить в новый вместе с остальными обитателями Земли. И тогда — мир, где нет смерти, где время остановилось, но...

Московские подростки Егор и Люся тоже попадают в этот мир и, пережив невероятные приключения, чудом вырываются обратно. Путь их лежит в Институт экспертизы. К исследованиям загадочного мертвого мира подключается Гарик Гагарин — главный герой первого романа...

ISBN 5-7632-0782-3

